

"Темный принц"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Кристин Фихан

Темный принц

Эта книга посвящается моей матери Нэнси Кинг, которая поддерживала во мне игру творческого воображения. Моему горячо любимому мужу Ричарду, который и сейчас и всегда, и в этом мире и в следующем останется моей второй половинкой. И моему другу Кэти Фезлафф, которой нравятся герои всех моих книг и которая настаивала на том, чтобы я придумывала их и дальше.

Фихан К.

Глава 1

Он больше не мог обманывать самого себя. Медленно, с бесконечной усталостью, Михаил Дубрински закрыл книгу в кожаном переплете. Это был конец. Он больше не мог выносить это. Книги, которые он так любил, уже не скрашивали безысходность его одинокого существования. Весь кабинет был заставлен книгами — от пола до потолка вдоль трех стен. За столетия он прочел каждую, и каждая осталась в его памяти. Но книги перестали служить утешением для его разума. Они питали ум, но разрушали сердце.

Он больше не будет пытаться уснуть на рассвете, по крайней мере в исцеляющем сне обновления, он будет искать вечный отдых, и помилуй Господь его душу. Его раса была малочисленной, разрозненной, преследуемой — исчезающей. Он овладел всеми навыками, физическими и духовными, каждой новой технологией. Михаил заполнил свою жизнь искусством и философией, физическим трудом и наукой. Он знал все целебные травы и каждый ядовитый корешок. Он знал все об оружии человека, да и сам был превосходным оружием. Он остался один.

Его народ был вымирающей расой, и он подвел всех. Как вожак, он должен был найти способ спасти тех, за кого был в ответе. Слишком много мужчин оборачивались [1], продавая души и становясь нежитью от отчаяния. У них было слишком мало женщин, чтобы раса продолжала существовать, чтобы выйти из тьмы, в которой они пребывали. У них больше не осталось надежды. По своей сути мужчины были хищниками, в них росла и ширилась тьма, пока наконец они не переставали испытывать эмоции и продолжали существование в сером холодном мире. Каждый должен был найти свою пропавшую вторую половинку, Спутницу жизни, которая навсегда вернет ему свет.

Его захлестнула печаль. Запрокинув голову, он вложил в крик всю свою боль, подобно раненому животному, которым, в сущности, и был. Он больше не мог выносить этого одинокого существования.

Дело не в том, что вы остались в одиночестве, а в том, что вы испытываете одиночество. Человек может быть одиноким и в толпе, вы так не думаете?

Михаил замер, и только то, что его бесстрастные глаза настороженно мигали, говорило: хищник почувствовал опасность. Он сделал глубокий вдох, резко закрывая свое сознание, в то время как все его чувства обострились, стараясь обнаружить злоумышленника.

Но он был один. Он не мог ошибиться. Он был самый старый, самый могущественный и самый хитрый. Никто не смог бы пробить его защиту. Никто не смог бы приблизиться к нему без его ведома. Это его заинтересовало, и он повторил слова, вспоминая, какой был голос. Говорила

женщина, молодая, умная. Он позволил своему сознанию слегка приоткрыться, исследуя тропу и разыскивая ментальные [2] отпечатки.

Я нахожу это вполне возможным, согласился он.

И обнаружил, что задержал дыхание в ожидании ответа. Человек. Кто это, черт возьми? Он был заинтригован.

Иногда я отправляюсь в горы, где остаюсь наедине с собой в течение нескольких дней и недель, — и я не одинока, однако на вечеринке, окруженная десятками людей, я более одинока, чем когда-либо.

У него засосало под ложечкой. Ее голос, наполнивший его сознание, был мягкий, музыкальный, а его невинность вызывала желание. Михаил уже несколько столетий не испытывал ничего подобного, его тело не нуждалось в женщине. Но теперь, слушая ее голос, голос человеческой женщины, он был поражен: огонь побежал у него по жилам.

Как вам удастся говорить со мной?

Я сожалею, что обидела вас.

Он мог отчетливо осознавать, что именно это она и имела в виду, он мог ощущать ее сожаление.

Ваша боль была такой острой, такой ужасной, что я не могла не откликнуться. Я подумала, что вы, возможно, захотите поговорить. Смерть — не ответ на несчастье. Думаю, вы знаете об этом. Но я замолчу, если вы этого захотите.

Нет!

Его протест прозвучал как команда, властный приказ, который отдают, зная, что он немедленно будет исполнен.

Он почувствовал ее смех прежде, чем звук достиг его сознания. Мягкий, беззаботный, манящий.

Вы привыкли к тому, что окружающие подчиняются вам беспрекословно?

Совершенно верно.

Он не знал, как заставить ее рассмеяться снова. Это захватило его. Чувства. Эмоции. Их становилось все больше, пока они не завладели всем его существом.

Вы европеец? Богатый и очень, очень высокомерный.

Он понял, что улыбается на ее поддразнивания. Он никогда не улыбался. Особенно последние лет шестьсот или даже больше.

Все так и есть.

Он ждал, когда снова раздастся ее смех, и желание его услышать было так же непреодолимо, как желание наркомана во что бы то ни стало отыскать наркотик.

Когда смех наконец раздался, он был низкий, удивленный и такой ласковый, словно чьи-то

пальцы прикасались к его коже.

А я американка. Вода и масло, вы так не считаете?

Он определил ее местонахождение. Она была не так уж далеко от него.

Американские женщины всегда могут научиться хорошим манерам.

Он произнес это нарочито замедленно, заранее предвкушая ее реакцию.

Вы действительно высокомерны.

Он полюбил ее смех, он смаковал его, ощущая всем телом. Вдруг он почувствовал, как она стала вялой и зевнула. Это еще лучше. Он послал ей легкий ментальный толчок, очень деликатный, чтобы она уснула и он мог изучить ее.

Прекратите!

Она среагировала быстро — отпрянув с обидой и подозрительностью. Она отступила и захлопнула дверь в свое сознание так быстро, что он поразился: она оказалась слишком ловкой и сильной для своего возраста, для человека. Она — человек. Он был уверен в этом. Так же как, не глядя на часы, знал, что до рассвета оставалось ровно пять часов. Не то чтобы он не мог выдержать первые или последние лучи солнца... Просто он проверил ее психическую защиту, осторожно, чтобы ее не побеспокоить. Слабая улыбка появилась на его четко очерченных губах.

Его тело — твердые мускулы и нечеловеческая сила, — замерцал, растворилось, превращаясь в тусклый кристаллический туман и просачиваясь сквозь дверь в ночной воздух. Капли собрались воедино, превращаясь в большую крылатую птицу. Она огляделась, сделала круг и понеслась по темному небу — безмолвная, смертоносная, прекрасная.

Михаил полностью отдался во власть полета — ветер обдувал его тело, ночной воздух разговаривал с ним, шептывая секреты и донося запах дичи, человека. Он безошибочно пошел по слабому ментальному следу. Так просто. И все-таки он чувствовал, как вскипает кровь. Человек — молодой, полный радости жизни человек, ментально с ним связанный. Человек — полный сострадания, ума и силы. Смерть и вечные муки могут подождать до следующего дня, а пока он удовлетворит свое любопытство.

Гостиница была небольшая и стояла на краю леса, там, где начинались горы. Внутри было темно, и только в одной-двух комнатах и, может быть, в холле мягко горел свет. Люди отдыхали. Он приземлился на балкон перед окнами ее номера на втором этаже и замер, сливаясь с ночью. Ее спальня оказалась одной из тех комнат, где горел свет, а значит, она не могла лечь спать. Его темные горящие глаза нашли ее через оконное стекло — нашли и заявили на нее свои права.

Она была тонкокостная, с прекрасной фигурой, очень тонкой талией и роскошными волосами цвета воронового крыла, которые ниспадали по спине, уводя взгляд к округлым ягодицам. У него перехватило дыхание. Такая изящная, прекрасная, кожа подобна атласу, невероятно большие глаза насыщенного синего цвета, окаймленные густыми длинными ресницами. Ничто от него не ускользнуло. Белоснежная кружевная ночная рубашка облегла ее тело, подчеркивая бедра и полную грудь, оттеняя обнаженную шею и матовые плечи. У нее были маленькие ступни, маленькие руки. Так много силы в таком миниатюрном теле.

вернуться

1

Имеется в виду, что мужчины превращались в вампиров, представляющих угрозу всему живому. (Здесь и далее примечания переводчика.).

вернуться

2

В парапсихологии «ментальный» означает «связанный с сознанием человека, отражающий особенности его души».

Она расчесывала волосы, стоя у окна и глядя в него невидящим взором. На ее лице застыло отсутствующее выражение, пухлые губы плотно сжаты. Он мог почувствовать терзающую ее боль и отчаянное желание выспаться, но сон не приходил. Вдруг он понял, что следит за расческой. Ее руки двигались так естественно, но в этих бесхитростных движениях было столько чувственности. Его тело, принявшее вид птицы, напряглось. Он поднял лицо к небесам в благодарственной молитве. После многовекового бесстрастного существования радость от самой возможности испытывать чувства была безмерной.

При каждом движении расчески ее грудь вздымалась, и было видно, что грудная клетка у нее узкая, а талия — тонкая. Кружево прилегалo к телу, открывая темный V-образный треугольник в месте сочленения ног. Его когти глубоко вонзились в перила, оставляя на мягком дереве длинные царапины. Михаил не мог оторвать взгляд. Она была такая грациозная и соблазнительная. Он заметил, что неотрывно глядит на ее нежную шею, где бьется пульс. Его. Внезапно он очнулся, тряхнув головой.

Синие глаза. Синие. У нее были синие глаза. Только теперь он осознал, что может различать цвета. Яркие, насыщенные цвета... Он застыл как вкопанный. Этого не может быть... Мужчины теряют способность видеть какой-либо цвет, кроме грязно-серого, почти одновременно с эмоциями. Этого не может быть... Только Спутница жизни может вернуть эмоции и цвета в жизнь мужчины. Карпатские женщины были светом в темноте мужчин. Его вторая половинка... Без нее монстр внутри его постепенно поглотит мужчину, и он окончательно погрузится во тьму. Но карпатские женщины перестали рожать будущих Спутниц жизни. Несколько оставшихся могли производить на свет только мальчиков. Положение казалось безнадежным. Человеческих женщин нельзя было обратить — вскоре после этого они сходили с ума. Хотя такие попытки были. Эта человеческая женщина не может быть его Спутницей жизни...

Михаил видел, как она выключила свет и легла. Он почувствовал движение в своем сознании, как будто кто-то что-то искал.

Вы не спите?

Ее голос прозвучал нерешительно.

Вначале он не хотел отвечать: ему стало не по себе оттого, что, оказывается, ему нужно так много. Он не мог позволить, чтобы все вышло из-под контроля, он не хотел рисковать. Никто не

был властен над ним. И конечно, не дочка какого-то американца — маленькая женщина, у которой сил больше, чем здравого смысла.

Я знаю, вы меня слышите. Я прошу прощения за навязчивость. Я поступила опрометчиво, и такое больше не повторится. И кстати, не пытайтесь снова испытывать на мне свою силу.

Он был рад, что принял вид другого создания, поскольку не мог не улыбнуться. Она не знала, что это была за сила.

Я не обиделся.

Он старался говорить нежно и уверенно. Он должен был ответить, это было сильнее его. Ему хотелось услышать звук ее голоса — мягкий шепот, скользящий в сознании, словно прикосновение пальцев.

Она перевернулась и, поправив подушку, потерла виски, словно у нее болела голова. Рука легла поверх тонкой простыни. Михаилу захотелось дотронуться до этой руки, ощутить теплую шелковистую кожу.

Почему вы стараетесь контролировать меня?

Это не был простой вопрос, как бы она ни пыталась это скрыть. Он почувствовал, что каким-то образом обидел ее, расстроил. Она то и дело поворачивалась с боку на бок, словно в нетерпении ждала любовника.

Сама мысль о другом мужчине рядом с ней привела его в ярость. Чувства пробудились через сотни лет. Пронзительные, ясные, сосредоточенные.

Это в моей природе — все контролировать.

Ему было весело и радостно, но в то же время он прекрасно сознавал, что сейчас от него исходит еще большая опасность, чем когда бы то ни было. Власть нуждается в контроле. Чем меньше эмоций, тем легче ее удержать.

Не пытайтесь меня контролировать.

В ее голосе прозвучало что-то такое, что он понял это лучше, чем слова. Словно она знала: он представляет для нее угрозу. Что, в сущности, так и было.

Но если контроль в моей природе, малышка?

Он увидел ее улыбку, и она словно заполнила в нем пустоту, запечатлелась в его сердце и легких, заставив кровь забурлить.

С чего вы взяли, что я маленькая? Я большая, как дом.

Я должен поверить в это?

Смех прозвучал в ее голосе, в ее мыслях и задержался в его крови.

Я устала, поэтому примите мои извинения еще раз. Я получила удовольствие от нашей беседы.

Но?..

Он хотел, чтобы она продолжала.

До свидания.

Это был конец.

Михаил взлетел, высоко воспарив над лесом, который пронесся под ним. Они не простятся сейчас. Он не допустит этого. Он не может позволить, чтобы это произошло. От нее зависит его дальнейшее существование. Что-то — кто-то — вызвало в нем интерес, желание жить. Она напомнила ему, что в мире существуют такие вещи, как смех, что можно жить полной жизнью, а не влачить жалкое существование.

Пролетая высоко над лесом, он впервые за много столетий любовался прекрасным видом. Покачивались ветки деревьев, лунный свет проникал сквозь кроны и окрашивал серебром речушки. Как прекрасно было все вокруг! Он получил бесценный дар. Человеческая женщина каким-то образом подарила ему все это. А она была человеком. Если бы она принадлежала к его расе, он бы мгновенно это понял. Может ли один ее голос сделать то же самое и для других мужчин на грани отчаяния?

Под защитой своего дома он двигался с давно забытой стремительностью. Он думал о ее нежной коже, представлял, как это — почувствовать ее под своей ладонью, под своим телом, и какова она на вкус. У него перед глазами были ее шелковистые волосы, скользящие по его разгоряченному телу, ее уязвимое горло, открытое и возбуждающее. Его тело неожиданно напряглось. Физическое влечение, которое он не испытывал с тех самых пор, как стал взрослым, принесло с собой дикую, требовательную и неослабевающую боль. Пораженный силой своего желания, Михаил постарался взять себя в руки. Он не мог позволить себе испытывать подлинную страсть. Это обескураживало: оказывается, он собственник, смертельно опасный в гневе и своем желании защитить. Он не мог разделить свои чувства с человеком — это было слишком опасно.

Эта женщина привыкла к свободе, она была достаточно сильной для смертной, и она будет сопротивляться его природе на каждом шагу. Ведь он не человек. Он принадлежал к расе существ, в которых животные инстинкты закладывались задолго до рождения. Лучше удовлетворить свое любопытство, держась от нее подальше. Прежде чем спуститься в спальню, он тщательно запер все двери и окна и сильными чарами обезопасил свое жилище от возможного проникновения. Эта комната была защищена даже от самой большой опасности. Если он захочет прекратить свое существование, это будет его собственный выбор. Он лег на кровать. Глубоко под землей, не нуждаясь в ее исцеляющей силе, он мог наслаждаться смертельно надоевшим комфортом. Он закрыл глаза и замедлил дыхание.

Но тело отказалось повиноваться. Перед ним была она, ему представлялись самые откровенные сцены. Он видел ее, лежащую на кровати, — ее обнаженное тело под белыми кружевами и руки, протянутые к любовнику. Он тихо выругался. И представил, что ею овладевает не он, а другой мужчина. Человек. И его охватила ярость. Холодная и беспощадная.

Кожа как атлас, волосы как шелк. Его рука немного дернулась. Картина, возникшая в сознании, была потрясающе правдоподобной. Он не упустил ни одной детали, запомнил даже цвет лака, которым были покрыты ногти на ее ногах. Своими сильными руками он обхватил ее тонкие лодыжки, ощущая ее нежную кожу. От этого у него перехватило дыхание, и от предвкушения напряглось все тело. Его ладонь скользнула по ее голени, поглаживая и

соблазняя, и двинулась выше — к колену, к бедру.

Михаил точно определил момент, когда она проснулась, поскольку ее тело горело, словно в огне. Ее смятение и страх вошли в него. Неторопливо, чтобы показать, с кем она имеет дело, его ладонь скользнула между ее бедер, поглаживая, лаская.

Прекратите!

Ее тело жаждало его, его прикосновения, обладания. Он мог слышать сумасшедший стук ее сердца, ощущать силу ее внутренней борьбы.

Другой мужчина дотрагивался до тебя вот так?

Он шептал в ее сознание с темной беспощадной чувственностью.

Черт вас возьми, перестаньте!

Похожие на жемчужины крупные слезы заблестели на ее ресницах, в ее сознании.

Я хотела помочь вам, только и всего. Я же извинилась.

Его рука двинулась выше, потому что он хотел этого, нашла тепло и шелк, крошечные завитки, охраняющие сокровище. Его рука собственнически накрыла треугольник между ее ног, проникая во влажное тепло.

Ты ответишь мне, малышка. У меня еще достаточно времени, чтобы прийти к тебе и поставить на тебе свою метку, чтобы овладеть тобой, вкрадчиво предупредил он. *Ответь мне.*

Почему вы так поступаете?

Не надо играть со мной.

Теперь его голос был хриплым и грубым от сдерживаемого желания. Его пальцы двинулись дальше, исследуя, отыскивая ее самую чувствительную точку.

Я с тобой очень, очень нежен.

Но вы прекрасно знаете, что я отвечу «нет», прошептала она расстроено.

Он закрыл глаза, стараясь успокоить разбушевавшегося демона, который наносил болезненные удары по его телу.

Спи, малышка, сегодня ночью тебя никто не потревожит.

Он разорвал контакт между ними и обнаружил, что его тело затвердело, напряглось и покрылось потом. Было слишком поздно, чтобы останавливать монстра, живущего внутри его и рвавшегося на свободу. Голод сжигал его, пожирая изнутри, в голове стучали отбойные молотки, пламя лизало кожу и нервные окончания. Чудовище вырвалось на свободу, смертельно опасное, голодное. Он и правда был с ней нежен, ведь она, хоть и непреднамеренно, освободила монстра. И он надеялся, что она действительно так сильна, как он думал.

Михаил закрыл глаза, испытывая ненависть к самому себе. Много веков назад он понял, что в

этом нет никакого смысла. И сейчас он тоже не собирался с этим бороться. Он почувствовал не просто сильное влечение, это было нечто большее. Что-то на самом примитивном уровне. Что-то глубоко внутри его взывало к чему-то глубоко внутри ее. Может быть, она страстно желала его дикости, а ему были нужны ее смех и сострадание. Но имело ли все это какое-нибудь значение? Нет, ни для одного из них спасения не было.

Он еще раз нежно прикоснулся к ее сознанию, прежде чем закрыть глаза и позволить дыханию остановиться. Она молча плакала, а ее тело все еще испытывало желание после его мысленного прикосновения. Обида и смущение добавились к головной боли. Недолго думая, без всякой причины он обнял ее своими сильными руками, поглаживая шелковистые волосы и окружая теплотой и утешением.

Я сожалею, что напугал тебя, малышка. Это была моя ошибка. Засынай, ты в безопасности, пробормотал он у ее виска, скользя губами по ее лбу и нежно касаясь ее сознания.

В нем он уловил странные фрагменты, словно она использовала телепатические способности, чтобы разобраться в чем-то больном и запутанном разуме. Словно в ее сознании были свежие открытые раны, которые нужно исцелить. Она была слишком истощена предыдущими ментальными сражениями, чтобы бороться с ним. Он дышал вместе с ней, за нее — медленно и часто, выравнивая ее сердцебиение до тех пор, пока она не расслабилась, не стала сонной и вялой. Он заставил ее уснуть, прошептав приказ, и ее ресницы медленно опустились. Они уснули одновременно — она в своем номере, Михаил в своей спальне.

Стук в дверь вырвал ее из глубокого сна. Рейвен [3] Уитни увидела плотный туман, который заставлял ее глаза закрыться, а тело при этом становилось вялым. Ее охватил страх. Было такое ощущение, словно она напилась. Рейвен впилась глазами в будильник на ночном столике и резко села. Семь часов вечера! Она проспала целый день! Рейвен медленно опустилась на кровать, чувствуя себя так, словно долго шла через зыбучие пески. И снова раздался стук в дверь.

Этот звук эхом отдался в ее голове, отразившись в висках.

— Да?

Рейвен постаралась, чтобы голос казался спокойным, хотя сердце бешено колотилось.

Она попала в беду. Ей надо быстро собраться и уехать. Но она знала, что это бесполезно. Не она ли выследила четырех серийных убийц по ментальному следу? А этот человек гораздо могущественнее ее. Истина заключалась в том, что ее заинтересовал человек с такими же особенностями психики, что и у нее. Она никогда не встречала кого-то похожего на себя. Ей хотелось остаться и поучиться у него, но он оказался слишком опасным — так небрежно он пользовался своей силой. Надо установить дистанцию, и лучше размером с океан, чтобы действительно почувствовать себя в безопасности.

— Рейвен, вы в порядке?

В мужском голосе, который это сказал, сквозило беспокойство.

Джейкоб. Она встретила Джейкоба и Шелли Эванс — брата и сестру — прошлой ночью в столовой, когда они только сошли с поезда. Они путешествовали в группе туристов из восьми человек. Но Рейвен так устала, что разговор не клеился.

Рейвен приехала в Карпатские горы, чтобы побыть в одиночестве, восстановиться после последнего сурового испытания — она выслеживала жестокого серийного убийцу по его запутанному сознанию. Ей не нужна была компания туристов, но Джейкоб и Шелли все равно ее разыскали. С какой легкостью она бы выбросила их из своих мыслей.

— Я в порядке, Джейкоб, но только, кажется, подхватила грипп.

Она постаралась сказать это как можно убедительнее. Да она и правда чувствовала себя далеко не хорошо. Дрожащей рукой Рейвен провела по волосам.

— Я просто очень устала. Ведь я и приехала сюда, чтобы отдохнуть.

— Разве мы не собирались пообедать вместе?

Вопрос прозвучал так уныло, что это ее расстроило.

Рейвен не нравилось, когда ее заставляли что-то делать, и последнее место, куда она хотела сейчас попасть, — это столовая, где было столько людей.

— Мне очень жаль, может быть, в другой раз.

У нее не оставалось времени на вежливость. Как она могла допустить такую ошибку прошлой ночью? Она всегда была так осторожна, избегала любых контактов, никогда не дотрагивалась до другого человека, никогда не приближалась.

Просто от этого незнакомца исходила такая боль, такое одиночество, что она всем своим существом поняла: он тоже обладает телепатической силой, его одиночество еще больше, а боль так сильна, что он думает покончить с собой. Она знала, что такое одиночество. Знала, каково это — быть другим. Поэтому и не удержалась: ей захотелось помочь ему, если это в ее силах. Рейвен потерла виски, но терзающая ее головная боль не стала слабее. У нее всегда раскалывалась голова после телепатии.

Заставив себя подняться, она медленно прошла в ванную. Ему каким-то образом удастся контролировать ее и при этом не дотрагиваться. Это пугало. Никто не может быть настолько могущественным. Она включила душ на полную мощность, чтобы непрерывно льющаяся вода смыла с нее липкую паутину его власти.

Она приехала сюда отдохнуть, очистить свой разум от дьявольского зловония, снова ощутить себя здоровой и целостной личностью. Она была истощена как психически, так и физически. Рейвен вздернула подбородок. Этот новый противник не запугает ее. Она — воплощенное самообладание и порядок. На этот раз она сможет уйти, поскольку ни одна невинная душа не была поставлена на карту.

С вызывающим выражением на лице она натянула потертые джинсы и связанный крючком джемпер. Как она поняла, он принадлежит Старому Свету и не одобрит ее американскую манеру одеваться. Она быстро собрала вещи, беспорядочно сбрасывая одежду и косметику в потрепанный чемодан, — так быстро, как только могла.

Но когда она сверилась с расписанием, то пришла в смятение. В ближайшие два дня не будет ни одного поезда. Она могла бы очаровать какого-нибудь мужчину, чтобы он увез ее отсюда, но это значит, что придется оставаться в замкнутом пространстве автомобиля в течение долгого времени. Хотя это, может быть, меньшее из двух зол.

вернуться

3

Рейвен (Raven) переводится с английского «цвета воронового крыла». Именно такого цвета волосы у героини.

Вдруг она снова услышала мужской смех, низкий, удивленный, дразнящий.

Ты пытаешься сбежать от меня, малышка.

Рейвен упала на кровать, сердце заколотилось. Его голос напоминал черный бархат, он сам по себе был опасен.

Не надо льстить себе, хвастун, Я — туристка, значит, я путешествую.

Она заставила свой разум оставаться спокойным, даже когда почувствовала ласковое прикосновение его пальцев к своему лицу. Как он это делает? Ласка была невесомой, но она ощутила ее всем телом, вплоть до кончиков пальцев на ногах.

И куда ты думаешь отправиться?

Он лениво потянулся, его тело было свежим после сна, а разум был более живым от испытываемых эмоций. Он наслаждался перепалкой с ней.

Дальше от вас и ваших странных игр. Возможно, в Венгрию. Мне всегда хотелось побывать в Будапеште.

Маленькая лгунья. Ты собираешься вернуться в свои Соединенные Штаты. Ты играешь в шахматы?

Она вытаращила глаза.

Шахматы?

Мужские забавы иногда просто бесят.

Шахматы. Да. Так как, играешь?

Конечно.

Сыграй со мной. Сейчас?

Она стала заплетать в косу свои тяжелые волосы. В его голосе было что-то пленительное, гипнотизирующее. Что-то, что трогало ее душу, но повергало в ужас сознание.

Но сначала я должен поесть, да и ты голодна. Я чувствую твою головную боль. Иди пообедай, встретимся в одиннадцать.

Ни за что. Я не хочу встречаться с вами.

Ты боишься.

Это было сказано с очевидной насмешкой.

Она рассмеялась, отчего все его тело охватил огонь.

Хотя время от времени я и совершаю глупые поступки, но я отнюдь не дура.

Скажи мне, как тебя зовут.

Это был приказ, и Рейвен почувствовала непреодолимое желание ему подчиниться.

Она постаралась очистить свое сознание, стереть с него все, словно с грифельной доски. Это было больно, точно острые иглы пронзили ее голову, заставив ее внутренне сжаться. Он не получит силой то, что она могла бы дать ему по собственной воле.

Почему ты продолжаешь сражаться со мной, когда знаешь, что я сильнее? Ты сама себя ранишь, тратишь силы, а победа все равно будет за мной. Я же чувствую, чем тебе приходится платить за наше общение. И я могу добиться от тебя покорности другими средствами.

Почему вы используете силу, чтобы чего-то добиться от меня, хотя могли бы просто попросить?

Она почувствовала его замешательство.

Мне жаль, малышка. Я привык получать то, что хочу, почти без усилий.

И не тратьте сил на такую простую вещь, как вежливость?

Иногда это более чем целесообразно.

Она смяла подушку.

Вам стоит что-то сделать с вашим высокомерием. Если вы обладаете властью, это еще не значит, что нужно выставлять ее напоказ.

Ты забываешь, что большинство людей не могут обнаружить ментальные воздействия.

Но это не оправдание, чтобы лишать человека свободы выбора. И как бы то ни было, речь идет не о «воздействиях» — вы отдаете приказы и требуете полного подчинения. Это намного хуже, потому что люди превращаются в стадо овец. Это ведь ближе к правде?

Ты сделала мне выговор.

Только эта мысль осталась на поверхности его сознания, словно он утратил свое мужское превосходство над ней.

Не пытайтесь надавить на меня.

Теперь в его голосе зазвучала угроза, это была тихая скрытая опасность.

Я не буду «пытаться», малышка. Будь уверена, я смогу добиться от тебя уступчивости.

Тон его голоса был одновременно и шелковистым, и безжалостным.

Вы похожи на испорченного ребенка, требуя своего.

Она поднялась, прижимая подушку к своему протестующему животу.

Я собираюсь спуститься вниз в столовую. У меня начинается страшная головная боль. А вам совету ю охладить свой пы л, опустив голову в ведро с водой.

И она не лгала — от попытки противостоять ему на его уровне ей стало плохо. Она осторожно направилась к двери, опасаясь, что он может остановить ее. Она будет чувствовать себя в безопасности среди людей.

Пожалуйста, малышка, скажи свое имя.

Это было сказано с серьезной любезностью.

Рейвен вдруг поняла, что улыбается.

Рейвен. Рейвен Уитни.

Вот что, Рейвен Уитни, ешь, отдыхай. Встретимся в одиннадцать за партией в шахматы.

Контакт резко оборвался. Рейвен медленно выдохнула, прекрасно понимая, что должна бы испытать чувство облегчения, но никак не утраты. Самое настоящее обольщение звучало в его гипнотическом голосе, его смехе на протяжении всего их разговора. Она чувствовала то же одиночество, что и он. Ей не хотелось думать, почему ее тело оживает от одного прикосновения его пальцев. Вспыхивает. Желает. Требуется. И это только от одного прикосновения его сознания. Обольщение было больше, чем просто физическим, — чем-то глубоким, естественным, чем-то, что она не могла объяснить. Он словно дотронулся до ее души. Его желание. Его темнота. Его ужасающее, неотступное одиночество. Она тоже желала всего этого. Нуждалась в ком-то, кто бы понял, каково это — быть такой одинокой, такой испуганной, что даже дотронуться до другого существа, приблизиться к нему слишком близко не можешь. Ей нравился его голос — в нем и утонченность Старого Света, и забавное мужское высокомерие. Интересно, что он знает? И что он может?

Ее руки слегка дрожали, когда она открывала дверь в коридор. Ее тело снова принадлежало ей, двигалось легко и плавно, подчиняясь ее воле. Она сбежала по ступенькам и вошла в столовую.

Занятых столиков, конечно, было намного больше, чем прошлой ночью. Обычно Рейвен по возможности сторонилась общественных мест, предпочитая избегать усилий по защите своего разума от нежелательных эмоций. Но она сделала глубокий вдох и вошла.

Джейкоб взглянул на нее с доброжелательной улыбкой и поднялся, словно ожидая, что она сядет за их стол. Рейвен заставила себя улыбнуться в ответ, не представляя, как сейчас выглядит: невинной, волнующей, абсолютно недостижимой. Она пересекла комнату, поприветствовала Шелли, и ее представили Маргарет и Гарри Саммерс. Соотечественникам-американцам. Она постаралась, чтобы ее лицо не выдало поднявшейся в ней тревоги. Поскольку Рейвен прекрасно знала, что ее фотография была напечатана почти во всех газетах и ее даже показывали по телевидению в ходе расследования последнего дела об убийствах. Она не хотела быть узнанной, не хотела возвращения того кошмара, который ей пришлось пережить, исследуя извращенное мужское сознание. Не было более отвратительной темы для разговора за ужином.

— Садись здесь, Рейвен.

Джейкоб элегантно отодвинул для нее стул с высокой спинкой.

Осторожно, стараясь избегать физического контакта, Рейвен позволила себя усадить. Это был самый настоящий ад — находиться в непосредственной близости от такого количества людей. Даже будучи ребенком, она страдала от воздействия эмоций, излучаемых окружающими. Она едва не сошла с ума, прежде чем научилась ставить защиту. Это работало, пока боль или разочарование не становились слишком сильными или пока она не прикасалась к другому человеку. Или, как сейчас, когда находилась рядом с очень сильным дьявольским разумом.

Прямо во время беседы, которая журчала вокруг, среди людей, казалось бы неплохо проводивших время, Рейвен вдруг ощутила знакомые признаки перенапряжения. Словно осколки стекла впились в голову, а в животе все протестующе перевернулось. Она не могла съесть ни кусочка.

Михаил вдохнул ночной воздух, медленно пересекая городок в поисках того, в чем нуждался. Нет, это была не женщина. Он не смог бы вынести женского прикосновения к своей коже. Он проснулся в опасно сильном сексуальном возбуждении и был очень близок к обращению. Он мог потерять самообладание. Поэтому лучше, если это будет мужчина. Он с легкостью двигался вперед среди людей, отвечая на приветствия тех, кто его знал. Все уважали его, с ним считались.

Споткнувшись позади молодого человека — он подходил ему по сложению и силе, а запах его тела свидетельствовал о здоровье, и в венах бурлила жизнь, — после непродолжительной и ничего не значащей беседы Михаил мягко отдал приказ, дружески обхватив свою жертву за плечи. И в глубокой тени, склонив голову, он отлично утолил голод. Он был осторожен и старался держать свои эмоции под жестким контролем. Этот молодой человек ему понравился, он знал его семью. Он не мог совершить ошибку.

Первая волна страданий ударила как раз в тот момент, когда он поднял голову.

Рейвен.

Он бессознательно устремился к ней, нежно дотрагиваясь своим сознанием до ее сознания и стараясь убедить себя, что она все еще с ним. Встревоженный, он быстро закончил свое дело, освобождая молодого человека из-под своего влияния и внушая ему продолжение разговора. Дружески смеясь, он непринужденно принял рукопожатие и поддержал собеседника, когда у того слегка закружилась голова.

Михаил открыл свое сознание, сосредоточившись на связывающей их нити, и последовал по ней. Прошли годы с того момента, когда он пользовался этим способом в последний раз, и навыки почти забылись, но он смог увидеть то, что хотел. Рейвен сидела за столом в окружении двух пар. Внешне она выглядела прекрасной и безмятежной. Но он знал, что это не так. Он смог ощутить ее замешательство, невыносимую боль, поселившуюся в голове у этой женщины, ее желание подняться и сбежать от всех. В ее глазах — цвета сапфира — сквозила боль, лицо побледнело. Напряжение. Он поразился, какой сильной она оказалась. И дело было не в телепатии — никто, кроме него, даже обладая телепатическими способностями, не смог бы понять, какую боль она испытывает.

А потом мужчина, который сидел рядом, наклонился вперед, глядя ей прямо в глаза. На его лице застыло желание, и глаза светились страстью.

— Пойдем пройдемся, Рейвен, — предложил он, а его рука, скользя под столом, задержалась на ее колене.

И сразу же головная боль, мучившая Рейвен, увеличилась во сто крат, почти раскалывая череп и вызывая резь в глазах. Она выдернула свою ногу из-под ладони Джейкоба. Внутренний демон подпрыгнул, взревев от ярости, и вырвался на свободу. Михаил еще никогда не испытывал такой ненависти, как в эту минуту. Она захлестнула его, подчиняя себе, становясь им. Кто-то мог причинить ей боль, так небрежно, даже не сознавая, что делает, и не задумываясь об этом. Кто-то осмелился дотронуться до нее, когда она так уязвима и беззащитна. Этот человек осмелился положить на нее свою руку. Он с шумом пронесся по небу, и прохладный ветер только раздул его ярость.

Рейвен ощутила силу его гнева. Воздух в комнате стал наэлектризованным, на улице поднялся ветер и превратился в вихрь. Ветви деревьев барабанили по стенам, а ветер угрожающе стучал по стеклам. Несколько официантов столкнулись на бегу, испуганно всматриваясь в беззвездную ночь, которая вдруг опустилась на город. Комната погрузилась в неестественную тишину, словно все одновременно задержали дыхание.

Джейкоб стал задыхаться, обеими руками хватаясь за горло, словно стараясь оторвать сдавившие его железные пальцы. Лицо Джейкоба покраснело, покрылось пятнами, глаза выкатились. Шелли закричала. К ним подбежал молодой официант, чтобы помочь. Стоявшие поблизости люди вытягивали шеи, стараясь рассмотреть, что происходит.

Рейвен старалась оставаться спокойной, несмотря на резкую слабость. Эмоции вокруг нее были слишком сильными, чтобы она могла остаться невредимой.

Отпусти его.

Ответом ей была тишина. Несмотря на усилия официанта, который отчаянно отработывал на нем прием Геймлиха [4], Джейкоб упал на колени, губы у него посинели, а глаза вылезли из орбит.

Пожалуйста, я прошу тебя, пожалуйста. Отпусти его. Ради меня.

Неожиданно Джейкоб сделал глубокий вдох, как-то страшно поперхнувшись, мучительно и неприятно. Его сестра и Маргарет Саммерс присели с ним рядом, в их глазах стояли слезы. Рейвен машинально сделала движение в их сторону.

Не дотрагивайся до него!

Это был жесткий приказ без всякого ментального воздействия, и это пугало больше, если бы он применил свою силу.

Рейвен окружали эмоции, исходившие от всех присутствующих. Боль и ужас Джейкоба. Страх Шелли, беспокойство хозяйки гостиницы и потрясение американских туристов. Все эти эмоции буквально сбивали ее с ног, на которых она и так уже еле держалась. Но именно от его всепоглощающей ярости голову словно пронзали сотни иголок. В животе все переворачивалось и сжималось, и Рейвен, почти согнувшись пополам, отчаянно искала глазами дамскую комнату. Если хоть кто-нибудь дотронется до нее, чтобы помочь, она просто сойдет с ума.

— Рейвен.

Голос был теплый, чувственный, ласковый. Спокойствие в эпицентре бури. Черный бархат.

Красивый. Успокаивающий.

Любопытство заставило замолчать всех, кто был вместе с ней в столовой, когда туда вошел Михаил. Он был воплощением высокомерия и абсолютной власти. Высокий, темноволосый, мускулистый. Его глаза горели огнем, в них была темнота и тысяча секретов, что немедленно привлекало к нему внимание. Эти глаза могли загипнотизировать и очаровать, как и голос. Он двигался так стремительно, что официанты спешно уступали ему дорогу.

— Михаил, для нас такая честь, что вы присоединились к нам, — Хозяйка гостиницы задохнулась от удивления.

Он бросил на женщину беглый взгляд, скользнув глазами по ее пышной фигуре.

— Я пришел за Рейвен. Мы договорились встретиться сегодня вечером, — сказал он мягко, но властно, и никто не рискнул ему возразить. — Она предложила сыграть партию в шахматы.

Хозяйка гостиницы кивнула головой, выдавливая улыбку.

— Желаю хорошо провести время.

Рейвен покачнулась, схватившись за живот. Ее сапфировые глаза стали огромными. Но прежде чем она успела двинуться с места, он оказался прямо перед ней, протянув руки.

Не надо.

Она закрыла глаза, боясь его прикосновения. Она почти на пределе, она не сможет вынести столько чужих эмоций, а тем более прикосновений.

Но Михаил не колеблясь подхватил ее на руки, прижал к груди и с каменным лицом понес прочь. За его спиной послышался взволнованный шепот.

Рейвен напряглась, ожидая обострения всех ощущений, но он закрыл свое сознание, и все, что она почувствовала, — это какие сильные у него руки. Он вынес ее в ночь, передвигаясь легко и плавно, словно она ничего не весила.

— Дыши, малышка, это поможет, — сказал он с удовлетворением, но тепло.

Рейвен послушалась совета, слишком изнуренная, чтобы сопротивляться. Она приехала в эти дикие, глухие места, чтобы исцелиться, но вместо этого чувствует себя еще более разбитой, чем прежде. Осторожно приоткрыв глаза, она посмотрела на него сквозь длинные ресницы.

Его волосы цвета темных кофейных зерен, того же тона, что эспрессо, были завязаны в длинный хвост. Властное лицо ангела и дьявола одновременно, чувственный и несколько жестокий рот, полуприкрытые глаза обсидианового оттенка, ледяные, магнетические. Она не могла прочесть его, не могла ощутить его эмоции или услышать его мысли. Такого с ней прежде не случалось.

— Отпустите. Я чувствую себя глупо — вы меня несете, словно какой-то пират.

Большими шагами он уносил ее в лесную чащу. Ветки покачивались, шелестели кусты. Ее сердце трепетало. Она сделала усилие, чтобы отпрянуть, но это было бесполезно.

Он посмотрел на нее, как на добычу, не замедлив шага, ничего не ответив и не обратив ни малейшего внимания на ее сопротивление. Это было унижительно.

Голова Рейвен безвольно откинулась на его плечо. Она едва дышала.

— Вы меня похищаете или спасаете?

Крепкие белые зубы блеснули в ответ — улыбка хищника и мужчины.

— Может быть, и то и другое.

— Куда вы меня несете?

Она приложила руку ко лбу, отказываясь от борьбы — и физической, и ментальной.

— К себе домой. У нас свидание. Я Михаил Дубрински.

вернуться

4

Прием Геймлиха применяется для удаления инородных тел из верхних дыхательных путей и особенно эффективен при их полной закупорке. Этот способ считается наиболее эффективным, поскольку при резком ударе, направленном под диафрагму, из нижних долей легких с силой выталкивается запас воздуха, который никогда не используется при дыхании.

Рейвен потерла виски.

— Сегодняшний вечер не слишком удался. Я чувствую себя...

Она умолкла, заметив мелькающие тени — они двигались за ними. Ее сердце почти остановилось. Оглянувшись вокруг, она сделала вдох, потом второй, третий. Ее рука вцепилась в его плечо.

— Отпусти меня, Дубрински.

— Михаил, — поправил он, по-прежнему не сбавляя шаг.

Суровое выражение его губ смягчила улыбка.

— Ты увидела волков?

Она ощутила безразличное пожатие его широких плеч.

— Успокойся, малышка, они не причинят нам вреда. Это их дом, как и мой. Мы достигли взаимопонимания и заключили мир.

Почему-то она поверила ему.

— Ты хочешь навредить мне? — осторожно спросила она, желая понять.

Его темные глаза снова скользнули по ее лицу, задумчиво, скрывая тысячи секретов и, без всякого сомнения, собственнически.

— Я не из тех мужчин, которым нравится причинять женщинам боль, как ты, может быть, подумала. Но я не сомневаюсь — легко нам не будет. Ты бросила мне вызов, и тебе это

понравилось. — Он постарался ответить честно.

Он смотрел так, словно она принадлежала ему, словно он имеет на нее все права.

— Видишь ли, ты был не прав, причиняя боль Джейкобу. Ты мог убить его.

— Не защищай его, малышка. Я позволил ему жить, потому что об этом попросила ты, но я всегда могу довести начатое до конца.

Приятное ощущение.

Ни один мужчина не вправе прикасаться к женщине Михаила и ранить ее, как сделал этот тип. Если мужчина неспособен понять, какую боль он причиняет Рейвен, это его не оправдывает.

— Ты не должен так считать. Джейкоб безобиден. Просто он ко мне неравнодушен, — постаралась она объяснить.

— Не советую произносить при мне его имя. Он дотронулся до тебя, положил на тебя руку и...

Вдруг он остановился посередине леса — такой же дикий и неприрученный, как окружившие их волки. Он дышал ровно, как будто не прошел несколько миль, унося ее на руках. Глаза глядели безжалостно.

— Он причинил тебе сильную боль.

У нее перехватило дыхание, когда к ней склонилась его темноволосая голова. Его губы были всего в нескольких дюймах, и она чувствовала его теплое дыхание на своей коже.

— Не надо спорить со мной по этому поводу, Рейвен. Этот мужчина дотронулся до тебя, причинив тебе боль, и я не вижу причин, почему он должен жить дальше.

Она смотрела ему в лицо. Оно показалось ей безжалостным.

— Ты ведь это не серьезно?

Она не хотела замечать тепло, которое разлилось по телу от его слов. Джейкоб действительно причинил ей боль, такую сильную, что у нее перехватило дыхание, и каким-то образом, когда никто ничего не понял, Михаил понял все.

— Абсолютно серьезно.

Он снова понесся семимильными шагами.

Рейвен затихла, решая для себя загадку. Она встречалась со злом лицом к лицу — это было отвратительное, развращенное сознание серийного убийцы. Этот мужчина так спокойно говорил об убийстве, но она не чувствовала в нем зла. И при этом знала, что она в опасности, и эта опасность исходит от Михаила Дубрински — человека с неограниченной властью и настолько высокомерного, что он думает, будто имеет на нее права.

— Михаил...

Она так ослабела, что начала заметно дрожать.

— Я хочу вернуться.

Темные глаза снова в упор посмотрели на нее, замечая страх в пристальном взгляде синих глаз. Сердце у нее колотилось, а сама она дрожала в его руках.

— Вернуться назад? Зачем? Чтобы умереть? Или испытывать одиночество? С этими людьми тебя ничто не связывает в отличие от меня. Если ты вернешься, легче тебе не станет. Рано или поздно они поймут, что ты другая. И постепенно растащат твою душу по частям. Ты в большей безопасности под моей защитой.

Она ударила по груди, твердой, как стена, и ее руки прикоснулись к его разгоряченной коже. Это была ловушка. Он прижал ее к себе, и его холодные глаза потептели.

— Тебе меня не одолеть, малышка.

— Я хочу вернуться назад, Михаил.

Она постаралась справиться с голосом, так как не была уверена, что ей действительно этого хочется. Он знал ее. Знал, что она чувствует, знал, какую цену платит за свой дар. Влечение между ними было таким сильным, что она с трудом понимала, что происходит.

Впереди замаячил дом — темный и страшный, беспорядочная каменная громада. Она вцепилась в его рубашку. Михаил понял, что она не подозревает: этот бессознательный жест выдал ее с головой.

— Рейвен, со мной ты в безопасности. Я не позволю никому и ничему причинить тебе вред.

Она сглотнула, когда он толкнул тяжелые железные ворота и поднялся по ступеням.

— Прощу.

Он позволил себе потереться подбородком о ее шелковистую макушку и ощутил, как внутри у него все перевернулось.

— Добро пожаловать в мой дом, — тихо сказал он, обволакивая ее бархатистым голосом, словно это был отблеск камина или солнечный свет.

Очень медленно, почти неохотно, он поставил ее на ноги перед порогом.

Михаил потянулся открыть дверь и отступил.

— Тыходишь в мой дом по своей воле? — торжественно спросил он, обжигая ее взглядом, скользя глазами по ее лицу, задерживаясь на губах, чтобы снова вернуться к ее бездонным синим глазам.

Она была напугана, он мог легко прочитать это — пленница неистового существа, которая хочет доверять ему, но не в силах устоять на ногах, загнанная в угол, но не теряющая надежду на сопротивление до последнего вздоха. Она нуждалась в нем почти так же, как он нуждался в ней. Кончиками пальцев она дотронулась до дверного проема.

— Если я скажу «нет», ты вернешь меня назад в гостиницу?

Ну почему она так хочет остаться с ним, если знает, как он опасен? Он не давил на нее, она была достаточно одарена, чтобы почувствовать это. Он казался таким одиноким, таким гордым, хотя глаза его горели снедающим его изнутри огнем желаний. Он не ответил ей, не пытался ее убедить — просто молчал и ждал.

Рейвен прерывисто вздохнула, признавая поражение. Она никогда не встречала человека, с которым могла бы сидеть рядом и разговаривать, даже дотрагиваться до него и при этом не ощущать наплыва мыслей и чувств. Это само по себе было обольщением. Она уже занесла ногу, чтобы переступить через порог, когда Михаил схватил ее за руку.

— Скажи, что ты это делаешь по собственному желанию.

— Я делаю это по собственному желанию.

Она вошла в его дом, опустив ресницы. Рейвен не заметила, как дикая радость осветила его лицо.

Глава 2

Тяжелая дверь, качнувшись позади Рейвен, обреченно закрылась за ней с глухим стуком. Она задрожала, нервно потирая ладони. И тогда Михаил завернул ее в плащ, окутавший теплом и его лесным мужским запахом. Он прошел по мраморному полу и открыл двери в библиотеку, а несколько минут спустя разжег огонь. После чего указал ей на стул возле огня — с высокой спинкой, очень удобный, старинный и, что самое невероятное, совсем не изношенный. Рейвен с изумлением изучала комнату. Она оказалась большой, красивый пол был сделан из твердой древесины, каждая дощечка паркета была частью замысловатой мозаики. Три из четырех стен были заняты книжными полками, сплошь заставленными книгами: большинство — в кожаном переплете и многие — очень старые. Стулья были удобные, небольшой стол между ними был явно антикварным, причем в отличном состоянии. На нем она увидела мраморную шахматную доску с изящными фигурами.

— Выпей это.

Она едва не подпрыгнула, когда он возник рядом с хрустальным бокалом.

— Я не пью алкоголь.

Он улыбнулся такой улыбкой, от которой ее сердце застучало как бешеное. А его острое обоняние уже запоминало, какая она.

— Это не алкоголь, а настой из трав от головной боли.

В ней снова всколыхнулась тревога. Она, должно быть, сошла с ума, раз пришла сюда. Это было похоже на попытку отдохнуть в одной комнате с тигром. Он мог сделать с ней что угодно. И никто не придет ей на помощь. Если он напоит ее... Она решительно покачала головой.

— Нет, спасибо.

— Рейвен. — Голос был низкий, ласковый, гипнотический, — Доверься мне.

Она обнаружила, что ее пальцы уже сжимают бокал. Она все еще сопротивлялась, и тут голову пронзила такая боль, что она вскрикнула.

Михаил стоял рядом, нависая над ней, его рука легла поверх ее руки, обхватившей хрусталь.

— Почему ты бросаешь мне вызов по такому ничтожному поводу?

В горле першило от слез.

— А почему ты заставляешь меня это сделать?

Он взял ее за подбородок.

— Потому что ты испытываешь страдания, а я хочу их облегчить.

Ее глаза удивленно расширились. Неужели все дело в этом? Ей больно, и он хочет ей помочь? Он действительно такой заботливый, или ему просто нравится отдавать приказы?

— Мне решать. Свобода — это главное.

— Я могу видеть боль в твоих глазах, чувствовать ее в твоём теле. Я знаю, что могу помочь тебе, и разве это не лучше, чем позволить тебе страдать и что-то доказывать?

В его голосе она услышала замешательство.

— Рейвен, если бы я хотел причинить тебе вред, я не стал бы тебя поить. Позволь мне помочь.

Его большой палец скользил по ее коже, словно легкое перышко, прослеживая пульс на ее шее, обводя линию скул, припухлость нижней губы.

Она закрыла глаза, позволив ему поднести бокал к своему рту и опрокидывая сладкую жидкость с непонятной горчинкой. Она чувствовала себя так, словно вручила ему свою жизнь. Таким собственническим было его прикосновение.

— Расслабься, малышка, — ласково сказал он. — Расскажи мне о себе. Как так получилось, что ты можешь слышать мои мысли?

Его сильные пальцы успокаивающе поглаживали ее виски.

— Я всегда могла делать это. Когда была маленькой, считала это само собой разумеющимся, думала, что все так могут. Но это было ужасно — узнавать сокровенные мысли других людей, их секреты. Я слышала и чувствовала все каждую минуту.

Рейвен никогда никому не рассказывала о себе, о своем детстве, тем более совершенно незнакомому человеку. Хотя Михаил не казался ей незнакомым. Он был словно ее частью. Потерявшейся частью ее души. Поэтому казалось так важно рассказать ему все.

— Мой отец считал меня каким-то уродцем, порождением дьявола, и даже мать немного меня боялась. Я научилась никогда не дотрагиваться до людей, не находиться в толпе. Больше всего мне нравилось оставаться в одиночестве, где-нибудь в глухом месте. Только так я могла остаться в здравом уме.

Его белые зубы блеснули в хищном оскале. Ему захотелось остаться наедине с ее отцом всего на несколько минут, чтобы показать, какими на самом деле бывают демоны. Эта мысль показалась ему интересной, хотя его и обеспокоило, что ее слова вызвали в нем такую ярость. Осознание того, что она так долго была одна, страдая от боли и одиночества, когда в этом мире был он, выводило его из себя. Почему он не отправился на ее поиски? Почему отец не любил ее и не заботился о ней, как должно?

Его руки были волшебными, его сильные гипнотические пальцы скользили по ее затылку.

— Несколько лет назад один человек вырезал целые семьи, не щадя даже маленьких детей. Я осталась ночевать у школьной подруги, а когда вернулась домой после работы, нашла их всех

мертвыми. Я вошла в дом и почувствовала этого дьявола, узнала его мысли. Мне сразу стало плохо — такие ужасные вещи оказались в моей голове. Но я смогла выследить его и сдать полиции.

Его пальцы перебирали ее длинную тяжелую косу, ослабляя ленту и распуская туго заплетенные пряди, все еще влажные после душа.

— Как часто тебе приходилось это делать?

Она словно переживала все заново. Подробности этого ужаса и боли, лица всех, кому она помогла, в то время как они наблюдали за ее работой — потрясенные, все еще не верящие в ее способности. Он видел все, делил с ней ее сознание, читая ее воспоминания, заглядывая ей в душу.

— Четыре раза. Я выследила четырех убийц. В последний раз почти развалилась на части. Он был так болен, настоящий дьявол. Я почувствовала себя грязной, словно никогда не смогу выбросить его из своей головы. Поэтому и приехала сюда, чтобы обрести покой. Решила, что больше никогда не буду этим заниматься.

Михаил на мгновение закрыл глаза, стараясь успокоиться. Она могла почувствовать себя грязной. Он заглянул в ее сердце и душу, увидел все ее секреты, узнал, сколько в ней света и сочувствия, храбрости и мягкости. То, что она видела в юности, никогда не должно было произойти. Он подождал, когда сможет заговорить спокойно, утешая.

— Голова начинает болеть, когда ты занимаешься телепатией?

Она кивнула.

— И, несмотря на это, когда ты услышала меня — а мне было плохо и больно, — ты потянулась ко мне, зная о цене, которую придется заплатить.

Как она могла это объяснить? Он был похож на раненое животное, излучающее такую боль, что она не могла сдержать слез, покотившихся по лицу. Его одиночество стало ее одиночеством. Его отверженность — ее отверженностью. И она ощутила его решение покончить с этой болью, с самим существованием. Она не могла допустить это — и не важно, чего это будет стоить.

Михаил выдохнул, удивленный и пораженный ее сущностью, настолько щедрой. Она колебалась, пытаясь объяснить словами, почему потянулась к нему, но он понял, что это было в ее натуре — жертвовать. Он также знал, насколько силен был его зов, потому что внутри его что-то потянулось к ней, обретая то, в чем нуждалось. Он вдохнул ее запах, вбирая его в себя, наслаждаясь ее видом и ее ароматом в своем доме, ощущая в пальцах ее шелковистые волосы, ее нежную кожу под своими ладонями. Отблески пламени в камине зажгли голубые искры в ее волосах. Желание наполнило его, сильное, настойчивое и такое же мучительное, как боль, но он радовался, что может испытывать все это.

Михаил сел так, что между ними оказался небольшой столик, и стал жадно и не спеша изучать изгибы ее тела.

— Почему ты носишь мужскую одежду? — спросил он.

Она рассмеялась, негромко и мелодично, а глаза ее задорно блеснули.

— Потому что знаю, что это будет раздражать тебя.

Он откинул голову и рассмеялся. Это был настоящий смех, и это было невероятно. Счастье и любовь наполнили его до краев. Он не смог бы вспомнить, на что были похожи эти чувства, сильные и понятные, как сладкая боль во всем теле.

— А это нужно — раздражать меня?

В ответ она подняла бровь, с удивлением замечая, что голова больше не болит.

— Но это так легко, — поддразнила Рейвен.

Он наклонился ближе.

— Дерзкая женщина. Ты хотела сказать — это так опасно?

— Хм, возможно, и это тоже.

Она быстро провела по волосам, отбрасывая их с лица. Это был такой будничней, но полный чувственности жест — он не мог оторвать взгляд от ее прекрасного лица, высокой груди и нежной линии шеи.

— Ну и как, ты достаточно хорошо играешь в шахматы? — спросила она с вызовом.

Через час Михаил, откинувшись в кресле, смотрел на ее лицо, в то время как она изучала доску. Сосредоточившись и нахмурив брови, она старалась разгадать его стратегию. Она чувствовала, что он заманивает ее в ловушку, но не могла ее найти. Подперев подбородок, она расслабилась и не стала торопиться. Она была терпелива и благодаря этому уже дважды ставила его в тупик — просто потому, что он был слишком уверен в себе.

Внезапно ее глаза расширились, и ленивая улыбка скользнула по губам.

— А ты хитрая бестия, Михаил! Но мне кажется, ты такой умный, что тебе будет трудно.

Он посмотрел на нее, прищурился глазами и сверкнув белыми зубами в свете камина.

— Разве я не упоминал, мисс Уитни, что последнего, кто оказался настолько невоспитан, чтобы обыграть меня в шахматы, бросили в темницу, где он в мучениях провел тридцать лет?

— Полагаю, тебе тогда было где-то около двух лет, — съехидничала она, не отрываясь от шахматной доски.

Он шумно вздохнул. Ему было так спокойно в ее присутствии, он испытывал абсолютное умиротворение. Она, очевидно, верила в то, что он простой смертный, просто с очень сильными телепатическими способностями. Михаил лениво потянулся через доску, делая ход и замечая, как в ее глазах появляется понимание.

— По-моему, это шах и мат, — сказал он вкрадчиво.

— Я должна была предвидеть, что мужчина, который ходит по лесу вместе с волками, окажется хитрецом.

Она улыбнулась.

— Великолепная игра, Михаил. Я действительно получила от нее удовольствие.

Рейвен откинулась на спинку стула.

— Ты можешь разговаривать с животными? — с любопытством спросила она.

Ему было приятно, что она в его доме, нравилось, как огонь окрашивал ее волосы в синий цвет и как тени ложились па ее лицо. Он запомнил его во всех подробностях, и теперь, если он закроет глаза, оно появится перед ним: высокие скулы, небольшой нос и полные губы.

— Да, — сказал он правду, не желая ее обманывать.

— Ты бы убил Джейкоба?

Ее ресницы трепетали.

— Осторожнее задавай вопросы, малышка, — предупредил он.

Она подобрала ноги, впиваясь в него взглядом.

— Знаешь, Михаил, ты так привык пользоваться своей силой, что даже не хочешь задуматься, правильно поступаешь или нет.

— Он не имел права дотрагиваться до тебя. Он причинил тебе боль.

— Но он не знал об этом. Ты тоже не имеешь права дотрагиваться до меня, но делаешь это постоянно, — резонно заметила она.

Его глаза холодно блеснули.

— У меня есть все права. Ты принадлежишь мне. Он сказал это спокойно и мягко, но предостерегающе.

— И что важнее, Рейвен, я не причинил тебе боли.

У нее перехватило дыхание, она судорожно облизала губы.

— Михаил, — сказала она с сомнением, словно подбирая слова, — я принадлежу себе. Я человек, а не вещь, которой ты можешь завладеть. По крайней мере, я живу в Соединенных Штатах. И вернусь туда, поскольку собираюсь сесть в ближайший поезд на Будапешт.

Он улыбался, как охотник. Это была хищная улыбка. На краткий миг свет камина стал красным, и его глаза стали волчьими. Он ничего не сказал — просто смотрел, не мигая.

Рейвен, словно защищаясь, взялась за горло.

— Уже поздно, мне пора.

Она слышала, как колотится сердце. Что же это было, чего ей так хотелось? Рейвен точно знала, что эта ночь была самой прекрасной и пугающей в ее жизни и что она хочет увидеть его снова. Он сидел неподвижно. Она ждала, затаив дыхание. Ее охватил страх, и по телу побежали мурашки. Страх, из-за которого надо было уйти. Страх, из-за которого надо было остаться. Она обреченно вздохнула.

— Михаил, я не понимаю, чего ты хочешь.

Но на самом деле она не знала, чего хочет сама.

Он встал с грацией сильного зверя. Его тень укрыла ее. Мускулистые руки нежно подхватили Рейвен и поставили на ноги. Руки скользнули вверх по ее рукам, легким прикосновением легли на плечи, поглаживая большими пальцами шею. От этой ласки тепло разлилось в животе. Она была такой маленькой с ним рядом, такой хрупкой и уязвимой.

— Не пытайся покинуть меня, малышка. Мы нужны друг другу.

Его темноволосая голова склонилась ниже, он целовал ее веки. Рейвен ощутила, как по коже словно рассыпались крошечные угольки.

— Ты заставила меня вспомнить, что значит жить, — прошептал он своим гипнотическим голосом.

Его губы нашли уголок ее рта, и словно электрический ток прошел через ее тело.

Рейвен прикоснулась к его смуглой щеке, положив другую руку на твердую мускулистую грудь, словно желая сохранить между ними дистанцию.

— Послушай меня, Михаил. — Ее голос звучал сухо. — Мы оба знаем, что такое одиночество и отверженность. Я не в состоянии понять, как могу находиться рядом с тобой, дотрагиваться до тебя и не сгибаться под тяжестью груза, который мне не нужен. Но мы не можем так поступить.

Веселые искорки запрыгали в его темных глазах, а пальцы легли на ее затылок.

— Да? А я думаю, можем.

Его бархатный голос был сам соблазн, а улыбка завораживала.

Рейвен ощутила желание во всем теле. Оно стало податливым, изнемогающим от чувственного прилива. Он был так близко, что она казалась самой себе его частью, он обволакивал ее со всех сторон.

— Я не собираюсь делить с кем-то постель только потому, что мне одиноко.

Он рассмеялся, негромко и удивленно.

— Вот ты о чем думаешь? Стала бы ты делить со мной постель только потому, что одинока?

Его рука снова гладила ее шею, ласкала, будоража кровь.

— Вот почему ты займешься со мной любовью. Вот почему!

И он прижался ртом к ее губам.

Девственно-белый огонь. Голубые молнии. Земля поплыла у нее под ногами.

Михаил прижал ее изящные формы к себе, его тело требовало, а губы властвовали, увлекая ее в мир подлинных чувств.

Рейвен оставалось лишь цепляться за него, как за спасительный якорь в бушующем море. Из его горла вырвалось сдавленное рычание — звук был животный, дикий, волчий. Его рот приближался к ее нежной шее, он спускался все ниже, к тому месту, где под атласной кожей отчаянно бился пульс.

Михаил обхватил ее всю руками, прижал к себе, словно собственность, уверенной хваткой, и вырваться было невозможно. Рейвен горела, словно в огне, — он сжигал ее изнутри. Она всем телом скользила по телу Михаила, ее груди набухли, а соски отчетливо проступили под тонким джемпером.

Большим пальцем он потер ее сосок через ажурное полотно, посылая волны тепла струиться по ее телу, отчего у нее подогнулись колени, и она удерживалась на ногах только потому, что его сильные руки нежно поддерживали ее. Его рот снова исследовал ее тело, а язык, словно пламя, лизал ее кожу там, где пульсировала голубая жилка.

И вот раскаленный добела жар охватил ее всю, выжигая боль, заставляя извиваться от желания, волны которого накатывали одна за другой. Его губы на ее шее дарили наслаждение и боль — такой силы, что она не могла сказать, где начинается одно и заканчивается другое. Он откинул ее голову назад и прижался ртом к коже у горла, словно пил ее, поглощал, питался ею. Она горела, но то, что он делал, как ни странно, отвечало ее собственному страстному желанию.

Михаил что-то прошептал на своем родном языке и приподнял голову, разрывая контакт. Рейвен почувствовала, как что-то теплое потекло по ее горлу к груди. Язык Михаила последовал за этой струйкой. Обхватив тонкую талию Рейвен, Михаил наконец осознал, каким образом его тело освободилось от бушевавшей в нем ярости. Он должен был отметить ее как свою пару. Его тело настойчиво требовало этого.

Рейвен вцепилась в его рубашку, стараясь удержать равновесие. Он тихо выругался, неразборчиво, сразу на двух языках, злой на самого себя, в то же время баюкая на руках.

— Мне так жаль, Михаил.

Рейвен была в ужасе, напуганная своей слабостью. Комната вращалась, и трудно было сосредоточиться. Шея пульсировала и горела.

Склонив голову, он нежно поцеловал ее.

— Не надо, малышка, это я слишком спешу.

Все, что было в его природе — и чудовище, и мужчина, — взывало: возьми ее, удержи! Но он хотел, чтобы она пришла к нему сама.

— Я так странно себя чувствую, у меня кружится голова.

Должно быть, он немного потерял самообладание, поскольку чудовище в нем так отчаянно хотело поставить на ней свою метку, ощутить ее сладостный вкус. Его тело горело, как в огне, требуя освобождения. Усилием воли ему удалось справиться с хищником внутри, победить его. Глубоко вздохнув, он отнес ее на стул у камина. Она заслуживала самого нежного отношения, она должна была лучше узнать его, почувствовать к нему хотя бы привязанность, если не любовь, прежде чем он привяжет ее к себе. Человек. Смертная. Это было неправильно. Опасно. Только усадив ее на мягкую обивку, он впервые встревожился.

Михаил обернулся, его лицо потемнело и приняло угрожающее выражение. Его тело больше не было защитой, в одно мгновение он стал опасным и могущественным.

— Оставайся здесь, — тихо велел он ей, двигаясь так быстро, что очертания его тела стали размытыми.

Михаил закрыл все двери в библиотеку, повернулся лицом к главной и молча призвал часовых.

Снаружи завыл волк, ему ответил второй, третий, пока не раздался вой всей стаи. Михаил подождал, пока они замолчат, его лицо превратилось в бесстрастную каменную маску. Через лес двигалась легкая дымка, а около дома, клубясь, собирался туман.

Михаил поднял руку, и главная дверь открылась. Туман и загадочная дымка просочились внутрь, соединяясь, пока весь холл не стал странно тусклым. Постепенно эти две субстанции перемешались — и замерцали, приобретая твердость тела.

— Почему вы побеспокоили меня сегодня ночью? — тихо спросил Михаил, и глаза его опасно блеснули.

Вперед выступил мужчина, его руку крепко сжимала жена. Она выглядела бледной и уставшей и, очевидно, была беременна.

— Нам нужен твой совет, Михаил. И у нас есть новости.

А Рейвен в библиотеке ощутила, что леденеет от ужаса, в голове у нее все смешалось, и только что охватившее ее наслаждение мгновенно улетучилось. Кто-то страшно кричал, словно обезумев от терзающей его невыносимой боли. Она поднялась, ноги у нее дрожали, и она ухватилась за спинку стула. На нее нахлынули образы. Молодая женщина, бледная как: мел, из груди у нее торчит кол, рекой льется кровь, голова отделена от тела, а в рот ей кто-то засунул что-то мерзкое. Ритуальное убийство. Предупреждение остальным. Серийный убийца — здесь, в таком тихом месте!

У Рейвен перехватило горло, она обеими руками закрыла уши, словно это могло остановить просачивающиеся в ее сознание картины. На мгновение она перестала дышать, ей и не хотелось дышать — хотелось только, чтобы все это кончилось. Она дико озиралась. Справа была дверь, которая вела в противоположную сторону от нахлынувших на нее образов. Машинально она направилась туда, спотыкаясь на каждом шагу, плохо понимая, где находится. Голова у нее кружилась. Пошатываясь, она вышла из библиотеки, мечтая оказаться на свежем воздухе. Избавиться от всех этих подробностей смерти, от того ужаса, которым было пропитано сознание вновь прибывших.

Их страх и гнев были словно сами по себе. Они походили на раненых животных, готовых в любой момент наброситься и разорвать на куски. Ну почему люди так жестоки? У нее не было ответа, да она и не хотела его знать. Она успела сделать лишь несколько шагов по длинному коридору, когда впереди замаячила чья-то фигура. Мужчина был немного моложе Михаила, с более изящной фигурой, у него были блестящие глаза и волнистые каштановые волосы. Он насмешливо улыбался, когда направился к ней, и в его улыбке была угроза.

Вдруг невидимая сила ударила его в грудь, откидывая назад и впечатывая в стену. Михаил возник перед ней воинственной тенью. Он возвышался над Рейвен, оберегающим движением отталкивая ее за свою спину. На этот раз хрипкое рычание было похоже на рев разъяренного медведя.

Рейвен почувствовала ужасающую ярость, которую испытывал Михаил, ярость, смешанную с печалью, эти чувства были настолько сильны, что вокруг него вибрировал воздух. Она дотронулась до его руки, обхватив запястье, — ничтожная попытка сдержать ярость, которая пружиной свернулась у него внутри. Она почувствовала, как напряглось его тело.

Все разом ахнули. Только тут Рейвен заметила, что на них смотрят четверо мужчин и женщина. Их глаза были прикованы к ее руке, схватившей Михаила за запястье, словно она совершила ужасное преступление. Михаил встал так, чтобы полностью закрыть ее от испепеляющих взглядов. Он даже не сделал попытки сбросить ее руку. Наоборот, встал, отодвинув ее дальше к стене, почти прижав к ней и закрыв от посторонних глаз.

— Она под моей защитой.

Это был вызов. И обещание скорой и жестокой расправы.

— Так же как и все мы, Михаил, — примирительно сказала женщина.

Рейвен покачнулась, и только стена помогла ей устоять на ногах. Волны ярости и печали затапливали ее существо, и ей захотелось закричать. Она издала еле слышный звук — единственный звук протеста. Но Михаил сразу повернулся к ней, подхватывая ее на руки.

— Оградите свои мысли и эмоции, — прошипел он остальным. — Она очень чувствительна. Я доставлю ее в гостиницу, а когда вернусь, обсудим эти тревожные новости.

Рейвен даже не представилось шанса увидеть остальных, когда он, прихватив ее с собой, прошел мимо них в гараж, где стояла машина. Она устало улыбнулась, положив голову на его плечо.

— Ты на себя не похож в этой машине, Михаил. Твои взгляды на женщин такие старомодные, что в предыдущей жизни тебе следовало быть хозяином замка.

Он бросил на нее быстрый взгляд — бледное лицо, его метка на шее, видная даже сквозь густые волосы. По правде говоря, он не собирался оставлять следов, но теперь она там — как клеймо, поставленное собственником.

— Сегодня ночью я помогу тебе уснуть, — предупредил он ее.

— Кто были эти люди?

Она спросила лишь потому, что знала: он не хочет, чтобы она спрашивала. Она так устала, все еще кружилась голова. Она потеряла виски и подумала, как хорошо было бы хоть раз в жизни почувствовать себя обыкновенным человеком. Он, должно быть, подумал, что она из тех женщин, что по любому поводу падают в обморок.

На мгновение наступила тишина. Он тяжело вздохнул:

— Это моя семья.

Она поняла, что он сказал правду, хоть и не хотел говорить.

— Почему кому-то нравится делать такие ужасные вещи?

Она повернулась к нему.

— Они ждут, что ты выследишь и остановишь этого убийцу?

В ее голосе было страдание — боль за него. Беспокойство о нем. Его тоска стала такой острой, смешиваясь с чувством вины и жадной мести.

Он обдумывал ее вопрос. Она знала уже тогда, что один из его людей убит. Возможно, она уловила подробности в чьей-то голове. Но беспокойство было — о нем, и боль — за него. Ни малейшего осуждения. Просто беспокойство. Михаил почувствовал, как напряжение отпускает.

— Я постараюсь держать тебя как можно дальше от этой грязи, малышка.

Никто не беспокоился о нем, о его рассудке или здоровье. Никто не думал, что чувствует он. Что-то глубоко внутри его, казалось, смягчилось и растаяло. Это она свернулась там, в глубине, а он нуждался в ней.

— Возможно, нам лучше не встречаться несколько дней. Я еще никогда в жизни так не уставала.

Она давала ему возможность вежливо попрощаться. Рейвен посмотрела на свои руки. Она хотела и себе дать возможность уйти. Она никогда не чувствовала себя такой близкой кому-то, такой спокойной, словно знала его всегда, несмотря на боязнь, что он может взять над ней вверх.

— И я не думаю, что твоя семья была рада видеть рядом с тобой американку. Когда мы вместе... это слишком взрывоопасная смесь, — с сожалением закончила она.

— Не пытайся покинуть меня, Рейвен.

Машина остановилась перед гостиницей.

— Я всегда удерживаю то, что принадлежит мне, и не заблуждайся на этот счет: ты моя.

Это были одновременно предупреждение и просьба. У него не было времени на нежные слова. Он хотел сказать их — видит бог, она их заслуживает, — но его ждали, и ответственность легла на его плечи тяжким грузом.

Она дотронулась до его щеки.

— Ты привык, что все происходит так, как хочешь ты, — сказала она с едва заметной улыбкой.

— Я смогу уснуть самостоятельно, Михаил. Я делаю это уже много лет.

— Тебе нужен сон — спокойный, полноценный, глубокий. Возможно, сегодня тебе приснится то, что ты увидела, если я не помогу тебе уснуть.

Большим пальцем он погладил ее нижнюю губу.

— Если хочешь, я могу стереть эти воспоминания.

Рейвен видела, как ему хочется это сделать, понимала: он надеется, что так для нее будет лучше. Ему трудно было позволить ей самостоятельно принять решение.

— Спасибо, Михаил, но нет, — сдержанно отказалась она, — Я думаю сохранить все свои воспоминания, и плохие и хорошие.

Она поцеловала его в подбородок и подвинулась к дверце машины.

— Ты знаешь, я не фарфоровая кукла. Я не разобьюсь, из-за того что увидела нечто, чего не должна была видеть. Я и до этого выслеживала серийных убийц.

Она улыбнулась ему, хотя глаза оставались печальными.

Он обхватил ее запястье мертвой хваткой.

— И это почти убило тебя. Но не на этот раз. Она опустила ресницы, чтобы он не увидел выражение ее глаз.

— Это будешь решать не ты.

Но если его уговорят использовать свой дар для выслеживания безумного убийцы, она не оставит его в одиночестве. Разве она сможет так поступить?

— Ты не боишься меня, как следовало бы, — проворчал он.

Она одарила его еще одной улыбкой и отдернула руку, чтобы он отпустил ее.

— Надеюсь, ты понимаешь: все, что между нами было, превратится в ничто, если ты заставишь меня подчиняться тебе во всем.

Он удерживал ее мгновение, между двумя ударами сердца, его темные глаза смотрели на нее как на нечто, принадлежавшее ему без остатка. Она такая упрямая. Она, конечно, боится, но борется и не отводит глаз. От его взгляда ей стало не по себе, выслеживание зла подтолкнуло ее к краю, за которым было безумие, но она делала это снова и снова. Он все еще был тенью в ее сознании. Он прочитал ее решимость помочь ему, ее страх перед ним и его колоссальной силой, но понял: она не бросит его один на один с убийцей. Ему захотелось оставить ее рядом с собой, в безопасности его жилища. Почти преклоняясь перед ней, Михаил провел кончиками пальцев по ее щеке.

— Иди, пока я не передумал, — приказал он, неожиданно ее отпуская.

Рейвен удалялась медленно, стараясь преодолеть головокружение, которое началось снова. Она прикладывала все усилия, чтобы идти прямо, чтобы он не догадался, как она себя чувствует. Ее тело будто налилось свинцом, и каждое движение давалось с трудом. Она шла, высоко подняв голову и намеренно поддерживая в своем сознании пустоту.

Михаил наблюдал, как она вошла в гостиницу. Потерла виски и затылок. У нее все еще кружилась голова после того, как он пил ее кровь. Он не должен был это делать, но не смог удержаться. И теперь за это расплачивалась она. У него болит голова, и он тоже виноват в этом. Его людям надо было лучше защищать свое сознание.

Михаил вышел из машины и направился в тень, вырвавшиеся наружу чувства сообщили, что он один. Он принял облик тумана. В этом виде он был неразличим и легко мог просочиться под ее ничем не защищенное окно. Он наблюдал, как она опустилась на постель. Бледное лицо, испуганные глаза. Отбросив назад роскошные волосы, она дотронулась до его метки. Как будто она причиняла боль. Несколько минут у нее ушло на то, чтобы сбросить туфли, словно эта задача была ей не под силу.

Михаил подождал, пока она, не раздеваясь, легла лицом вниз.

Усни.

Он отдал ей приказ, ожидая повиновения.

Михаил.

Его имя эхом отдалось у него в голове — голос звучал мягко, сонно и при этом немного весело.

Так я и знала, что ты поступишь по-своему.

Она не сопротивлялась ему, но и не совсем охотно уступила, хотя на ее губах играла улыбка.

Михаил раздел ее, уложил под покрывала. Он обезопасил дверь: сильнейшее заклинание гарантировало защиту даже от самых сильных из его людей, не говоря уже о жалких смертных ассасинах [5]. Он обезопасил окна и поставил те же охранные заклинания везде, откуда можно было проникнуть в комнату. Очень нежно он скользнул губами по ее лбу, а затем коснулся метки на шее, прежде чем ее покинуть.

Когда он вошел в свой дом, все замерли. Селесте неуверенно улыбнулась, положив руку на живот, как бы защищая своего будущего ребенка.

— С ней все хорошо, Михаил?

Он кивнул, благодарный ей за участие. Никто не задал ему ни единого вопроса, хотя он вел себя совсем не так, как всегда. Он сразу перешел к делу.

— Как ассасинам удалось застать Ноэль без защиты?

Все переглянулись. Михаил вдалбливал им: никогда нельзя забывать даже о малейшей детали, способной обеспечить защиту, но спустя годы так легко все забыть, ошибиться.

— Ноэль родила всего два месяца назад. Она так уставала все это время.

Селесте словно извинялась за допущенный промах.

— А Рэнд? Где был он? Почему он оставил изможденную жену без защиты, пока она спала? — Михаил задал свой вопрос негромко, но в голосе звучала угроза.

Байрон, уже попадавший в такую же ситуацию, вскинулся:

— Ты же знаешь, какой Рэнд. Всегда возле женщин. Он отдал ребенка Селесте и отправился на охоту.

— И забыл обеспечить Ноэль надлежащей защитой.

Презрение Михаила было слишком заметно.

— Где он?

Спутник жизни Селесте, Эрик, ответил жестко:

— Он сошел с ума, Михаил. Потребовались наши общие усилия, чтобы с ним сладить, и теперь

он спит. Ребенок вместе с ним глубоко под землей. Исцеление принесет пользу им обоим.

— Мы не должны были потерять Ноэль. Михаил отодвинул свое горе в сторону, сейчас не время.

— Эрик, ты сможешь держать Рэнда под контролем?

— Думаю, тебе следует поговорить с ним, — честно ответил Эрик. — Чувство вины сведет его с ума. Он почти обернулся на наших глазах.

— Влад, где Элеонор? Она в группе риска, поскольку ждет ребенка. Мы должны защитить ее, как и Селесте, — сказал Михаил. — Мы не можем себе позволить потерять наших женщин и тем более их детей.

— Ей со дня на день рожать, и я волнуюсь по поводу ее путешествия. — Влад тяжело вздохнул. — На данный момент она в безопасности и прекрасно защищена, но, как мне кажется, эта война начинается заново.

Михаил постучал пальцем по столу с шахматной доской.

— Возможно, причина в том, что впервые за десять лет три наши женщины родили детей. А их у нас мало, и они рождаются все реже. Если ассасины каким-то образом узнают о наших женщинах, они испугаются, что нас становится все больше и мы набираем силу.

Михаил быстро посмотрел на самых крепких мужчин.

— Жак, у тебя нет Спутницы жизни, ты свободен.

В его голосе прозвучал лишь легкий намек на любовь, привязанность, которую он никогда не чувствовал или не показывал прежде, и, возможно, никто даже не догадывался, что Жак его брат.

— То же самое и Байрон. Вы двое должны кое-что пообещать остальным. Ложиться раньше, питаться под сильнейшим прикрытием, спать глубоко под землей и всегда применять самые действенные меры безопасности. Мы должны следить за нашими женщинами и держать их в безопасном месте, особенно тех, у кого есть дети. Не привлекайте к себе внимания ни при каких обстоятельствах.

— Как долго, Михаил?

Глаза Селесте были затуманены, а на лице остались следы слез.

— Как долго мы будем так жить?

— Пока я не найду и не призову к справедливости ассасинов.

Все почувствовали, что он будет жесток и беспощаден.

— Вы стали мягкими, потому что имеете дело с людьми. Вы забываете способности, которые могут спасти вам жизнь, — резко выговаривал он. — Моя женщина — смертная, но даже она узнала о вашем присутствии прежде, чем вы узнали о том, что она здесь. Она почувствовала ваши незащищенные эмоции, узнала об ассасинах из ваших мыслей. Вам нет оправдания.

— Но как это возможно? — осмелился спросить Эрик. — Ни один смертный не может быть

таким сильным.

— Она телепат, и очень сильный. Она будет бывать здесь часто, и она под такой же защитой, как все наши женщины.

Остальные переглянулись, растерянно и смущенно. В соответствии с легендой только самые сильные члены их общества могут обращать смертных. Это не так просто сделать, риск слишком велик. Несколько веков назад такие попытки предпринимались, когда женщин стало совсем мало и у мужчин не осталось надежды. Но больше никто не пытался это делать. Большинство верили в то, что этот миф придумали специально, чтобы удержать мужчин от утраты души. Михаил был недоступен, неумолим, его решения не оспаривались в течение столетий. Он улаживал споры и защищал их. Он охотился на мужчин, которые предпочли превратиться в вампиров — существ одинаково опасных как для смертных, так и для бессмертных.

А теперь это. Смертная женщина! Они были поражены и не могли скрыть это. Они были обязаны защищать ее ценой собственной жизни, как своих женщин. Если Михаил сказал, что она под его защитой, то он именно это и имел в виду. Он никогда не говорил того, чего не хотел сказать. И если она пострадает, расплатой будет смерть. Михаил был свирепым, безжалостным и жестоким врагом.

Михаил чувствовал всю тяжесть ответственности за смерть Ноэль. Он знал о слабости Рэнда к женщинам. Он возражал против их союза, но не запретил его, хотя должен был. Рэнд не был истинным Спутником жизни Ноэль, взаимопонимание между которыми никогда не позволит мужчине изменять своей жене. Ноэль, его прекрасная сестра, такая молодая и полная жизни, теперь потеряна для них навсегда. Она поступила своевольно, возжелав Рэнда просто потому, что он был очень красив, а не потому, что ее душа взывала к нему. Они лгали, но он знал об этом. В конце концов, это его вина, что Рэнд продолжал искать удовольствий с другими женщинами, а Ноэль ожесточилась. Она, должно быть, умерла мгновенно, иначе Михаил почувствовал бы ее страдания, даже в глубоком сне. Рэнду больше не доверяют заботу ни об одной из их женщин.

вернуться

5

Ассасины (от араб, хашшишин, буквально — потребители гашиша), тайная сектантская организация неоиисмаилитов-низаритов, образовавшаяся в Иране в конце XI века. Практиковали жестокие убийства как средство политической борьбы. С тех пор на многих европейских языках слово «ассасин» означает «убийца» или «наемный убийца». В данном случае ассасины — убийцы-фанатики, преследующие определенную цель.

Михаил думал, что со временем каждый из них нашел бы своего истинного Спутника жизни, но Ноэль становилась все раздраженнее, а Рэнд погряз в своем распутстве. Рэнд не мог что-то чувствовать с женщинами, которых он укладывал в постель, но он продолжал так поступать, словно наказывая Ноэль за то, что она его удерживает.

Михаил на краткий миг закрыл глаза, позволяя себе увидеть обстоятельства бессмысленной смерти Ноэль. Потеря была невыносимой, горе оглушило его, и к нему добавились холодная ярость и смертельная решимость. Он склонил голову, и три кроваво-красные слезы одна за другой скатились по его щеке. Его сестра, самая молодая из всех женщин. Это была его вина.

Михаил почувствовал какое-то движение в своем сознании, теплое, утешающее, словно чьи-то руки обняли его.

Михаил? Я тебе нужна?

Голос Рейвен был сонным, сиплым и обеспокоенным.

Он был поражен. Его приказ был очень сильным, намного сильнее того, что он обычно использовал на людях, но даже теперь его скорбь проникла сквозь ее сон. Он оглянулся вокруг, посмотрел на лица своих гостей. Ни один из них не обратил внимания на ментальный контакт. Это означало, что даже в том сонном состоянии, в котором она была, Рейвен способна сосредоточиться и обратиться прямо к нему без каких-либо потерь. Это был навык, который не многие из его людей потрудились достигнуть, настолько самоуверенными они были, считая, что люди не смогут настроиться на их волну.

Михаил?

На этот раз голос Рейвен был громче и тревожнее.

Я приду к тебе.

Спи, малышка. Все хорошо.

Он подкрепил свои слова приказной интонацией.

Всего хорошего, Михаил, мягко прошептала она, уступая его силе.

И он обратил внимание на тех, кто ждал его распоряжений.

— Пришлите ко мне Рэнда завтра. Ребенок не может оставаться с ним. Дейдре потеряла очередного ребенка пару десятилетий назад, и она все еще оплакивает свои многочисленные потери. Отдайте ребенка ей. Тьенн будет охранять их очень тщательно. Никто из вас не должен использовать ментальную связь, пока мы не узнаем, обладает ли хоть один из наших врагов такими же способностями, как моя женщина.

На их лицах было написано потрясение. Никто из них не думал, что человек может обладать такой силой.

— Михаил, ты уверен, что эта женщина не одна из них? Она может представлять для нас угрозу.

Эрик отважился осторожно высказать предположение, несмотря на то, что пальцы Селесте предостерегающе впились в его руку.

Темные глаза Михаила сузились.

— Ты считаешь, что я обленился и разжирел от своей власти? Ты так плохо обо мне думаешь? Считаешь, что, побывав в ее сознании, я не смог бы обнаружить угрозу? Я предупреждаю тебе, что с радостью перестану быть вашим вожаком, но я не желаю снимать с нее свою защиту. Если кто-то из вас захочет причинить ей вред, пусть знает, что ему придется иметь дело со мной. Вы хотите, чтобы я передал власть кому-нибудь другому? Я устал от ответственности.

— Михаил! — протестующе крикнул Байрон.

Другие тоже встревожились и стали возражать, словно напуганные дети. Только Жак, стоявший молча, опершись о стену, смотрел на Михаила с насмешливой полуулыбкой, в которой был какой-то тайный смысл. Михаил не обратил на это никакого внимания.

— Солнце почти взошло. Вам всем пора уйти под землю. По возможности используйте любое средство защиты. Когда проснетесь, проверьте окрестности своего жилища, почувствуйте нарушителей. Не пропускайте даже мельчайшего происшествия. Мы должны поддерживать тесную связь и следить друг за другом.

— Михаил, первый год такой трудный, что многие наши дети не выживают.

Пальцы Селесте нервно сжали руку мужа.

— Я не уверена, что Дейдре сможет перенести еще одну потерю.

Михаил улыбнулся ей с нежностью.

— Она будет защищать ребенка как никто другой, а Тьенн будет в два раза внимательнее, чем остальные. Он пытался уговорить Дейдре забеременеть, но она отказалась. По крайней мере, руки у нее будут заняты.

— И она все еще тоскует по тому ребенку, — сердито сказала Селесте.

— Если наша раса хочет выжить, у нас должны рождаться дети. Как бы мне ни хотелось поспособствовать этому, но только вы, женщины, можете сотворить такое чудо.

— Сердце разрывается, когда теряешь так много, — заметила Селесте.

— У всех у нас, Селесте, — закончил он разговор, и никто не рискнул его продолжить или задать вопрос.

Его авторитет был непререкаем, его ярость и тоска не имели границ. Не только Рэнд не смог защитить Ноэль, молодую, красивую, жизнелюбивую женщину, но жизнь ее прервалась еще и из-за тех садистских игр, в которые Рэнд и Ноэль играли вместе. Он знал, что в той же мере нес ответственность за судьбу Ноэль, что и Рэнд. Он ненавидел себя и Рэнда одинаково.

Глава 3

Рейвен просыпалась медленно, продираясь сквозь слои плотного тумана. Почему-то она знала, что ей не полагалось просыпаться, но тем не менее она была просто обязана сделать это. Она с трудом открыла глаза и, повернув голову, посмотрела в окно. Солнечный свет лился в комнату. Она заставила себя сесть и обнаружила, что под соскользнувшими покрывалами она была абсолютно голая.

— Михаил, — громко прошипела она, — ты позволяешь себе слишком много.

Она автоматически потянулась к нему, словно не могла отказать себе в этом. Почувствовав, что он спит, она удалилась. Хватило одного прикосновения. Он был в безопасности.

Рейвен чувствовала себя иначе, почти счастливой. Она могла говорить с кем-то, дотрагиваться до кого-то, и не имело значения, что это напоминало верховую прогулку на голодном тигре. Возможность расслабиться в чьем-либо присутствии была настоящей радостью. Михаил знал, что такое ответственность. Но она не знала, кем он был, — понимала только, что кем-то очень

важным. Очевидно, он вполне уверенно чувствовал себя, обладая такими способностями, в отличие от Рейвен, которая все еще ощущала себя каким-то чудом природы. Больше всего на свете ей хотелось быть похожей на него: быть уверенной, не заботиться о том, что думают о тебе другие.

О жизни в Румынии она знала очень мало. Жители сельской местности были бедны и суеверны. Но, несмотря на это, люди были дружелюбными и настоящими мастерами художественного промысла. Михаил был другой. Она слышала о карпатцах — не цыганах — людях, которые были прекрасно образованы, богаты и жили высоко в горах или лесах, кто где хотел. Был ли Михаил их вожаком? Может быть, именно поэтому он такой высокомерный и замкнутый?

Душ оказал благотворное воздействие на ее тело, прогнал вялость и остатки сна. Она оделась очень тщательно: джинсы, водолазка, свитер. Даже на солнце в горах было холодно, а она намеревалась заняться исследованиями. На краткий миг у нее на шее возникли пульсация и жжение. Она отогнула воротник, чтобы осмотреть рану. Метка была странная, похожая на неосторожный любовный укус, только очень сильный.

Она покраснела от воспоминаний, как он оставил его там. Был ли он еще и хорошим любовником ко всему прочему? Она могла многому научиться у него! Кроме того, она заметила, что он способен постоянно ограждать себя от непрерывного воздействия эмоций. Это было бы таким чудом — просто сидеть в комнате, где много людей, и не чувствовать ничего, кроме собственных эмоций.

Рейвен надела походные ботинки. Убийство в этом месте! Настоящее святотатство. Сельские жители, должно быть, очень напуганы. Когда она проходила через дверной проем, то ощутила странное колебание воздуха. Было такое ощущение, словно она преодолела невидимый барьер. Снова дело рук Михаила? Постарался запереть ее? Нет. Если бы он оказался способен на это, то преграда ее бы остановила. Это больше похоже на то, что он хотел защитить ее, не позволив войти другим. Разрываемый гневом и скорбью после этого отвратительного бессмысленного убийства, Михаил тем не менее помог ей заснуть. Мысль о том, что он потратил время, чтобы защитить ее и помочь, заставила почувствовать себя любимой.

Три часа дня — поздно для ланча, но рано для обеда, а Рейвен была голодна. На кухне хозяйка гостиницы любезно наполнила для нее корзинку для пикника. И ни разу не упомянула об убийстве. Наоборот, она, казалось, совсем забыла о таких новостях. Рейвен обнаружила, что и ей не хочется начинать разговор на эту тему. Это было странно, хозяйка гостиницы была женщиной дружелюбной и обаятельной — она как раз говорила о Михаиле, давнем друге человека, о котором она отзывалась очень благосклонно, и Рейвен не смогла заставить себя вымолвить хоть слово насчет убийства и спросить, что это означало для Михаила.

Снаружи, надев на плечи рюкзак, она нигде не почувствовала ужас от убийства. Никто ни в гостинице, ни на улице не выглядел расстроенным. Она не могла ошибиться, образы, как правило, были очень яркими, а горе абсолютно реальным. Да и сами по себе картины убийства были очень точными, никакое воображение не смогло бы сотворить такое.

— Мисс Уитни! Вы мисс Уитни?

Женский голос окликнул ее на расстоянии нескольких футов.

Маргарет Саммерс спешила в ее сторону, на ее лице застыла тревога. Это была хрупкая седая женщина лет шестидесяти, одетая очень практично.

— Моя дорогая, вы сегодня с самого утра такая бледная. Мы все так боялись за вас. В том, как вас унес тот молодой человек, было что-то пугающее.

Рейвен сдержанно рассмеялась.

— Он и сам выглядит довольно пугающе. Но он мой старый друг и иногда слишком беспокоится о моем здоровье. Поверьте, миссис Саммерс, он очень заботливо за мной присматривает. Он уважаемый бизнесмен, спросите любого в деревне.

— Вы нездоровы, моя дорогая? — озабоченно спросила Маргарет, подходя ближе, и Рейвен ощутила угрозу.

— Выздоровливаю, — твердо сказала она, надеясь, что это так и есть.

— А ведь я вас уже видела! — обрадовалась ее собеседница. — Вы та самая необычная девушка, которая помогла полиции поймать убийцу в Сан-Диего месяц назад или чуть больше. А что вы делаете в этих местах?

Рейвен потерла лоб запястьем.

— Эта работа очень изматывает, миссис Саммерс. Мне иногда бывает очень плохо. Это была долгая слежка, и мне нужно было уехать куда-нибудь подальше. Мне захотелось отправиться в уединенное красивое место, где чувствуется история. Куда-нибудь, где люди не будут меня узнавать и показывать на меня, как на чудо природы. Карпатские горы очень красивы. Я могу заняться скалолазанием, а могу просто сидеть на склоне, чтобы ветер уносил прочь все воспоминания об этом.

— О, моя дорогая. — Маргарет с сочувствием протянула руку.

Рейвен быстро отступила в сторону.

— Сожалею, но я боюсь прикасаться к людям после того, как выследила этого психопата. Пожалуйста, постарайтесь понять.

Маргарет кивнула.

— Конечно, хотя, как я заметила, ваш молодой человек ни о чем не думал, прикасаясь к вам.

Рейвен улыбнулась.

— Он любит командовать и склонен к драматическим эффектам, но он действительно хорошо ко мне относится. Мы уже знаем друг друга. Видите ли, Михаил практически не путешествует.

Ложь так легко соскальзывала с ее языка, что в этот момент она себя ненавидела.

— Мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь узнал обо мне, миссис Саммерс. Я ненавижу публичность, а сейчас особенно нуждаюсь в уединении. Пожалуйста, не говорите никому, кто я.

— Конечно, я никому не скажу, дорогая, но не кажется ли вам, что небезопасно — уходить так далеко одной? В этих местах бродят дикие звери.

— В этой маленькой вылазке меня будет сопровождать Михаил, и я не собираюсь блуждать по лесу ночью.

— О! — Маргарет выглядела успокоенной. — Михаил Дубрински? О нем все говорят.

— Я же сказала, он очень заботливый. На самом деле ему нравится, как готовит хозяйка гостиницы, — улыбнулась она, выдав эту тайну, и переложила в другую руку корзину для пикника. — Я лучше пойду, а то опоздаю.

Маргарет уступила ей дорогу.

— Будьте осторожны, дорогая.

Рейвен помахала ей и не спеша пошла по тропинке, ведущей через лес вверх, к пешеходной тропе в горы. Почему она солгала? Ей нравилось уединение, и она никогда не чувствовала желания оправдываться перед кем бы то ни было. Но по какой-то причине она ни с кем не хотела обсуждать Михаила, тем более с Маргарет Саммерс. Эта женщина, кажется, очень им интересуется. И этот интерес чувствовался не в ее словах, а в глазах и в голосе. Рейвен ощущала, что Маргарет Саммерс с любопытством смотрит ей вслед, пока тропинка резко не повернула и она не скрылась за деревьями.

Рейвен печально тряхнула головой. Она становится похожа на затворницу, избегающую людей, даже эту милую пожилую женщину, которая о ней беспокоится.

— Рейвен! Подождите!

Она закрыла глаза, возражая против еще одного вторжения. Но когда Джейкоб поравнялся с ней, она уже смогла изобразить на лице улыбку.

— Джейкоб, я рада, что вы оправились после вчерашнего приступа удушья. Как хорошо, что официант был знаком с методом Геймлиха.

Джейкоб бросил на нее сердитый взгляд.

— Я не подавился куском мяса, — сказал он, оправдываясь, словно она обвинила его в плохих манерах. — И хотя все думают так же, как вы, это вовсе не так.

— Вот как? Но официант так бросился к вам...

У нее вдруг пропал голос.

— Да, но вас уже не было рядом, чтобы узнать, что все-таки случилось, — обронил он недовольным тоном, нахмутив брови. — Вы позволили этому... неандертальцу унести себя.

— Джейкоб, — мягко сказала она, — вы не знаете меня, вы ничего не знаете ни обо мне, ни о моей жизни. Этот мужчина мог быть, например, моим мужем. Прошлой ночью мне было очень плохо. Сожалею, но я не могла остаться, тем более увидев, что с вами все в порядке. Не думаю, что было бы прилично, если бы меня стошнило прямо посреди столовой.

— Откуда вы его знаете? — ревниво спросил Джейкоб. — По рассказам местных жителей, он самый могущественный человек в этом районе. Он богат и владеет нефтяными месторождениями. Несомненно, он бизнесмен и очень влиятельный. Где вы с ним познакомились?

Он придвинулся ближе, и Рейвен вдруг поняла, что они были одни и в довольно уединенном месте. Он был вполне симпатичный, но наглый взгляд избалованного молодого человека его

портил. Она почувствовала и что-то еще — какое-то болезненное возбуждение и вину. И поняла, что занимала немалую часть в его извращенных фантазиях. Джейкоб был из тех богатых мальчиков, которые думают, что могут завладеть любой игрушкой, если захотят.

Рейвен почувствовала движение в своем сознании.

Рейвен? Ты не уверена в своей безопасности.

Голос Михаила был вялым, он продирался на поверхность сквозь слои сна.

Вот теперь она встревожилась. Михаил напугал ее. Она не знала, что он может сделать, понимала лишь одно: он чувствует необходимость защитить ее. Ради себя, ради Михаила, ради самого Джейкоба надо заставить Джейкоба понять, что она не хочет иметь с ним ничего общего.

Я справлюсь с этим, ответила она с твердой уверенностью.

— Джейкоб.

Терпение звучало в ее голосе.

— Думаю, тебе лучше уйти, возвращайся в гостиницу. Я не из тех женщин, которых можно взять нахрапом. Это называется преследованием, и я без всяких угрызений совести напишу жалобу в местной полиции, или как она там называется.

Она затаила дыхание, чувствуя, что Михаил замер в ожидании.

— Прекрасно, Рейвен, продай себя тому, кто предложит лучшую цену! Попробуй найти богатого мужа! Он попользуется тобой и бросит, потому что именно так поступают все мужчины, подобные Дубрински! — крикнул Джейкоб.

Прибавив несколько грубых слов, он зашагал прочь.

Рейвен медленно выдохнула. Слава богу.

Видишь, заставила она себя мысленно рассмеяться. Я, маленькая женщина, сама смогла разобратсья. Удивительно.

С другой стороны рощи — невидимой для нее — раздался ужасный крик Джейкоба и тут же перешел в слабый стон. Второй его крик сопровождался ревом бешеного медведя. Что-то тяжелое ломилось сквозь заросли в противоположном от Рейвен направлении.

Она почувствовала смех Михаила — низкий смех довольного собой мужчины.

Ах, как весело, Михаил.

Джейкоб излучал страх, но не боль.

У тебя странное чувство юмора.

Мне нужно выспаться. Перестань попадать в неприятности, женщина.

Если бы ты не бодрствовал всю ночь, тебе не пришлось бы тратить весь день на сон, сделала она ему выговор. Как же ты работаешь?

Компьютеры.

Она обнаружила, что при одной мысли о компьютере рядом с ним ей хочется рассмеяться. Он не принадлежал миру машин и компьютеров.

Иди досыпай, великовозрастное дитя. Большое спасибо, но в случае чего я справлюсь и без помощи мускулистого парня, приставленного меня защищать.

Я бы предпочел, чтобы ты вернулась в гостиницу и оставалась там, пока я не проснусь.

В его словах чувствовался приказ. Но он постарался смягчить свою обычную манеру разговаривать, и она поняла, что невольно улыбается.

Этого не будет, так что смирись.

Как же трудно с американками.

Она стала подниматься дальше, и его смех все еще звучал у нее в голове, на фоне безмолвия природы. Птицы пели одна залистее другой, легкий ветерок колыхал ветви деревьев. На поляне цвели самые разные цветы, поднимая лепестки к небу.

Рейвен взбиралась все выше, находя умиротворение в одиночестве. Она уселась на отвесной скале прямо над поляной, окруженной густым лесом. Перекусив, Рейвен легла на спину, восхищаясь окружающей ее красотой.

Михаил пошевелился, позволяя своему сознанию просканировать окружающий мир. Он лежал неглубоко в земле, безмятежный. Возле его жилища не наблюдалось ни одного человека. Выбравшись на поверхность, он оказался в холодном влажном подвале. Пока он принимал душ — просто привык к человеческому способу очищения, хотя в этом не было необходимости, — его сознание, потянувшись, дотронулось до сознания Рейвен. Она дремала в горах, не защищенная в надвигающихся сумерках. Он нахмурился. У этой женщины нет ни малейшего понятия о безопасности. Ему захотелось встряхнуть ее, и это желание было даже сильнее стремления обнять ее и всегда удерживать в безопасном укрытии собственных рук.

Он тронулся в путь под заходящим солнцем, взбираясь по горным тропинкам со скоростью, присущей его расе. Солнце согревало кожу, делало его живым. Темные очки особой конструкции защищали его сверхчувствительные глаза, но он все равно слегка ощущал неудобство, словно тысячи игл могут вот-вот вонзиться ему в глаза. Он был уже рядом со скалой, на которой спала Рейвен, когда уловил запах другого мужчины.

Рэнд.

Михаил обнажил зубы. Солнце опустилось за горы, отбрасывая на холмы темные тени и погружая лес в мрачные тайны. Михаил вышел на открытое место, его руки были плотно прижаты к телу, тело было некой текучей комбинацией силы и гармонии. Чистая угроза, подкрадывающийся демон, молчаливый и смертельно опасный.

Рэнд, находясь к нему спиной, приближался к женщине на скале. Почувствовав витающую в воздухе силу, он развернулся — в красивых чертах его лица сквозили страшное горе и опустошение.

— Михаил...

Его голос дрогнул, и он потупил глаза.

— Я знаю, ты никогда не простишь меня. Ты же знаешь, я не был истинным Спутником жизни Ноэль. Она бы не позволила мне уйти. Она грозила покончить с собой, если я оставлю ее и попытаюсь найти другую. И я, как трус, оставался с ней.

— Почему я нахожу тебя рядом с моей женщиной? — прорычал Михаил.

Ярость поднималась в нем до тех пор, пока жажда крови не свернулась клубком у него внутри, как живое существо. Если Ноэль угрожала выйти на солнце, то этот вопрос нужно было задать ему. У Михаила было достаточно сил и власти, чтобы избавить Ноэль от этой губительной привычки. Рэнд прекрасно знал, что Михаил был их принцем, их вожак, и, хотя они не обменивались кровью, он тем не менее мог прочесть извращенное удовольствие мужчины в его болезненных отношениях с Ноэль, в его господстве над ней и ее одержимостью им.

Позади них Рейвен пошевелилась и села, отбросив назад волосы привычным жестом. Она выглядела сонной, но коварной обольстительницей, поджидающей любовника. Рэнд, повернув голову, взглянул на нее, и какая-то хитрость промелькнула в выражении его лица. Она ощутила неожиданное предупреждение Михаила хранить молчание, безудержное горе Рэнда, его ревность и неприязнь к Михаилу, тяжелое напряжение между мужчинами.

— Байрон и Жак сказали мне, что она под твоей защитой. Я не мог спать и узнал, что она находится здесь одна и без защиты. Мне нужно было что-то сделать, или я бы присоединился к Ноэль.

Мольба о понимании, если не о прощении, прозвучала в его словах, хотя Рейвен не была уверена, что Рэнд подразумевал именно то, что сказал. Она не знала почему, возможно, потому, что его горе было таким безутешным. Может быть, он отчаянно нуждался в уважении Михаила и понимал, что никогда его не заслужит.

— Тогда я твой должник, — твердо сказал Михаил, стараясь контролировать ненависть к мужчине, который оставил без защиты женщину, недавно родившую ему ребенка, чтобы затем нарочно мучить ее запахом другой женщины на своей коже.

Рейвен соскользнула со своего места, маленькая, хрупкая женщина с большими синими глазами, полными сострадания.

— Я вам сочувствую, — пробормотала она, стараясь держаться на расстоянии.

Этот мужчина был мужем убитой женщины. Его вина и горе прокрадывались в ее сознание, причиняя боль, но она все равно волновалась за Михаила. Что-то неправильное было в Рэнде. Какая-то двойственность внутри — вроде бы не зло, но что-то было не так.

— Спасибо, — сдержанно ответил Рэнд. — Мне нужен мой ребенок, Михаил.

— Тебе нужна целебная земля, — не согласился с ним Михаил, спокойный и непреклонный в своем решении, беспощадный в своем ответе.

Он не смог бы передать драгоценного беспомощного ребенка этому мужчине в его теперешнем состоянии.

Внутри у Рейвен все сжалось, свернулось, и боль прошла через ее сердце при этих жестоких словах. Она только отчасти поняла, что означает сказанное Михаилом. Этот мужчина,

горюющий по убитой жене, лишился еще и ребенка, но принимал слова Михаила как приговор. Она почувствовала его боль, словно свою, и ей захотелось воспротивиться решению Михаила.

— Пожалуйста, Михаил. Я любил Ноэль.

В глубине души Рейвен знала, что Рэнд просит не за ребенка.

От ярости лицо Михаила потемнело, губы сжались, а глаза полыхнули красным огнем.

— Не говори мне о любви, Рэнд. Отправляйся под землю, исцелись. Я найду ассасинов и отомщу за свою сестру. Больше я не буду давать волю чувствам. Если бы я не уступил ее мольбам, она была бы сейчас жива.

— Я не могу спать. Это мое право отправиться на охоту.

Рэнд говорил вызывающе, угрюмо, словно ребенок, который хочет добиться уважения и равенства, но знает, что этого никогда не будет.

Нетерпение промелькнуло на задумчивом лице Михаила.

— Тогда я приказываю тебе и даю исцеляющий отдых, необходимый и твоему телу, и твоему сознанию.

Его голос был бесстрастным, как всегда. И если бы не ярость, пылающая в черных глазах, Рейвен подумала бы, что он заботится об этом мужчине.

— Мы не можем себе позволить потерять и тебя, Рэнд.

Его голос вдруг стал бархатным, повелевающим.

— Ты отправишься спать, Рэнд. Ты отправишься к Эрику, и он поможет тебе подготовиться и защитить себя. Ты будешь пребывать во сне до тех пор, пока не перестанешь представлять опасность для себя и для других.

Рейвен была поражена и встревожена его неограниченной властью, которую он сам воспринимал как должное. Один только его голос мог ввести в гипнотический транс. Никто не сомневался в его авторитете, даже в принятии решения по такому важному вопросу, как сохранность ребенка. Она прикусила губу, запутавшись в своих ощущениях. Он был прав насчет ребенка. Она чувствовала какую-то неискренность в Рэнде, и все же то, что взрослый мужчина повинуется его приказу — вынужден повиноваться, пугало ее. Ни у кого не должно быть такого голоса, таких способностей. Что-то столь сильное могло быть применено неправильно, могло легко развратить того, кто владел им.

Когда Рэнд ушел, они остались стоять в сгущающихся сумерках, глядя друг на друга. Рейвен чувствовала, как на нее давит недовольство Михаила, и вызывающе вздернула подбородок. Он мгновенно придвинулся ближе, его пальцы обхватили ее горло, словно он хотел ее задушить.

— Ты больше никогда не поступишь так безрассудно.

Она прищурилась.

— Не пытайся угрожать мне, Михаил, ничего не получится. Никто не смеет говорить мне, что делать и куда идти.

Его пальцы соскользнули на ее запястья, сжимая их так, словно он хотел сломать хрупкие косточки.

— Я не потерплю глупостей, из-за которых твоя жизнь может оказаться в опасности. Мы уже потеряли одну из наших женщин. Я не хочу потерять и тебя.

Его сестра, сказал он. Сострадание боролось в ней с инстинктом самосохранения. Главная причина их сегодняшней ссоры — то, что он так пугал ее.

— Михаил, ты не можешь положить меня в коробку и хранить на полке.

Она сказала это как можно мягче.

— Я не собираюсь спорить по поводу твоей безопасности. Чуть раньше ты осталась наедине с мужчиной, который думал о том, чтобы овладеть тобой силой. На тебя могли напасть дикие звери, и, если бы ты не была под моей защитой, в своем теперешнем состоянии Рэнд вполне мог поранить тебя.

— Но ничего этого не произошло, Михаил. Она дотронулась до его щеки, ласково поглаживая ее пальцами.

— Тебе и так есть о чем беспокоиться, и без меня хватает ответственности. Я могу помочь тебе. Ты же знаешь, я способная.

Он дернул ее за запястье так, что она потеряла равновесие и упала прямо на него.

— Ты сводишь меня с ума, Рейвен.

Его руки взметнулись, он прижал ее к себе. Голос стал низким, тягучим, гипнотизирующим — настоящая черная магия.

— Ты единственный человек, которого я хочу защищать, хотя ты и не повинешься мне. Ты настаиваешь на независимости. Все остальные полагаются на мою силу, а ты хочешь помогать мне, хочешь взять на себя мои обязанности.

Он приблизил губы к ее рту.

И снова земля вдруг зашаталась у нее под ногами, а в окружающем воздухе затрещали электрические разряды. Язычки пламени лизали ее кожу, согревая кровь. Разноцветные пятна поплыли и заплясали перед глазами. Его губы и язык заявляли на нее свои права, настойчивые, мужские, подавляющие волю и мысли о сопротивлении. Она приоткрыла губы для него, разрешая ему проникнуть внутрь, решившись подвергнуться сладостно-жгучему нападению.

Ее руки, пройдясь по его широким плечам, обхватили его за шею. Ее тело стало податливым, мягким, подобно огненному шелку. Михаилу захотелось опустить ее на мягкую землю, сорвать с нее надоевшую одежду и окончательно сделать своей. Она была такой чистой на вкус. Никто не предлагал разделить с ним его нескончаемое бремя. Никто, пока не появилась эта маленькая хрупкая смертная, даже не задумывался о цене, которую ему приходится платить. Человек. Она была достаточно храброй, чтобы противостоять ему, и он не мог не уважать ее за это.

Михаил закрыл глаза, наслаждаясь ощущением ее тела, которое прижималось к нему, чтобы

почувствовать, с какой силой он ее желает. Он держал ее в своих руках, сгорая от желания, нуждаясь в ней, даже не понимая, как этот огненный шторм мог его поглотить. Неохотно он поднял голову, хотя его тело сопротивлялось этому.

— Пойдем домой, Рейвен.

Его голос был неприкрытый соблазн.

Ее мягкие губы изогнулись в улыбке.

— Не думаю, что это безопасно. Ты принадлежишь к тому типу мужчин, от общения с которыми меня предостерегала мама.

Он собственнически обнял ее за плечи, привлекая к себе. Михаил не имел ни малейшего намерения позволить ей снова покинуть его мир. Его тело подтолкнуло ее в нужном направлении. Они шли вместе, и приятная тишина окружала их.

— Джейкоб не собирался причинять мне боль, — вдруг заявила она. — Я бы об этом знала.

— Ты не дотрагивалась до него, малышка, к счастью для него.

— Он, конечно, способен на насилие. Жестокость всегда так трудно заметить. — Она одарила его озорной улыбкой. — Она прилипает к тебе, как вторая кожа.

В отместку за поддразнивание он дернул ее за толстую косу.

— Я хочу, чтобы ты остановилась у меня. По крайней мере, до тех пор, пока мы не найдем и не уничтожим ассасинов.

Рейвен некоторое время шла молча. Он сказал «мы», словно они были командой. Это обрадовало ее.

— Знаешь, Михаил, сегодня произошла очень странная вещь. Кажется, ни один человек ни в гостинице, ни в деревне не знает об убийстве.

Его пальцы слегка коснулись ее скулы.

— И ты им ничего не сказала.

Она бросила на него успокаивающий взгляд из-под длинных ресниц.

— Естественно. Не люблю сплетничать.

— Смерть Ноэль была жестокой, бессмысленной. Она была Спутницей жизни Рэнда...

— Ты и раньше использовал это выражение. Что оно означает?

— Что-то вроде жены или мужа, — объяснил он. — Ноэль всего два месяца как родила ребенка. Она находилась под моей ответственностью. Ноэль не повод для сплетен. Мы сами найдем ее убийц.

— Ты не думаешь, что если убийца свободно гуляет по такой маленькой деревне, люди имеют право знать об этом?

Михаил тщательно подбирал слова.

— Румынам не грозит опасность. И это работа не для одного человека. Ассасины хотят уничтожить нашу расу. Почти все истинные карпатцы вымерли. У нас жестокие враги, которые хотели бы видеть нас всех мертвыми.

— Почему? — Михаил пожал плечами.

— Мы другие, у нас есть определенные способности, таланты. Люди боятся всего необычного. Ты должна знать об этом.

— Возможно, и во мне течет карпатская кровь, только разбавленная, — не без сожаления сказала Рейвен.

Это так здорово — думать, что у нее был предок с такими же способностями.

Его сердце потянулось к ее сердцу. Какой ужасно одинокой, должно быть, была ее жизнь. Михаилу захотелось окружить ее кольцом своих рук и защитить от всех жизненных невзгод. Свое одиночество он выбрал сам, у Рейвен же не было выбора.

— Наши права на нефть и полезные ископаемые в стране, где большинство довольствуется малым, — веская причина для озлобления и зависти. Для моих людей закон — это я. Я решаю, что делать, когда нашему положению и нашим жизням угрожает опасность. Это из-за моего неверного решения Ноэль оказалась в опасности, и теперь мой долг — выследить ее убийц и наказать их.

— Почему ты не вызвал местные органы власти?

Она изо всех сил пыталась понять, осторожно подбираясь к истине.

— Я — единственная власть для моих людей. Я — их закон.

— Один?

— У меня есть другие, которые охотятся, их на самом деле много, но все делается по моему приказу. Всю ответственность я беру на себя.

— Судья, присяжные и палач в одном лице? — спросила она, задержав дыхание в ожидании ответа.

Ее чувства не могли лгать. Она чувствовала пятно зла в нем, и неважно, насколько хороший заслон он создавал. Никто не мог быть настолько хорошим, чтобы не ошибиться хотя бы раз. Она не заметила, что остановилась, пока его руки не скользнули вверх и вниз по ее рукам, согревая ее дрожащее тело.

— Теперь ты боишься меня.

Он сказал это мягко, устало, словно этим она причинила ему боль. А это действительно ранило. Он хотел, чтобы она боялась его, преднамеренно вызывал ее страх, но теперь, добившись своей цели, понял, что желал совсем не этого.

Его голос проник в потаенные уголки ее души.

— Я не боюсь тебя, Михаил, — мягко возразила она, поднимая лицо, чтобы рассмотреть его в

лунном свете. — Я боюсь за тебя. Такая большая власть может привести к непредсказуемым последствиям. Такая большая ответственность — к краху. Ты принимаешь решения о жизни и смерти, которые может принимать только Бог.

Он ласкал ее шелковистую кожу, его пальцы очерчивали контур ее полной нижней губы. Бездонные синие глаза казались такими огромными, все ее чувства были открыты его гипнотизирующему взгляду. Беспокойство, сочувствие, зарождающаяся любовь и сладостная невинность, что потрясло его до самого основания. Она беспокоилась о нем. Беспокоилась.

Отвернувшись, Михаил громко застонал. Она не представляла, что предлагает такому существу, как он. Он знал, что был недостаточно сильным, чтобы сопротивляться, и поэтому презирал себя за свой эгоизм.

— Михаил.

Она дотронулась до его руки. Он еще не питался, и это сочетание любви, страсти и голода было настоящей гремучей смесью, пьянящей и очень, очень опасной. Как он мог не любить ее, когда находился в ее сознании, читал ее мысли, хорошо знал ее? Она была светом в его темноте, его второй половинкой. Может быть, это и невозможно, вероятнее всего, это просто ошибка природы, но он не мог не любить ее.

— Позволь мне помочь тебе. Раздели эту ужасную ночь со мной. Не отдаляйся от меня.

Всего одно прикосновение ее руки, беспокойство в глазах, чистота и искренность, прозвучавшие в ее голосе, вызвали еще не знакомую ему нежность, которая до этого была скрыта глубоко внутри его существа.

Он притянул ее к себе, прекрасно сознавая настойчивые требования собственного тела. С животным рыком он подхватил ее на руки, прошептав мягкий приказ, и понесся со скоростью, на которую только был способен.

Рейвен вдруг поняла, что находится в теплой библиотеке Михаила, огонь камина отбрасывает тени на стены, а она не знает, как здесь оказалась. Она не помнила, как входила сюда, но тем не менее они находились в его доме. Рубашка Михаила была расстегнута, открывая крепкие мускулы на груди. Взгляд его темных глаз сосредоточился на ее лице, наблюдая за ней с неподвижностью и настороженно, словно взгляд хищника. Он и не старался скрывать, что желает ее.

— Я даю тебе последнюю возможность, малышка, — сказал он резко и хрипло, словно слова застревают у него в горле. — Я найду в себе силы отпустить тебя, если ты этого захочешь. Сейчас. Прямо сейчас.

Их разделяло расстояние от одной стены до другой. Воздух будто застыл. Доживи она хоть до ста лет, этот момент навсегда останется у нее в памяти. Он стоял в ожидании ее решения — разделить с ним жизнь или обречь его на вечное одиночество. Он высоко поднял голову, его тело было напряжено, голодные глаза горели.

Он прогнал все здравые мысли из ее головы. Если она оставит его, не приговорит ли и себя к такой же судьбе? Кому-то нужно любить этого мужчину, хоть немного заботиться о нем. Как он так долго смог прожить один? Он ждал. Не было ни принуждения, ни соблазна, только его глаза, его желание, его отверженность в этом мире. Остальные полагались на его силу, нуждались в его способностях, даже не выказывая ему привязанности, не благодаря за неустанную бдительность. Она могла удовлетворить его голод как никто другой. Она знала это

на уровне подсознания. Для него не существовало другой женщины. Он хотел ее. Он ее жаждал. Она не могла уйти от него.

— Сними свой свитер, — попросил он.

Теперь у него не было пути назад. Он прочитал решение в ее глазах, в легком подрагивании ее губ.

Она отступила назад, ее синие глаза широко раскрылись. Очень медленно, почти через силу, она сняла свитер, словно где-то глубоко внутри понимала, что отдает ему нечто большее, чем свою невинность. Понимала, что отдает свою жизнь.

— Водолазку.

Она облизала губы, увлажняя их атласную поверхность. Ответное движение в его теле было диким, примитивным. Как только она сдернула водолазку, его руки нащупали пуговицы брюк. Ткань плотно облегла его тело, стесняя движения и причиняя боль. Он был осторожен, одеваясь в человеческой манере, стараясь не напугать ее еще больше.

Ее обнаженная кожа мерцала в свете камина. Тени скользили по линиям ее тела. У нее была узкая грудная клетка, тонкая талия, и это только подчеркивало щедрую полноту груди. Мужчина в нем сделал резкий вдох, охваченный желанием, а зверь взревел, требуя освобождения.

Михаил сбросил рубашку на пол, не в силах больше терпеть прикосновения ткани на своей сверхчувствительной коже. В его горле родился звук, животный, дикий, — жесткое, варварское требование. А снаружи поднялся ветер, и темные, зловещие облака поплыли на фоне луны. Отбросив в сторону человеческую одежду, он обнажил свое тело — рельефные мускулы и пылающее желанием естество.

Она судорожно сглотнула, снимая с плеч кружевные бретельки расстегнутого бюстгалтера и позволяя ему соскользнуть на пол. Ее груди соблазнительно напряглись, соски затвердели.

Он пересек комнату одним скользящим движением, не заботясь о дальнейших объяснениях. Им овладел многовековой инстинкт. И, сдернув одним движением неприятные ему джинсы с ее бедер, он отбросил их в сторону.

Рейвен вскрикнула, и в ее глазах появилась тень страха, вызванного его напором. Но Михаил успокоил ее одним прикосновением, лаская ее тело, запечатлевая в памяти каждую его линию.

— Не бойся моего желания, малышка, — прошептал он ласково. — Я никогда не причиню тебе боли. Для меня это просто невозможно.

Ее хрупкие косточки, кожа, подобная горячему шелку. Масса волос, выпущенная им на свободу, скользила по его напряженному телу, отчего огненные стрелы пронзали его пах. Все его тело напряглось, пылая. Господи, он так сильно нуждался в ней. Так сильно.

Он обхватил одной рукой ее затылок крепкой хваткой, так, что она не могла вырваться, запрокинул ее голову, открывая для себя горло Рейвен и приподнимая грудь. Другая его рука медленно скользила по ее телу — пройдясь по возвышенности груди, она на краткий миг остановилась на его метке, оставленной у нее на шее, так что она вновь почувствовала жжение и пульсацию, а затем вернулась, обхватив бархатистую шею. Он проследил линию каждого ее ребра, утоляя свой голод, успокаивая ее страхи. Пройдясь кончиками пальцев по ее плоскому

животу и бедрам, он остановился на треугольнике шелковистых завитков.

Она и прежде чувствовала его прикосновения, но на этот раз они были в тысячу раз сильнее. Его рука вызвала нестерпимую жажду, чувство полного погружения в мир чистых ощущений. Что-то тихо прорычав на своем языке, Михаил положил ее на пол перед камином. Он действовал настолько стремительно, поймав ее в ловушку между собой и деревянным полом, что на какой-то момент ей показалось, что внутри этого мужчины поселилось дикое животное и подчинило его себе. Вплоть до этого момента Михаил даже и не подозревал, насколько он был близок к обращению. Эмоции, страсть и вожеление — все смешалось воедино, пока его не охватил страх за них обоих.

Свет от камина отбрасывал на него дьявольские тени. Он выглядел огромным, неукротимым, опасным животным, когда склонился над ней.

— Михаил.

Она мягко произнесла его имя, потянувшись, чтобы его искаженные черты смягчились, чтобы он действовал помедленнее.

Но он поймал и сжал оба ее запястья в своей руке, вытянув их над ее головой.

— Мне нужно твое доверие, малышка.

В его голосе была смесь резкой команды и черной бархатистой магии.

— Доверься мне. Пожалуйста, доверься мне.

Она боялась, такая уязвимая, растянутая перед ним, подобно языческой жертве, подношению давно умершему божеству. Его глаза скользнули по ней, пылающие, обжигающие ее кожу везде, где останавливался его пристальный взгляд. Рейвен, замерев, лежала, прижатая с безжалостной силой, ощущая его неумолимую решимость, прекрасно осознавая ту ужасную внутреннюю борьбу, которая шла внутри его. Ее пристальный взгляд скользнул по его чертам, его рту — такому чувственному и свидетельствующему о жестокости, его глазам — горящим неистовой жадью. Рейвен шевельнулась, понимая, что будет не в состоянии остановить его. Она боялась их соединения, потому что не была уверена в себе, не знала, чего ожидать, но верила ему.

Ощущение ее обнаженного тела, извивающегося под ним, еще больше воспламенило его. Михаил простонал ее имя, скользнув руками по ее бедрам и найдя средоточие ее женственности.

— Доверься мне, Рейвен. Я нуждаюсь в твоём доверии.

Его пальцы, найдя ее лоно, ласкали, возбуждали, вызывая прилив горячей влаги. Склонив голову, он пробовал на вкус ее кожу, вдыхал ее запах.

Она тихо вскрикнула, когда его рот нашел ее грудь, а пальцы глубоко проникли в нее. От удовольствия ее тело задрожало. Он двинулся ниже, проследив языком тропинку, которую уже прошли его пальцы. С каждым прикосновением его тело становилось все напряженнее, сердце раскрывалось ей навстречу, а запертое в клетке чудовище делалось сильнее. Половинка. Его. Он вдохнул ее запах, погружаясь в самую его сущность. Его язык скользил по ней в медлительных ласках.

Она снова шевельнулась, все еще не уверенная, но успокоенная, когда он поднял голову и взглянул на нее как властелин. Он неторопливо развел в стороны ее колени, раскрывая перед собой ее самое уязвимое место. Предупреждающе посмотрел в ее глаза, а потом склонил голову и начал пить.

Где-то глубоко в душе Михаил понимал, что она слишком невинна для такой особой, необузданной любовной ласки, но он был решительно настроен на то, чтобы она получила удовольствие от их соития, удовольствие, которое даст ей он, а не какое-то гипнотическое внушение. Он слишком долго ждал свою половинку — бесконечные столетия голода, темноты и полного одиночества. Он не мог быть мягким и внимательным, когда все внутри его требовало, чтобы она принадлежала ему — без остатка и навсегда. Он знал, что ее доверие было для него всем. Ее вера в него будет ее защитой.

Ее тело начало содрогаться, она вскрикнула. Михаил прижался к ней, наслаждаясь ощущением ее кожи, ее мягкости, поражаясь тому, какая она маленькая. Каждая, самая незначительная подробность запечатлелась в его сознании, стала частью дикого удовольствия, в котором он не мог себе отказать.

Он отпустил ее запястья, склонившись, чтобы поцеловать ее в губы, в глаза.

— Ты такая красивая, Рейвен. И принадлежишь мне. Принадлежишь только мне.

Он лег поверх нее. Он напрягся — невероятно сильный, дрожащий от желания.

— А никого другого и не могло быть, Михаил, — мягко ответила она, ее пальцы успокаивали его горящую кожу.

Она разгладила складки глубокого отчаяния на его лице, радуясь прикосновению к его волосам.

— Я доверяю тебе, только тебе.

Михаил обхватил ее небольшие бедра.

— Я буду так нежен, насколько смогу, малышка. Не закрывай глаза, оставайся со мной.

Она была влажной, готовой для него, но когда он медленно вошел в нее своим напряженным членом, то почувствовал внутри защитный барьер. Резко вздохнув, она напряглась.

— Михаил.

В ее голосе слышалась тревога.

— Это ненадолго, малышка, а потом я возьму тебя на небеса.

Он ждал ее согласия, горя от нетерпения.

Ее глаза блестели, и в них было доверие, когда она взглянула на него. Никто, ни из ее рода, ни из его, на протяжении веков никогда не смотрел на него так, как сейчас смотрела она. Михаил подался вперед, глубже входя в тесное полыхающее огнем влагище. Она тихо застонала, и он, склонив голову, нашел ее рот, стирая боль прикосновением языка. Он все еще сдерживал себя, чувствуя биение их сердец, то, как кровь пела в их венах, пока ее тело приспособлялось к нему.

Он целовал ее нежно, ласково, раскрывая свое сознание, насколько это было возможно, желая разделить себя с нею. Его любовь была дикой, всепоглощающей, защищающей, заслужить которую было нелегко, но которая предназначалась ей одной. Затем он начал двигаться, вначале медленно и осторожно, следя за ее реакцией по выражению лица.

Требования его тела начали брать над ним вверх. Пламя лизало его кожу, ревело внутри. Его мышцы напряглись, капли пота выступили на коже. Он еще ближе притянул ее к себе, заявляя на нее свои права, погружаясь в нее снова и снова, полный решимости утолить свой неутолимый голод.

Руки Рейвен передвинулись на его грудь, трепеща, словно в знак протеста. Он что-то предупреждающе проворчал, склонив голову к темной маковке ее левой груди. Мягкая бархатистая кожа, жаркое влагилице. Он весь горел, двигаясь все сильнее, ища освобождения единственно доступным ему способом. Они были одним целым; она была его второй половинкой. Она снова шевельнулась, отодвигаясь от него, задыхаясь и невнятно протестуя, выказывая свои страх перед волной удовольствия, охватившей ее. Он снова что-то проворчал, протестуя и погружая крепкие зубы в выемку на ее шее, прижимая к полу.

Сжигавший их огонь превратился в бушующий пожар, который уже нельзя было остановить. Гром грохотал, сотрясая стены, вспышки молнии одна за другой ударили в землю. Он взревел, вознося мольбу к небесам, когда взял ее с собой за пределы земли. Это длилось бесконечно. Боль граничила с удовольствием, заставляя требовать все больше и больше. Освободившись, его тело начало испытывать ненасытный чувственный голод, чудовище, живущее в нем, пробудилось.

Рот Михаила, оставив ее плечо и пройдясь вдоль линии горла, нашел устойчивое биение ее сердца под полной манящей грудью. Приласкав языком ее напряженные соски, он обвел ее грудь языком раз, второй. А затем его зубы глубоко вошли в нее, и он начал питаться; и вновь его тело овладевало ею, страстно и быстро, ненасытное в этом безумии. На вкус она была сладкая. Он жаждал все большего и большего, его тело становилось все мощнее, двигаясь сильнее и сильнее, все глубже погружаясь в нее, подводя ее к очередному оглушительному экстазу.

Рейвен боролась с собой, не узнавая Михаила в том чудовище, чьи эмоции представляли собой смесь чувственного голода и зверского аппетита. Ее тело отвечало ему, находясь во власти своей, казалось бы, бесконечной потребности в нем. Его рот обжигал и мучил ее кожу, казалось бесконечно питаясь, стремительно приближая кульминацию. Она чувствовала, как слабеет, странная эйфория постепенно овладевала ею, непонятная истома. Прижав к себе его голову, она отдавала всю себя во власть его страшного голода, в то время как его тело снова и снова содрогалось в конвульсиях.

Именно ее одобрение отрезвило его. Эта женщина не была под гипнозом, она предлагала себя добровольно потому что чувствовала его неистовое желание, потому что верила, что он остановится прежде, чем причинит ей вред, прежде, чем убьет ее.

Язык Михаила прошелся по ее груди, закрывая рану. Когда он поднял голову, его глаза горели, как у животного, ее вкус оставался у него во рту, на его губах. Он выругался тихо, мучительно, испытывая отвращение к самому себе. Она была под его защитой. Он еще никогда ненавидел себя и свою расу больше, чем сейчас. Она так легко отдавала себя, и он эгоистично этим воспользовался; чудовище в нем стало настолько сильным, когда он уступил бурному восторгу от слияния со Спутницей жизни.

Он поднял ее безвольное тело, сжав его в объятиях.

— Ты не умрешь, Рейвен.

Он испытывал ярость к самому себе. Не это ли было его целью? В самом темном уголке сознания не надеялся ли он, что это может произойти? Он постарается ответить на этот вопрос позже. Прямо сейчас ей необходима кровь, и как можно быстрее.

— Оставайся со мной, малышка. Я остался в этом мире из-за тебя. Ты должна быть сильной ради нас обоих. Ты можешь меня слышать, Рейвен? Не оставляй меня. Я могу сделать тебя счастливой. Я знаю, что могу.

Он сделал глубокий разрез на своей груди и прижал ее рот к темно-красной струе.

Ты должна пить, подчинись мне.

Он знал, что было бы лучше, если б она пила прямо из него, но ему нужно было держать ее, нужно было ощущать ее мягкий рот на своей коже, впитывающий саму его сущность, вбирающий его жизненные соки в ее истощенное тело.

Она повиновалась неохотно, ее тело грозило отвергнуть его дающую жизнь влагу. Поперхнувшись, она попыталась отвернуть голову. Но он крепко прижал ее к себе.

Ты должна жить, малышка. Пей большими глотками.

У нее была очень сильная воля. Даже со своими людьми ему не приходилось прилагать столько усилий, чтобы заставить их повиноваться. Естественно, его люди верили в него и были согласны выполнять его приказы. И хотя Рейвен не подозревала, что он воздействует на нее, где-то глубоко внутри ее чувство самосохранения воспротивилось его командам. Но это не имело значения. Его воля будет преобладать. Она всегда преобладает.

Михаил отнес ее в свою спальню. И, измельчив ароматные исцеляющие травы, он покрыл ими ее маленькое неподвижное тело и погрузил в глубокий сон. Через час надо будет заставить ее выпить еще. Некоторое время он постоял возле кровати, глядя на нее и чувствуя, что сейчас закричит. Она выглядела такой красивой и необыкновенной — драгоценное сокровище, с которым он так жестоко обошелся, когда должен был защищать ее от чудовища, сидевшего у него внутри. Карпатцы не были людьми. Их любовные игры были чрезвычайно дикие. Рейвен молодая, неопытная, она человек. Он оказался неспособен сдержать свои вновь обретенные чувства в пылу страсти.

Дрожащими пальцами он слегка дотронулся до ее лица и, склонившись, поцеловал в мягкие губы. А затем с проклятием повернулся и вышел из комнаты. Запирая дверь, он знал, что никто и ничто не проникнет к ней, потому что выставленная им защита была самой сильной.

Буря бушевала снаружи так же яростно, как обуревавшие его страсти. Сделав три шага, он поднялся в воздух и понесся по направлению к деревне. Вокруг свистел ветер. Дом, который он искал, был совсем небольшой. Он встал перед дверью, и его лицо превратилось в мученическую маску.

Эдгар Хаммер молча открыл дверь и отступил в сторону, позволяя ему войти.

— Михаил.

Эдгару Хаммеру было восемьдесят три года, и большую часть жизни он провел в служении Господу. Он считал, что ему оказана высокая честь — числиться среди избранных друзей Михаила Дубрински.

Михаил заполнил собой и своей властью всю комнату. Он был сильно взволнован. В то время как он безостановочно шагал по комнате, буря становилась все яростнее.

Эдгар устроился на стуле, зажег трубку и ждал. Он еще никогда не видел Михаила в каком-либо другом состоянии, кроме абсолютного спокойствия. Но сейчас перед ним был опасный человек, которого Эдгар не видел даже мельком.

Михаил ударил кулаком по каминной полке, отчего она покрылась сетью трещин.

— Сегодня ночью я почти убил женщину, — решительно признался он, в его темных глазах сквозила боль. — Вы говорили, Бог создал нас с определенной целью. Я больше чудовище, чем человек, Эдгар, и я не могу продолжать обманывать самого себя. Я искал вечный покой, но даже в этом мне было отказано. Ассасины преследуют мой народ. Я не имею права покинуть их, пока не буду знать, что они защищены. А теперь и моя женщина в опасности — и это не только я, но и мои враги.

Эдгар невозмутимо курил трубку.

— Вы сказали «моя женщина». Вы любите ее?

Михаил раздраженно махнул рукой.

— Она моя.

Он сказал так, как сказал. Как он мог выговорить слово «любовь»? Оно не выражало того, что он чувствовал. Она была сама чистота. Сочувствие. Все, чем ОН НЕ ЯВЛЯЛСЯ.

Эдгар кивнул.

— Вы влюблены в нее.

Михаил мрачно нахмурился.

— Я испытываю голод. Я желаю. В этом вся моя жизнь.

Он сказал это с мукой.

— Тогда почему вы испытываете такую боль, Михаил? Вы хотите ее, возможно, нуждаетесь в ней. Я могу допустить, что вы взяли ее. Вы были голодны, и я могу предположить, что вы питались. Почему вы должны испытывать такую боль?

— Вы знаете, что это неправильно — брать кровь у женщины, к которой мы чувствуем жажду совсем иного рода.

— Вы говорили, что не чувствовали сексуального желания несколько веков. Поэтому вы не можете его испытывать, — напомнил Эдгар.

— Я желаю ее, — признался Михаил с болью. — Я хочу ее каждую минуту. Я нуждаюсь в ней. Господи, она должна быть моей. Не только ее тело, но и ее кровь. Я пристрастился к ее вкусу. Я страстно желаю ее, всю, несмотря на то, что это запрещено.

— Но вы все равно сделали это?

— Я почти убил ее.

— Но не убили же. Она жива. Это ведь не первый случай, когда вы питались неосторожно. Остальные причиняли вам боль?

Михаил отвернулся.

— Вы не понимаете. Причина в том, как это произошло, что я сделал потом. Я боялся этого с того самого момента, как впервые услышал ее голос.

— Если этого никогда не случалось раньше — почему вы боитесь?

Михаил опустил голову и сжал кулаки.

— Потому что я желал ее, я не мог пережить ее потерю. Я хотел, чтобы она узнала меня, узнала с наихудшей стороны. Увидела меня, какой я есть. Я хотел привязать ее к себе так, чтобы она никогда не смогла покинуть мой мир.

— Она человек.

— Да. Но у нее есть способности, ментальный канал связи со мной. Сочувствие. Она стремится к красоте. Я говорил себе, что не буду так поступать, что это неправильно, но прекрасно понимал, что все равно так поступлю.

— И, зная, что все это, по вашему собственному убеждению, является неправильным, вы все равно это сделали. У вас должна быть веская причина.

— Эгоизм. Вы меня не слышали? Я, я, я. Все для себя. Я нашел причину продолжить свое существование и взял то, что мне не принадлежит, и даже теперь, разговаривая с вами, я понимаю, что не отпущу ее.

— Смиритесь со своей природой, Михаил. Смиритесь с тем, кто вы есть.

Смех Михаила был горьким.

— Для вас все так ясно. Вы говорите, я одно из Божьих созданий. У меня есть цель, я должен принять свою природу. Моя природа говорит: бери то, что должно тебе принадлежать, удерживай это, защищай это. Присоединяй к своему миру, если это необходимо. Я не могу позволить ей уйти. Не могу. Она словно ветер, свободный и свежий. Если я запру ветер в клетке, не умрет ли он?

— Тогда не держите его в клетке. Позвольте ему остаться рядом с вами.

— Как я смогу защитить ветер, Эдгар?

— Вы сказали, что не можете, Михаил. Вы не можете позволить ей уйти. Вы не сказали: не сделаете, не желаете. Вы сказали «не можете» — в этом все различие.

— Для меня. А как насчет ее? Какой выбор я предоставляю ей?

— Я всегда верил в вас, в вашу доброту и вашу силу. Вполне возможно, что девушка точно так же нуждается в вас. Вы слышали легенды и ложь о вашей расе так часто, что начали верить во

всю эту чепуху. Для вегетарианцев люди, употребляющие в пищу мясо, кажутся омерзительными. Тиграм для выживания нужны олени. Растения нуждаются в воде. Мы все в чем-то нуждаемся. Вы берете только то, в чем нуждаетесь. Преклоните колени, получите Божье благословение и возвращайтесь к своей женщине. Вы найдете способ защитить свой ветер.

Михаил преклонил колени, склонив голову и позволяя миру старого человека и его словам успокоить его. Снаружи так же внезапно затихла буря, словно растратила гнев и теперь можно сделать передышку до следующего раза.

— Спасибо, отец, — прошептал Михаил.

— Делай все, что должен, чтобы защитить свою расу, Михаил. В глазах Господа они все Его дети.

Глава 4

Михаил обхватил руками Рейвен и крепко прижал к себе. Его тело, словно защита, склонилось над ней. Она крепко спала, ее тело было легкое, как пушинка, а лицо совсем бледное. Под глазами залегли темные тени.

— Я сожалею, малышка, что из-за меня ты оказалась в таком состоянии. Животное, вот я кто, и я знаю, что поступил бы так снова. Ты не умрешь, я тебе не позволю, — нежно шептал он ей.

Сделав надрез на запястье, он наполнил темно-красной жидкостью стоявший рядом с кроватью бокал.

Послушай меня, Рейвен. Тебе надо выпить это. Повинуйся мне немедленно.

И он прижал бокал к ее бледным губам, вливая немного содержимого в ее горло. Его кровь обладала прекрасными целительными свойствами и могла сохранить ей жизнь.

Рейвен задохнулась и попыталась отвернуть голову, как и в первый раз.

Повинуйся мне немедленно. Ты должна выпить все до последней капли.

На этот раз он приказывал. Содержимое бокала вызывало у нее отвращение, ее тело старалось отторгнуть его, но его сила воли победила, как и всегда.

Михаил! — услышал он жалобный крик в своей голове.

Ты должна пить, Рейвен. Доверяй мне, как и раньше.

Она расслабилась и снова погрузилась в сон, неохотно повинуюсь ему.

Михаил уловил краткое мелькание ее запутанных мыслей, водоворот встревоженных эмоций. Она верила, что борется с ночным кошмаром. Но, тем не менее, цвет ее лица улучшился. Удовлетворенный, он прилег рядом. Она будет помнить обмен кровью только как часть кошмара. Приподнявшись на локте, он не торопясь изучил ее лицо, ее длинные густые ресницы, ее кожу без единого изъяна и высокие скулы. Но он знал, что не только в этом заключалась ее красота, было что-то глубоко внутри ее, сочувствие и свет, которые позволили ей принять его дикую, неприрученную натуру.

Это было выше его понимания, как такое чудо могло произойти. Как раз тогда, когда он понял,

что готов без колебания выйти навстречу солнцу, ему прислали ангела. Он улыбнулся. Его ангел отказывался делать то, что он говорил ей. Она реагировала намного лучше, когда он решался просить. Он слишком сильно привык к повиновению тех, кто находится под его защитой. Он должен был помнить, что она смертная, что она росла в другое время и привыкала к другим ценностям. Но в мужчинах-карпатцах еще до их рождения закладывается обязанность — защищать женщин и детей. У них было несколько женщин, и за последние столетия не рождалось ни одной девочки, поэтому защита оставшихся женщин была крайне необходима.

Рейвен была смертной, не карпаткой. Она не принадлежала к его миру. Когда она уйдет, то заберет с собой все цвета и эмоции. Заберет сам воздух, которым он дышит. Он закрыл глаза, противясь этой мысли. Где найти силы, чтобы позволить ей уйти? Ему нужно еще столько сделать, прежде чем взойдет солнце. А вместо этого ему хотелось остаться рядом с ней, удержать ее, убедить не покидать его, рассказать, что у него на сердце, что она значит для него, объяснить, что она не может его покинуть, что он не переживет этого. Не выживет.

Тяжело вздохнув, он поднялся. Ему нужно взбодриться и заняться делами. Вновь измельчив целебные травы, он погрузил ее в более глубокий сон. Он был чрезвычайно дотошным в том, что касалось безопасности его дома, и ко всему прочему отдал приказ лесным созданиям. Если кто-нибудь приблизится к его жилищу, представляя для нее угрозу, он сразу узнает об этом.

По зову Михаила Жак и Байрон встретили его среди ветвей деревьев, возвышающихся над домом Ноэль и Рэнда. После того как тело было обнаружено, его должным образом сожгли, как это было принято.

— Вы ни к чему не прикасались? — спросил Михаил.

— Только к телу. Вся их одежда и личные вещи оставлены, как было, — заверил его Байрон. — Рэнд не возвращался в дом. Знаешь, они, должно быть, расставили для тебя ловушки. Тело было брошено умышленно, как приманка.

— О, я в этом не сомневаюсь. Они будут использовать любую современную технологию — камеры, видео.

Михаил выглядел задумчивым.

— Они верят во все эти легенды. Колья, чеснок, обезглавливание. Они так предсказуемы и примитивны.

В его голосе прозвучала досада, презрение к убийцам.

— Они прикладывают много усилий, чтобы узнать что-то о нашей расе, прежде чем приговорить нас к смерти.

Байрон и Жак встревоженно переглянулись. В своем теперешнем состоянии Михаил мог быть смертельно опасным. Из-под прикрытых век его глаза светились яростью.

— Вы останетесь здесь и будете наблюдать. Если я попаду в беду, вы уйдете. Не привлекайте к себе внимания.

Он помедлил.

— Если что-то пойдет не так, я попрошу о помощи. Михаил незаметно перешел к давно установленным формальностям. Хотя Байрон и Жак рискнули бы жизнью ради него — это была исключительная привилегия, когда принц просит помощи у своих людей.

— Моя женщина крепко спит. Она отдыхает в моем доме. Меры безопасности многочисленны и опасны. Вы должны быть осторожны и предельно внимательны, когда будете их снимать. Она должна быть исцелена, научите ее, как защищать себя, и, если она решит остаться, обеспечьте ей защиту. Благодаря нашей кровной связи, Жак, ты унаследуешь мантию принца. Я полагаю, что сейчас она должна быть предложена Грегори, чтобы дать тебе время, за которое ты сможешь научиться быть вожаком. Если Грегори откажется ее принять — что, скорее всего, он и сделает, — моя мантия должна быть передана тебе, Жак. Ты не будешь испытывать к ней особой любви, что, как я подозреваю, ты уже осознаешь. Если это произойдет, ты должен заручиться верностью Грегори — тебе и нашему народу. Ты сделаешь это для меня. Байрон, ты будешь помогать Жаку так, как Грегори помогал мне. И вы оба должны будете присягнуть на верность Грегори, если он согласится.

Оба ответили как полагалось, произнеся слова, которые связали их данной клятвой. Байрон прочистил горло.

— Ты имеешь в виду... она одна из нас?

Он рискнул задать вопрос с большой осторожностью. Все они знали, что вампиры делали попытки обратить человеческих женщин. Они даже обсуждали возможность такой попытки, поскольку находились в отчаянном положении. Но риск превышал все преимущества. Женщины, которых обращали, сходили с ума и убивали маленьких детей, их нельзя было спасти. Карпатцы уже рождались со своими способностями и усваивали жесткую дисциплину. С теми немногими, кто нарушал их законы, разбирались быстро и решительно. Раса уважала все формы жизни, так как из-за потрясающей силы у них не было иного выбора.

Михаил покачал головой.

— Я знаю, что она — моя истинная пара. Но ритуал плохо отразился на ней, и у меня не было иного выбора, кроме как дать ей свою кровь.

Он говорил коротко и мрачно, чтобы предупредить вопросы, сделанные на свой страх и риск.

— Я не связал ее с собой. Она смертная, и это было бы ошибкой.

— Мы все сделаем так, как ты пожелаешь.

Байрон и Жак снова переглянулись. Жак при этом выглядел больше удивленным, чем встревоженным.

Михаил без всякого труда растворился, устремившись вниз через тяжелые ветки ели. Едва коснувшись земли, он принял облик волка. Туман не мог чувствовать запахи, поэтому ему потребовались уникальные способности его покрытого шерстью собрата. Он смог обнаружить след и пошел по нему. Несмотря ни на что, даже прежде всего — превыше всего — он был хищником. А его пронизательный ум только способствовал обострению охотничьих способностей.

Волк осторожно покрутился по поляне, прижав нос к земле, исследуя каждое дерево в окрестностях дома. Волк вдыхал смерть. Она наполняла его ноздри резким неприятным

запахом. Он начал пересекать местность, охватывая каждый дюйм в поисках образца, распознавая запах Рэнда, Эрика и Жака. Он обнаружил, с какой стороны ассасины приблизились к дому. Четверо мужчин. Он долго различал каждый запах, пока все они не вошли глубоко в его сознание. Не торопясь, он восстановил жуткую картину.

Мужчины приблизились тайком, время от времени перебегая от одного укрытия к другому. Волк проследовал по их пути, блуждая то здесь, то там, преодолевая расстояние и отыскивая спрятанные ловушки. Около двери он замер, осторожно покружил и отступил. Вдруг его задние лапы взрыли землю, и он прыгнул прямо в окно, разбив стекло и приземлившись на пол комнаты с высоты добрых шести футов. Глубоко внутри тела волка раздался невеселый смех Михаила. Четверо ассасинов вернулись на место зловещего убийства, чтобы установить камеры и с их помощью получить изображение представителей его расы. Если бы ассасины были достаточно смелы, они остались бы и дождались, когда тело будет обнаружено. Но они сделали свое дело и сбежали, словно трусы, какими, в сущности, и были.

Желчь подступила к горлу. Волк потряс головой, зарывав. Три запаха были ему неизвестны, а вот четвертый — хорошо знаком. Предатель. Сколько он получил за то, что выдал Ноэль? Волк снова подпрыгнул и покинул дом, разбив второе окно. Камера смогла бы запечатлеть только огромного волка, размытое изображение бьющегося стекла и туман, а затем снова волка. Только Михаил, да и еще несколько охотников — Жак и Грегори, Айдан и Джулиан — могли с такой скоростью менять облик.

Он начал выслеживать ассасинов. Один запах, отделившийся от других, вел глубоко в лес и выводил на опушку, почти рядом с домом Эдгара Хаммера и офисом доктора Уэстемера. Волк замер среди деревьев, уставившись на домишко позади офиса взглядом немигающих красных глаз. Затем резко развернулся, побежал назад, где пути убийц разошлись, и взял след трех оставшихся. Он вывел его прямо к гостинице, где остановилась Рейвен.

Михаил присоединился к Байрону и Жаку на верхушке дерева.

— Трое из них остановились в гостинице. Я опознаю их, когда окажусь рядом. Завтра я отвезу свою женщину назад, чтобы она собрала вещи. Пока я буду там, постараюсь отделить их запахи. Другого выхода узнать, вовлечены ли в это дело другие, нет. И до тех пор, пока мы все не узнаем, нужно быть предельно осторожными. В доме они установили видеокамеру, пусковое устройство которой установлено на двери. Каждый из нас пусть держится как можно дальше отсюда. Михаил надолго замолчал.

— Селесте посещает доктора Уэстемера? — наконец тихо спросил он.

— Я думаю, она ходит к жене Ганса Романова. Та работает с доктором и помогала появиться на свет большинству младенцев, — ответил Жак.

— А Элеонор? — уточнил Михаил.

Жак поежился.

— Я полагаю, она тоже.

— Эта женщина помогала Ноэль при родах?

Байрон откашлялся.

— Ноэль рожала дома, и Хейди Романов помогала ей. Рэнд был там же, и я пришел по его

просьбе. Когда акушерка уже ушла, Ноэль стала истекать кровью. Рэнду пришлось поделиться с ней своей. И потом, пока Рэнд охотился, я оставался с Ноэль. Нет, миссис Романов ничего этого не видела. Поблизости никого не было, я бы знал об этом.

— Это был Ганс Романов, именно он привел остальных к Ноэль. Я не знаю, вовлечена ли его жена, но кто-то сообщил ассасинам, что у карпатцев начали появляться дети.

Михаил сказал это бесстрастным тоном. И хотя глаза его сверкали, тело дрожало от ярости, а кулаки то сжимались, то разжимались, голос звучал абсолютно спокойным.

— Нужно выяснить, вовлечена ли в это женщина.

— Должна быть вовлечена, — отрезал Байрон. — Чего мы ждем?

— Потому что мы не жестокие твари, как эти дьяволы нас называют. Мы должны узнать, является ли акушерка предателем. И это не твоя обязанность вершить справедливый суд, Байрон. Это не то, с чем легко жить, — отнять жизнь у другого.

Михаил на протяжении веков чувствовал бремя всех жизней, которые он забирал, но по мере того, как росла его сила и ответственность, усиливалась и легкость, с которой он убивал. И когда все его эмоции исчезли, только сила воли и чувство правильности и неправильности спасали его от потери своей души в коварных шепотах тьмы, которые боролись за власть над ним.

— И что ты хочешь, чтобы мы сделали? — спросил Жак.

— Для Элеонор и Селесте сейчас небезопасно оставаться в своих домах. Больше никаких визитов к акушерке. Селесте отведите в мой дом над озером, там Эрик сможет заняться изучением древних искусств, которыми до этого пренебрегал. И это место легко защитить. Элеонор не сможет отправиться так далеко.

— Они могут воспользоваться моим домом, — предложил Байрон. — И они будут поблизости, если понадобится помощь.

Элеонор была его сестрой, и он всегда ее нежно любил. Хотя все его эмоции давно исчезли, он сохранил воспоминания о том, что чувствовал к ней.

— Это рискованно. Если станет известно о ваших родственных связях, а она под подозрением, или если увидят, как ты помогаешь Рэнду...

Михаил покачал головой, не принимая эту идею.

— Пожалуй, им лучше воспользоваться моим домом.

— Нет!

Одновременные протесты раздались незамедлительно.

— Нет, Михаил, мы не можем позволить, чтобы ты рисковал собой, — встревоженно произнес Жак.

— Наши женщины намного важнее любого из нас, Жак, — мягко напомнил Михаил. — Без них наша раса вымрет. Мы можем делить ложе с человеческими женщинами, но не можем иметь от них детей. Наши женщины — наше главное сокровище. Каждый из нас в конечном счете

должен найти пару и стать отцом. Но будьте уверены, что та, которую вы выберете, является вашей истинной Спутницей жизни. Вам всем прекрасно известны знаки: цвета, эмоции, страстное желание. Связь сильна. Когда умирает один, второй обычно также предпочитает умереть. Либо — смерть, либо — вампир. Мы все знаем об этом.

— Но Рэнд... Байрон умолк.

— Рэнд стал нетерпеливым от ожидания. Ноэль была одержима им, но они не были истинными Спутниками жизни. Думаю, они кончили бы тем, что возненавидели друг друга, оказавшись в ловушке своих болезненных отношений. Он переживет ее уход.

Михаил постарался скрыть отвращение. Истинные Спутники жизни не могли существовать друг без друга. Это обстоятельство и высокая смертность среди детей сыграли решающую роль в сокращении численности их расы. Михаил не был уверен, что его люди выживут в следующем веке. И не имело никакого значения, какие усилия он прилагал, — все равно он не мог дать мужчинам надежду, чтобы удержать их от обращения в вампиров.

— Михаил...

Жак тщательно подбирал слова.

— Только ты и Грегори знаете секреты нашей расы. Ты знаешь, что Грегори предпочтет одинокое существование. Поэтому только ты сможешь научить оставшихся, указать нам путь, помочь стать сильнее. Если мы хотим выжить, снова стать сильными, нам нужен ты. Твоя кровь — жизнь наших людей.

— Почему ты говоришь это мне? — отрывисто спросил Михаил, не желая знать правду.

Жак и Байрон посмотрели друг на друга.

— Некоторое время нас тревожило твое затянувшееся отстранение.

— Мое отстранение было неизбежно и едва ли должно вас беспокоить.

— Ты выбрал одинокую жизнь, отстранившись даже от тех из нас, кого называешь кровными родственниками, — заметил Жак.

— Что ты хочешь сказать? — нетерпеливо оборвал его Михаил.

Он слишком долго находился вдалеке от Рейвен. Ему нужно было видеть ее, держать в руках, дотрагиваться до ее сознания.

— Мы не можем потерять тебя. И если ты не желаешь жить дальше, то начнешь рисковать по-крупному, станешь невнимательным, — раздельно проговорил Жак.

Задумчивые глаза Михаила потеплели, и улыбка изогнула уголки рта, смягчая его черты.

— Вы дьяволята. Как вам удалось наблюдать за мной без моего ведома?

— Альфа-пара [6] стаи тоже беспокоится за тебя, — признался Жак. — А поскольку во мне течет твоя кровь и я под твоей защитой, они признали меня и разговаривают со мной. Они наблюдают за тобой, когда ты совершаешь свои одинокие прогулки или когда бегаешь со стайей. Они говорят, в тебе нет радости.

Михаил рассмеялся.

— Мне потребуется хорошая волчья шкура на эту зиму. И какими бы ни были мои чувства, Ноэль была нашей сестрой, одной из нас. Я не успокоюсь, пока ее убийцы не понесут наказание.

Жак кашлянул, довольная улыбка озарила его лицо.

— Я убежден, что женщина, которую ты прячешь, имеет самое прямое отношение к твоему внезапному желанию вернуться к жизни.

В ответ на его дерзкое замечание Михаил носком ботинка чуть было не столкнул Жака с ветки, на которой тот сидел.

Байрон крепко ухватился за свою.

— Элеонор и Влад могут остаться со мной. Это обеспечит двойную защиту ей и ее неродившемуся ребенку.

Михаил кивнул. И хотя ему было неудобно такое решение, он хорошо видел, что они продолжали бы протестовать, если б он настаивал на личном риске.

— На пару дней, пока мы не найдем лучшего решения.

— Будь осторожен, Михаил, — предупредил Жак.

— Завтра ложитесь спать глубоко, — ответил Михаил, — они охотятся на нас.

Байрон замер, его вдруг охватила тревога.

— Как ты сможешь уйти под землю, если человеческая женщина осталась с тобой?

— Я не покину ее.

Михаил был непреклонен.

— Чем глубже в земле мы будем, тем труднее будет услышать твой зов, если ты попадешь в беду, — спокойно напомнил Жак.

Михаил вздохнул.

— Вы двое упрямы, как незамужние старые тетушки. Я уверен, что смогу защитить свое жилище.

Его тело замерцало, изогнулось и приняло облик совы. Расправив гигантские крылья, он поднялся в небо, направляясь к Рейвен.

Он сделал глубокий вдох, вбирая ее свежий запах, стирая мерзость ночных открытий. Ее аромат витал в библиотеке, смешанный с его собственным. Вдохнув этот запах, втягивая его глубоко в легкие, он наклонился, чтобы подобрать разбросанную одежду. Он хотел быть внутри нее, дотрагиваться до нее, прижаться ртом к ее губам, произнести ритуальные слова, чтобы они связали их навсегда, на целую вечность, которая ждала их впереди. Сама мысль о ней, предлагающей ему такой дар, принимающей его предложение, так волновала, что Михаил на

некоторое время замер, пока настойчивые требования тела не ослабли.

Он не спеша принял душ, смывая с себя запах волка, пыль и грязь, запах предателя. Все карпатцы проявляли особую заботу о том, чтобы овладеть привычками смертных. Пища в буфетах, одежда в шкафах. Лампы по всему дому. Все они принимали душ, хотя в этом не было надобности, и большинство обнаружили, что наслаждаются этим. Он оставил свои волосы цвета кофе распущенными и направился к Рейвен. Впервые он гордился своим телом, тем, как оно напряглось от одного только ее вида.

вернуться

6

Альфа-пара — вожак стаи и его самка, то есть первая пара стаи.

Она спала, ее волосы, как шелковый занавес, переливались на подушке. Одеядло соскользнуло, и только волосы прикрывали грудь. Это было возбуждающее зрелище. Она лежала и ждала его даже во сне. Он пробормотал приказ, освобождающий ее от вызванного гипнозом сна.

Кожа Рейвен цвета спелого персика мерцала в лунном свете. Михаил провел рукой по обводу ее ноги. От этого ощущения что-то внутри его содрогнулось. Он погладил ее бедра, прошелся по тонкой талии. Рейвен пошевелилась, беспокойно перевернувшись. Михаил вытянулся рядом с ней, притянув ее в убежище своих рук, его подбородок опустился на ее макушку.

Он хотел ее, он смог бы заполучить ее любым способом, но он поступил с ней не совсем честно. По крайней мере, он рискнет все исправить. Она медленно вынырнула из объятий сна, уткнувшись в его твердую грудь, словно ища утешения после приснившегося кошмара. Как человек мог понять потребности мужчины-карпатца в животном безумстве истинного брачного ритуала? На протяжении долгих лет он боялся немногих вещей, но больше всего он боялся увидеть себя ее невинными глазами.

По ее дыханию он сразу же определил тот момент, когда она полностью проснулась, а по ее внезапному напряжению — то, что она поняла, где находится и с кем. Он лишил ее невинности жестоко, почти отняв жизнь. Как она могла простить такое?

Рейвен закрыла глаза, отчаянно стараясь отделить реальность от фантазии, правду от вымысла. Ее тело стало чувствительным и болело в таких местах, о которых она даже не подозревала. Она чувствовала себя иначе, став более чувствительной. Прижимающееся к ней тело Михаила напоминало горячий мрамор, неподвижный и напористый, невыносимо чувственный. Она слышала скрипы и шорохи дома, стук веток за окном. Оттолкнувшись от твердой, как стена, груди Михаила, она попыталась отодвинуться.

Но он только крепче сжал руки, зарывшись лицом в ее волосы.

— Если ты можешь дотрагиваться до моего сознания, Рейвен, то знаешь, что я чувствую к тебе.

Его голос прозвучал хрипло и уязвимо. Вопреки своему желанию Рейвен почувствовала, как ее сердце перевернулось.

— Я не хочу, чтобы ты покидала меня, малышка. Найди в себе мужество остаться со мной. Может быть, я монстр. Больше я ничего не знаю, действительно не знаю. Единственное, в чем

я нуждаюсь, — чтобы ты осталась со мной.

— Ты, наверное, заставил меня позабыть, — заметила она, сказав это больше для себя, чем для него.

Больше вопрос, чем утверждение. Он был диким, но она не могла сказать, что он причинил ей боль. Скорее, он взял ее к звездам.

— Я думал об этом, — с неохотой признался он, — но не хочу, чтобы это стояло между нами. Я сожалею, что не смог быть осторожнее, зная, что ты девственница.

В его голосе она услышала боль, которая эхом отозвалась в ее теле.

— Ты удостоверился, что я испытала наслаждение.

Экстаз, если сказать точнее. Крещение огнем, обмен душами. Он был диким и захватил ее вместе с собой в этот огненный шторм. И она снова хотела его, страстно желала его прикосновения, движений его сильного тела. Но он был опасен, очень, очень опасен. Теперь она это знала. Она знала, что он был другим, в нем что-то жило, что-то в большей степени животное, нежели человеческое.

— Михаил.

Рейвен толкнула его в грудь, твердую, как камень. Ей нужна была передышка, чтобы подумать, не ощущая тепла его кожи и настойчивых требований его тела.

— Не делай этого! — Он сказал это резко, отдавая приказ. — Не закрывайся от меня!

— Ты говоришь об обязательствах перед чем-то, что находится за пределами моего понимания... — Рейвен прикусила нижнюю губу. — Мой дом так далеко отсюда.

— Там тебя не ждет ничего, кроме горя, Рейвен.

Он отказывался от такого простого выхода для них обоих.

— Ты не выживешь, и хотя в душе ты не хочешь, чтобы они пользовались твоим даром, когда они придут к тебе по поводу очередного отвратительного убийства, сердцем ты поймешь, что не можешь сказать «нет». Все внутри тебя не позволит убийце разгуливать на свободе, когда ты можешь спасти его следующую жертву.

Он схватил ее за длинные шелковистые волосы, словно это могло удержать ее рядом с ним.

— Они не смогут позаботиться о тебе, как я.

— А что насчет разницы между нами? Ты относишься к женщинам, словно мы существа второго сорта. К сожалению, ты обладаешь способностью навязывать свою волю любому, кто не может противостоять тебе. А я могу. Все время. Я должна быть самой собой, Михаил.

Он приподнял тяжелую массу волос над ее шеей и оставил легкий, как перышко, поцелуй на обнаженной коже.

— Ты же знаешь, что мое отношение к женщинам — следствие того, что я должен их защищать, а не того, что я считаю их ниже себя. Сопровитляйся мне, если хочешь, малышка. Я люблю в тебе все.

Большим пальцем он ласкал возвышенность ее груди, согревая кровь и посылая дрожь восторга по позвоночнику. Рейвен хотела его именно таким — диким и неприрученным, нуждающимся в ней. Она владела собой, и понимание, что она могла заставить его потерять рассудок, действовало на нее подобно афродизиаку.

Михаил склонил голову к напряженному соску, который так и манил его. Прикосновение его языка было нежным, он поцеловал бархатный пик, втянув его в свой влажный и горячий рот. Рейвен выдохнула, закрыв глаза. Ее тело оживило, каждое нервное окончание взывало к его прикосновениям. Она податливо таяла в его руках.

Она не хотела этого. В глазах у нее стояли слезы. Она не хотела, но нуждалась в этом.

— Не причиняй мне боли, Михаил, — прошептала она, уткнувшись в твердые мускулы его груди.

Это была мольба об их будущем. Рейвен знала, что физически он никогда не причинит ей боли, но их жизнь может складываться очень непросто.

Он поднял голову, прижав ее к кровати всем телом. Он пожирал глазами ее лицо. Он гладил ее подбородок, припухлую нижнюю губу.

— Не надо бояться меня, Рейвен. Разве ты не чувствуешь, как сильно я к тебе привязан? Я отдал бы за тебя жизнь.

Он хотел, чтобы между ними не было лжи, и признал неизбежное.

— Это будет нелегко, но мы справимся.

Он погладил ее плоский живот, и, скользнув ниже, его рука уютно устроилась на завитках цвета воронова крыла.

Ее руки успокаивали его.

— Что со мной случилось?

Она была смущена. Неужели она потеряла сознание? Все смешалось. Она будто знала, что Михаил заставил ее выпить какое-то отвратительное лекарство. Она спала. Потом начались кошмары. Ей и раньше снились кошмары, но этот был просто жутким. Она была притиснута к обнаженной груди, ее рот прижимался к ужасной ране. Кровь ручьем устремилась в ее горло. Она задыхалась, сопротивлялась, но, как всегда в кошмаре, не могла вырваться. Она пыталась позвать Михаила. И когда подняла взгляд, он был там, смотрел на нее своими темными загадочными глазами, и это его руки прижимали ее голову к ране на его груди.

Может быть, причина в том, что она находится в самом сердце страны Дракулы и Михаил напомнил ей темного, таинственного принца?

Рейвен не могла удержаться и кончиками пальцев погладила его безупречную грудь. С ней что-то случилось, и она изменилась навсегда, каким-то образом став частью Михаила, в то время как он стал ее частью.

Коленом он нежно развел в стороны ее бедра. Передвинулся, и его широкие плечи закрыли для нее все. У нее захватило дух от того, какой он огромный, сильный, властный и красивый. Очень осторожно, как он должен был сделать в первый раз, он вошел в нее.

Рейвен задохнулась. Она никогда не сможет привыкнуть к тому, как он заполняет ее, растягивает, к тому, как ему удается повергать ее тело в жидкий огонь. Насколько необузданным он был в первый раз, настолько мягким и нежным он был сейчас. Каждый глубокий удар заставлял желать большего, увеличивал настойчивость, с которой ее руки ласкали мускулы его спины, ее губы скользили по его груди и шее.

Михаил старался не терять самообладания, призвав на помощь всю свою силу воли. Ее рот, ощущение ее пальцев на его коже сводили с ума. Рейвен была такой тугой — огненный бархат обхватывал его, подпитывая огонь. Он мог чувствовать, как живущее в нем чудовище борется, стремясь вырваться на свободу, как бурлит его жажда — его тело двигалось сильнее, быстрее, погружаясь в нее, соединяя их тела, их сердца. Он раскрыл свое сознание. Ее ногти впились ему в спину, когда волна за волной сотрясали ее тело. Михаил очутился в огне прежде, чем чудовище смогло вырваться на свободу. Он почувствовал, как что-то тугое и горячее сжало его, и издал удовлетворенный рык.

Михаил лежал поверх ее тела, все еще соединенный с ней, на мгновение удовлетворенный, когда почувствовал ее слезы на своей груди. Медленно подняв голову, он склонился, чтобы попробовать их на вкус.

— Почему ты плачешь?

— Как я смогу найти силы, чтобы когда-нибудь покинуть тебя? — пробормотала она.

Его глаза опасно потемнели. Михаил перевернулся, ощутив, как неуютно она себя чувствует в своей наготе, и натянул на нее одеяло. Рейвен села, убрав тяжелый водопад волос с лица невинным и в то же время возбуждающим жестом, который он так любил.

— Ты не покинешь меня, Рейвен.

Это прозвучало намного жестче, чем он хотел. Ему потребовалось невероятное усилие, чтобы сказать это как можно мягче. Она слишком юная и ранимая — он должен помнить об этом прежде всего. Он не мог представить, чем им придется заплатить за разлуку.

— Как ты можешь разделить со мной все и просто уйти?

— Ты знаешь почему. Не делай вид, что не знаешь. Я чувствую вещи, ощущаю их. Это так неестественно. Я не знаю законов этой страны, но когда кто-то убит, об этом знают полиция и газетчики. И это только с одной стороны, Михаил. Мы не привыкли к тем вещам, на которые ты способен. Почти задушить Джейкоба, ради всего святого! Ты так отличаешься от людей, к которым я привыкла, и мы оба об этом знаем.

Она натянула на плечи одеяло.

— Я хочу тебя, я даже не могу представить свое существование без тебя, но я не уверена в том, что все-таки здесь происходит.

Он погладил ее волосы. Его пальцы перебирали шелковистые пряди, рассыпавшиеся по спине. От его прикосновения все внутри ее таяло, слабели колени. Рейвен прикрыла глаза, положив голову на свои колени. В любом случае она ему не чета.

Михаил положил руку ей на затылок, прикосновение его пальцев успокаивало.

— Мы уже посвящаем себя друг другу. Разве ты этого не чувствуешь, Рейвен? — Он прошептал

это хриплым голосом, в нем была теплота и чувственность одновременно.

Он знал, что борется с ее инстинктами, с врожденным чувством самосохранения, поэтому осторожно подбирал слова.

— Ты знаешь, кто я, что находится внутри меня. Даже если бы нас разделяло расстояние, ты все равно нуждалась бы в ощущении моих рук на своем теле, моих губ на твоих губах, меня в тебе — моей второй половинке.

Одних этих слов хватило, чтобы согреть ее кровь, потушить боль внутри. Рейвен закрыла лицо, стыдясь того, что так желала человека, которого почти не знала.

— Я собираюсь домой, Михаил. Я так увлеклась тобой, что делаю такое, чего, как я думала, никогда не смогу сделать.

И это не только физически. Она хотела, чтобы этого не было. Она совсем не хотела ощущать его одиночество, благородство, страстное желание и стремление уберечь других от опасности. Но она чувствовала все это. Она могла чувствовать его сердце, его душу, его разум. Она разговаривала с ним молча, разделяя его сознание. Она знала, что он был в ней.

Он обнял ее за плечи и прижал к себе. Успокаивая или удерживая? Рейвен глотала слезы. В ее голову вливались разные звуки, шелест, скрип, и, чтобы не слышать их, она закрыла уши руками.

— Что со мной произошло, Михаил? Что мы сделали, что это так меня изменило?

— Ты моя жизнь, моя пара, моя пропавшая половинка.

Он снова гладил ее волосы с бесконечной нежностью.

— У моего народа принято вступать в брак один раз и на всю жизнь. Я — истинный карпатец, я принадлежу земле. У нас есть особые способности.

Она повернула голову и посмотрела на него своими пронзительно-синими глазами.

— Телепатические способности. Ты очень силен, намного сильнее меня. И ты многое умеешь. Это меня поражает — то, что ты можешь делать.

— Плата за эти способности очень велика, малышка. Мы прокляты: нам нужна единственная спутница, общность душ. Как только это происходит — а ритуал может быть жестоким по отношению к ни в чем не повинной женщине, — мы не можем жить отдельно от наших Спутников жизни. У нас мало детей, многих мы теряем в первый год жизни, да и рождаются в основном мальчики. Мы одновременно благословлены и прокляты долголетием. Для тех из нас, кто счастлив, долгая жизнь — благословение; для тех, кто одинок и устал, — это мука. Длющаяся целую вечность темнота, бесполезное и пустое существование.

Взяв Рейвен за подбородок, чтобы она не могла отвернуться, Михаил смотрел ей прямо в глаза. Он глубоко вздохнул и отпустил ее.

— Мы занимались не сексом, малышка, и не любовью. Это было близко к карпатскому свадебному ритуалу, насколько это было возможно при твоём участии, ведь ты — наша кровь. Если ты покинешь меня...

Он умолк и потряс головой. Ему надо было привязать ее к себе безоговорочно. Слова были в его сознании, в его сердце. Чудовище яростно требовало сказать их. Она бы никогда не исчезла, тем не менее он не мог сделать это с ней, сказать слова смертной. Он не представлял, что тогда с ней случится.

Ссадина на ее левой груди болела, пульсировала и горела. Опустив взгляд, Рейвен увидела метку и дотронулась до нее кончиками пальцев. Она помнила ощущение от его зубов, пригвоздивших ее к полу, его силу, предупреждающее рычание, вырвавшееся из его горла, подобное тому, что издает животное. Он взял ее так, словно она принадлежала ему, дико, даже жестоко, но тем не менее что-то внутри ее ответило на свирепый голод, который он испытывал. На этот же раз он был нежным и заботливым, на первом месте для него было ее наслаждение, такой маленькой и хрупкой. Невозможно было сопротивляться его нежности и дикости, и Рейвен не знала другого мужчины, который сумел бы дотрагиваться до нее так, как он. Для нее существовал только Михаил.

— Михаил, ты хочешь сказать мне, что принадлежишь другой расе?

Она старалась свести все воедино.

— Мы предпочитаем думать, что мы просто другие. Мы хорошо это скрываем, так надо... но мы можем слышать вещи, недоступные людям. Мы разговариваем с животными, разделяем наши сознания, как и тела и сердца. Пойми, если эти сведения попадут в чужие руки, мы все умрем. Моя жизнь в твоих руках. И не только она одна.

Она уловила эхо его мыслей, прежде чем он смог избавиться от них.

— Ты бы остановился, если бы я запаниковала?

Он пристыженно закрыл глаза.

— Я хотел бы солгать, но не буду. Я смог бы успокоить тебя, удостоверился бы, что ты меня приняла.

— Ты приказывал мне?

— Нет!

Он не зашел бы так далеко. Он не сомневался в этом. Он верил, что смог бы убедить ее принять его.

— Эти способности... — Она потерлась подбородком о колени. — Физически ты намного сильнее любого человека, которого я когда-либо встречала. А этот прыжок в библиотеке — ты напомнил мне большого дикого кота — это тоже часть твоего наследства?

— Да.

Его рука вновь запуталась в ее волосах, и, сжав их в горсти, он зарылся в них лицом, вдыхая ее запах.

Его аромат сохранился на ней, остался в ней. Тень удовлетворения мелькнула в его глазах.

— Ты укусил меня.

Она сначала прикоснулась к своей шее, затем к груди. Огненно-сладкая боль заполнила ее при

воспоминании о том, каким диким он был в ее руках, как неистовствовало его тело от желания, каким бурным было его сознание, как его губы жадно скользили по ее телу.

Что же с ней не так, если ей хочется большего?

Она слышала о женщинах, настолько увлеченных сексом, что они становились рабой мужчины. Может, именно это с ней и произошло?

Она взмахнула рукой, словно отталкивая его.

— Михаил, все происходит слишком быстро. Я не могу влюбиться в тебя за два дня, принять решение на всю жизнь за несколько минут. Я не знаю тебя, я тебя даже немного побаиваюсь, такого, какой ты есть, той силы, которой ты владеешь.

— Ты сказала, что доверишься мне.

— Конечно. Именно это и сводит меня с ума. Разве ты не видишь? Мы такие разные. Ты делаешь поразительные вещи, и, тем не менее, я хочу быть рядом с тобой, слышать твой смех, спорить с тобой. Я хочу видеть твою улыбку, то, как загораются твои глаза, голод и жажду, что в них светятся, когда ты смотришь на меня. Я хочу изгнать холод из твоих глаз, чтобы ты больше не смотрел так отстраненно, так пристально, когда твои губы каменеют и ты кажешься жестоким и беспощадным. Да, я доверяю тебе, но не знаю почему.

— Ты очень бледна, Как ты себя чувствуешь?

Ему хотелось сказать, что слишком поздно, что они зашли слишком далеко, но он понимал, что это только вызовет в ней сопротивление и напрасно встревожит ее.

— Неважно, желудок побаливает, словно я что-то съела, но от самой мысли о еде делается плохо. Ты давал мне какой-то настой из трав?

— Несколько дней пей воду и соки, можно немного фруктов. Никакого мяса.

— Я вегетарианка. — Она огляделась. — Где моя одежда?

Он неожиданно усмехнулся чисто по-мужски.

— Я увлекся и порвал твои джинсы. Просто останься со мной сегодня ночью, а завтра я добуду для тебя новую одежду.

— Сейчас почти утро, — заметила она, не желая лежать рядом с ним и дальше.

Она не могла лежать рядом и не желать его.

— Кроме того, я хочу принять душ.

И прежде чем он успел сказать хоть слово, она соскользнула с кровати и благополучно завернулась в старомодное лоскутное одеяло.

Михаилу удалось сдержать улыбку. Позволить ей почувствовать себя в безопасности — это ему ничего не стоило. Ничто не заставит ее покинуть его дом. Не с ассасинами, которые остановились в той же гостинице, что и она. Чтобы избавиться от картин, как она обнаженная стоит под струями воды, он сконцентрировался на ее эмоциях, которые она переживала, до того как он унес ее из столовой в гостинице.

Что вызвало у нее такое безумное страдание той ночью? Она буквально заболела, голова у нее раскалывалась. Она подумала, что эта была реакция на его ярость, но он был взбешен оттого, что она так страдает. Он почувствовал это прежде, чем тот тупица положил свою грязную руку на ее колено.

Михаил дотронулся до ее сознания, потому что должен был это сделать, и обнаружил то, что и ожидал: слезы и смущение. Ее тело менялось, и эти изменения вызывала его кровь, текущая по ее венам. Легенда гласила, что человек и карпатец должны трижды обменяться кровью, чтобы обращение состоялось. Кровь, которую он дал ей выпить из бокала, не считалась, так как она не была взята прямо из его тела. Он не собирался обращать ее, не желая допускать даже шанса, что она может превратиться в душевнобольную вампиршу. Как бы то ни было, он пошел по опасному пути. И он поступил бы так снова. Это должно было длиться вечно.

Рейвен слышала его слова, в которых была заключена истинная правда, но он знал, что она понятия не имеет о реальности. Она слышала бы шепот из каждой комнаты в гостинице, знача бы, если б в столовую залетела пчела. Солнце причиняло бы боль ее глазам, и она бы сразу покрывалась загаром. Животные бы открывали ей свои секреты.

Ей становилось бы плохо от большинства продуктов. Но больше всего она нуждалась бы в его близости, ей надо было бы прикоснуться к его сознанию, ощущать его тело, сгорать в нем. Она уже чувствовала это и боролась с этим единственным известным ей способом — стремилась освободиться от него, сражалась, чтобы понять, что с ней произошло.

Рейвен прислонилась к стеклу душевой кабины. Она не могла прятаться в ванной, как ребенок, но он был таким мужественным, таким привлекательным. Ей хотелось разгладить морщинки вокруг его рта, хотелось дразнить его, спорить с ним, слышать его смех. Она все еще была очень слаба и чувствовала легкое головокружение.

— Пойдем, малышка. — Голос Михаила коснулся ее слуха, словно бархат щеки.

Он выключил воду и, взяв ее за руки, вытащил из убежища душевой кабины и закутал в полотенце.

Рейвен отжала волосы, чувствуя, как смущенный румянец постепенно покрывает все ее обнаженное тело. Михаил выглядел таким спокойным и равнодушным в своей наготе. Было что-то дикое и великолепное в его грубой силе, в том, с какой небрежностью он это принимает. Он растер ее тело большим банным полотенцем, вытирая ее кожу до тех пор, пока она не стала теплой и розовой. Полотенце скользнуло по ее чувствительным соскам, задержалось на округлых ягодицах...

Несмотря на ее решение, от его хлопот ее тело ожило. Михаил взял ее лицо в свои руки. Его поцелуй был легким, как перышко.

— Пойдем в постель, — прошептал он, увлекая ее за собой.

— Михаил, — нерешительно запротестовала она, затаив дыхание.

Он потянул ее за запястье, лишая равновесия, так что ее тело натолкнулось на его. Она растворилась в нем — мягкая грудь уперлась в твердые мускулы, очевидное свидетельство его желания прижалось к ее животу. Его бедра соприкоснулись с ее бедрами.

— Я могу любить тебя всю ночь, Рейвен, — пробормотал он, прикинув к ее горлу.

Его руки двинулись по ее телу, оставляя после себя огонь.

— Я хочу любить тебя всю ночь.

— Разве ты не заметил? Уже рассвет.

Ее руки жили своей жизнью, находя кончиками пальцев каждую его мышцу.

— Тогда я проведу день, занимаясь с тобой любовью.

Он прошептал эти слова около ее рта, наклонившись ближе и покусывая ее нижнюю губу.

— Мне нужно, чтобы ты была со мной. Ты разгоняешь тени и облегчаешь тяжелый груз, который грозит раздавить меня.

Кончиками пальцев она провела по очертаниям его рта.

— Это одержимость или любовь?

Опустив голову, она прижалась ртом к впадинке на его груди, скользнула языком по его сверхчувствительной коже чуть выше сердца. Там не было ни метки, ни шрама, но ее язык прошелся как раз по тому месту, где раньше была рана, к которой он прижимал ее, заставляя принять его кровь, дающую жизнь. Она слилась с ним, читала его сознание, его эротические фантазии, желая претворить их в жизнь.

У него внутри все сжалось, его тело отвечало ей с неистовой силой. Рейвен улыбнулась, ощутив его напряженный член, пылающий на ее коже. Ее ничто не сдерживает, когда она лежит рядом с ним, есть только желание сгореть в нем.

— Ответь мне, Михаил, и скажи правду.

Кончиками пальцев она ласкала его бархатистую головку, обхватывала пальцами возбужденную плоть, заставляя голод свирепствовать в его теле. Она играла с огнем, но у него не было сил, чтобы остановить ее, он не хотел ее останавливать.

Его руки запутались в ее влажных волосах, сжавшись в кулаки.

— Я сделаю и то и другое, — с трудом удалось ему выдохнуть.

Он закрыл глаза, когда ее губы двинулись по его плоскому животу, оставляя позади себя огненный след. Ее рот, горячий и влажный, прошелся по всем местам, где она дотрагивалась до него. Он притянул ее ближе, желая ощутить на себе ее тело. Ее рот был жадным и горячим, и это сводило его с ума. У него вырвалось злое рычание, чудовище дрожало от удовольствия, нуждаясь в примитивном удовлетворении.

Ее ногти слегка царапали его бедра. Его сознание затуманилось, еще больше сливаясь с ее сознанием в огненной дымке вождения, любви и голода. Он жаждал ее прикосновений, ее рук, ее шелковистого рта, бросающего его в животрепещущее пламя.

Михаил подбросил ее вверх, его руки были похожи на цепи, хотя он прилагал все усилия, чтобы контролировать свою силу. Его рот завладел ее ртом, соединяясь, танцуя, она прижалась к нему еще теснее.

— Скажи, что хочешь меня.

Его рот передвинулся по ее горлу, сомкнувшись на ее ноющей груди. Каждое движение его губ и языка вызывало ответный прилив жидкого тепла.

— Ты же знаешь, что хочу.

Она прижала его к себе, обхватив одной ногой.

Она едва могла дышать от испытываемого ею желания, цепляясь за него, чтобы быть ближе, прокрадываясь в убежище его тела, его разума, ощущая его тело в своем, овладевая тем, для чего была предназначена, ощущая на своей груди его рот, все дальше втягивающий ее в его мир.

— Все это для меня, — хрипло сказал он, пока его пальцы исследовали гнездышко крошечных завитков, поглаживая его и лаская. — Стань моей, как у нас принято.

Под его рукой она двигалась почти болезненно.

— Да, Михаил.

Она безумно хотела освобождения. Ее поглотила та же самая красная дымка, она не отличала любовь от желания. Она вся была словно в огне, ее тело, разум и даже душа испытывали мучение, не зная, где заканчиваются его ощущения, а где начинаются ее.

Михаил с легкостью поднял ее и стал медленно опускать вниз, пока она не прижалась к его бархатной головке. Ее тепло опаляло и манило. Руки Рейвен скользнули вокруг его шеи, ее ноги обвились вокруг его бедер, раскрываясь для него. Медленно он опустил ее тело и вошел в него своим возбужденным естеством, и когда она обхватила его своими влажными крепкими ножнами, он задрожал, находясь где-то за пределами чистого удовольствия, в своего рода эротическом раю и аду одновременно. Ее ногти впились в его плечи.

— Остановись! Ты слишком большой на этот раз.

Беспокойство отразилось на ее лице.

— Расслабься, малышка. Мы принадлежим друг другу, наши тела созданы друг для друга.

Войдя еще глубже, он начал двигаться в медленном ритме, его руки ласкали, успокаивая.

Он изменил положение плеч так, чтобы видеть ее лицо, его тело заявляло права на нее глубокими властными ударами. Сам того не осознавая, он стал говорить.

— Я нарекаю тебя своей Спутницей жизни. Я принадлежу тебе. Я предлагаю тебе свою жизнь. Я даю тебе свою защиту, свою верность, свое сердце, свою душу и свое тело. Я обещаю беречь то, что тебе принадлежит. Твоя жизнь, твое счастье и благополучие будут превыше моих. Ты моя Спутница жизни, связанная со мной навечно и всегда под моей защитой.

Этими словами мужчины-карпатцы связывают своих истинных Спутниц жизни с собой навечно. Если однажды они были сказаны, она никогда не сможет уйти от него. Михаил не собирался связывать ее с собой, но все внутри его, все, чем он был, заставило слова вырваться из его души, так что их сердца стали единым целым, как и должно было быть. Их души наконец-то были объединены, как и их сознания.

Рейвен позволила его словам и жаркой силе его обладания успокоить ее. Ее тело, казалось,

растаяло с ним рядом. Он поднял ее выше, наклоня голову, чтобы втянуть ее сосок в рот, его руки обхватили ее ягодицы. Она откинула голову, волосы разметались вокруг них обоих, по их телам, касаясь их обнаженной кожи так, что она загорелась. У нее было ощущение, что она, наконец, оказалась там, где ей и следовало быть. Она ощущала себя необузданной и свободной. Она была частью его, его второй половинкой. Не могло быть никакого другого мужчины, кроме этого, который бы так жаждал ее. Который бы так отчаянно нуждался в ней. Который бы знал, насколько одиноким было ее собственное существование.

Он двигался сильнее, глубже, повернув ее так, что она наполовину свесилась с кровати, и так он вел ее все дальше и дальше. Он почувствовал, как ее тело запульсировало, напряглось, сжавшись вокруг него раз, два. От охватившего ее удовольствия она вскрикнула, ощутив, как ее тело растворяется в нем. Наслаждение было таким сильным, что накатывало волной за волной, пока Рейвен не начала сомневаться в том, что когда-нибудь сможет встать на ноги.

Он медленно склонил к ней голову, чтобы она могла остановить его. Его тело продолжало в нее погружаться, его темные глаза держали в плену ее синие. Гипнотизирующие, умоляющие. Рейвен выгнулась в его сторону, заманчиво подставляя грудь, предлагая утолить сжигающий его голод.

Мягкое удовлетворенное рычание вырвалось из горла Михаила, отчего дрожь восторга пробежала по ее жилам. Теперь его тело было агрессивным, его руки приподняли ее бедра для лучшего доступа. Она почувствовала, как его губы мягко касаются ее груди, ее сердца. Его язык скользил по ее коже, по его метке на ней. Он входил в нее мощно, наполняя ее и растягивая. Он погрузил свои зубы в ее мягкую плоть.

Рейвен вскрикнула, когда раскаленное добела тепло обожгло ей грудь. Прижимая к себе голову Михаила, она закружилась в водовороте его эмоций, в то время как огонь все разгорался и разгорался, становясь все выше и выше, пока, как ей показалось, они оба не оказались охвачены единым огнем. Ощущения не были похожи ни на что, ранее ею испытанное.

Она смогла услышать саму себя, выкрикивающую его имя, ее ногти вливались в его спину. У нее возникло примитивное желание найти своим ртом крепкие мускулы его груди. Они взорвались одновременно, разлетевшись на части и устремившись к солнцу. Запрокинув голову, Михаил издал хриплое рычание и, опустив ее, продолжил питаться.

На этот раз он был более осторожен, взяв ровно столько, чтобы хватило для обмена. Он все еще находился в ней. И в последний раз, коснувшись языком ее кожи, закрыл рану, заживляя следы малейших укусов. Михаил изучал ее лицо. Бледное. Сонное. Он отдал приказ, а его тело напряглось при мысли о том, что он делает.

Она все еще содрогалась. Сделав глубокий надрез на своей груди, он прижал ее мягкий рот к своей горячей коже. Это был экстаз, по его телу прошла болезненная судорога. Животное в нем запрокинуло голову и зарычало от удовольствия и удовлетворения — страшный голод был утолен на время.

Он обхватил ее затылок и прижал к себе, лаская ее горло, наслаждаясь ощущением ее питания. Это была чистейшая чувственность, чистейшая красота. Когда он убедился, что она выпила достаточно для обмена, достаточно, чтобы восстановить то, что взял он, он нежно и неохотно отпустил ее из-под своего влияния, погладив по волосам, позволяя очнуться.

Она уставилась на него, нахмутив брови и сморщив лоб.

— Ты снова сделал это.

И она устало откинула голову на стеганое одеяло.

— Ты что, делаешь это каждый раз, когда мы сходим с ума и я теряю сознание.

Она ощутила слабый медный вкус во рту.

Но прежде чем ей удалось определить, что это было, Михаил поцеловал ее. Его язык прошелся по ее зубам, нёбу, пробуя, исследуя, танцуя вместе с ее языком. Он вышел из нее очень медленно, лаская ее руками.

— Я даже двинуться не могу, — с улыбкой призналась Рейвен.

— Сейчас мы вздремнем, а с остальным миром встретимся позже, — предложил он.

Очень нежно он покачал ее на руках, а затем удобно устроил на постели и укрыл одеялом. Из-под длинных ресниц она поймала и удержала его восторженный взгляд. Его пальцы погладили ее горло, прошлись по ложбинке между грудями. Она все еще была такой чувствительной, что он смог ощутить ее дрожь.

— Если бы я действительно хотела, чтобы ты любил меня, я бы доставила тебе куда больше проблем. — Она поглубже зарылась в подушку. — Мои волосы спутались.

Михаил сел на край кровати и, взяв в руки шелковистую массу, стал нежно заплетать густые пряди в длинную свободную косу.

— Если бы ты доставила мне проблемы, малышка, мое сердце этого бы не выдержало.

Он казался удивленным.

Кончиками пальцев она ласкала его бедро, не опуская глаз. Михаил еще долго сидел на краешке постели, глядя, как она засыпает. Она была такая маленькая, она была человек, и все же ей удалось за одну ночь изменить всю его жизнь. А он взял ее жизнь. Он не собирался произносить ритуальные слова, но был вынужден это сделать, как вынуждал своих жертв подставлять ему горло.

Она могла бы сказать, что не знает его, но они были в сознаниях друг друга, делили одно тело и предложили друг другу свои жизни. Обмен крови во время занятий любовью был последним шагом, подтверждающим их решение. Каждый из них фактически предлагал свою жизнь, клялся пожертвовать собственной жизнью ради другого. Это был красивый и чувственный ритуал. Это было единение разума, сердца, души, тела... и крови.

Карпатцы охраняли свои жилища даже друг от друга. Они были уязвимы как во время сна, так и в агонии страсти. Решение о выборе Спутницы жизни не является сознательным действием — оно основано на инстинкте, голоде и необходимости. Они узнают. Они узнают свою вторую половинку. В Рейвен Михаил узнал свою. Он сопротивлялся связывающему их ритуалу, но все же животные инстинкты взяли вверх над человеческими. Он уже наполовину перетянул ее в свой мир и, следовательно, взял на себя ответственность за все последствия.

Сверху начал просачиваться свет, когда Михаил закончил устанавливать защиту своего жилища от злоумышленников. Следующая ночь будет долгой. Накопилось много дел, да и ему нужно поохотиться. Но в эту минуту ему ничего не надо, кроме мира и довольства.

Михаил скользнул в постель рядом с Рейвен и притянул ее к себе, желая ощущать каждый дюйм ее тела. Сонно пробормотав его имя, она свернулась рядом калачиком, как ребенок. От этого его сердце дрогнуло. Мир. Он дотронулся до нее, пока мог. Его руки обхватили ее полные груди, его рот ласково прошелся по ее соску, всего один раз. А затем, оставив крепкий поцелуй на ее уязвимой шее, он погрузил ее в глубокий сон и, выровняв свое дыхание, присоединился к ней.

Глава 5

Рейвен медленно пробиралась сквозь плотные слои сна, чувствуя себя так, словно продиралась сквозь болото.

Ты снова это сделал!

От его произвола она немедленно почувствовала себя бодрой, быстро сев на кровати. Она была в спальне. Его спальне.

Его насмешливый смех эхом отразился в ее сознании.

Отчего Рейвен бросила подушкой в стену, жалея, что не может ударить его. Она потеряла еще один день. Кем она становится? Сексуальной рабыней?

Неплохая идея, задумался он.

Убирайся из моей головы! — возмущенно рявкнула она, томно и лениво потянувшись, как кошка.

Ее тело было таким чувствительным, у нее все болело, интимно напоминая о его одержимости. Она не могла злиться на него, поскольку его возмутительные поступки заставляли ее смеяться. Как она могла возражать, когда ее тело радовалось последствиям того, что они сделали?

Когда она поднялась, чтобы принять душ, то увидела одежду, выложенную для нее и лежавшую на краю кровати. Михаил уже успел отлучиться в магазин. Рейвен обнаружила, что улыбается, довольная тем, что он не забыл. Она пощупала юбку из мягкой ткани насыщенного полуночно-синего цвета и подходящую к ней блузку.

Ты не купил мне джинсы.

Она не могла удержаться, чтобы не поддразнить его.

Женщинам не подходит мужская одежда, невозмутимо ответил он.

Рейвен пошла в душ, расплетая косу, чтобы вымыть волосы.

Тебе не нравится, как я выгляжу в джинсах?

Его смех искрился весельем.

Это некорректный вопрос.

Ты где?

Сама не понимая этого, Рейвен приглашала его вернуться. Она прикоснулась к его метке на своей груди, от чего по крови разлилась теплота, а сама метка запульсировала.

Твоему телу нужен отдых, малышка. Я определенно оказался не самым нежным любовником.

Насмешка над самим собой была слышна в его голосе, чувство вины отразилось в его сознании.

Она рассмеялась.

У меня не так много опыта, чтобы судить. В моей жизни не было парада мужчин.

Ее смех обволакивал.

Если захочешь, я могу найти кого-нибудь, чтобы сравнить, предложила она.

И почувствовала, как его пальцы обхватили ее хрупкую шею.

Как он это сделал?

Я так напугана.

Кто-то должен вернуть тебя на землю.

Пальцы слегка коснулись ее лица, тронув нижнюю губу.

Ты любишь меня так же, как и я тебя.

Любовь. При этом слове улыбка исчезла с ее лица. Она не хотела любить его. Он и так имеет большую власть над ней.

Ты не можешь держать меня здесь, Михаил.

Одержимость, вот верное слово, а не любовь.

Пугливый кролик. На дверях нет цепей, и телефон работает. И ты любишь меня, тебе не справиться самой с собой. Поторопись, тебе надо поесть.

Ты невыносим.

Расчесывая волосы, она вдруг поняла, насколько легче стало их телепатическое общение. Практика? Ее виски не болели от попытки. Склонив голову, она некоторое время вслушивалась в звуки дома. Михаил наливал что-то в стакан — она ясно это слышала.

Рейвен одевалась медленно, задумавшись. Ее телепатические способности возрастали, ее чувства обострились. Дело в присутствии Михаила, или было что-то такое в тех травяных настоях, которые он постоянно вливал в ее горло? Она многому хотела у него научиться.

Юбка колыхалась вокруг ее лодыжек с легким шелестом, а блузка прекрасно подчеркивала фигуру. Надо признать, эта одежда делала ее женственной, как и выбранные им кружевные трусики и бюстгальтер.

Ты собираешься просидеть здесь всю ночь, мечтая обо мне?

Ночь! Не может быть, чтобы снова наступила ночь, Михаил. Я превращаюсь в ночную бабочку. И не лести себе, я не собираюсь о тебе мечтать.

Ей потребовалось постараться, чтобы эта ложь прозвучала небрежно, но она могла гордиться собой.

И ты думаешь, я поверю в эту чушь?

Он снова рассмеялся.

Она шла по дому, восторгаясь его убранством. Повсюду были картины и скульптуры. Снаружи солнце почти исчезло за горами, и Рейвен покорно вздохнула. Михаил накрыл антикварный резной столик на веранде за кухней. Когда она пришла, он повернулся к ней, улыбаясь. Увидев эту улыбку, она почувствовала желание.

Михаил склонил к ней голову, нежно целуя в губы.

— Добрый вечер.

Он дотронулся до ее волос и щеки. Она позволила усадить себя за стол, восхищаясь его старомодной учтивостью, когда он поставил перед ней стакан сока.

— Думаю, прежде чем я приступлю к работе, надо забрать твои вещи из гостиницы.

Длинными пальцами он взял черничный кекс и положил на антикварную тарелку. Это было так изысканно, но Рейвен поразили его слова, и она только молча смотрела на него синими глазами.

— Что значит забрать мои вещи?

Ей и в голову не могло прийти, что он может рассчитывать на то, что они будут жить вместе в одном доме. В его доме.

Он улыбнулся обольстительно, но не без озорства.

— Я могу обеспечить тебя новыми вещами.

У Рейвен задрожали руки, и, чтобы скрыть это, она положила их на колени.

— Я не буду жить с тобой, Михаил.

Сама эта идея была пугающей. Она была довольно скрытной, часто нуждалась в уединении. Он же был самым подавляющим человеком, с каким ей только приходилось сталкиваться. Как она будет жить, постоянно находясь рядом с ним?

Он повел бровью.

— Нет? Ты приняла нашу жизнь, мы прошли через ритуал. В моих глазах, в глазах моего народа ты моя Спутница жизни, моя женщина. Моя жена. Разве в Америке принято, чтобы жены жили отдельно от мужей?

Нотка притворного мужского удивления, прозвучавшая в его голосе, выводила ее из себя, отчего ей хотелось бросить в него что-нибудь. Она не сомневалась, что он втихомолку посмеивается над ней, забавляясь.

— Мы не женаты, — решительно заявила она.

Было трудно не обращать внимания на то, как сердце подпрыгнуло от радости.

Завитки тумана плыли по лесу, извиваясь вокруг толстых стволов деревьев, расплываясь и зависая на высоте нескольких футов. Эффект был зловещий, но прекрасный.

— В глазах моего народа, в глазах Господа мы женаты.

Это было сказано так: «Мое слово — закон».

Ее передернуло.

— А как насчет моих глаз, Михаил? Моей веры? Это не имеет значения? — спросила она, готовая к бою.

— Я вижу ответ в твоих глазах, чувствую его в твоем теле. Твоя борьба бессмысленна, Рейвен. Ты прекрасно знаешь, что ты — моя.

Она вскочила, отодвинув стул.

— Я никому не принадлежу, и меньше всего тебе, Михаил! Ты не можешь просто объявить, что будет в моей жизни дальше, и ждать, что я тут же соглашусь.

Она сбежала по трем ступенькам к тропе, которая, извиваясь, уходила в лес.

— Мне нужен свежий воздух. Ты сводишь меня с ума.

Михаил рассмеялся.

— Ты так боишься самой себя?

— Иди к дьяволу, Михаил!

Рейвен ступила на тропинку и почти побежала, чтобы он не успел очаровать ее. А он мог это сделать, и она это знала.

Туман был густой, а воздух влажный и тяжелый. Благодаря своему острому слуху она могла слышать каждый шорох в кустах, каждое покачивание веток, трепет крыльев в воздухе.

Михаил шел позади нее.

— Возможно, я и дьявол, малышка. Не сомневаюсь, это противоречит твоим взглядам.

Она посмотрела на него через плечо.

— Прекрати преследовать меня!

— Разве я не джентльмен, чьей обязанностью является проследить, чтобы леди попала домой?

— Перестань смеяться! Если ты засмеешься еще хоть раз, клянусь, я за себя не отвечаю.

И тут Рейвен заметила крадущиеся фигуры и горящие глаза, которые следили за ней. Ее сердце почти остановилось и забилось вновь.

— Прекрасно! — Она развернулась и уставилась на него, — Просто здорово! Замечательно, Михаил. Зови своих волков, чтобы они съели меня живьем. Я нахожу, что эта идея вполне в

твоим духе.

Он улыбнулся, блеснув зубами, словно голодный хищник, и снова рассмеялся, поддразнивая.

— Это не волки посчитают тебя восхитительно вкусной.

Рейвен подобрала сломанную ветку и бросила в него.

— Прекрати смеяться, как гиена! Это не смешно. Одного твоего высокомерия достаточно, чтобы заставить меня отказаться. — Ей потребовалось собрать всю свою волю в кулак, чтобы не рассмеяться.

Чудовище, он слишком очарователен и пользуется этим.

— Твои американские выражения очень заняты, малышка.

Она бросила в него еще одну ветку, за которой последовал камушек.

— Кто-то должен преподать тебе урок.

Она напоминала вулкан, сплошь искры и пламя. Михаил задержал дыхание. Она была его, сплошной огонь и ярость, храбрость и независимость. И страсть. Этим она и растопила его сердце, вошла в его душу. Он чувствовал это в ее сознании, хотя она была чрезвычайно осторожна, стараясь не позволить ему это увидеть.

— И ты думаешь, ты — тот, кто это сделает? — поинтересовался он.

Еще один камень полетел ему в грудь. Он легко поймал его.

— Думаешь, я боюсь твоих волков? — потребовала она. — Здесь только один волк, и это ты. Зови их. Давай!

Она сделала вид, что вглядывается в темный лес.

— Подходите и получайте меня. Что он вам сказал?

Михаил разжал ее пальцы, высвобождая ветку, которой она вооружилась, словно дубинкой. Обняв за талию, он притянул ее к себе.

— Я сказал им, что ты на вкус, как теплый мед, — прошептал он своим волшебным голосом.

Развернул к себе и взял в руки ее прекрасное лицо.

— Где же уважение, которого заслуживает такой могущественный мужчина, как я?

И он погладил ее по нижней губе. Рейвен закрыла глаза, смиряясь с неизбежным. Ей хотелось плакать. Чувства к нему были настолько сильны, что перехватывало горло. Михаил прикоснулся к ее глазам губами, пробуя слезы на вкус.

— Почему ты оплакиваешь меня, Рейвен? — пробормотал он около ее горла. — Это потому, что ты все еще хочешь сбежать от меня? Неужели я настолько ужасен? Я бы никогда не позволил ни одному живому созданию, будь то человек или животное, причинить тебе боль, если только в моей власти предотвратить это. Я думал, наши сердца и сознания едины. Я ошибаюсь? Почему ты больше не хочешь меня?

Его слова ранили ее в самое сердце.

— Это не так, Михаил, совсем не так, — запротестовала она, боясь причинить ему боль. — Ты свел на нет все мои добрые намерения.

Она ласкала его лицо кончиками пальцев.

— Ты самый очаровательный мужчина, какого я когда-либо знала. Я чувствую, словно принадлежу этому месту вместе с тобой, как если бы я знала тебя очень давно. Но это невозможно за такое короткое время, которое мы провели вместе. Я знаю, что если между нами будет некоторое расстояние, я смогу рассуждать. Все произошло так быстро. Это похоже на наваждение. Я не хочу совершить ошибку, которая причинит боль нам обоим.

— Ты причинишь мне невыносимую боль, если покинешь меня, оставишь одного после того, как я нашел тебя.

— Мне просто нужно время, Михаил, время, чтобы все обдумать. Это так пугает — способ, которым я связана с тобой. Я думаю о тебе каждую минуту, хочу дотрагиваться до тебя, зная, что могу это сделать, хочу ощущать твою кожу под своими пальцами. Такое ощущение, что ты пробрался в мою голову и сердце, даже в мое тело, и я не могу от тебя избавиться.

Она произнесла это как покаяние, пристыженно склонив голову.

Михаил взял ее за руку и потянул, заставляя идти рядом.

— Это особенность моего народа, способ, которым мы чувствуем свою пару. И это не всегда приятно. По своей природе мы страстные, любвеобильные и большие собственники. Я испытываю то же, что и ты.

Она робко улыбнулась.

— Я права, думая, что ты сознательно удерживаешь меня здесь?

Михаил пожал плечами.

— И да и нет. Я не хочу заставлять тебя действовать вопреки собственному желанию, но я также хочу, чтобы ты осталась. Я полагаю, что мы, Спутники жизни, связаны более безвозвратно, чем вы связываете себя вашей свадебной церемонией. Мне будет очень неуютно здесь без тебя, и душой и телом. Я не знаю, как бы отреагировал на твои отношения с другим мужчиной, и, если честно, боюсь этого.

— Но мы действительно из двух совершенно разных миров, — печально сказала она.

Он поднес ее руку к губам.

— Есть такая вещь, как компромисс, малышка. Мы можем двигаться между двумя мирами или создать наш собственный мир.

Ее синие глаза смотрели на него, она слабо улыбалась.

— Это звучит так здорово, Михаил, так современно, но я почему-то думаю, что, скорее всего, мне одной придется пойти на компромисс.

Со своей странной старомодной учтивостью Михаил приподнял ветку, пропуская ее вперед.

Тропа сделала большой круг и привела их обратно к его дому.

— Возможно, ты права, — сказал он весело, — но пойми, это в моей природе — контролировать и защищать. Я не сомневаюсь, что ты более чем достойна меня.

— Тогда почему мы вернулись к тебе домой, вместо того чтобы отправиться в гостиницу? — спросила она, положив одну руку на бедро, в ее глазах плясали бесенята.

— А что бы ты там делала так поздно вечером?

— Остайся со мной этой ночью. Пока я работаю, ты можешь читать, а потом я научу тебя, как строить лучшие щиты, чтобы закрываться от нежелательных эмоций окружающих тебя людей.

— А что с моим слухом? Из-за твоих лекарств он обострился до абсурда. — Она подняла бровь.
— У тебя есть еще какие-нибудь идеи относительно того, что может со мной произойти?

Он сзади коснулся ее шеи зубами, а его пальцы скользнули по ее груди.

— У меня есть всевозможные идеи, малышка.

— Не сомневалась в этом. Мне кажется, ты сексуальный маньяк, Михаил.

Рейвен выскользнула из его объятий.

— И я считаю, что ты что-то положил в это лекарство, поэтому я тоже стала сексуальной маньячкой.

Она села за стол, спокойно взяла свой стакан с соком.

— Так как?

— Пей медленно, — рассеянно велел он. — Где ты нахваталась таких идей? Я был так осторожен с тобой. Ты чувствовала, как я делаю тебе внушения?

Она поняла, что пить не хочется.

— Ты всегда заставляешь меня спать.

Рейвен осторожно понюхала сок. Яблочный. Она ничего не ела и не пила в течение последних двадцати четырех часов, так почему ей ничего не хочется?

— Тебе нужно было поспать, — без угрызений совести сказал он, глядя на нее задумчиво. — Что-то не так с твоим соком?

— Нет-нет, конечно нет.

Рейвен поднесла стакан к губам и почувствовала, как ее желудок протестующе сжался. Она поставила стакан на стол, даже не пригубив.

Михаил вздохнул.

— Надеюсь, ты понимаешь, что тебе нужна еда. — Он наклонился ближе. — Насколько проще было бы, если бы ты позволила мне помочь тебе, но ты сказала, что я не должен это делать. Разве это разумно?

Ее пристальный взгляд скользнул мимо, пальцы нервно поворачивали стакан.

— Может быть, у меня просто грипп. Последние дни я чувствую себя как-то странно, у меня головокружение и слабость.

Она отодвинула стакан. Михаил пододвинул его назад.

— Это необходимо, малышка. — Он дотронулся до ее руки. — Ты и так чересчур маленькая, а я не считаю потерю веса хорошей идеей. Сделай глоток.

Она провела рукой по волосам, понимая, что он прав, но желудок протестовал.

— Не думаю, что смогу, Михаил.

Она подняла на него встревоженный взгляд.

Я действительно не капризничаю, я, наверное, больна.

Его лицо стало жестким. Он навис над ней, удерживая в руке стакан.

Ты выпьешь.

Его тон не допускал возражений.

— Ты выпьешь сок, твой организм его примет, — сказал он вслух, обняв ее за плечи.

Рейвен посмотрела на него, потом на пустой стакан на столе. И медленно тряхнула головой.

— Я не могу поверить, что ты способен на это. Я не помню, как пила, но неприятных ощущений теперь не испытываю.

Отвернувшись от него, она посмотрела в темную чашу. В лунном свете мерцал туман.

— Рейвен.

Он ласкал ее затылок.

Она доверчиво прислонилась к нему.

— Ты даже не представляешь, насколько ты уникален. Вещи, которые ты можешь делать, не поддаются моему пониманию. Ты пугаешь меня, действительно пугаешь.

Михаил прислонился к столбу, неподдельное замешательство было написано на его лице.

— Это мой долг и мое право — заботиться о тебе. Если тебе нужен целебный сон, то я должен его обеспечить. Если твоему телу нужна вода, почему я не должен помочь тебе? Почему это тебя так пугает?

— Ты действительно не понимаешь? — Она сосредоточилась на особенно замысловатом завитке тумана. — Здесь ты главный. Вполне вероятно, что твои навыки намного превосходят мои. Я не думаю, что когда-нибудь смогу жить твоей жизнью. Я одиночка, а не первая леди.

— Да, на мне лежит огромная ответственность. Мои люди рассчитывают на меня в том, чтобы наш бизнес шел гладко, в охоте на ассасинов, убивающих моих людей. Они даже

рассчитывают, что я должен в одиночку выяснить, почему мы теряем так много детей в первый год жизни. Во мне нет ничего особенного, Рейвен, за исключением того, что я владею правами на полезные ископаемые и что добровольно взвалил на себя эту ношу. Но у меня нет ничего своего и никогда не было. Ты для меня — причина продолжать жить. Ты мое сердце, моя душа, воздух, которым я дышу. Без тебя у меня ничего нет, кроме темноты и пустоты. То, что у меня есть власть, то, что я сильнее, не означает, что я не могу испытывать невыносимое одиночество.

Рейвен прижала руку к животу. Михаил казался таким далеким, таким одиноким. Она ненавидела, когда он стоял вот так — молчаливо, прямо и гордо, в ожидании, когда она разобьет его сердце. Ей следует успокоить его, и он это знал. Он читал в ее сознании, знал, что она не могла вынести одиночества в его глазах. Она прошла разделяющее их расстояние, ничего не говоря. А что она могла сказать? Она просто положила голову к нему на грудь и обняла его.

Михаил тоже обнял ее. Он забрал ее жизнь без ее ведома. Она успокаивала его, заставляя чувствовать себя особенным, великим, но она не знала о его преступлениях. Она была связана с ним, не могла находиться вдали от него достаточно долго. Он не находил слов, чтобы объяснить ей все это, не рассказывал о своей расе больше, чем позволяли соображения безопасности. Она думала, что не может быть достойной его высокого положения. Она заставляла его чувствовать себя смущенным и пристыженным.

— Послушай меня, Рейвен. — Он дотронулся губами до ее шелковистой макушки. — Я знаю, что не заслуживаю тебя. Ты считаешь себя менее значимой, чем я, но правда в том, что ты намного выше меня, и я не имею права даже до тебя дотрагиваться.

Когда она сделала движение, чтобы возразить, Михаил обнял ее еще крепче.

— Нет, малышка, я знаю, что это правда. Я ясно вижу тебя, хотя тебе нет доступа в мои мысли и воспоминания. Я не могу покинуть тебя. Мне жаль, что я не могу быть лучше, чтобы поступить так, но я не могу. Я могу только пообещать тебе сделать все, что в моей власти, чтобы ты была счастлива. Я прошу только времени, чтобы узнать твои привычки и не совершить ошибки. Если тебе хочется услышать слова любви — он приник губами к уголку ее рта, — я скажу их и буду при этом честен. Я никогда не хотел женщину для себя одного. Я никогда не хотел, чтобы кто-то имел такую власть надо мной. Я никогда не хотел делить свое сознание с какой-либо женщиной так, как делю его с тобой.

Его поцелуй был нежным и опаляющим одновременно.

— Ты в моем сердце, Рейвен. Я лучше тебя знаю различия между нами. Я прошу всего лишь дать мне шанс.

Она развернулась в его руках, чтобы теснее к нему прижаться.

— Ты действительно думаешь, что у нас получится? Что мы сможем найти золотую середину?

Она даже не представляла, как он рискует. Пока она будет жить с ним, он никогда не сможет найти безопасного пристанища под землей. Не сможет покинуть ее, оставив без защиты даже на день. С того момента, как она пошла с ним, опасность возросла в десятки раз как для него, так и для нее. Ассасины не будут делать различий между ними. В их глазах она приговорена. Вдобавок ко всем прочим его преступлениям он втянул ее в свой опасный мир.

— Мы никогда не узнаем, пока не попытаемся. Он прижал ее к себе, словно говоря, что ни за

что не позволит ей уйти.

Рейвен ощутила его внезапное возбуждение. Он встревоженно поднял голову, словно чувствуя ветер, вслушиваясь в ночь. Она заметила, что делает то же самое, глубоко вдыхая и стараясь услышать, что происходит глубоко в лесу. Издалека легкий ветерок доносил сдержанные завывания волчьей стаи, словно волки обращались друг к другу и к Михаилу.

Потрясенная, Рейвен запрокинула голову.

— Они разговаривают с тобой! Откуда я это знаю, Михаил? Как я вообще могу знать это?

Он слегка взъерошил ей волосы.

— Ты тусуешься не с теми людьми.

Она расхохоталась. Он терзал ее сердце, оставив его открытым и уязвимым.

— Что это? — Она изобразила удивление. — Владелец поместья знает сленг девяностых?

Он одарил ее мальчишеской, озорной улыбкой.

— Возможно, именно я та персона, которая тусуется не с теми людьми.

— Возможно, для тебя еще не все потеряно.

Она поцеловала его в шею и в твердый подбородок.

— Я тебе говорил сегодня, что ты очень красивая в этом наряде?

Он взял ее за плечо и развернул к столу.

— У нас будет компания.

Неторопливым движением он налил полстакана сока, раскрошил кусочек кекса и рассыпал крошки по тарелкам.

— Михаил! — Беспокойство прозвучало в голосе Рейвен. — Будь осторожен, используя ментальную связь. Мне кажется, что здесь есть еще один человек кроме меня, обладающий телепатическими способностями.

— Все мои люди обладают ими, — осторожно ответил он.

— Он не такой, как ты, Михаил. — Она нахмурилась, потирая лоб. — Он такой, как я.

— Почему ты не сообщила мне об этом? — спросил он мягко, хотя в его голосе послышались властные нотки. — Ты прекрасно знаешь, что моих людей преследуют, наших женщин убивают. Я проследил путь троих ассасинов вплоть до гостиницы, в которой остановилась и ты.

— Потому что я не знаю наверняка, Михаил. Я стараюсь никогда не дотрагиваться до людей. За годы я научилась не соприкасаться с другими, не позволять кому-то дотрагиваться до меня.

Она провела рукой по волосам, сморщив лоб.

— Прости. Я должна была сказать о своих подозрениях, но я не была уверена.

Михаил с нежностью разгладил морщинку у нее на лбу, коснулся губ.

— Я не собирался тебя ругать, малышка, но нам надо обсудить это при первой же возможности. Слышишь?

Она потянулась в ночь.

— Машина.

— В миле отсюда или чуть дальше.

Он шумно вдохнул ночной воздух.

— Отец Хаммер и двое незнакомцев. Женщины. Надушены. Одна старше другой.

— Кроме меня в гостинице остановились восемь человек.

Рейвен поняла, что ей трудно дышать.

— Они путешествуют вместе. Самая старшая пара из Штатов, Гарри и Маргарет Саммерс. Джейкоб и Шелли Эванс, брат и сестра, из Бельгии. И четверо мужчин из разных мест откуда-то с Континента [7]. На самом деле я не так много с ними разговаривала.

— Любой из них может быть связан с ассасинами, — жестко заметил он.

Втайне он был очень доволен, что она не обратила внимания на других мужчин. Он не хотел, чтобы она смотрела в их сторону, никогда.

— Думаю, я бы узнала. Я имею дело с убийцами чаще, чем хотелось бы. Только один из этих людей обладает телепатическими способностями, и они определенно не сильнее моих.

Теперь она могла легко расслышать шум мотора, но плотный туман не позволял ее увидеть. Михаил взял ее за подбородок.

— Мы уже связали себя друг с другом так, как принято у моего народа. Желаеть ли ты принести клятвы, как принято у вас?

Ее бездонные глаза расширились.

Он улыбнулся. Ему удалось ее поразить.

— Михаил, ты просишь меня выйти за тебя замуж?

— Я не совсем уверен, что знаю, как это делается. Должен ли я встать на колени?

вернуться

7

Так англичане и американцы называют Евразию.

Он улыбался.

— Ты делаешь мне предложение, в то время как приближается машина с ассасинами?

— С чуваками, вообразившими себя ассасинами.

Он продемонстрировал знание американского сленга, по-прежнему улыбаясь.

— Скажи «да». Ты ведь знаешь, что не можешь мне сопротивляться. Скажи «да».

— После того как ты заставил меня выпить этот отвратительный яблочный сок? Ты натравил на меня своих волков, Михаил. Мне известен большо-о-й список грехов, который я могу зачитать вслух.

Он обнял ее, притянув к груди.

— Я вижу, здесь потребуются более сильные аргументы.

И он стал целовать ее.

— Никто не может так целоваться, — прошептала Рейвен.

Он поцеловал ее снова, скользя по ее языку.

— Скажи «да», Рейвен. Почувствуй, как сильно ты мне нужна.

Михаил еще ближе притянул ее к себе, так, что напряженное свидетельство его желания уперлось в ее плоский живот. Взяв ее руку в свою, он опустил ее вниз, прижав к ноющей выпуклости, медленно скользнул по ней ее ладонью вверх и вниз, мучая их обоих. Он открыл для нее свое сознание, чтобы она смогла почувствовать, насколько силен его голод, насколько он граничит со страстью, — поток тепла и любви охватил ее.

Скажи «да», Рейвен, раздался его шепот у нее в голове.

Ты пользуешься своим преимуществом.

Он веселился.

Машина осторожно продвигалась вперед, пока не остановилась под кронами деревьев. Михаил повернулся к приежжам, инстинктивно становясь между Рейвен и тремя визитерами, чтобы защитить ее.

— Отец Хаммер, что за сюрприз.

Михаил жестом поприветствовал священника, но голос его звучал резко.

— Рейвен!

Шелли Эванс грубо оттолкнула священника и бросилась к Рейвен, пожирая глазами Михаила.

Он увидел волну испуга в глазах Рейвен прежде, чем Шелли достигла ее и обняла. Шелли не понимала, что Рейвен смогла прочесть ее зависть и сексуальный интерес к Михаилу. Он почувствовал естественное отвращение Рейвен к физическому контакту, к беспокойству женщины, к ее фантазиям насчет Михаила, но Рейвен смогла выдавить из себя улыбку.

— Что все это значит? Что-то случилось? — спросила она, осторожно высвобождаясь из

объятий Шелли, которая была выше ее.

— Все хорошо, моя дорогая, — твердо сказала Маргарет Саммерс, сверля глазами Михаила и потянувшись к Рейвен. — Мы настояли, чтобы отец Хаммер привез нас сюда проверить, как ты.

Когда тонкая морщинистая рука коснулась ее руки, Рейвен почувствовала толчок в своем сознании. Одновременно с этим ее желудок напрягся, сжавшись, и острые осколки стекла вонзились в череп, разрывая ее сознание на мелкие кусочки. Некоторое время она даже не могла дышать. Она прикоснулась к смерти и, резко отпрянув, вытерла ладони о бедра.

Михаил!

Она всецело сосредоточилась на нем.

Мне плохо.

— Разве миссис Галвенстейн не убедила вас, что под моей защитой Рейвен в безопасности?

Михаил спокойно, но уверенно встал между Рейвен и пожилой женщиной. Он почувствовал неуклюжую попытку этой женщины прощупать его сознание, когда она скользнула по нему рукой. Его зубы блеснули в белоснежной улыбке.

— Пожалуйста, проходите и чувствуйте себя как дома. Я полагаю, на улице становится довольно холодно.

Маргарет Саммерс покрутилась тут и там, обратив внимание на стол, два стакана и две тарелки с крошками кекса. Ее глаза обшаривали Рейвен, словно обыскивая.

Рука Михаила легла на плечо Рейвен, притягивая ее под защиту его тела. Спрятав улыбку, он наблюдал, как миссис Саммерс удерживала Шелли, пока отец Хаммер первым не вошел в дом Михаила. Они были так предсказуемы. Он склонил голову.

Как ты?

Меня сейчас стошнит. Яблочным соком.

Она осуждающе взглянула на него.

Позволь помочь тебе. Они не узнают.

Он повернулся, закрывая ее тело своим, и, прошептав приказ, нежно поцеловал ее.

Лучше?

Она прикоснулась к его щеке, и пальцы передали все, что она чувствовала.

Спасибо.

И они одновременно повернулись к визитерам.

Маргарет и Шелли с благоговением рассматривали дом Михаила. У него были деньги, и интерьер прямо-таки кричал об этом: мрамор и дерево дорогих пород, произведения искусства и антиквариат. Было очевидно, что на Маргарет это произвело впечатление. Отец Хаммер устроился в своем любимом кресле.

— Полагаю, мы помешали.

Он выглядел довольным, посмеиваясь про себя, тусклые глаза вспыхивали каждый раз, когда встречались с глазами Михаила.

— Рейвен согласилась стать моей женой. — Михаил поднес ее пальцы к губам. — Но у меня не было достаточно времени, чтобы подарить ей кольцо. Вы приехали раньше, чем я смог надеть его ей на палец.

Маргарет дотронулась до потрепанной Библии, лежавшей на столе.

— Как романтично, Рейвен. Вы планируете обвенчаться?

— Естественно, дети обвенчаются. Михаил непоколебим в вопросах веры, поэтому ничего другого быть не может, — наставительно сказал отец Хаммер.

Рейвен вложила свою руку в ладонь Михаила, когда они опустились на диван. Тусклые глаза Маргарет были такими же острыми, как и когти.

— Почему вы спрятались, моя дорогая?

Ее пристальный взгляд метался повсюду, словно разнюхивая секреты.

Михаил лениво откинулся на спинку дивана.

— Вряд ли можно назвать это «спряталась». Мы позвонили миссис Галвенстейн, хозяйке гостиницы, и сообщили, что Рейвен остается со мной. Я был уверен, что она вам сказала.

— Последний раз, когда я слышала о Рейвен, это когда она отправилась на природу, чтобы встретиться с вами на пикнике, — заявила Маргарет. — Я знала, что она больна, и волновалась, поэтому, узнала ваше имя и попросила священника сопровождать нас сюда. Ее острый взгляд остановился на антикварном серебряном зеркале.

— Я сожалею, что встревожила вас, миссис Саммерс. Я подхватила ужасный грипп. Если бы я знала, что кто-нибудь будет волноваться, я бы позвонила, — сказала она абсолютно искренне.

— Я хотела видеть тебя ради себя самой. — Маргарет решительно сжала губы. — Мы обе американки, и я чувствую ответственность за тебя.

— Я благодарен за ваше беспокойство. Рейвен — свет моей жизни. — Михаил наклонился вперед с хищной улыбкой на лице. — Я — Михаил Дубрински. Не думаю, что мы были официально представлены.

Маргарет заколебалась, а затем, подняв подбородок, протянула ему руку и пробормотала свое имя. Михаил был сама доброжелательность.

Шелли нетерпеливо представилась сама.

— Мистер Дубрински?

— Можно просто Михаил.

Его очарование так подействовало, что Шелли едва не промахнулась мимо стула.

Наконец она уселась и так скрестила ноги, чтобы предстать в самом выгодном ракурсе.

— Хорошо, Михаил. — Шелли кокетливо улыбнулась. — Отец Хаммер сообщил нам, что вы интересуетесь историей, а следовательно, знаете местные легенды. Я пишу курсовую работу по фольклору и хочу вас спросить, есть ли правда в этих легендах. Вы что-нибудь знаете о вампирах?

Рейвен постаралась не рассмеяться. Шелли выглядела очень серьезной и все-таки стала жертвой природного магнетизма Михаила. Пожалуй, ее бы очень смутило, если бы Рейвен засмеялась. Поэтому Рейвен сосредоточилась на большом пальце Михаила, поглаживающем ее запястье с внутренней стороны. Благодаря этому она чувствовала себя уверенно.

— Вампиры, — повторил Михаил сухо и прозаично. — Конечно, вампирами больше славится Трансильвания, но у нас есть свои истории. Везде в Карпатах рассказывают такие истории. Есть даже туристический маршрут — путь Джонатана Харкера [8] в Трансильванию. Я уверен, это покажется вам интересным.

Маргарет наклонилась вперед.

— Вы верите, что эти истории правдивы?

— Миссис Саммерс! — Рейвен, казалось, была поражена. — Вы же в них не верите?

Маргарет помрачнела, ее губы воинственно сжались.

— Я всегда полагал, что в дошедших до нас сквозь века историях есть доля истины. Возможно, именно это подразумевала миссис Саммерс, — вежливо заметил Михаил.

вернуться

8

Джонатан Харкер — персонаж романа Б. Стокера «Дракула», англичанин, преследовавший графа Дракулу и обративший его в прах.

Маргарет кивнула и наградила его благодарной улыбкой.

— Я рада, что мы сошлись во мнениях, мистер Дубрински. Человек вашего положения не должен иметь предубеждений. Как могло быть, чтобы столько людей на протяжении столетий рассказывали похожие истории, если бы в них не было истины.

— Ожившие трупы? — Рейвен подняла брови. — Не знаю, как в Средние века, но сейчас я бы, наверное, заметила, если б мертвецы бродили по округе и похищали детей.

— Несомненно, — согласился Михаил. — Насколько я знаю, за последние несколько лет у нас не было странных смертей.

— Но местные жители рассказывают довольно невероятные истории.

Шелли продолжала гнуть свою линию.

— Естественно, — обаятельно улыбнулся ей Михаил. — Это способствует процветанию бизнеса.

Несколько лет назад... когда это было, отец? Вы помните, когда Свони решил заняться туризмом, он уколол себя в шею вязальной спицей и сообщил об этом в газету, чтобы сделали фотографии. Он повесил себе на шею связку чеснока и ходил по городу, притворяясь, что от чеснока ему становится плохо.

— Откуда вы знаете, что это был розыгрыш? — резко спросила Маргарет.

— Следы уколов воспалились. Оказалось, у него аллергия на чеснок, и ему ничего не оставалось, кроме как исповедаться. Отец Хаммер наложил на него епитимью. Свони пришлось тридцать семь раз подряд читать Розарий [9].

Отец Хаммер откинул голову и от души расхохотался.

— Конечно, он привлек всеобщее внимание, по крайней мере здесь. Газетчики прилетели отовсюду. Это было довольно занимательное представление.

Михаил скривился.

— Насколько я помню, мне пришлось провести слишком много времени вне стен офиса, а потом работать как каторжному всю неделю.

— Но даже у вас хватило чувства юмора, чтобы оценить его маленькую авантюру, Михаил, — заметил отец Хаммер. — Я прожил в этих местах довольно долго, леди, и еще ни разу не сталкивался с ходячим трупом.

Рейвен провела рукой по волосам, массируя раскалывающуюся голову. Боль была невыносимой. Такая боль у нее всегда ассоциировалась с длительным воздействием большого разума. Михаил поднял руку и нежно погладил ее висок.

— Становится поздно, а Рейвен все еще не оправилась от гриппа. Может быть, мы продолжим разговор в другой раз?

Отец Хаммер немедленно поднялся.

— Естественно, Михаил, я приношу извинения за то, что побеспокоили вас в такой неподходящий момент. Леди были очень настойчивы, и это показалось мне самым лучшим способом унять их страхи.

— Рейвен может вернуться с нами, — вкрадчиво предложила Маргарет.

Рейвен понимала, что никогда не перенесет поездки в машине с обеими женщинами. Шелли с готовностью кивнула, одаривая Михаила одной из своих самых очаровательных улыбок.

— Огромное спасибо, Михаил. Я бы с радостью продолжила нашу с вами беседу, может быть, даже сделала бы несколько записей.

— Непременно, мисс Эванс — Михаил протянул ей свою визитку. — На данный момент я завален работой, кроме того, Рейвен и я хотели бы пожениться как можно скорее, но я сделаю все возможное, чтобы найти для вас время.

Он проводил гостей до двери, никого не подпуская к Рейвен.

— Спасибо, миссис Саммерс, за предложение присмотреть за Рейвен, но я не хочу, чтобы она покинула меня без кольца.

Когда Рейвен хотела его обойти, он отрезал ей путь так ловко, что этого никто не заметил. Его рука сжала ее хрупкое запястье.

— Спасибо, что зашли, — сказала она слабым голосом, стоя позади него и опасаясь, что если заговорит чуть громче, ее голова расколется на части.

Когда гости ушли, Михаил обнял ее, а его лицо потемнело.

— Малышка, я сожалею, что тебе пришлось пережить все это.

Он внес ее в дом и направился в библиотеку.

Рейвен услышала, как он что-то тихо пробормотал на своем языке. Он ругался, и это заставило ее улыбнуться.

— Она не дьявол, Михаил, она просто фанатик. Это было похоже на прикосновение к сознанию борца. Она искренне верит, что поступает правильно.

Рейвен потерлась макушкой о его твердую челюсть.

— Она смешна, — отрезал он. — И вульгарна.

Михаил осторожно усадил ее в свое удобное кресло.

— Она пришла, чтобы проверить меня, чтобы провести священника в мой дом и попробовать меня обмануть. Ее прикосновение к моему сознанию было тупым и неловким. Она использует свой дар, чтобы пометить очередную жертву. Но она прочитала только то, что я позволил.

— Михаил! Она верит в вампиров. Как она может считать тебя ходячим трупом? У тебя, конечно, есть необычные способности, но я не могу представить тебя убивающим ребенка, чтобы поддержать свою жизнь. Ты ходишь в церковь, носишь крестик. Эта женщина спятила.

Она потеряла ноющие виски в попытке ослабить боль.

Глава 6

Михаил темной тенью склонился над ней, держа в руке стакан с одним из своих настоев.

— А что, если я и являюсь этим мифическим вампиром, малышка, который удерживает тебя в своем логове?

Она улыбнулась, глядя в его серьезное лицо, пока не заметила боль в его глазах.

— Я бы доверила тебе свою жизнь, Михаил, вампир ты или нет. И я бы доверила тебе жизнь своих детей. Ты высокомерный и иногда властный, но не злой. Если ты и вампир, то не то существо из легенд.

Он отодвинулся от нее, не желая, чтобы она видела, как много ее слова значат для него. Такое безграничное доверие. И не важно, что она не понимает, что говорит. Он чувствовал истину в ее словах.

— У большинства людей есть темная сторона, Рейвен, а у меня она больше, чем у остальных. Я способен на невыносимую жестокость, даже на зверство, но я не вампир. Я — хищник, но не

вампир.

Его голос был сухим и задыхающимся.

Рейвен подошла ближе и дотронулась до его губ.

— Я никогда этого и не думала. Ты говоришь так, словно веришь, что эти ужасные существа существуют. Михаил, даже если бы это было так, я бы все равно знала, что ты не являешься одним из них. Ты всегда судишь себя слишком жестоко. Я чувствую в тебе добро.

— В самом деле? — спросил он мрачно. — Выпей это.

— Надеюсь, это не погрузит меня в сон, поскольку я собираюсь вернуться в гостиницу и уснуть в своей постели этой ночью, — твердо заявила она, принимая стакан.

Ее голос дразнил, но глаза были полны тревоги.

— Я действительно чувствую добро в тебе, Михаил. Я вижу это во всем, что ты делаешь. Ты все ставишь выше своей жизни.

Он закрыл глаза, словно от боли.

— Ты в это веришь, Рейвен?

Она изучала содержимое стакана, задаваясь вопросом, почему ее слова ранили его.

— Я знаю это. Я сделаю все, о чем бы ты ни попросил меня, хотя это не мне предстоит вынести приговор убийце. Должно быть, именно это тебя гложет.

— Ты оказываешь мне слишком большое доверие, малышка, но я благодарен тебе за это.

Он обнял ее за шею.

— Ты не пьешь. Это поможет тебе справиться с головной болью.

Его пальцы поглаживали ей виски.

— Как ты можешь вернуться в гостиницу, когда мы оба знаем, что там остановились ассасины? А эта пожилая женщина, которая выводит их на наших людей? Она уже заинтересовалась тобой.

— Но она не может действительно верить в то, что я вампир, Михаил. Почему я должна быть в опасности? Я могу даже чем-то помочь тебе.

Озорная улыбка появилась на ее губах.

— В последние дни я могу намного лучше слышать. Она отсалютовала ему стаканом и выпила смесь.

— Твоя безопасность не является предметом спора. Я не хочу, чтобы ты оказалась в эпицентре сражения.

В его пристальном взгляде сквозило явное беспокойство.

— Мы согласились на компромисс. Твой мир и мой. Я хочу быть самой собой, Михаил. Я хочу сама принимать решения. Я знаю, что ты никогда бы не позволил мне в одиночку пройти через мучительные поиски убийцы. И я хочу помочь тебе, быть там ради тебя.

— Находиться вдали от тебя даже при обычных обстоятельствах для меня мучение. Как я могу позволить, чтобы ты находилась в том самом здании, что и убийцы моей сестры?

вернуться

9

Розарий (лат. венец из роз) — в католичестве молитвословие, состоящее из многократного повторения наиболее распространенных молитв.

Она попыталась пошутить, чтобы темнота в его глазах отступила.

— Испробуй свой ночной фокус на самом себе или научи меня, как это делать. Я счастлива избавить тебя от беспокойства.

Его рука слегка сжала ее горло.

— Не сомневаюсь. Как твоя голова, малышка? Лучше?

— Намного, спасибо. А теперь расскажи, что тебе уже известно.

Рейвен наблюдала, как он движется по деревянному полу.

— Я уже это делала, Михаил. Я не новичок и не дура. Миссис Саммерс, может, и выглядит как милая старая леди, но она очень больна. Если она помечает человека как вампира и фанатично преследует его, то вред может быть причинен гораздо большему числу людей. А эти люди доверяют миссис Саммерс. Они убили женщину...

— Ноэль, — тихо поправил он, — ее звали Ноэль.

Она скользнула взглядом по его лицу, ее сознание затопило его — теплотой и спокойствием.

— Ноэль, — тихо повторила она, — была убита так, как написано в книгах о вампирах. Кол, отсечение головы, чеснок. Это дело рук душевнобольных. Но у нас, по крайней мере, есть место, откуда мы можем начать. Думаю, имеет смысл допустить, что мистер Саммерс тоже вовлечен во все это. Вот уже двое.

— Эта глупая девчонка Шелли просто слепа. Они используют ее, чтобы она задавала свои нелепые вопросы. Она вовлечена косвенно, потому что они не доверяют ей, поскольку она не может держать язык за зубами. Ее брат вбил идею об изучении фольклора в ее голову, и этот тур она представляла себе как фольклорную экспедицию. Он с легкостью ею управляет.

Михаил провел рукой по волосам. Вскоре ему нужно будет питание. В нем свернулся темный голодный гнев. Он расплзался по его телу, смертельно опасный. Джейкоб вел себя бессовестно даже с собственной сестрой. И он смотрел на Рейвен с вожделием.

Рейвен подняла взгляд и увидела, что на нее смотрят немигающие глаза. Темные, бездонные — глаза охотника. Тревожное покалывание пробежало по ее спине. Она почувствовала, как у нее

задрожала и вспотела рука, и вытерла ее о юбку.

— Что?

Иногда Михаил выглядел как незнакомец, а не живой человек, которого она знала, со смехом и нежностью в теплом взгляде. Как кто-то расчетливый и холодный, смертельно опасный и коварный, более чем она могла вообразить. Машинально ее сознание потянулось к нему.

Не надо!

Он с силой закрыл свое.

Ресницы Рейвен затрепетали от хлынувших слез. Отказ сам по себе был болезненным, а исходящий от Михаила ранил вдвойне.

— Почему, Михаил? Почему ты отдалился? Ты нуждаешься во мне. Я знаю это. Ты так хочешь помочь каждому, быть всем для всех. Я полагала, что мы вместе, что я все для тебя. Позволь мне тебе помочь.

Она приблизилась к нему медленно, заботливо.

— Ты не знаешь всего, что может произойти, Рейвен.

Он отступил, подальше от искушения, подальше от ее боли.

Она улыбнулась.

— Ты всегда помогаешь мне, Михаил. Ты присматриваешь за мной. Я прошу тебя доверять мне, чтобы я могла быть тем, в ком ты нуждаешься.

Он позволил щиту, закрывающему его сознание, медленно опуститься. Она почувствовала горе, смешанное с яростью из-за бессмысленного убийства Ноэль и страх за нее, Рейвен. Любовь, которая становилась все сильнее, голод, сексуальный и физический. Нужен кто-то, кто будет любить и утешать этого мужчину.

— Мне нужно, чтобы ты сделала так, как я тебя прошу, — с отчаянием в голосе сказал он, сражаясь с чудовищем, жадно поднимающим голову.

Она засмеялась так притягательно.

— Нет, не надо. Слишком много людей считают твое слово законом. Тебе нужен кто-то, кто бы противостоял тебе хотя бы чуть-чуть. Я знаю, ты не причинишь мне вреда, Михаил. Я чувствую, как ты сам себя боишься. Ты думаешь, что в тебе есть что-то, что я не смогу полюбить, какой-то монстр, которого ты боишься мне показать. Я знаю тебя лучше, чем ты знаешь себя.

— Ты беспечна, Рейвен, ты пренебрегаешь опасностью.

Он так вцепился в спинку стула, что дерево могло разлететься в щепки. По крайней мере, отпечатки его пальцев останутся навсегда.

— Опасность, Михаил?

Она склонила голову набок, ее волосы, падая, соскользнули на одно плечо. Она взялась за

верхнюю пуговицу на блузке.

— Я никогда не была в опасности, исходящей от тебя, даже когда ты на меня злился. Единственная опасность прямо сейчас угрожает только моей одежде.

Она сделала шаг назад, снова рассмеявшись.

Желание охватило его, настойчивое и мучительное. Голод рвал его на части, перед глазами повисла красная дымка.

— Малышка, ты играешь с огнем, я почти теряю самообладание.

Он сделал последнюю попытку ее спасти. Почему она не видит, какой он эгоист на самом деле? Как он взял ее жизнь и никогда не собирается ее отпускать? Он был монстром, которого она не могла видеть. Возможно, холодная логика и правосудие остального мира могут влиять на него, но не на нее. Когда он рядом с ней, его охватывают эмоции, настолько непривычные, что он не может с ними справиться. Он совершал бесчестные поступки. Он позволил ей увидеть жестокость в своем сознании, срывая с нее одежду и овладевая ее телом бездумно и бесконтрольно.

Она ответила ему в своем сознании — теплотой, любовью, ее тело страстно желало его, воспринимая и принимая его жестокую сторону. Она полностью доверяла ему и верила в его чувства к ней, в его обязательства по отношению к ней.

Он тихо выругался, срывая одежду, сковывавшую его тело, и набрасываясь на нее, подобно дикому зверю.

— Михаил, мне нравится эта одежда, — прошептала она у его горла, а ее смех пролился в его сознание.

Смех. Радость. Никакого страха.

— Избавься от этих чертовых вещей, — хрипло проговорил он, не осознавая, что укрепляет ее веру в него.

Она не торопилась, дразня его, поигрывая пуговицами, заставляя его искать крючок на юбке.

— Ты не знаешь, что творишь, — заметил он устало, но его руки на ее теле были очень нежными, осторожно избавляя ее от одежды, пока он не обнажил всю ее атласную кожу и не распустил ее длинные шелковистые волосы.

Михаил обхватил ее шею своими сильными пальцами. Она казалась такой маленькой и хрупкой, а ее кожа — такой теплой. У нее был неотступный женский запах, словно дикий мед, словно глоток свежего воздуха. Он прислонил ее к книжному шкафу, обхватив руками тело и поглаживая нежную выпуклость груди, впитывая ощущения всей своей кожей. Он склонил голову, найдя языком темный кончик ее соска. Демон внутри его отступил, почувствовав, что она принимает его природу. Он не заслуживал ее.

При первом же прикосновении к груди его рта, такого горячего и требовательного, Рейвен охватила слабость. Полка поддерживала ее сзади, упираясь в обнаженные ягодицы. Возбуждение, предвкушение. Его голодные глаза скользили по ней с такой одержимостью. С такой нежностью. Это растопило ее сердце, ей захотелось заплакать, оттого что он к ней испытывает. Где бы ни коснулся ее его взгляд — там ее тело жаждало его прикосновений.

Она потянулась и распустила его волосы, запустив в них руки, наслаждаясь возможностью погладить кончиками пальцев его твердые мускулы. Она чувствовала, как он дрожит под ее ласковыми руками, как дикость внутри его стремится вырваться на свободу. И это затронуло что-то дикое внутри ее самой. Она хотела ощутить его в своих руках, почувствовать его твердые мускулы под своей нежной кожей, его тело, погружающееся в нее. Она послала ему эротические картины, танцующие в ее голове, в то время как сама пробовала его кожу на вкус.

Его руки были везде, точно так же как и ее. Его рот был подобен огню, точно так же как и ее. Их сердца бились в унисон. Их кровь текла подобно расплавленной лаве. Его пальцы нашли ее влажное лоно и раскрыли его. Кровь редела у него в голове, все его эмоции слились воедино в яростном шторме желания. Чем сильнее и глубже он проникал, тем более податливой и гостеприимной становилась она. Она была тугой и горячей, вбирая его, принимая его шторм.

Его голод был опасен. Он жаждал ее сладкого вкуса, желал экстаза ритуального обмена. Если он будет питаться... Он застонал от искушения. Он будет не в состоянии остановиться, не испытывая желания восполнить ее. Но он не мог это сделать. Она должна сознательно принять решение о том, чтобы полностью стать частью его мира. Но это слишком большой риск. Если она не выживет, он последует за ней в неизвестность. Он точно понял, что подразумевали древние, когда говорили, что один Спутник жизни не сможет выжить, потеряв другого. Он не хотел бы жить без нее. Не могло быть Михаила без Рейвен.

Его тело, его потребности, его эмоции снова взяли вверх, подталкивая его к потере самообладания. Он никогда не знал таких глубоких ощущений, такой полной, всеобъемлющей любви к кому-то другому. Она была всем. Его воздухом. Его сердцем. Рот Михаила нашел ее — в длительных одурманивающих поцелуях, скользнул вниз к ее горлу, ее груди, нашел свою метку. Вкусить один раз. Всего один.

Рейвен пошевелилась в его руках, повернув голову, предоставляя ему лучший доступ, ее руки запутались в его волосах.

— Я с радостью выйду за тебя замуж, Михаил. Ты отчаянно нуждаешься во мне.

Он поднял голову и взглянул в ее лицо, такое красивое от любовных ласк, такое восприимчивое к нему и его желанию. Ее сердце окутало его любовью, ее разум успокаивал его, питал, дразнил, соответствовал его внутренней дикости. Его руки обхватили ее лицо, его черные глаза смотрели в ее — сине-фиолетовые. А потом он улыбнулся.

— Михаил, — запротестовала она, когда он нежно отстранился.

И он вернулся к ней, притягивая ее бедра к своим. Когда он вошел в нее, его руки обхватили ее талию, и он ощутил ликование. Она была в безопасности! Радость затопила его, и он уступил чистейшему наслаждению, которое дарило ее тело. Он двигался, она двигалась. Она была невероятно узкой, огненно-горячей, бархатисто-мягкой. Это была взрывная комбинация.

Волки сказали, что он больше не испытывал радости, но Рейвен вернула ее ему. Его тело пело от нее, сияло ею. Он во второй раз ощутил, как оно пошло рябью, запульсировало, но он все еще двигался, желая, чтобы их тела были одним целым. Темная тень, пересекающая его душу, рассеялась. Эта маленькая красивая женщина дала ему все это. Он установил ритм их движения, наслаждаясь тем, как ее тело следовало его указаниям. Он чувствовал, как она сжалась, обхватывая его, слышал, как она вскрикивала снова и снова, а нежные мяукающие звуки в ее горле приблизили его к самому краю. Его собственное тело оказалось объятным пламенем, унеся их обоих на небеса, так что Рейвен выкрикнула его имя, цепляясь за него,

словно за спасительный якорь.

Руки Михаила были нежны, когда он помог ей лечь. Он ласкал ее шелковистые волосы и, склонившись, ласково поцеловал.

— Ты не представляешь, что сегодня сделала для меня. Спасибо, Рейвен.

Ее глаза были закрыты, ресницы лежали на нежной коже, словно два темных полумесяца. Она улыбнулась.

— Кто-то должен был показать тебе, что такое любовь, Михаил. Не одержимость, не собственность, а настоящая безоговорочная любовь.

Ее рука поднялась, и даже с закрытыми глазами кончики ее пальцев безошибочно обвели линию вокруг его рта.

— Тебе нужно вспомнить, как играть, как смеяться. Тебе надо научиться нравиться самому себе намного больше.

Твердые уголки его рта смягчились, изогнувшись.

— Ты говоришь, как священник.

— Надеюсь, ты признаешься, что обманул меня, — поддразнила она его.

У Михаила перехватило дыхание. Нахлынуло чувство вины. Он действительно обманул ее. Возможно, не в первый раз, когда потерял самообладание после такого долгого одиночества. Тогда обмен был необходим, чтобы спасти ей жизнь. Но во второй раз это было чистейшим эгоизмом. Он хотел сексуального удовлетворения, полного завершения ритуала. И произнес ритуальные слова. Теперь они связаны. Он знал это, чувствовал правильность этого, ощущал исцеление своей души, которое может дать только истинная Спутница жизни.

— Михаил? Я просто дразнила тебя.

Длинные ресницы затрепетали и поднялись, так что она смогла убедиться в том, что ей сказали кончики пальцев, — он хмурился.

Он зубами прикусил ее палец, его язык прошелся по ее коже. Его рот был горячим, глаза смотрели на нее, пылая. Ответная теплота появилась в ее глазах. Рейвен нежно рассмеялась.

— У тебя разнообразные таланты. Дорогой, ты такой страстный, что тебя следует запереть, а за твою улыбку мужчины готовы убить. Или женщины, если взглянуть на это с другой стороны.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее, лаская грудь.

— Ты должна была упомянуть, какой я великолепный любовник. Мужчинам необходимо слышать такие вещи.

— Действительно? — Она подняла бровь. — Понятия не имела. Ты уже и так слишком высокомерен, что я едва могу это вынести.

— Ты сходишь по мне с ума. Я знаю. Я читаю твои мысли.

Он неожиданно усмехнулся озорной улыбкой, как маленький мальчик.

— Тебе не кажется, что в следующий раз, когда мы займемся любовью, нам стоит договориться и найти кровать?

Она осторожно села.

Михаил обнял ее, поддерживая.

— Я причинил тебе боль?

Она тихо рассмеялась.

— Ты шутишь? Хотя я не против принять долгую горячую ванну.

Он потерся подбородком о ее макушку.

— Я думаю, мы можем это организовать, малышка. Он должен был догадаться, что деревянный пол не самое удобное место.

— У тебя есть склонность начисто лишать меня здравых мыслей.

Это было извинение, поскольку он в этот момент брал ее на руки. Он быстро перенес ее в ванную.

Глаза Рейвен потеплели, смягчившись, а на губах появилась улыбка, он уже так любил эту улыбку, что у него перехватило горло.

— А у тебя имеется склонность становиться немного примитивным, Михаил.

Он зарычал на нее и, медленно склонив голову, соприкоснулся с ней губами. В этом была какая-то смесь нежности и голода, что вызывало у нее сочувствие. Очень осторожно он поставил ее на ноги и взял ее лицо в ладони.

— Мне всегда будет тебя мало, Рейвен, всегда. Но тебе нужно принять ванну, а мне — найти пропитание.

— Поесть.

Она наклонилась, чтобы наполнить ванну такой горячей водой, что от нее шел пар.

— В английском языке используют слово «есть». Хотя я и не великий повар, но смогу что-нибудь приготовить для тебя.

Его белые зубы блеснули, словно у хищника, когда он зажигал для нее свечи.

— Ты здесь не в качестве моей рабыни, малышка. По крайней мере, не в этом смысле.

Он смотрел, не моргая, как она закручивает волосы. Это возбуждало, и вдобавок тело Рейвен затрепетало под его пристальным взглядом. Он протянул руку и помог ей встать в ванну. Когда его сильные пальцы сомкнулись вокруг нее, у Рейвен появилось странное ощущение, словно она оказалась в плену.

Рейвен осторожно опустилась в горячую воду.

— Та-а-к, а ты веришь в верность?

Она постаралась, чтобы это было сказано как бы невзначай.

Тень легла на его лицо.

— Истинные представители моей расы никогда не испытывают поверхностную, несерьезную и бледную версию человеческой любви. Но если ты окажешься с другим мужчиной, я об этом узнаю, почувствую тебя, твои мысли, твои эмоции. — Он провел пальцем вдоль ее щеки. — Тебе не захочется встретиться с живущим во мне демоном, малышка. Я способен на страшную жестокость. Я не собираюсь ни с кем тебя делить.

— Ты бы никогда не причинил мне боли, Михаил, и не важно, что вызвало бы твой гнев, — тихо и с полной уверенностью сказала Рейвен.

— Ты всегда в безопасности рядом со мной, — согласился он, — но я не могу сказать то же самое про остальных, кто попытается отнять тебя у меня. Все мои люди обладают телепатией. Сильные эмоции, такие как сексуальное возбуждение, невозможно утаить.

— Ты хочешь сказать, что те из вас, кто женится...

— Берет Спутника жизни, — поправил он.

— Они никогда не изменяют друг другу? — скептически спросила она.

— Только не истинные Спутники жизни. Но это отдельный случай...

Рука Михаила сжалась в кулак. Бедная милая Ноэль, так одержимо желавшая Рэнда.

— Некоторые предают выбранного Спутника, поскольку не испытывают тех чувств, которые должны бы испытывать, а иначе это невозможно. Вот почему так важно абсолютное единение сознания, сердца, души и тела. Как я познал это с тобой.

Ритуальные слова не могли связать двоих, которые уже не были бы единым целым. В жизни соединяются только две половинки одного целого, но он не мог найти слова, чтобы выразить это так, чтобы она поняла.

— Но, Михаил, я не принадлежу к твоим людям.

Она начала понимать, что между ними существуют более глубокие различия, чем традиции, о которых ей следует знать, принять к сведению.

Он измельчил травы в чашке и добавил смесь в воду в ванной. Это поможет ей справиться с болью.

— Ты узнаешь, если я дотронусь до другой женщины.

— Но ты можешь заставить меня забыть, — вслух удивилась она, а от легкого недовольствия уголок ее рта дрогнул.

Он почувствовал, как ее сердце сильно забилося, внезапное сомнение появилось в ее сознании.

Он присел рядом с ванной и обхватил ее лицо своими нежными пальцами.

— Я не способен предать тебя, Рейвен. Я могу заставить тебя согласиться ради твоей же безопасности или защиты, ради твоей жизни и здоровья, но я не способен на измену.

Кончиком языка она тронула нижнюю губу.

— Не заставляй меня ничего делать, пока не спросишь, как сделал тогда, когда мне было плохо.

Михаил спрятал улыбку. Она всегда старается казаться такой твердой, у нее явно больше храбрости, чем здравого смысла.

— Малышка, я живу только ради твоего счастья. А теперь мне надо ненадолго уйти.

— Ты не можешь выслеживать убийц в одиночку, Михаил. Я имею в виду — это слишком опасно. Если это именно то, что ты собираешься делать...

Он поцеловал ее, искренне рассмеявшись.

— Бизнес, Рейвен. Принимай ванну, посмотри дом, книги, все, что захочешь. У меня масса работы помимо компьютера, и если захочешь, можешь попробовать свои силы в рассмотрении предъявляемых ко мне претензий.

— Именно так я и планировала провести вечер.

— И еще кое-что.

Он почти ушел, но так же быстро вернулся. Взял ее руку в свою.

— Твой народ поймет это как знак того, что ты занята.

Она спрятала улыбку. Он был таким собственником, напоминая дикое животное, которое метит свою территорию. Как те волки, что свободно разгуливают по его лесу. Она с трепетом дотронулась до кольца пальцем. Оно было антикварное, золотое и с огненным рубином, окруженным бриллиантами.

— Михаил, оно прекрасно. Где ты его достал?

— Оно хранилось в моей семье несколько поколений. Если ты предпочитаешь что-нибудь другое... более современное...

Оно выглядело так, словно было создано для нее.

— Оно великолепно, и ты это знаешь. — Она дотронулась до кольца с благоговением. — Я влюбилась в него. Иди, но поскорее возвращайся. А пока тебя не будет, я раскрою все твои секреты.

Михаил был голоден, ему требовалось питание. Склонившись, он прикоснулся к ее лбу губами, но сердце его болело.

— В течение всего лишь одного дня, малышка, мне хотелось бы пообщаться с тобой нормально и счастливо. Поухаживать за тобой, так как ты этого заслуживаешь.

Она вскинула голову и посмотрела на него, ее синие глаза потемнели.

— Ты прекрасно за мной ухаживаешь. А теперь иди поешь. А я останусь здесь.

И, дотронувшись еще раз до ее волос, Михаил ушел.

Он двигался среди горожан, вдыхая ночные ароматы. Звезды казались ярче, луна мерцала серебряным светом. Цвета были яркие и четкие, ветерок разносил запахи. По улице тут и там скользили завитки тумана. Ему хотелось петь. Он нашел ее после стольких лет, и она заставила землю расцвести и согрела его кровь. Она вернула в его жизнь смех и показала ему, какой может быть любовь.

Час был поздний, и пары направлялись по домам. Михаил выбрал группу из трех молодых мужчин. Он был голоден и нуждался в силе. Ночь будет длинной. Он намеревался проверить, была ли миссис Романов одной из ассасинов. Женщинам нужна была акушерка, но лучше пережить печаль от ее потери, чем пользоваться услугами той, кто может предать их при первой же возможности.

Он притянул мужчин к себе одной молчаливой командой, поражаясь, как и много раз до этого, насколько легко ему удастся подчинить себе жертву. Он присоединился к их разговору, смеясь вместе с ними, по секрету сообщая им о прекрасных деловых возможностях. Но в свои двадцать лет они больше думали о женщинах, чем о зарабатывании денег. И это всегда поражало его, насколько непочтительно относятся человеческие мужчины к своим женщинам. Возможно, они не могли понять, на что будет похожа их жизнь без них.

Он привел их в безопасное место под темнеющие деревья и выпил необходимую ему порцию, удостоверившись, чтобы не взять слишком много от каждого.

Он закончил так же, как и всегда, — крайне осторожно. Вот почему он был самым старым и самым опасным. Он обращал внимание на мельчайшие детали. Он еще в течение нескольких минут прогуливался вместе с ними, убеждаясь, что они в порядке, прежде чем оставить их в толпе, дружески попрощавшись.

Михаил отвернулся от них, и улыбка слетела с его губ. Ночь скрыла охотника, темное, ужасное намерение в его глазах, жестокий изгиб чувственного рта. Его мускулы трепетали, ощущая власть, сокращаясь с невероятной силой. Он шагнул за угол и растворился в ночи. Скорость его движения не поддавалась описанию.

Сознание Михаила потянулось к Рейвен, страстно желая контакта с ней.

Что ты делаешь одна-одинешенька в этом старом жутком доме?

Ее смех вытеснил его абсолютный холод своим теплом.

Дожидаюсь, когда мой большой страшный волк вернется домой.

Ты одета?

На этот раз она ответила легкой игрой пальцев по его коже, дотрагиваясь до него интимно, согревая его тело. Теплом, смехом, чистотой. Он ненавидел находиться вдали от нее, ненавидел расстояние, разделяющее их.

Естественно, я одета! Что, если снова приедут неожиданные гости? Не могу же я приветствовать их обнаженной?

Она дразнила его, но при мысли о ком-либо, приближающемся к его дому, когда она там одна и беззащитна, его обуял страх. Это чувство было ему незнакомо, и он не мог определить его.

Михаил? Ты в порядке? Ты нуждаешься во мне? Я приду к тебе.

Оставайся на месте. Слушай волков. Если они споют тебе, сразу зови меня.

Он ощутил некоторое сопротивление, которое означало, что она раздражена его тоном.

Я не хочу, чтобы ты беспокоился обо мне, Михаил. У тебя и так достаточно людей, которые что-то требуют от тебя.

Возможно, это и так, малышка, но ты единственная, кто мне на самом деле небезразличен. И выпей еще один стакан сока. Ты найдешь его в холодильнике.

Он разорвал контакт и обнаружил, что улыбается их непродолжительной беседе. Она бы начала оспаривать его приказ насчет питания, если бы он подождал подольше. Ему даже нравилось раздражать ее время от времени. Ему нравилось то, как ее синие глаза превращались в сапфиры и как ее тщательно контролируемый голос становился немного резким.

Михаил?

Ее голос поразил его, низкий и теплый, наполненный чисто женским весельем.

В следующий раз постарайся внести предложение или просто попроси. Можешь заниматься своими делами, а я пойду обыскивать твою обширную библиотеку в поисках книги о хороших манерах.

Он почти забыл, что присел под деревом всего в нескольких сотнях футов от дома, принадлежавшего Гансу и Хейди Романов. Михаил подавил желание рассмеяться.

Ты не найдешь ни одной.

И почему меня это не удивляет?

На этот раз контакт разорвала Рейвен.

На краткий миг он позволил себе роскошь быть окутанным ее теплотой, ее смехом, ее любовью. Почему Господь выбрал это время — когда Михаил переживал свой самый темный час, — чтобы послать ему такой подарок, он не имел ни малейшего понятия. То, что он собирался сделать, было неизбежно, дальнейшее существование его расы зависело от этого. Зверское уродство этого дела наполняло его отвращением. Ему придется вернуться к ней со смертью на своих руках, смертью более чем одного человека. Он не мог избежать этого, не мог переложить эту работу на кого-то еще. Он сожалел не о том, что придется забрать жизнь у убийц Ноэль, а о необходимости попросить Рейвен жить с его деяниями. Это будет не первый раз, когда он забирает жизнь.

Вздохнув, он видоизменился. Крошечный грызун легко пробрался сквозь листву, покрывавшую землю, и пересек открытое пространство перед домом. Его слуха коснулось хлопанье крыльев, и грызун замер. Михаил издал предупреждающий свист, и сова, плавно скользившая по воздуху, чтобы напасть, повернула прочь. Грызун скользнул под безопасные деревянные ступени и, щелкнув хвостом, стал искать трещину или дыру в стене, чтобы проникнуть внутрь.

Михаил уже уловил два знакомых запаха. У Ганса были гости. Грызун протиснулся сквозь щель между двумя разошедшимися досками и оказался в спальне. В полном молчании создание пересекло пол по направлению к двери. Михаил позволил запахам хозяев пройти сквозь тело

грызуна. Он двигался осторожно, время от времени останавливаясь, пока не занял место в темном углу комнаты.

Хейди Романов сидела на деревянном стуле прямо напротив него, тихо плача, стиснув в руках четки.

Ганс смотрел на троих мужчин, а между ними на столе лежала развернутая карта.

— Ты ошибся, Ганс. Вы все ошиблись насчет Ноэль, — всхлипывая, сказала миссис Романов. — Ты сошел с ума и привел сюда этих убийц. Бог мой, вы убили невинную девочку, молодую мать. Ваши души потеряны.

— Заткнись, старуха, — яростно закричал Ганс, его лицо превратилось в маску фанатика.

Он горел этим — крестоносец, сражающийся на святой войне.

— Я знаю, что видел.

Он замолчал, бросив быстрый взгляд вправо и влево, поскольку странная тень, наподобие крылатого создания, казалось, пронеслась над домом.

На мгновение все в комнате замерли. Михаил почувствовал их страх, услышал внезапно учащенное биение их сердец. В доме Ганс повесил над каждым окном и над каждой дверью связку чеснока. Он медленно встал, обливав внезапно пересохшие губы и обхватив рукой крест, висевший у него на шее, и направился к окну, чтобы убедиться, что связка на месте.

— Что насчет этого? Той тени, которая пронеслась прямо сейчас? Вы все еще думаете, что я совершил ошибку, потому что мы обнаружили ее в постели, а не спящей под землей?

— Там не было ничего — ни грязи, ни защиты, — неохотно сказал темноволосый незнакомец.

Михаил опознал мужской след. Ассасин. Один из гостиницы. Находясь внутри тела грызуна, чудовище выпустило когти. Они убили Ноэль, даже не будучи уверенны, что она была тем, о ком они думали.

— Я знаю, что видел, Евгений, — заявил Ганс. — После того как Хейди ушла, у женщины началось кровотечение. Я пришел, чтобы проводить Хейди домой, потому что в лесу опасно. Я собирался сказать мужу, что приведу Хейди назад, чтобы она помогла. Но он был очень взволнован и не увидел меня, когда я заглянул. Я видел это собственными глазами. Она выпила так много, что он ослаб и стал бледным. Я ушел и сразу же связался с вами.

Евгений кивнул головой.

— Вы сделали все правильно. Я приехал, как только смог, и привел остальных. Если они научились щениться, то здесь все заполонят дьяволы.

Огромный человек в комнате тревожно пошевелился.

— Я никогда не слышал, чтобы вампиры размножались. Они убивают живых, чтобы пополнить свои ряды. Они спят под землей и охраняют свои логова. Вы сработали быстрее, чем мы смогли все тщательно изучить.

— Курт, — запротестовал Евгений, — мы увидели возможность и воспользовались ею. И каким образом ее тело вдруг исчезло? После того как мы это сделали, мы сбежали. Муж и ребенок с

тех пор не появлялись. Мы знаем, что женщина мертва — мы убили ее, и все же нет никакой шумихи по поводу ее смерти.

— Мы должны найти ее мужа и ребенка, — заявил Ганс. — И остальных, мы должны уничтожить их.

Он нервно выглянул сквозь треснувшее стекло в ночь и издал вопль.

— Смотри, Евгений, волк! Этот чертов Дубрински защищает их на своей земле. Однажды они прибегут в нашу деревню и утащат детей.

И он потянулся к винтовке, прислоненной к стене. Евгений вскочил.

— Подожди, Ганс! Ты уверен, что это волк? Настоящий волк? С чего бы это волк вышел из леса и стал смотреть на твой дом?

— Кто такой этот Дубрински, если он держит волков? — потребовал ответа Курт.

— Он принадлежит Церкви! — прошипела Хейди, шокированная тем, что они имели в виду. — Он хороший человек, каждое воскресенье ходит в церковь. Отец Хаммер — один из его ближайших друзей. Они часто ужинают вместе и играют в шахматы. Я видела это своими собственными глазами.

Ганс отмахнулся от ее доводов.

— Дубрински самый настоящий дьявол. Посмотри, волк крадется через кусты, наблюдая за домом.

— Я говорю тебе, это неестественно, — понизив голос, сказал Евгений. — Он один из них.

— Они не могли узнать, что это были мы, — возразил Ганс, но дрожащие руки выдавали его страх.

Он вскинул винтовку.

— Ты должен попасть с первого выстрела, Ганс, — предупредил Евгений.

Грызун пробежал по полу в спальню и протиснулся в щель. Покинув тело грызуна, Михаил потянулся в ночь с предупреждением, на ходу меняя внешность и превращаясь в огромного черного волка с горящими мстостью глазами.

Он одним движением пересек расстояние и прыгнул на более мелкого волка. Его тяжелое тело врезалось в него, и он почувствовал, как пламя обожгло кожу. Волк поменьше исчез в густом лесу. И хотя кровь текла по его задним лапам, огромный волк не издал ни звука, не убежал. Вместо этого он повернул свою большую голову и уставился на дом горящими, как уголь, глазами, обещавшими мечь. Расплату.

Михаил!

Резкий крик Рейвен прозвучал у него голове.

Черный волк еще некоторое время смотрел, удерживая Ганса Романова в своей власти, а затем развернулся и растворился в ночи, не давая никому из мужчин возможности попытаться его выследить. Огромный волк появился из ниоткуда, прыгнув, чтобы защитить более мелкого. Он

не был обычным волком, и ни один из них не хотел последовать за ним в лес.

Михаил поспешил скрыться в безопасной чаще, прежде чем боль и потеря крови заставят его вновь принять человеческий облик. Он пошатнулся, запнувшись о толстую ветку дерева, и резко сел.

Михаил! Пожалуйста! Я знаю, что ты ранен. Где ты? Я чувствую твою боль. Позволь мне прийти к тебе. Позволь помочь.

Кусты позади Михаила затрещали. Но он не потрудился обернуться, зная, что это Байрон — пристыженный, сконфуженный, полный раскаяния.

— Михаил. Господи, мне очень жаль. Плохо?

— Довольно плохо.

Михаил зажал рану рукой, чтобы остановить так легко вытекающую кровь.

— Что ты здесь делаешь, Байрон? Это сумасшествие, полное безрассудство.

Михаил!

Страх и слезы Рейвен заполнили его сознание.

Успокойся, малышка. Это царапина, не более того.

Позволь мне прийти к тебе.

Она умоляла его, и это разрывало ему сердце.

Байрон оторвал кусок от своей рубашки и перевязал бедро Михаила.

— Я сожалею. Я должен был послушаться тебя, должен был знать, что ты будешь охотиться. Но я подумал...

Он замолчал, и вид у него был смущенный.

— Подумал что? — слабым голосом повторил Михаил.

Рана дьявольски болела. Он чувствовал слабость и головокружение, но ему как-то надо было успокоить Рейвен. Она стремилась помочь ему, найти его, она даже пыталась «посмотреть» его глазами.

Прекрати это, Рейвен. Делай, как я сказал. Я не один. Рядом со мной один из моих людей. Я скоро снова буду рядом с тобой.

— Я думал, что ты будешь так увлечен своей женщиной, что, возможно, не найдешь времени на охоту. — Байрон опустил голову. — Я чувствую себя идиотом, Михаил. Я так беспокоился об Элеонор.

— Я никогда не отлынивал от своих обязанностей. Защита моего народа для меня всегда на первом месте.

Михаил даже не мог попытаться залечить рану, поскольку Рейвен находилась в его сознании.

— Я знаю, знаю.

Байрон провел рукой по каштановым волосам.

— После того что случилось с Ноэль, я не могу позволить, чтобы то же самое произошло и с Элеонор. И это был первый раз, когда ты предупредил одного из нас держаться подальше от женщины.

Михаил выдавил кривую улыбку.

— Это и для меня новый опыт. До тех пор пока это не перестанет быть таким новым и необычным, будет лучше, если я буду держать ее так близко к себе, насколько это возможно. Прямо сейчас она спорит со мной.

Байрон выглядел пораженным.

— Она спорит с тобой?

— У нее есть свой собственный ум.

Он позволил Байрону, чтобы тот помог ему подняться.

— Ты слишком слаб, чтобы измениться. Тебе нужны кровь и исцеляющий сон.

Байрон послал призыв к Жаку.

— Я не рискну уходить глубоко. Это оставит ее без защиты. Она носит мое кольцо, и на ней стоит моя метка. Одно ошибочное движение, и они ее убьют.

— Ты нам нужен полный сил, Михаил. Листья закружились в миниатюрном торнадо, извещая о прибытии Жака.

Жак выругался про себя, становясь на колени рядом с Михаилом.

— Тебе нужна кровь, Михаил, — сказал он тихо и немедленно начал расстегивать рубашку.

Михаил остановил его. Его глаза, утратившие вкус к жизни и полные боли, изучали местность. Байрон и Жак замерли, отпуская свои чувства и сканируя лес.

— Здесь никого нет, — прошептал Жак.

— Здесь кто-то есть, — поправил его Михаил.

Низкое предупреждающее рычание вырвалось из горла Жака, когда он инстинктивно встал перед своим принцем. Байрон нахмурился, его красивое лицо выражало смущение.

— Я не могу ничего найти, Михаил.

— Я тоже, но за нами наблюдают.

Он сказал это так уверенно, что ни один карпатец не рискнул бы спорить. Михаил никогда не ошибался.

— Вызовите Эрика с машиной, — приказал Михаил и откинул голову, чтобы отдохнуть.

Жак был настороже, и Михаил доверял его суждениям. Он прикрыл глаза, задаваясь вопросом, куда ушла Рейвен. Она больше не ворчала на него. Для того чтобы поддерживать контакт, ему пришлось бы использовать драгоценную энергию, которую он не мог восполнить прямо сейчас. И все же это тревожило его: молчание было ей так несвойственно.

Глава 7

Поездка до дома на машине оказалась мучительной. Тело Михаила настоятельно требовало крови, чтобы восполнить ту, которую он потерял. С каждым мгновением он становился слабее, а от боли морщинки на лице стали глубже. Он был древним, а все древние испытывали эмоции, поэтому они хуже переносят физическую боль. В обычных условиях он бы просто остановил свое сердце и легкие, чтобы кровь перестала вытекать. А потом за дело бы взялся целитель, а остальные предоставили бы ему то, в чем он нуждался.

Но Рейвен изменила все это. Рейвен и что-то еще, или кто-то еще, наблюдает за ними. Он все еще чувствовал тревогу. Он знал, что тот, другой, наблюдал за ними на расстоянии, даже когда они ехали несколько миль по направлению к его дому.

— Михаил, — прошептал Эрик, как только они доставили его в безопасность его дома, — позволь помочь тебе.

Рейвен стояла возле двери, внимательно всматриваясь в бледные черты Михаила. Он внезапно стал выглядеть намного старше, чем на тридцать лет, как она определила для себя его возраст. Вокруг рта залегли белые морщины, но его сознание было совершенно безмятежным, а дыхание даже расслабленным. Она молча отступила назад, уступая дорогу.

Отказ Михаила от ее помощи причинил ей боль. Если он предпочел компанию своих людей, то она не собирается терять достоинство, позволив им увидеть, как это ее беспокоит. Она слегка прикусила нижнюю губу, в глазах застыло беспокойство. Ей только надо было лично убедиться, что с ним все будет хорошо.

Они отнесли Михаила вниз, в спальню, и Рейвен последовала за ними.

— Мне вызвать доктора? — спросила она, хотя уже знала ответ.

Она чувствовала: они хотят, чтобы она ушла, что она каким-то образом им мешает. Инстинктивно она знала, что Михаил не получит необходимую помощь, пока она не уйдет.

— Нет, малышка. — Михаил протянул к ней руку.

Она подошла к нему, и они переплели пальцы. Он всегда был таким сильным, таким физически здоровым, а теперь выглядел таким бледным и изнуренным. Рейвен почувствовала, как слезы наворачиваются на глаза.

— Тебе нужна помощь, Михаил. Скажи мне, что надо делать.

Глаза Михаила, такие черные и холодные, вдруг потеплели, когда его пристальный взгляд остановился на ее лице.

— Они знают, что делать. Это не первая моя рана и не самая худшая.

Он невесело улыбнулся.

— Это то самое дело, которым ты должен был заняться сегодня вечером?

— Ты же знаешь, что я охочусь на тех, кто убил мою сестру.

Он казался уставшим и утомленным. Рейвен ненавидела спорить с ним, но кое-что должно быть сказано.

— Ты сказал, что всего лишь прогуляешься, ничего опасного. И нет необходимости лгать мне насчет того, что ты делал. Я знаю, что ты большая шишка в этих местах, но знаешь что? Я тоже выслеживала убийц. И предполагалось, что мы будем доверять друг другу.

Байрон, Эрик и Жак посмотрели друг на друга, приподняв брови. Байрон беззвучно повторил слово «шишка». Никто из них не рискнул улыбнуться, даже Жак.

Михаил нахмурился. Он понял, что обидел ее.

— Я не нарочно сказал неправду. Я всего лишь вышел, чтобы произвести небольшое расследование. К сожалению, все вышло иначе. Поверь, я не собирался получить рану. Это был несчастный случай.

— У тебя есть привычка попадать в неприятности, когда меня нет рядом. — Рейвен улыбнулась, но глаза ее оставались серьезными. — Как нога?

— Всего лишь царапина, ничего такого, о чем бы стоило волноваться.

Она снова замолчала, взгляд синих глаз рассеянно скользил по его лицу, словно она погрузилась в себя.

Михаил почувствовал, как что-то глубоко внутри его шевельнулось. У нее был тот самый взгляд, означающий, что она снова думает слишком много. Это было последнее, в чем он сейчас нуждался, и в ее молчании было что-то такое, что его тревожило. Она не могла покинуть его. И хотя разумом он понимал это, но сердцем не хотел, чтобы она желала его покинуть, чтобы даже задумывалась об этом.

— Ты злишься на меня, — сказал он.

Рейвен покачала головой.

— Нет. Честно — нет. Может быть, я в тебе разочаровалась.

Она смотрела печально.

— Ты сказал, что между нами не может быть лжи, и сам при первой же возможности солгал.

Она снова прикусила губу. В глазах блеснули слезы, но она нетерпеливо сморгнула их.

— Когда ты просил меня доверять тебе, Михаил, мне показалось, что и с твоей стороны будет точно такое же доверие ко мне. Тебе следовало бы относиться ко мне с большим уважением, по крайней мере к моим способностям. Во время выслеживания я использовала психическую связь. Я выслеживала, используя чьи-то глаза. Некоторые из твоих людей такие небрежные и самодовольные. Некоторые из вас даже не беспокоятся о ментальной защите. Все вы настолько высокомерны, что вам даже в голову не приходит, что человек — существо, не принадлежащее к вашей совершенной расе, — может войти в ваши сознания. Вы выявили одного, похожего на меня, который приговаривает ваших людей к смерти. Но если я смогла проникнуть в ваши

сознания, она тоже сможет сделать это. Мой вам совет, чтобы не стало еще хуже, принимайте более серьезные меры предосторожности.

Рейвен отступила от протянутой успокаивающей руки Михаила.

— Я просто пытаюсь спасти ваши жизни, а не мщу.

Только гордость заставляла ее удержаться и не показать, как она расстроена. Она уже почувствовала, что потеряла его, их уникальную близость. Каким-то образом она знала, что в ее жизни уже не будет другого мужчины, другого времени, когда она сможет смеяться и разговаривать так, как это было с ним.

— Тебе не нужно говорить что-то еще, Михаил. Я видела твою небольшую царяпину собственными глазами. И ты был прав, вы там были не одни — за вами наблюдала я. На моем языке честность означает правду.

Рейвен сделала глубокий вдох, с сожалением сняла кольцо и осторожно положила его на прикроватный столик.

— Мне очень жаль, Михаил, правда жаль. Я знаю, что подвожу тебя, но я не вписываюсь в ваш мир. Я не понимаю ни его, ни его правил. Пожалуйста, окажи любезность — держись подальше и не пытайся связаться со мной. Мы оба знаем, что на самом деле я не подхожу тебе. Я уеду первым же поездом.

Она повернулась и направилась к двери. Но та захлопнулась с громким стуком. Она, не оборачиваясь, молча смотрела перед собой. Воздух звенел от напряжения, от какого-то темного чувства, которому она не могла дать названия.

— Не думаю, что, если мы продолжим наши отношения, от этого будет какой-либо прок. Тебе прямо сейчас нужна помощь. Очевидно, что бы они ни намеревались делать, это такая тайна, что об этом никто не должен знать. В том числе и я. Позволь мне вернуться домой, и пусть они тебе помогут.

— Оставьте нас, — приказал он остальным.

Они неохотно повиновались.

— Рейвен, подойди сюда, пожалуйста. Я слаб, и мне понадобятся все оставшиеся силы, чтобы подойти к тебе.

Он говорил искренне, и это разбивало ей сердце. Она закрыла глаза, сопротивляясь силе, что звучала в его ласковом голосе.

— Не в этот раз, Михаил. Мы не только живем в двух разных мирах, у нас разные системы ценностей. Мы попытались, я знаю, как тебе этого хотелось, но я так не могу. Может быть, никогда и не могла. Все произошло слишком быстро, и мы действительно не знаем друг друга.

— Рейвен.

С какой теплотой он произнес ее имя.

— Подойди ко мне.

Она прижала пальцы ко лбу.

— Я не могу, Михаил. Если я позволю тебе снова ко мне приблизиться, я перестану уважать себя.

— Тогда у меня нет иного выбора, кроме как самому к тебе подойти.

Он перенес вес своего тела на руки, чтобы начать двигаться, подтаскивая раненую ногу.

— Нет!

Она встревоженно обернулась.

— Перестань, Михаил. Я позову остальных.

Она толкнула его назад на подушки.

Он неожиданно сильно обхватил ее за шею.

— Ты — единственная причина, почему я сейчас жив. Я говорил тебе, что буду совершать ошибки. Ты не можешь поставить на мне крест, на нас. Ты знаешь меня, знаешь все самое важное обо мне. Ты можешь заглянуть в мое сознание и узнать, что я нуждаюсь в тебе. Я бы никогда не причинил тебе боли.

— Ты уже причинил мне боль. Обидел. Те люди за дверью — твоя семья, твой народ. А я из другой страны, я принадлежу к другой расе. Это не мой дом и никогда им не будет. Позволь мне позвать их и просто уйти.

— Ты права, Рейвен. Я говорил тебе, что между нами не будет лжи, но тем не менее я испытываю потребность защищать тебя от всего жестокого и пугающего, от всего, что может причинить тебе вред.

Он погладил ее губы привычным жестом.

— Не покидай меня, Рейвен. Не губи меня. Твой уход меня убьет.

В его глазах было столько выражения, он так хотел убедить ее. Он не отводил глаз, не пытался скрыть от нее неприглядную правду своего мира, свою отчаянную уязвимость.

— Михаил, — тихо сказала она, — я смотрю на тебя, и что-то глубоко внутри меня говорит, что мы принадлежим друг другу, что ты нуждаешься во мне и что без тебя я никогда не буду целостной. Но я знаю, что это абсурдно. Я прожила почти всю свою жизнь сама по себе и была довольно счастлива.

— Ты была отверженной, ты испытывала боль. Никто не видел тебя, не знал, кем ты была. Никто не сможет оценить тебя и позаботиться о тебе лучше, чем я. Не делай этого, Рейвен. Не надо.

Он притянул ее к себе. Как она могла ему сопротивляться? Было поздно, слишком поздно. Его рот уже нашел ее. Его губы были прохладными, мягкими и такими нежными, что у нее на глазах навернулись слезы. Она уткнулась лбом в его лоб.

— Ты обидел меня, Михаил, правда, обидел.

— Я знаю, малышка, мне очень жаль. Прости меня.

Она улыбнулась.

— Это действительно так легко?

Он вытер слезинку с ее щеки.

— Нет, но это все, что я могу дать тебе сейчас.

— Тебе нужна помощь, и я знаю, что не могу ее оказать. Я пойду. Свяжись со мной, когда сможешь. Я обещаю никуда не уходить, пока тебе не станет лучше.

— Рейвен, надень мое кольцо, — попросил он.

Она покачала головой, отходя в сторону.

— Не думаю, что нужно это делать, Михаил. Пусть все остается так, как есть. Я должна подумать.

Он погладил ее затылок, потом руку, начиная с плеча и до самого запястья, на котором его пальцы сомкнулись.

— Завтра мне нужно будет выспаться, хорошенько выспаться. Я хочу защитить тебя от тех людей.

Он знал, она подумает, что они будут мучить его. Рейвен отбросила прядь его волос со лба.

— Со мной все будет в порядке, как и все эти годы. Ты так заботишься о своем мире, что и не догадываешься, что люди могут позаботиться каждый о себе. Я обещаю, что не уеду от тебя и буду осторожна. Я не собираюсь прятаться у них в шкафу или под кроватью.

Михаил взял ее за подбородок.

— Эти люди опасны, Рейвен, они фанатики. Я понял это сегодня ночью.

— Они узнали тебя?

У нее перехватило дыхание. Она хотела быстрее позвать его друзей, чтобы они позаботились о его ранах.

— Конечно нет. Да у них и не было такой возможности. Я узнал еще два имени. Это Евгений — темноволосый, с венгерским акцентом.

— Это, должно быть, Евгений Словенски. Он приехал на поезде с туристической группой.

— И некто Курт.

Он снова откинулся на подушки, не в состоянии терпеть боль в бедре. Это было похоже на то, как если бы ногу пилили тупой пилой.

— Курт ван Хелен. Он тоже из туристической группы.

— Там еще и третий мужчина. Никто не называл его по имени. — Его голос выдавал, насколько он ослабел. — Ему около семидесяти, седые волосы и тонкие седые усы.

— Это, должно быть, Гарри Саммерс, муж Маргарет.

— Гостиница превратилась в гнездо ассасинов. Но самое худшее, что акушерка сказала своему мужу, да и всем им, что Ноэль не была нежитью. Как они могли поверить в этот абсурд, когда она родила ребенка? Господи! Какая бессмысленная потеря.

Печаль снова оглушила его, только усиливая боль. Рейвен почувствовала, как его тоска отозвалась в ней.

— А теперь я пойду, чтобы они могли помочь тебе, Михаил. Ты слабеешь с каждой минутой. — Наклонившись, она поцеловала его в лоб. — Я чувствую их беспокойство.

Он схватил ее за руку.

— Надень мое кольцо. — Он ласкал внутреннюю сторону ее запястья. — Я хочу, чтобы ты носила его. Это очень важно для меня.

— Хорошо, Михаил, но только пока ты отдыхаешь. Мы поговорим об этом, когда ты почувствуешь себя лучше. А теперь зови своих друзей. Я возьму твою машину, чтобы добраться до гостиницы.

Она дотронулась до него. Его кожа была холодной, очень холодной. Рейвен надела кольцо. Но он снова схватил ее.

— Не приближайся к этим людям. Оставайся в своей комнате. Я просплю целый день, поэтому и ты отдохни, а вечером я приду за тобой.

— Звучит многообещающе. — Она нежно поправила прядь его волос. — Думаю, тебе надо подольше оставаться в постели.

— Карпатцы исцеляются быстро. Жак проследит, чтобы ты благополучно добралась до дома.

— В этом нет необходимости, — отказалась она, так как чувствовала себя неловко в присутствии незнакомцев.

— Это нужно ради моего спокойствия, — нежно сказал Михаил, глазами умоляя ее не спорить.

Рейвен кивнула, и он решил еще раз испытать судьбу.

— Но прежде чем уйдешь, пожалуйста, постарайся выпить еще один стакан сока. Чтобы я, по крайней мере, об этом не беспокоился.

Он знал, читая ее мысли, что она уже пыталась выпить сок. Но ее желудок воспротивился прежде, чем она успела сделать хоть один глоток. В этом он винил себя. Он был в ответе за то, что ее организм отказывался принимать человеческую пищу. Рейвен и так была слишком худенькой. Она не может оставаться без пищи.

— Мне от одного запаха становится плохо, — призналась она, желая рассмешить его, но понимая, что это невозможно. — Я думаю, что и правда подхватила грипп. Михаил, я попробую это сделать, попозже.

— Я помогу тебе, — пробормотал он тихо, его глаза помрачнели, — я должен сделать это для тебя. Пожалуйста, малышка, позволь мне это сделать, ведь это так просто.

Дверь позади нее распахнулась, и трое мужчин вошли в комнату. Один остался стоять рядом с дверью в ожидании. Он выглядел как облегченная версия Михаила.

— Вы, должно быть, Жак.

Рейвен еще раз дотронулась до холодной руки Михаила, прежде чем выйти из комнаты.

— А вы Рейвен.

Он смотрел на кольцо на ее пальце, даже не пытаясь скрыть усмешку. Она подняла бровь.

— Я не хотела его расстраивать. Мне показалось, это лучший способ побыстрее уйти, чтобы вы смогли ему помочь.

Она не могла использовать Жака, чтобы видеть Михаила. Его ментальные щиты были так сильны, что вовнутрь невозможно было проникнуть. Байрон оказался более легкой мишенью.

Когда она подошла к входной двери, Жак покачал головой и взял ее за руку.

— Он хочет, чтобы вы выпили сок.

— Ах, оставьте меня. Я же сказала, что не могу.

— Мы можем задержаться здесь на всю ночь. — Он пожал плечами и усмехнулся. — Я бы не против. У Михаила очень уютный дом.

Она посмотрела на него свирепо, хотя ей хотелось расхохотаться.

— Вы такой же, как и он. Но не думайте, что это комплимент, — добавила она, когда он довольно ухмыльнулся.

От его кривой улыбки, казалось, останавливается сердце. Он, наверное, разбивает сердца везде, где появляется.

— Вы ведь родственники? — предположила Рейвен, уверенная в своей правоте.

Как же может быть иначе? То же очарование, те же глаза, тот же взгляд.

— Когда это ему удобно.

Он налил в стакан свежего яблочного сока и подал ей.

— Он бы не узнал, — попробовала она возразить.

Если она выпьет, это ее убьет.

— Он узнает. Он всегда все знает. И пока вы сомневаетесь, он раздражается все больше. Так что пейте.

Она покорно вздохнула и попыталась заставить себя сделать глоток без вмешательства Михаила. Она знала, что Жак был прав. Он бы узнал, если бы она не выпила сок, а это, как ей показалось, было для него очень важно. В животе у нее все перевернулось, протестующе поднялось. Рейвен задохнулась, закашлялась.

— Позовите его, — велел Жак, — позвольте ему помочь вам.

— Но он так слаб, ему не стоит это делать.

— Он не уснет, пока не позаботится о вас, — упорствовал Жак. — Позовите его, или мы никогда не уйдем отсюда.

— Вы даже говорите как он, — пробормотала она.

Михаил, мне жаль тебя беспокоить, но мне нужна твоя помощь.

Он послал ей теплоту и любовь.

Его приказ позволил ей выпить все до последней капли и удержать сок в желудке. Она ополоснула стакан в раковине.

— Вы были правы. Он не позволил им оказать ему помощь, пока я не выпила сок. Он такой упрямый.

— Наши женщины всегда на первом месте. Не волнуйтесь за него, мы бы никогда не позволили, чтобы что-то случилось с Михаилом.

Они вышли из дома и направились к машине, которой не было видно среди деревьев. Рейвен замерла.

— Прислушайтесь к ним. К волкам. Они поют ему, для него. Они знают, что он ранен.

Жак открыл перед ней дверцу машины. Он рассматривал ее, и его темные глаза были так похожи на глаза Михаила.

— Вы необычная.

— Вот и Михаил так говорит. Я думаю, это здорово, что волки ему сочувствуют.

Жак завел двигатель.

— Знаете, вы никому не должны говорить о том, что он ранен. Это может быть опасно.

Он сказал это спокойным тоном, но она почувствовала: если понадобится, он будет защищать Михаила до конца.

Жак нравился Рейвен, более того, она почувствовала с ним связь, но тем не менее смерила его хмурым взглядом.

— Вы все такие высокомерные. Вы упорно полагаете, что в силу того, что люди не обладают достаточными телепатическими способностями, им недостает и ума. Я убедила вас, что у меня есть мозги и я в состоянии все понять сама.

Он снова ей усмехнулся.

— Должно быть, вы совсем свели его с ума. Назвать его шишкой! Это было великолепно. Готов поспорить, его так называли впервые.

— Ему это полезно. Если бы больше людей доставляли ему проблемы, он стал бы более...

Она замялась, подбирая правильное слово. А потом тихо рассмеялась.

— Он стал более податливым.

— Податливым? Это слово мы никогда не употребляем по отношению к Михаилу. Никто из нас не видел его более счастливым, чем сейчас. Спасибо, — тихо добавил Жак.

Он предусмотрительно поставил машину в тени.

— Будьте очень осторожны сегодня ночью и завтра. Не покидайте своей комнаты до тех пор, пока Михаил не свяжется с вами.

Рейвен закатила глаза и скорчила гримасу.

— Со мной все будет хорошо.

— Вы не понимаете. Если что-нибудь случится с вами, мы потеряем его.

Она замерла, не выпуская дверцы.

— Они же позаботятся о нем?

Ей не хотелось говорить это, но она чувствовала, словно пропала какая-то ее часть, словно от ее души был оторван довольно большой кусок. Ее разум требовал связаться с Михаилом, всего лишь дотронуться до него. Все, что угодно, лишь бы убедиться, что с ним все в порядке и они все еще едины.

— Они знают, что надо делать. Он быстро поправится, но я должен вернуться. В отсутствие Грегори я сильнейший и ему ближе всех. Он нуждается во мне прямо сейчас.

Михаил был слаб, чувствовал боль, и голод вгрызлся в него вместе с чувством вины. Он ранил ее и едва не потерял. Как он мог сделать столько ошибок, когда она была всем, что имело для него значение? Он никогда не должен был говорить ей неправду, кроме самого главного.

Рейвен.

Ему нужно было дотянуться до нее, прикоснуться к ее сознанию, узнать, что она там. Несмотря на боль, слабость и голод, тяжелее всего была ноющая рана в душе. Умом он понимал, что ритуал, связавший их воедино, и вызвал эту невыносимую потребность, но это знание не мешало желанию дотронуться до ее сознания.

— Михаил, пей!

Жак материализовался рядом с кроватью и притянул старшего брата к себе, а его лицо превратилось в маску ярости.

— Почему ты позволил ему обойтись без помощи, Эрик?

— Он думает только о женщине.

Жак тихо выругался.

— Она в безопасности в своей комнате, Михаил. Ты должен пить ради вас обоих. Один не

может существовать без другого. Если ты не выживешь, то и ее обречешь на смерть или, по крайней мере, на неполноценную жизнь.

Жак справился с гневом, сделав глубокий вдох.

— Возьми мою кровь. Я отдаю ее тебе добровольно. Моя жизнь принадлежит тебе, вместе мы сильнее.

Он произнес формальные слова, подразумевая именно то, что говорил. Он был готов отдать жизнь за вожака. Остальные в это время начали ритуальное исцеляющее пение. Они произносили слова в своеобразном гипнотическом ритме — древний язык был прекрасен.

За своей спиной Жак слышал бормотание, вдыхал сладкий запах успокаивающих и исцеляющих трав. Карпатская земля, богатая целебными свойствами и смешанная с травами и их слюной, легла на рану. Жак обнимал брата, чувствуя, как его сила, его жизнь перетекают в Михаила, и благодарил Господа за то, что в силах помочь ему. Михаил был хороший человек, великий человек, и его люди не могли потерять его.

Михаил чувствовал, как сила вливалась в него, в его истощенные мускулы, в его мозг и сердце. Сильное тело Жака задрожало, и он резко опустился на край кровати, тем не менее продолжая поддерживать голову брата, чтобы ему было легче восполнить то, что он потерял.

Михаил сопротивлялся, удивляясь, каким сильным еще оставался Жак и каким слабым продолжал оставаться он, несмотря на отданную ему кровь.

Нет! Я подвергаю тебя опасности! — резко сказал он в его сознание, потому что Жак отказывался отпустить его.

— Тебе еще недостаточно, брат. Бери то, что я отдаю тебе добровольно, и не думай ни о чем, кроме исцеления.

Жак продолжал напевать, пока мог, и подал знак Эрику только тогда, когда уже сильно ослаб и не мог обходиться без посторонней помощи.

Эрик сделал надрез на своем запястье, не раздумывая и не поморщившись при виде открытой и болезненной раны, предлагая свое запястье Жаку, который продолжал подпитывать Михаила своей животворящей кровью. Эрик и Байрон продолжали напевать, пока Жак восстанавливал и свою силу, и силу Михаила.

Комната, казалось, была наполнена теплотой и любовью, чистым и свежим запахом. Ритуальное исцеление означало новое начинание. Но именно Эрик остановил процесс, когда увидел, что кожа Михаила порозовела, услышал устойчивое биение его сердца и почувствовал, что кровь свободно и безопасно течет по его венам.

Байрон, поддерживая, обхватил Жака за плечи, помогая ему устроиться на стуле. И без разговоров занял место Эрика, предлагая живительную жидкость Жаку.

Михаил пошевелился, принимая боль как часть процесса выздоровления, часть жизни. Он повернул голову. Его темные глаза нашли Жака и остановились на нем, подобно прикосновению.

— С ним все в порядке?

Голос тихий, но все же командный. Михаил оставался властным при любых обстоятельствах.

Жак поднял взгляд, он казался бледным и изнуренным, но улыбнулся и подмигнул.

— Я потратил немало времени, вытаскивая тебя из беды, старший брат. Вроде бы мужчине на добрые две сотни лет старше меня должно было хватить здравого смысла, чтобы присмотреть за своим тылом.

Михаил устало улыбнулся.

— Ты научился дерзить, пока я тут валялся.

— У нас есть четыре часа до рассвета, Михаил, — серьезно заметил Эрик. — Нам с Байроном нужно питание, а тебе надо уйти под землю. В скором времени разлука с твоей женщиной начнет разъедать тебя. А ты не можешь себе позволить тратить энергию, дотрагиваясь до ее сознания. Тебе стоит уйти под землю прямо сейчас, пока ты еще можешь это выдержать.

— Я установлю меры безопасности и лягу спать на несколько футов выше тебя, чтобы гарантировать твою безопасность, — тихо сказал Жак.

Из-за ассасинов он потерял свою сестру, но не собирался терять и брата. Да ему и самому требовалась земля. И хотя Эрик с Байроном уступили ему место в своей постели, он все еще был слаб и нуждался в исцеляющем сне.

Михаил поднял бровь.

— Пять минут в ее обществе, и ты готов взбунтоваться?

Слабая и усталая улыбка смягчила твердую линию его рта.

Он устало закрыл глаза, и на него нахлынуло чувство вины. Именно на Рейвен этой ночью ляжет тяжкое бремя. Он будет глубоко под землей, далеко за пределами боли, за пределами понимания разлуки, за пределами печали и ненависти к своей расе. Это Рейвен окружена ассасинами, и ей постоянно будет грозить опасность. Более того, ей придется вынести потерю их ментальной связи.

Малышка.

Он вложил в этот вызов всю свою любовь.

Тебе лучше?

Облегчение.

Скоро все будет хорошо. Ты в постели?

Опять постель! Я слышала тебя раньше, твой страх за Жака. Я знаю, это был Жак. В твоих мыслях сквозила привязанность к нему. С ним тоже все хорошо?

Он устал, так как дал мне кровь.

Поддержание контакта на расстоянии отнимало силы, но он отчаянно нуждался в этом ради них обоих.

Я слышу, что ты устал, поспи. А обо мне не беспокойся, нежно дала она указания.

Она тосковала по прикосновениям его пальцев, по его облику.

— Михаил, ты разговариваешь с ней! — гневно воскликнул Эрик. — Ты не должен это делать.

Жак жестом отпустил Эрика.

— Вы должны были понимать, что он так поступит. Михаил, если хочешь, один из нас может погрузить ее в сон.

Ты будешь чувствовать неудобство. Ты обнаружишь, что тебе трудно спать, трудно есть. Ты будешь испытывать желание находиться рядом со мной. Твое сознание будет искать мое, хотя ты не сможешь дотянуться до меня. Я не хочу использовать силу, чтобы помочь тебе этой ночью со сном. Но ты позволишь Эрику или Байрону погрузить себя в сон?

Михаилу эта идея не нравилась. И Рейвен обнаружила, что улыбается. Он не представлял, как легко ей удастся прочесть его. Он хотел, чтобы она была в безопасности, чтобы она спала в то же время, что и он, но сама мысль о том, что другой мужчина сделает что-то столь интимное, как внушение сна, была ему неприятна.

Со мной все будет в порядке, Михаил. Правда в том, что мне довольно трудно принять такого рода вещи даже от тебя. Поэтому я никогда не смогу принять это ни от одного из них. Со мной все будет в порядке. Я обещаю.

Я люблю тебя, малышка. Это слова твоего народа, но они идут от всего сердца.

Михаил собрал остатки сил, чтобы послать просьбу единственному человеку, которому он мог довериться, чтобы гарантировать безопасность Рейвен.

Она закрыла глаза, понимая, что должна позволить ему уйти, прежде чем силы оставят его.

Спи, Михаил. На языке твоего народа ты мой Спутник жизни.

После того как он ушел, она еще долгое время лежала, уставившись в потолок. Она еще никогда не чувствовала себя такой одинокой, такой опустошенной. Она обхватила себя руками, уселась на лоскутном одеяле и стала раскачиваться всем телом. Она всегда была одинока и научилась довольствоваться собственной компанией, как маленький ребенок.

Рейвен вздохнула. Это так глупо. С Михаилом все будет хорошо. Она могла почитать, поучить язык. Язык Михаила. Она босиком прошла по комнате. Почувствовала, что замерзла, и растерла тело руками, чтобы согреться.

Включив лампу, Рейвен вытащила из чемодана купленный недавно роман в мягкой обложке, решительно настроенная вникнуть в замысловатый детективный сюжет, сдобренный любовной линией. Она продержалась около часа, прочитав первую главу несколько раз. Но Рейвен была настроена решительно, пока не осознала, что не понимает ни единого слова. В раздражении она швырнула книгу через всю комнату.

Что же ей делать с Михаилом? В Штатах у нее нет ни семьи, ни кого-либо еще, кто стал бы беспокоиться, если б она не вернулась. После всего, что случилось, ей все еще хочется быть рядом с Михаилом — она должна быть рядом. Здравый смысл подсказывал ей уехать, прежде

чем все зайдет слишком далеко. Но ни в душе, ни в сердце не оставалось здравого смысла. Рейвен устало провела рукой по волосам. Она не желала возвращаться к работе по выслеживанию серийных убийц.

Так что же делать с Михаилом? Она так и не научилась говорить ему «нет». Она знала, что это любовь. Она встречала несколько пар, которые по-настоящему любили друг друга. Но то, что она чувствовала к Михаилу, было чем-то большим. Больше чем страсть и теплота, это граничило с одержимостью. Каким-то образом Михаил находился внутри нее, течет в ее крови, оборачивается вокруг ее сердца. Он как-то вошел в ее сознание, украв потаенную часть ее души.

Ее тело не просто страстно желало его, горело для него — от потребности в нем у нее мурашки бежали по коже. Она была похожа на наркомана, отчаянно нуждающегося в наркотике. Что это — любовь или болезненная одержимость? Кроме того, есть и другие чувства, которые Михаил к ней испытывает. Его чувства всегда настолько обнажены. По сравнению с тем, что он испытывал к ней, ее собственные чувства казались ей жалким подобием. Их отношения пугали ее. Он был собственником, диким и неприрученным. Он был опасным — человек, который управляет остальными, который привык к абсолютной власти. Судья, присяжные и палач. Так много людей зависит от него.

Рейвен закрыла лицо руками. Он нуждается в ней. У него больше никого нет. Он действительно нуждается в ней. Только в ней. Она не была уверена, откуда знает это, но она знала. И не сомневалась. Она видела это в его глазах. Они были холодными и бесчувственными, когда он смотрел на других. И в тех же самых глазах была теплота, когда он смотрел на нее. Его рот мог быть твердым, даже жестоко изогнутым, пока не смягчился, когда он смеялся вместе с ней, разговаривал с ней, целовал ее. Он нуждался в ней.

Она снова стала вышагивать по комнате. Его традиции и образ жизни так отличались от того, к чему она привыкла.

«Ты напугана, Рейвен, — сказала она самой себе и прижалась лбом к оконной раме. — Ты действительно боишься, что никогда не сможешь его покинуть».

Он обладал такой властью и так бездумно ею пользовался. Даже более того, если быть справедливой. Она нуждалась в нем. В его смехе, в том, как он дотрагивался до нее — так нежно, с такой любовью. В том, как он страстно желал ее, в его пристальном взгляде, горящем, голодном и собственническом, в его желании, таком настойчивом, что он становился неуправляемым. В его речи, в его уме, в его чувстве юмора, настолько ей близком. Они принадлежали друг другу. Две половинки одного целого.

Рейвен остановилась в центре комнаты, пораженная своими мыслями. Почему она думает, что им предназначено быть вместе? Ее сознание казалось ужасно рассеянным, хаотичным. Обычно Рейвен оставалась спокойной в любой ситуации, думая рационально, но сейчас она была на это совсем не способна. Все в ней взывало к Михаилу, только чтобы ощутить его присутствие, почувствовать, что он рядом. Не задумываясь, она потянулась к нему и обнаружила пустоту. Он был либо слишком далеко, либо погружен в слишком глубокий сон, вызванный действием лекарств, и она не могла до него дотронуться. Из-за этого она почувствовала себя плохо и одинокой, как никогда. Как будто ее лишили всего. Нервничая, она прикусила костяшки пальцев.

Она машинально ходила взад и вперед по комнате, снова и снова, пока не почувствовала себя обессиленной. Тяжесть на сердце, казалось, возрастала с каждым шагом. Она потеряла

способность думать, спокойно дышать. В отчаянии она вновь потянулась, чтобы прикоснуться к сознанию Михаила, зная при этом, что он в безопасности. И опять обнаружила пустоту.

Рейвен села, подтянув колени и обхватив руками подушку. И в этой темноте, покачиваясь взад и вперед, она ощутила, как ее затопила печаль. Она поглотила ее, и все, о чем Рейвен могла думать, — это Михаил. Он ушел. Оставил ее, и она совершенно одна, человек только наполовину, лишь бесплотная тень. Горячие слезы побежали по ее лицу, и внутри разрасталась пустота. Она не сможет существовать без него.

Все ее мысли об отъезде, все разумные доводы больше не имели значения. Ее разум нашептывал, что это невозможно. Михаил не может быть ее второй половинкой, ведь она многие годы жила без него. Она не может испытывать желание броситься с балкона просто потому, что в силах ментально прикоснуться к нему. Рейвен обнаружила, что пересекает комнату, медленно, шаг за шагом, словно кто-то, а не она управляет ею. Она стремительно распахнула двери на балкон, огибающий здание. В комнату ворвался холодный воздух, немного влажный. Туман окутал горы и лес. Это было так красиво, хотя Рейвен было и не до этого. Не могло быть жизни без Михаила. Ее руки обхватили деревянные перила, а пальцы рассеянно нащупали две глубокие царапины на древесине. Она погладила их, они были единственной реальностью в этом бесплодном пустом мире.

— Мисс Уитни?

Из-за охватившей ее печали она не замечала никого. Рейвен обернулась, защитным жестом прижав руку к горлу.

— Извините, что испугал вас.

Отец Хаммер говорил тихо. Он поднялся со стула в углу балкона. На его плечах было одеяло, но она видела, что он дрожит, — наверное, он уже давно сидел здесь, на холодном ночном воздухе.

— Вам небезопасно находиться здесь, моя дорогая. Он взял ее за руку и как маленького ребенка повел в комнату, тщательно закрыв балконную дверь.

Рейвен обрела способность говорить.

— Что это вы здесь делаете? И как тут оказались?

Священник улыбнулся.

— Это было нетрудно. Миссис Галвенстейн — член церковной общины. Она знает, что Михаил и я — близкие друзья. Я просто сказал ей, что Михаил помолвлен с вами и что я должен передать вам сообщение. А поскольку я довольно стар и гожусь вам в дедушки, она подумала, что можно позволить мне подождать вас на балконе, пока вы не вернетесь. И, естественно, она никогда не упустит возможность сделать что-нибудь для Михаила. Он очень щедр, а в ответ просит всего ничего. Мне кажется, именно он купил гостиницу и уступил ее миссис Галвенстейн за вполне приемлемую арендную плату.

Рейвен повернулась к нему спиной, не в силах сдержать поток слез.

— Я сожалею, отец, но не могу сейчас разговаривать. Я не знаю, что со мной.

Он помахал перед ней носовым платком.

— Михаил тревожился, что эта ночь будет... трудной для вас. И завтрашний день. Он надеется, что вы проведете его со мной.

— Я так боюсь, — смутилась Рейвен, — это так глупо. Ведь нет никакой причины бояться. Я не знаю, почему так ужасно себя чувствую.

— С Михаилом все в порядке. Он крепкий, моя дорогая, огромная лесная кошка с девятью жизнями. Я знаю его много лет. Ничто не может уничтожить Михаила.

Печаль. Она овладела каждым дюймом ее тела, вползла в ее сознание, легла тяжестью на душе. Для нее Михаил был потерян. Так или иначе, он каким-то образом за эти несколько часов отдалился от нее, ускользнул. Рейвен тряхнула головой, печаль была так глубока, что душила ее, не позволяя сделать глоток воздуха.

— Рейвен, перестаньте!

Отец Хаммер подтолкнул ее к кровати.

— Михаил попросил меня побыть здесь. Он сказал, что придет за вами ранним вечером.

— Вы не знаете...

— Зачем он вытащил меня из постели в такой час? Я старый человек, дитя. Мне нужен отдых. А вам надо подумать, как лучше воспользоваться вашими способностями.

— Но я чувствую так отчетливо, словно он умер, и я потеряла его навеки.

— Вы знаете, что это не так, — возразил он, — Михаил выбрал вас. То, что вы разделяете с ним, — то же самое его люди разделяют со своими супругами. Они считают физическое и душевное единение само собой разумеющимся. Он лелеет его, и за все время, что я их знаю, я понял: оно таково, что один едва ли может пережить потерю второго. Люди Михаила большей частью принадлежат земле, они дикие и свободные, подобно животным, но с необыкновенными способностями. И у них есть совесть.

Он всмотрелся в ее заплаканное лицо, печальные глаза. Ей все еще трудно было дышать, но он почувствовал, что слезы иссякли.

— Вы слушаете меня, Рейвен?

Она кивнула, отчаянно стараясь ухватиться за его слова, снова стать благоразумной. Этот человек знал Михаила в течение многих лет. Она чувствовала его привязанность к Михаилу, уверенность в его силе.

— По какой-то причине Бог дал вам способность создать как ментальную, так и физическую связь с Михаилом. А вместе с этим возникла и ответственность, внушающая страх. Вы буквально держите его жизнь в своих руках. Вы должны взять вверх над этим чувством и думать рационально. Вы знаете, что он не умер. Он сказал, что вернется. Он послал меня к вам из опасения, что вы причините себе вред. Подумайте, в чем причина. Вы человек, а не животное, которое воет, потеряв пару.

Рейвен попыталась вникнуть в то, что он говорит. Она чувствовала себя так, словно провалилась в глубокую яму и не могла выбраться. Она сосредоточилась на его словах, заставляя их проникнуть в свое сознание. Она глубоко дышала. Возможно ли это?

«Пропади он пропадом! Он заставляет меня пройти через все это, а ведь он знал, что такое может случиться. Как я могла зайти так далеко?»

Рейвен смахнула слезы и взяла себя в руки. Она была настроена отодвинуть горе в сторону и рассуждать здраво. Она чувствовала, как что-то пожирает ее, поджидая на грани сознания, чтобы поглотить целиком.

— А почему я не могу ни съесть, ни выпить ничего, кроме воды?

Она потеряла виски, не заметив, как тревога мелькнула в обветренном лице священника. Отец Хаммер прокашлялся.

— Как давно это происходит с вами, мисс Уитни? Она пыталась сохранять спокойствие, и, подняв голову, заговорила:

— Рейвен, пожалуйста, называйте меня Рейвен. Кажется, вы и так знаете обо мне все.

Она постаралась унять дрожь. Вытянула руки, чтобы посмотреть, дрожат ли они еще. Руки мелко дрожали.

— Разве это не глупо?

— Пойдемте ко мне, дитя мое. Скоро рассвет. Вы можете провести у меня целый день. Я счел бы это за честь.

— Он знал, что это произойдет со мной? — тихо спросила Рейвен, начиная понимать. — Именно поэтому он прислал вас. Он боялся, что я на самом деле могу причинить себе вред.

Эдгар Хаммер медленно выдохнул:

— Я тоже боюсь, дитя. Они не такие, как мы.

— Вот что он пытался сказать мне. Но я не такая, как они. Почему это произошло со мной? В этом нет никакого смысла. Почему он думал, что это произойдет?

— Вы прошли с ним через ритуал. Вы его вторая половинка. Свет в его тьме. Один не может жить без другого. Пойдемте со мной, Рейвен, вернемся в мой дом. Мы посидим и поговорим о Михаиле, пока он не придет за вами.

Глава 8

Рейвен колебалась. Но сама мысль побольше узнать о Михаиле была заманчивой. Очень заманчивой.

— Думаю, что сейчас, когда я знаю, что со мной происходит, я смогу справиться с этим сама. Уже очень поздно, отец, и мне стыдно, что вам пришлось сидеть здесь на холоде и наблюдать за мной.

Отец Хаммер погладил ее по руке.

— Какая чепуха, девочка. Я был рад этому небольшому поручению. В мои годы редко удается встретить что-то необычное. По крайней мере, спуститесь вниз и побудьте со мной немного. Миссис Галвенстейн разожгла в гостиной камин.

Рейвен решительно покачала головой, инстинктивно защищая Михаила. В гостинице скрывались его враги. Она бы никогда не поставила его в опасное положение, и не имеет значения, насколько нелегко бы ей пришлось.

Эдгар Хаммер вздохнул.

— Я не могу оставить вас, Рейвен. Я дал слово Михаилу. Он столько сделал для моего прихода, для людей в деревне, а в ответ просит всего ничего.

Священник задумчиво потер подбородок.

— Я должен остаться, дитя, — на случай, если вам станет хуже.

Рейвен судорожно сглотнула. Где-то в этом здании спит Маргарет Саммерс. Рейвен смогла бы защитить себя, даже в горе, но, в то же время, она с легкостью могла прочитать искреннее беспокойство отца Хаммера. И если она смогла сделать это, то сможет и Маргарет. Приняв решение, Рейвен подхватила куртку, смахнула слезы и направилась вниз по ступеням прежде, чем могла бы передумать. Главное для нее сейчас — защитить Михаила.

Оказавшись на улице, Рейвен застегнула молнию до самого подбородка, так как на ней были выцветшие джинсы и университетская футболка. Туман был везде — плотный, поднимающийся над землей на фут или около того. Было очень холодно. Она взглянула на священника. Его английский был несколько странным, у него было обветренное лицо и выцветшие голубые глаза. И он, безусловно, был умным и честным человеком. Он замерз, пока ждал ее на балконе, потому что был слишком стар для того, чтобы выполнить такую просьбу: вылезти из теплой постели и где-то бродить среди ночи.

Она отбросила выбившиеся пряди волос, уговаривая себя спокойно идти по деревне. Все выглядело таким мирным, но она знала, что фанатики убивают тех, кто, по их мнению, является вампиром. У нее было тяжело на сердце, оно болело. Ее сознание нуждалось в успокаивающем прикосновении Михаила. Она подняла глаза на старого человека, который шел рядом. У него была быстрая походка и сдержанные манеры. Этот человек долгие годы прожил в мире с собой и людьми.

— Вы уверены, что он жив?

Вопрос вырвался у нее прежде, чем она смогла сдержаться, и как раз тогда, когда она так гордилась собой, что взяла себя в руки.

— Абсолютно, дитя. У меня создалось впечатление, что он будет отсутствовать сегодня целый день, до самых сумерек, и с ним невозможно будет связаться обычным способом.

Он улыбнулся ей заговорщически.

— Что касается меня, то у меня есть номер его пейджера. Вся эта техника меня просто завораживает. Когда я прихожу к нему в гости, то играю на компьютере и не могу оторваться. Однажды я его заблокировал, и Михаилу понадобилось немало времени, чтобы понять, что я такое сделал.

Он был страшно доволен собой.

— Конечно, я мог бы ему сказать, но тогда было бы не так забавно.

Рейвен не смогла удержаться от смеха.

— Наконец-то родственная душа. Я так рада, что еще кто-то, кроме меня, доставляет ему неприятности. Вы знаете, что ему это полезно? Все эти люди раболепствуют перед ним, и это плохо.

Руки у нее замерзли, и она сунула их в карманы.

— Делаю все, что в моих силах, — признался священник, — но не надо говорить ему об этом. Пусть кое-что останется между нами.

Она улыбнулась, немного расслабившись.

— Полностью с вами согласна. Как давно вы знаете Михаила?

Если она не может дотянуться до него, дотронуться, то, возможно, ей станет легче, если она будет разговаривать о нем. Она почувствовала, что начинает злиться на Михаила. Он должен был подготовить ее к этому.

Священник посмотрел в направлении леса, туда, где был дом Михаила, а затем поднял глаза к небу. Он знал Михаила со времен своей молодости, когда был еще молодым священником, который приехал из родного дома в крошечную деревушку на краю земли. Естественно, с тех пор он часто переезжал с места на место, но теперь, выйдя на пенсию и совершая службы лишь изредка, он мог отправиться, куда хотел, в место, которое успел полюбить.

Она смотрела на него изучающе.

— Я не хочу поставить вас в такое положение, что вы будете вынуждены солгать, отец. Я вдруг поняла, что многое делаю для Михаила и даже не знаю почему. Бог знает, он и не просил меня об этом.

В ее голосе он услышал и печаль, и сожаление, и замешательство.

— Я бы не стал лгать, — сказал он.

— А умолчание — разве это не то же самое, что ложь, отец?

Слезы заблестели на ее длинных ресницах.

— Со мной что-то происходит, что-то, чего я не понимаю, и это пугает меня.

— Вы любите его?

Она слышала их громкие шаги в этот предрассветный час. Ритмичное биение сердец, ток крови по венам. Когда они проходили мимо домов, она слышала храп, скрипы и шелест, и то, как пара занималась любовью. Ее пальцы поискали и нашли кольцо Михаила, словно оно было ее талисманом. Рейвен сжала его в ладони, будто стараясь удержать его самого.

Любит ли она его? Все в ней приходило в восторг, когда она видела его, чувствовала его. Безусловно, физическое притяжение между ними было очень сильным, взрывоопасным. Но Михаил был загадкой, опасным человеком, который жил в мире теней, и она, вероятно, не сможет это понять.

— Как можно любить то, чего вы не понимаете, не знаете?

Даже задавая вопрос, она видела улыбку Михаила, доброту в его глазах. Слышала его смех, их разговоры, которые длились часами, и их молчание, когда им было хорошо вместе.

— Вы знаете Михаила, и вы необыкновенная женщина. Вы можете чувствовать и его доброту, и его сочувствие.

— У него бывают вспышки ревности, и он такой собственник, — заметила Рейвен.

Да, она знала его, хорошего и плохого, и она приняла его таким, какой он есть. Но теперь она поняла, что, хотя он и открыл для нее свое сознание, она увидела его лишь мельком и узнала далеко не все.

— Не стоит забывать и о такой черте его характера, как стремление защитить, у него обостренное чувство долга, — добавил отец Хаммер с улыбкой.

Рейвен пожала плечами и поняла, что ей снова захотелось разрыдаться. Это было так унижительно — вести себя как ребенок. К тому же она знала, что священник прав. Михаил не умер, он в глубоком, вызванном лекарствами сне и свяжется с ней сразу, как только сможет.

— То, что я чувствую к нему, так сильно, что это пугает меня, отец. Это ненормально.

— Михаил отдал бы за вас жизнь. Он не смог бы причинить вам вреда. Если я что-нибудь о нем и знаю, так это то, что вы можете связать с ним свою жизнь и быть уверенны, что он всегда будет постоянен с вами, никогда не поднимет на вас руку, и вы всегда будете для него на первом месте.

Эдгар Хаммер сказал это абсолютно убежденно. Он был уверен в этом так же, как в том, что есть Господь на небесах.

Она вытерла слезы тыльной стороной ладони.

— Я верю, что он никогда бы не причинил мне вреда, я знаю, что он не смог бы. Но как насчет остального? У него настолько необыкновенные способности, такая власть. Всем этим так легко злоупотребить.

Отец Хаммер распахнул дверь в дом и жестом пригласил ее войти.

— Вы действительно верите в то, что он это сделает? Он их вожак по крови. Его родословная уходит вглубь веков. Они называют его своим принцем, хотя сам он никогда не признается вам в этом. Они обращаются к нему за руководством и советами, точно так же как моя паства — ко мне.

Рейвен нужно было хоть что-то делать, поэтому она развела огонь в камине, пока священник заваривал травяной чай.

— Он действительно их принц?

Почему-то это потрясло ее. Вдобавок ко всему прочему ей придется иметь дело с королевской семьей. А это уже слишком.

— Боюсь, что именно так, дитя, — признался отец Хаммер. — За ним всегда последнее слово. Может быть, именно поэтому он хочет выглядеть и действовать как важная персона. У него много обязанностей, и, я знаю, он их выполняет.

Она села на пол, откидывая со лба волосы.

— Иногда, когда мы вместе, у меня возникает ощущение, что мы две половинки одного целого. Он может быть таким серьезным и задумчивым, и таким одиноким. Мне нравится заставлять его смеяться, чтобы в его глазах появилась жизнь. Но потом он делает такие вещи...

Она умолкла.

Отец Хаммер поставил рядом с Рейвен чашку чая и сел в свое любимое кресло.

— Какие? — осторожно спросил он.

Она нервно выдохнула.

— Почти всю свою жизнь я провела одна. Я всегда делала то, что хотела. Захотелось — собралась и поехала. Я довольно много путешествовала и научилась ценить свою свободу. Я никогда ни перед кем не отчитывалась.

— И ты предпочитаешь этот образ жизни тому, который могла бы вести с Михаилом?

Руки дрожали, когда она взяла чашку чая, согревая о нее пальцы.

— Вы задаете трудные вопросы, отец. Я думала, что мы сможем прийти к своего рода компромиссу. Но все произошло так быстро, что теперь я не знаю, являются ли те чувства, которые я к нему испытываю, моими от начала до конца. Он всегда был со мной. Но теперь, ни с того ни с сего, его нет, и я не могу это выносить. Посмотрите на меня — я раздавлена. Вы не знали меня прежде, но я привыкла быть одна, я абсолютно независима. Может быть, он сделал что-то, чтобы так произошло?

— Михаил никогда бы не заставил тебя полюбить его. Я уверен, что он не смог бы сделать такую вещь.

Она отпила чаю, это успокаивало.

— Я знаю. Но почему теперь я не могу находиться вдали от него? Мне нравится одиночество, я ценю свою личную жизнь, но все же без его прикосновений теряю самообладание. Вы представляете, как это унижительно для такого человека, как я?

Отец Хаммер поставил свою чашку на блюдце и посмотрел на нее встревоженно.

— Вы не должны так мучиться, Рейвен. Я понял, что имел в виду Михаил. Он говорил мне, что когда мужчина их расы встречает свою истинную Спутницу жизни, он может сказать ей ритуальные слова и связать их воедино, как это и должно быть. Но если женщина не является его Спутницей жизни, ничего не выйдет, а если является, то один не сможет существовать без другого.

Рейвен схватилась за горло.

— Какие слова? Он говорил вам точные слова?

Отец Хаммер с сожалением покачал головой.

— Только то, что, однажды сказав их той самой женщине, он привяжет ее к себе и она не сможет исчезнуть. Эти слова наподобие нашей венчальной клятвы. У карпатцев другие

ценности, другое понимание правильного и неправильного. У них нет развода, даже слова такого нет в их словаре. Два человека — это половинки одного целого.

— Что, если один из них будет несчастлив?

Рейвен переплела пальцы. Она помнила, что Михаил говорил что-то необычное. Воспоминания были смутными, словно это был сон.

— Карпатский мужчина сделает все, чтобы его Спутница жизни была счастлива. Я не знаю и не понимаю, как это происходит, но Михаил говорил мне, что связь настолько сильна, что мужчине не остается ничего иного, кроме как заботиться о счастье своей женщины.

Рейвен прикоснулась к шее, задержав ладонь на пульсе.

— Что бы он ни сделал, это правда, отец, потому что я не из тех женщин, что бросаются с балкона лишь потому, что на какие-то пару часов оказались вдали от мужчины.

— Думаю, мы оба должны надеяться, что Михаил испытывает то же самое, — улыбнулся отец Хаммер.

Сердце Рейвен неистово забилося, она вскинулась, представив, как он сейчас страдает. Но постаралась улыбнуться в ответ.

— Почему-то я уверена в этом.

Священник изучал ее, убитую горем, поверх чашки.

— Я думаю, Михаилу очень повезло, что он вас нашел. Вы тоже сильная, как он сам.

— Ну, тогда многое изменилось...

Рейвен протерла глаза костяшками пальцев.

— Потому что я чувствую себя абсолютно разбитой. И я не слишком счастлива с Михаилом.

— Мне кажется, вы и не должны быть слишком счастливы, хотя вашим первым желанием было защитить его. Вас испугала мысль, что Михаил может испытать ту же боль, что и вы.

— Мне вообще не нравится, когда кто-то испытывает боль. В Михаиле есть какая-то тоска, словно он уже давно несет на своих плечах всю тяжесть мира. Иногда я смотрю на его лицо и вижу такое уныние — но оно запечатлено не в глазах, а во всех его чертах. — Рейвен вздохнула. — Может быть, мне это только кажется и в этом нет никакого смысла, но он нуждается в ком-то, кто сотрет тени с его лица.

— Это интересная мысль, дитя, и я должен сказать, что понимаю, о чем вы говорите. Я вижу в нем то же самое. Стереть тени, — повторил он, обдумывая ее слова. — Совершенно точно.

Рейвен кивнула.

— Похоже, он видел слишком много жестокости, слишком много ужасных вещей, и это затягивает его все глубже в темноту. Когда я приближаюсь к нему, я чувствую это. Он словно страж, который стоит на воротах перед чем-то дьявольским, злобным и не дает монстрам войти, чтобы мы могли прожить жизнь и так никогда и не узнать, что нам угрожало.

У отца Хаммера перехватило дыхание.

— Вы видите его таким? Стражем на воротах?

Рейвен кивнула.

— Эта картина так и стоит у меня перед глазами. Я знаю, это может показаться вам несколько мелодраматичным...

— Жаль, что я не могу повторить ему эти слова, — тихо сказал священник. — Он много раз приходил сюда, надеясь обрести успокоение, и все же я никогда не знал, что ему сказать. Я молил Бога, чтобы Он помог ему найти ответ, Рейвен, и, возможно, Господь послал ему вас.

Она дрожала, каждую минуту преодолевая мучительное желание дотронуться до Михаила, с мыслью, что он, возможно, уже покинул землю. Рейвен сделала глубокий вдох, благодарная священнику, что он не оставил ее в эту ночь.

— Я не думаю, что являюсь ответом Господа на какой-то вопрос, отец. Сейчас мне хочется свернуться клубочком и зарыдать.

— Вы можете себе это позволить, Рейвен, потому что знаете, что он жив.

Рейвен пила чай. Он был горячий и вкусный. Он согревал ее, но не мог заполнить ужасающую пустоту, холодную как лед, что поглощала ее душу. Эта черная дыра все разрасталась.

Она попробовала сконцентрироваться на чем-то другом, получить удовольствие от разговора с человеком, который знал и уважал Михаила, даже был к нему привязан. Рейвен сделала еще один глоток, взывая к здравому смыслу.

— Михаил — незаурядный человек, — сказал отец Хаммер, надеясь отвлечь ее. — Он один из самых великодушных людей, которых я встречал. Он чувствует, что правильно, а что нет. У него железная воля.

— Я понимаю, — подтвердила Рейвен.

— Не сомневаюсь в этом. Михаил такой человек, которого не многие захотят иметь среди своих врагов. Но при этом он верный и заботливый. Я видел, как он построил эту деревню едва ли не собственными руками после одной катастрофы. Для него важен каждый человек. Михаил очень великодушен.

Она подтянула колени и начала раскачиваться взад и вперед. Дышать было так трудно: каждый вдох — настоящее мучение.

Михаил! Где ты?

Крик вырвался из ее сердца. Она нуждалась в нем, ей хотелось, чтобы он хотя бы раз ответил ей, прикоснулся к ней. Хотя бы раз.

И вновь черная пустота разверзлась перед ней. В отчаянии она с силой прикусила нижнюю губу, приглашая боль, сосредотачиваясь на ней. Она сильная! У нее есть голова на плечах. Что бы ни поглощало ее, ни убеждало, что она не сможет жить без Михаила, это не в силах ее уничтожить. Это неправда.

Вдруг отец Хаммер поднялся на ноги и подал ей руку:

— Хватит, Рейвен. Давайте выйдем и пройдемся по саду. Как только вы возьмете горсть земли, вдохнете свежий воздух, вы почувствуете себя намного лучше.

Если это не поможет, ему останется только преклонить колени и молиться.

Рейвен умудрилась рассмеяться сквозь слезы.

— Когда вы до меня дотрагиваетесь, отец, я знаю, о чем вы думаете. Разве может быть так, чтобы священник не очень любил вставать на колени?

Он отпустил ее, словно обжегшись, и рассмеялся сам.

— В мои годы, дитя, и с моим артритом мне больше хочется ругаться, чем молиться, когда я встаю на колени. Вы раскрыли один из моих величайших секретов!

Несмотря ни на что, они все еще посмеивались, когда выходили под утренние лучи солнца. Глаза Рейвен заслезившись от яркого света. Ей пришлось прикрыть их, так как сильная боль пронзила ей голову. Она даже закрыла глаза рукой.

— Солнце такое яркое! Я ничего не вижу и мне больно открыть глаза. Разве вас это не беспокоит?

— Михаил, возможно, оставил у меня пару солнечных очков. Он любит их надевать, когда проигрывает партию в шахматы.

Священник порылся в ящике и вернулся, держа в руках темные очки, изготовленные специально для Михаила. Оправа была слишком большая для ее лица, но отец Хаммер закрепил ее ленточкой. Рейвен медленно открыла глаза. К ее удивлению, стекла были довольно прозрачными по сравнению с тем, насколько темными показались ей линзы. Глазам сразу стало легче.

— Прекрасные очки, но что это за фирма?

— Их изготовил один из друзей Михаила.

Сад был прекрасен. Рейвен опустилась на колени, погрузила руку в плодородную землю и сжала ее в горсти. Тяжесть на сердце стала слабее, теперь она могла дышать. Ей безумно захотелось лечь прямо на эту мягкую землю и закрыть глаза.

Это был сад отца Хаммера, и в нем он провел с Рейвен долгие утренние часы. Но полуденное солнце заставило ее искать убежища в его доме. Даже защитные очки не помогли — глаза Рейвен горели, слезились и болели. Кожа оказалась сверхчувствительной, она быстро покрылась загаром и покраснела, хотя до этого у нее никогда не было солнечных ожогов.

Они вернулись вместе и сыграли две партии в шахматы, прервавшись лишь однажды, когда Рейвен пришлось снова брать себя в руки. Она была благодарна отцу Хаммеру, поскольку не была уверена, что смогла бы выжить вдали от Михаила, находясь в одиночестве. Без него. Она выпила травяной чай, чтобы справиться с ужасной слабостью, ведь она давно уже ничего не ела.

Послеполуденные часы казались бесконечными. Рейвен удалось справиться с подступающей пустотой, хотя несколько раз она раздражалась рыданиями. К пяти часам она была совершенно измотана, но все же приняла решение, что все-таки должна провести последние два часа в

одиночестве, иначе просто не сможет себя уважать. Михаил позовет ее часа через два, от силы через три, если он говорил правду. И если она хочет остаться собой, вернуть независимость и чувство собственного достоинства, она должна провести эти последние часы одна.

Даже когда солнце почти скрылось, а на небе появились облака, солнечный свет все еще причинял боль ее глазам, несмотря на темные очки. Без них она никогда бы не смогла пройти по деревенским улочкам обратно в гостиницу.

К счастью, в гостинице было довольно тихо. Миссис Галвенстейн с помощниками готовилась накрывать столы к обеду. Никого из гостей не было, так что Рейвен удалось незамеченной проскользнуть в свою комнату.

Она долго стояла под душем, позволяя горячей воде струиться по ее телу, в надежде, что это избавит ее страданий без Михаила. Потом она заплела влажные иссиня-черные волосы в длинную толстую косу и, обнаженная, вытянулась на кровати. Прохладный воздух обдувал ее кожу, разгоряченную после душа, и это успокаивало. Рейвен закрыла глаза.

Она слышала позвякивание фарфоровой посуды, когда накрывали столы. Рейвен бессознательно сосредоточилась на этом звуке. Это показалось ей хорошим способом исследовать свои новые способности и отвлечься от страданий. Рейвен обнаружила, что легким усилием может уменьшить громкость и даже выключить звук, может услышать, как в кладовке машут крылышками насекомые. Слышала она и мышей, суетящихся вдоль стен и на чердаке.

Повар и горничная немного поспорили по поводу обязанностей последней. Миссис Галвенстейн на кухне звенела ключами. Внимание Рейвен привлек шепот, заговорщицкий шепот.

— Нет никакой возможности доказать, что Михаил Дубрински или Рейвен Уитни нежить, — с жаром говорила Маргарет Саммерс. — Он, возможно, и знает этих людей, но он не вампир.

— Мы должны идти сейчас. — Это был Ганс. — У нас больше не будет другого шанса, кроме этого. Мы не можем ждать остальных. Я не собираюсь дожидаться темноты.

— Уже слишком поздно, — плаксиво сказал Джейкоб. — Осталось всего два часа до захода солнца. И потребуется час, чтобы только добраться туда.

— Не поздно, если мы поторопимся, пока они еще замурованы в земле, — настаивал Ганс. — К завтрашнему дню все будет кончено.

— Я все-таки думаю, что нам надо подождать Евгения и остальных. — Джейкоб был недоволен. — У них есть опыт.

— Мы не можем ждать, — решил Гарри Саммерс — Ганс прав. Вампиры знают, что мы преследуем их, и они, вероятно, каждый день меняют местоположение гробов. Мы не можем упустить такую возможность. Быстро собирайте инструменты.

— А я думаю, что этот парень, Дубрински, один из них. Рейвен им просто очарована. Шелли рассказала мне, что они помолвлены, — запротестовал Джейкоб.

— Я же уверен в этом, как и мой отец был уверен. Я убежден, что он был таким же молодым, когда отец только родился, — безжалостно сказал Ганс.

— А я говорю вам, что это не так. — Маргарет была непреклонна.

— Он оказывает на женщин странное влияние, они готовы идти на все, чтобы защитить его, — заметил Ганс, заставив замолчать пожилую женщину.

Рейвен слышала, как ассасины собирали свое смертельное оружие. Неужели Ганс и Джейкоб убедили Гарри Саммерса убить Михаила? Или кого-либо из его людей? Она скатилась с кровати и натянула джинсы. Надевая теплые носки и горные ботинки, Рейвен послала вызов Михаилу. И вновь наткнулась на черную пустоту.

Пробормотав несколько отборных ругательств, Рейвен через голову напялила зеленовато-голубую рубашку из шамбре [10]. Она не встречалась с местными полицейскими и даже не знала, где их искать. Да и кто бы поверил в охотников на вампиров? Это было просто смешотворно. Отец Хаммер? Нет, он не сможет преследовать их в горах — в его-то возрасте!

— Я положу это в машину, — говорил Джейкоб.

— Нет! Пешком будет быстрее. Мы сможем срезать угол, если пойдем через лес. Положи в рюкзак, — настаивал Ганс. — Быстрее, быстрее, у нас не так много времени. Мы должны прийти раньше, чем они проснутся и наберут силу.

Рейвен торопливо оглядела комнату в поисках оружия. Ничего. Когда она работала на ФБР, у сопровождавших ее агентов было огнестрельное оружие. Сделав глубокий вдох, она поддерживала связь с охотниками, которые покидали гостиницу.

Их, несомненно, было четверо: Маргарет, Гарри, Джейкоб и Ганс. Ей надо было еще раньше подозревать Джейкоба. В тот вечер, когда она попыталась пообедать с ними, она чувствовала себя такой больной, что должна была понять: это естественная реакция на безумные сознания убийц. Но она списала это на счет перенапряжения.

Пока Джейкоб не дотронулся до нее. Он не принимал участие в убийстве Ноэль, иначе Рейвен узнала бы об этом. Гарри и Маргарет, возможно, убедили его, что в округе водятся вампиры, а они были фанатиками. Рейвен знала, что и Шелли не имеет к этому отношения. Она сидела на кровати в своей комнате и писала курсовую работу. Может быть, был шанс воззвать к Джейкобу, заставить его понять, что охота на вампиров — это безумие.

Прихватив темные очки, Рейвен бесшумно спустилась в холл. Она понимала, что нужно тщательно защищать свои мысли и эмоции, находясь рядом с Маргарет Саммерс. Но Рейвен обнаружила, что с тех пор, как она познакомилась с Михаилом, ей с каждым разом все легче и легче удается сосредоточиться на своих телепатических способностях.

Она подождала, пока группа охотников за вампирами не исчезла в лесу. Сердце подпрыгнуло, на мгновение остановившись, и бешено забилося. Во рту пересохло. Тропа вела к дому Михаила — она не сомневалась, что это та самая тропа, по которой он принес ее в свой дом. Сейчас же он был беспомощен, ранен и находился в глубоком исцеляющем сне.

Рейвен медленно и осторожно пошла вперед, стараясь не отставать от ассасинов, но и не слишком к ним приближаясь. Если потребуется, она готова защитить Михаила ценой своей жизни, но она не стремилась к столкновению, если могла его избежать.

Облака, плывущие по небу, стали темнеть.

Поднимался ветер, значит, скоро начнется буря. Сорванные с деревьев листья проносились у нее на пути непрерывным потоком, ветки раскачивались из стороны в сторону.

Было прохладно. Рейвен задрожала, ей стало страшно.

вернуться

10

Шамбре — хлопчатобумажная двухцветная ткань с голубой нитью, более тонкая, чем джинсовое полотно.

Михаил! Услышь меня!

В отчаянии она послала ему настойчивое требование, молясь, чтобы ей удалось проникнуть сквозь любые барьеры, вызванные лекарствами, поскольку находилась недалеко от его дома.

Услышав неровное дыхание, она замерла, отступив за толстое дерево. Гарри Саммерс отстал от быстро двигавшейся группы, чтобы отдышаться. Рейвен наблюдала, как он шумно втягивает воздух.

Они все выше поднимались в горы. Рейвен с облегчением поняла, что они повернули на развилке и теперь шли прочь от дома Михаила. Она послала молчаливую благодарственную молитву и пошла за Гарри. Она двигалась с ловкостью волков Михаила, пораженная, что может делать это. Ни одна веточка не хрустнула у нее под ногами, ни один камушек не скатился. Если бы только у нее была их сила... Но она так слаба от недостатка пищи, изнурена от недостатка сна.

Рейвен вздернула подбородок. Эти люди не могут совершить еще одно бессмысленное убийство. И не имеет значения, кто предполагаемая жертва, она должна попытаться предотвратить зло. Гарри задерживал ее, останавливаясь каждые несколько минут. Она подумывала было проскользнуть между деревьями и обогнать его, но тогда враги окажутся и впереди, и позади нее.

Полчаса спустя Рейвен с тревогой взглянула на небо. В этом месте с одной стороны плотно росли деревья, а с другой раскинулись луга. И ей пришлось идти еще медленнее. Она не хотела рисковать и быть пойманной на открытом месте. А ветер усилился настолько, что холод пронзал ее насквозь, поскольку, поспешив за охотниками, она забыла куртку. До захода солнца еще добрый час, но надвигавшиеся тучи закрыли его. Буря в горах всегда собиралась быстро и бушевала часами. За следующим холмом Рейвен резко остановилась.

Перед ней был зеленый луг, поросший цветами и травами. Дом прятался под деревьями, среди кустов. Гарри присоединился к остальным, когда они были на расстоянии ярда от дома, окружая его. Гарри держал деревянный кол, Ганс — тяжелый молоток. Они что-то напевали и обрызгивали землю водой из погребальной урны. Джейкоб держал лопату и кирку.

Волна тошноты накатила на Рейвен, и появилось специфическое ощущение: боль возникла в пояснице и животе, сопровождаясь судорогами. Не ее боль. Она принадлежала кому-то другому. Рейвен почувствовала страх в своем сознании, металлический вкус во рту. Отчаяние. Рейвен слилась своим сознанием с сознанием другого.

Нужно выбраться на поверхность, иначе ребенок не сможет родиться.

— Это шлюха дьявола, она собирается рожать, — закричала Маргарет, ее лицо превратилось в маску отвращения и ненависти. — Я чувствую ее страх. Она знает, что мы здесь и что она беспомощна.

Джейкоб погрузил кирку в мягкую землю. Ганс начал яростно копать. От звяканья металла о камень Рейвен стало плохо. Это был особый музыкальный фон для грешных мыслей в их сознаниях.

У Рейвен создалось ощущение, что она слышит каждый крик из земли. Она постаралась успокоиться. Ей нужен план. Должно быть, женщина попала в одну из многочисленных шахт, которые здесь есть, или находится в каком-то подвале. Ей больно, у нее схватки, и она боится за свою жизнь и за жизнь своего неродившегося ребенка.

Рейвен нашла ментальные следы и последовала по ним, отрешаясь от всего и сосредотачиваясь на женщине. Она подождала, пока родовые схватки утихнут, а потом очень тихо послала пробное сообщение.

Женщина, которая пришла с ассасинами, может слышать ваши мысли, чувствовать вашу боль и страх. Оградите себя и разговаривайте со мной очень осторожно, иначе мы обе будем в опасности.

Потрясение... И ничего. И вот женщина неуверенно ответила.

Вы одна из них?

Нет. Вы в ловушке? Они раскапывают землю.

Страх и пустота, пока женщина справлялась с охватившей ее паникой.

Я не хочу, чтобы мой ребенок умер. Вы можете помочь мне? Нам? Пожалуйста, помогите нам!

Еще одна схватка сжала ее, как в тисках.

— Она старается связаться с кем-то! — пронзительно закричала Маргарет. — Быстрее!

Михаил! Мы нуждаемся в тебе!

Рейвен чувствовала себя беспомощной. Что она может сделать? Она слишком далеко, чтобы вызвать спасателей. Ей нужен кто-то, кто поможет ей спасти женщину и ее нерожденного ребенка.

Мне нужно выбраться на поверхность.

В голосе женщины сквозило отчаяние.

Я не могу позволить своему ребенку умереть. Мой Спутник жизни попытается отогнать их, пока я буду рожать.

Они убьют всех вас. Постарайтесь продержаться. Вы сможете выдержать полчаса, час? Тогда нам помогут.

Они доберутся до нас раньше. Я чувствую их прямо над собой, они раскапывают землю. В их сознаниях — смерть.

Я постараюсь выиграть время.

Кто вы?

Она стала спокойнее, сдерживая страх, тем более что с ней разговаривал незнакомый собеседник.

Рейвен сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Какой ответ покажется ей более убедительным? Рейвен Уитни едва ли внушит доверие.

Я женщина Михаила.

Облегчение, которое почувствовала женщина, распространилось вокруг, и Маргарет вновь пронзительно закричала, подгоняя мужчин. Рейвен вышла из леса и медленно пошла через поляну, говоря себе, что она просто прогуливается. Первым ее заметил Гарри. Она услышала проклятия, он что-то тихо сказал остальным. Джейкоб и Ганс перестали копать, Ганс тревожно взглянул на небо.

Рейвен помахала им, приветливо улыбаясь.

— Привет всем. Что это вы делаете? Здесь так красиво!

Она покружилась, раскинув руки.

— Какие прекрасные цветы! — продолжала она щебетать.

Она старалась держаться от них подальше.

— Жаль, я не взяла фотоаппарат.

Ассасины растерянно переглянулись. Маргарет очнулась первой и лучезарно заулыбалась Рейвен.

— Как я рада вас видеть, дорогая. Вы довольно далеко ушли от гостиницы.

— Я подумала, что прогулка и свежий воздух пойдут мне на пользу. Вы тоже гуляете?

Ей не пришлось изображать дрожь, когда она обхватила себя руками, чтобы согреться.

— Кажется, мы попадем еще в одну бурю. Я уже подумала, что пора вернуться, и тут заметила вас.

Она повернула голову в сторону бесформенного каменного дома.

— Как бы мне хотелось жить так высоко в горах, среди природы.

Она посмотрела прямо на Ганса, простодушно улыбаясь.

— Да, тут замечательно. Вам, должно быть, здесь тоже нравится.

Они все выглядели смущенными и виноватыми, словно не знали, как теперь быть. Наконец

Джейкоб бросил кирку и направился к ней. У Рейвен перехватило дыхание. Она так же, как и они, не представляла, что будет делать дальше. Она не могла бежать, чтобы не выдать себя, но и не хотела, чтобы Джейкоб прикасался к ней.

Рейвен отступила назад, позволив улыбке сойти с лица.

— Я вам помешала?

В этот момент у женщины под землей началась очередная схватка. Она прошла по ее телу, как волна, и боль женщины отразилась в Рейвен. Тотчас же Маргарет встретилась с ней глазами.

В эту минуту нужно было сделать только одно. Задохнувшись от ужаса, Рейвен со всех ног бросилась к ассасинам.

— О боже! Какая-то женщина в шахте, и она рождает! Маргарет! Так вот что произошло! Вы кого-нибудь отправили за помощью?

В стремительном беге она сознательно выбрала путь подальше от Джейкоба и чуть левее — к границе леса. Споткнувшись, Рейвен затормозила на краю раскопанного участка. Воздух был тяжелый, застойный, трудно было дышать. Она узнала бледную версию применяемых Михаилом мер безопасности. Должно быть, Спутник жизни беременной женщины спешно выставлял барьеры, чтобы замедлить работу фанатиков.

— Все будет хорошо, — спокойно сказала Маргарет, словно разговаривая с ребенком. — То, что находится там, внизу, не является человеком.

Рейвен подняла голову, широко раскрыв глаза.

— Разве вы ее не чувствуете? Маргарет, я ведь говорила вам, что у меня есть определенные способности. Я не смогла бы такое выдумать. Здесь, внизу, находится женщина, попавшая в беду, и она ждет ребенка. Здесь повсюду шахты. Она, должно быть, попала в ловушку. Я чувствую ее страх.

— Она не человек, — Маргарет осторожно обошла яму, направляясь к ней. — Я такая же, как и вы, Рейвен. Мы сестры. Я знаю, каким для вас было мучением выслеживать серийных убийц, потому что я делала то же самое.

Страх комком застрял у Рейвен в горле. Маргарет говорила так мило и благородно. Но от нее исходил гнилостный запах фанатизма. Блеклые глаза дьявольски сверкали. У Рейвен внутри все сжалось. Может быть, ей удастся дотянуться до Жака.

— Маргарет, вы должны чувствовать ее боль и страх. — Во рту пересохло, а сердце заколотилось, — вы же знаете, кто я и что я могу. Разве я ошиблась бы в таком деле?

Ганс снова заработал лопатой, что-то предостерегающе пробормотав остальным. Ветер рвал их одежду. Тучи потемнели еще больше и за клубились. Молния дугой прорезала небо, и зловеще грохотал гром.

— Это упырь. Вампириша. Она питается кровью наших детей.

Маргарет незаметно приблизилась к Рейвен. Рейвен тряхнула головой, прижав руки к груди.

— Вы не можете верить во все это, Маргарет. Вампиры — чистый вымысел. Эта женщина в

ловушке, здесь, внизу, — самая настоящая. У вампиров не бывает детей. Пойдемте, Джейкоб! Вы не можете верить во всю эту чепуху.

— Она вампирша, Рейвен, и мы собираемся ее убить.

Джейкоб показал на раскрытый рюкзак, лежавший на земле, из него торчали острые колья. В его глазах было предвкушение. Казалось, он просто горел желанием выполнить задание.

Она отступила.

— Вы все сумасшедшие.

Пожалуйста! Помоги мне! Позови его!

В этом крике были отчаяние, боль и ужас.

Рейвен отозвалась немедленно.

Михаил! Жак! Помогите нам.

— Эта дьяволица взывает к ней, — сообщила Маргарет.

Пожалуйста, позови Михаила. Он придет к тебе, стенала женщина.

— Остановите ее! — закричала Маргарет. — Вампирша говорит с ней, умоляет ее вызвать помощь. Не делай этого, Рейвен. Она тебя использует. Не зови Дубрински.

Рейвен развернулась и бросилась бежать, посылая сквозь бурю безумный призыв к Михаилу, к любому, кто мог помочь. Она успела добежать до деревьев, прежде чем Джейкоб поймал ее, схватив за лодыжки и с силой бросив на землю.

От удара у нее вышибло дух, голова закружилась, и несколько секунд она лежала неподвижно, уткнувшись лицом в землю и соображая, что произошло. Джейкоб грубо перевернул ее и сел сверху, а его юношески свежее лицо исказилось от похоти и осознания власти над ней. Она уловила вызывающий отвращение запах кокаина, исходящий из его пор.

Михаил!

Она послала зов, как молитву, понимая, что у Джейкоба на уме, понимая, что у нее не хватит сил, чтобы остановить его.

Ветер усилился. Вдалеке завыл волк, ему ответил другой. Еще дальше раздраженно зарычал медведь.

— Ты думаешь, что чертовски умна, если продаешь себя тому, кто предлагает самую высокую цену, ты, такая невинная и недоступная.

Джейкоб схватил ворот ее рубашки из шамбре и с силой дернул, разрывая ткань до пояса. Все посмотрели на ее грудь, а Джейкоб грубо схватил ее, оставляя синяки на нежной коже.

Я сожалею.

Крик пойманной в ловушку женщины выражал чувство вины. Она не смогла оградить свои ментальные крики, и Маргарет Саммерс смогла услышать ее призывы к Рейвен.

Михаил! Пожалуйста! — беспомощно взмолилась Рейвен. — Ты должен услышать меня. Я нуждаюсь в тебе. Господи, пожалуйста, помоги мне. Помоги той бедной женщине.

Джейкоб взревел, ударив ее раз, другой.

— Он пометил тебя. Мой бог, ты одна из них. — Его рука сжалась вокруг ее горла. — Он оплодотворил тебя, как и остальных. Я знаю, что это был он.

Он занес руку, и Рейвен увидела блеск металла. Лицо Джейкоба превратилось в маску ярости и ненависти, когда он нанес удар. Боль разрасталась в ее животе, хлынула теплая кровь. Джейкоб вытащил окровавленный нож из ее тела и снова занес над ней.

Глава 9

Земля содрогалась. Нож Джейкоба глубоко вошел в ее тело во второй раз. Ветер словно сорвался с цепи, он дул со страшной силой, листья и ветки разлетались в воздухе, как снаряды. Нож ударил в третий раз. Молния сверкнула в небе — раз, второй, третий, ударив в землю одновременно с раскатом грома, сотрясшим все вокруг с дьявольской силой. Нож вошел в нее в четвертый раз. Небеса разверзлись, и полил дождь, сильный и холодный, словно где-то прорвало шлюз.

Джейкоб был весь в крови. Небо мгновенно почернело, и он отшатнулся от нее, задрал голову. И услышал, как все закричали от ужаса.

— Черт возьми.

Он с яростью отвел руку, чтобы нанести пятый удар.

Но невидимая рука перехватила его запястье, прежде чем нож смог коснуться ее, пальцы держали его мертвой хваткой.

Нож развернулся в сторону Джейкоба, и в течение одного бесконечного мгновения он смотрел на окровавленное лезвие, которое медленно приближалось к его горлу. И все-таки удар был неожиданным — нож вошел в него по рукоятку.

Из леса выбежали волки и окружили поляну, их горящие глаза уставились на трех человек, которые едва уворачивались от веток, пронесившихся по воздуху. Маргарет закричала и бросилась бежать. Гарри, как слепой, топтался на месте, а Ганс поскользнулся и упал на колени, когда земля вновь содрогнулась и вспучилась.

— Рейвен.

Михаил материализовался рядом, страх за нее сжал его внутренности.

Он сорвал с нее джинсы, чтобы понять, насколько тяжело она ранена.

Земля снова пошла ходуном, и по ней прошла трещина. Михаил зажал руками открытую рану, пытаясь остановить страшное кровотечение. В поле его зрения замерцал Жак, потом Эрик и Байрон. Прибыли Тьенн и Влад.

Грегори появился в небе, направляясь к трем ассасинам, окруженным стаей волков. И там, на лугу, он принял облик громадного черного волка — с безумными голодными глазами, в которых горело возмездие.

— Мой бог.

Жак опустился на колени рядом с Михаилом, набирая полные пригоршни плодородной земли.

— Байрон, собирай травы. Быстрее!

За считанные минуты они закрыли раны Рейвен приготовленной смесью. Михаил не смотрел ни на кого, обнимая Рейвен, — его большое тело склонилось над ней, защищая от штормового ливня.

Все внутри Михаила сосредоточилось только на одном.

Ты не покинешь меня, приказывал он. Я не отпущу тебя.

Сверкнула молния, разрезав небо и ударив в землю. Вслед прогремел гром, встряхнув горы.

— Жак! Элеонор рожает.

Влад был в отчаянии.

— Отнеси ее в дом. Позови Селесте и Дейдре.

Жак пнул ногой безжизненное тело Джейкоба и встал так, чтобы создать дополнительную защиту для Рейвен.

— Она не умерла, — прохрипел Михаил, видя сочувствие в глазах брата.

— Она умирает, Михаил.

Жак чувствовал, как разрастается боль. Михаил притянул ее к себе, коснувшись щекой ее щеки.

Я знаю, что ты слышишь меня, ты должна выпить, Рейвен. Пей жадно.

Он почувствовал слабое движение в своем сознании. Теплота, сожаление. Так много боли.

Позволь мне уйти.

Нет! Никогда! Не говори. Просто пей. Ради меня, если ты меня любишь, ради меня, ради моей жизни, пей, что я тебе даю.

И прежде чем Жак смог предугадать его намерение и попытался его остановить, Михаил сделал себе глубокий разрез на яремной вене.

Темная кровь забила струей. Михаил властно притянул к себе девушку. Ее сила воли уступила его напору; ее тело слишком ослабело, чтобы сопротивляться. Она глотала то, что вливалось ей в рот, но пить сама не могла.

Молния за молнией ударили в землю. Дерево взорвалось, осыпав все вокруг огненно-красными искрами. Земля вздыбилась, поднялась, словно трещала по швам. Над ними склонился Грегори, самый темный из карпатцев, его прозрачные глаза казались ледяными и обещали смерть.

— Волки сделали свою работу, — безжалостно сказал Эрик. — Молния и землетрясение

доделают остальное.

Жак не обратил на него внимания, обхватив Михаила за плечи.

— Достаточно, Михаил. Ты быстро слабеешь. Она потеряла слишком много крови, и у нее внутренние повреждения.

Черная ярость заполнила Михаила. Он запрокинул голову и закричал так, что звук его голоса пронесся через леса и горы, как раскат грома. Деревья вокруг них были объаты пламенем и взрывались, как тротиловые шашки.

— Михаил. — Жак не ослабил хватку. — Останови ее сейчас же.

— Она взяла мою кровь, которая исцелит ее. Если мы сможем удержать кровь в ней, поместить ее под землю и провести исцеляющий ритуал, она выживет.

— Достаточно, черт возьми!

В голосе Жака слышался неподдельный страх.

Грегори осторожно дотронулся до Михаила.

— Если ты умрешь, мой старый друг, мы потеряем шанс спасти ее. Мы должны действовать сообща, только тогда что-то может получиться.

Голова Рейвен безвольно откинулась назад, а тело обмякло, как тряпичная кукла. Кровь Михаила беспрепятственно стекала по его груди. Жак склонился было над братом, но Грегори оказался рядом раньше его, закрывая зияющую рану единственным прикосновением языка.

Михаил не обращал никакого внимания на окружающих, поскольку все внутри его требовало полного сосредоточения на Рейвен. Она ускользала от него, тая медленно, но уверенно. Его сердце билось с переборами: удар, тишина, снова удар. И опять зловещая тишина.

Бормоча ругательства, Михаил положил ее плашмя, нагнетая в ее легкие воздух, стимулируя дыхание. Его разум искал следы ее сознания и нашел — съездившийся лучик света, тусклый и угасающий. Она плыла в целом море боли. Она была ужасающе слаба. Вдох, нажатие. Призыв вернуться, подкрепленный приказом. И снова, и снова.

Позади них стремительный поток спускался с гор, набирая силу и скорость. Земля содрогалась. Еще два дерева охватил огонь, и это несмотря на стену дождя.

— Позволь нам помочь, — тихо приказал Грегори.

Жак осторожно отодвинул брата в сторону, принимаясь за массаж сердца, в то время как Грегори вдыхал в Рейвен воздух. Вдох, выдох. Жак заставлял ее сердце биться, и Михаил смог сосредоточиться на ментальном поиске. Ощувив в своем сознании движение, легчайшее прикосновение, он понял, что это она, крепко схватился за этот след и пошел по нему.

Ты не покинешь меня.

Она попыталась ускользнуть от него как можно дальше. Слишком много боли было в том направлении, куда он ее звал.

Запаниковав, Михаил выкрикнул ее имя.

Ты не можешь меня покинуть, Рейвен! Я не выживу без тебя. Возвращайся ко мне, возвращайся, или я последую за тобой, куда бы ты ни направилась.

— Я нащупал пульс, — сказал Жак. — Он слабый, но он есть. Нам нужен транспорт.

В сгущающейся темноте появилось какое-то мерцание. Рядом с ними возник Тьенн.

— Элеонор разродилась, ребенок жив, — сообщил он. — Это мальчик.

Михаил издал долгий свистящий звук.

— Она подвела Рейвен.

Жак предупреждающе тряхнул головой, когда Эрик хотел было заговорить, защищая женщину. Михаил пребывал в убийственной ярости, и малейшая ошибка могла спровоцировать его. Именно ярость Михаила вызвала неистовую бурю и содрогание земли.

Михаил снова ушел в себя, удерживая Рейвен рядом, принимая на себя ее боль. Поездка домой превратилась для него в расплывчатое пятно — по ветровому стеклу барабанил дождь, молнии сверкали, раскалывая небо. В деревне было темно и безлюдно, из-за бури отключилось электричество. В своих домах съезживались и молились люди, надеясь пережить бурю и не понимая, что их жизни зависят от храбрости и стойкости хрупкой человеческой женщины.

Тело Рейвен, вялое и безжизненное, освободили от окровавленной одежды и положили на кровать Михаила. Были измельчены целебные травы, а некоторые даже подожжены. Лекарство заменили на другое, более сильное, чтобы предотвратить новое кровотечение. Дрожащими пальцами Михаил дотронулся до кровоподтеков на ее лице, до темных отметок, которые явственно проступили на ее молочно-белой груди, где Джейкоб преднамеренно причинил ей боль в безумном припадке ревности. Ярость охватила Михаила, и он страстно захотел сломать Джейкобу шею собственными руками.

— Ей нужна кровь, — отрывисто проговорил он.

— Так же, как и тебе.

Жак подождал, пока Михаил укрыл Рейвен простыней, прежде чем предложил свое запястье.

— Пей, пока сможешь.

Грегори дотронулся до его плеча.

— Извини, Жак, но моя кровь сильнее. В ней колоссальная сила. Позволь мне сделать эту мелочь для друга.

Жак кивнул, и Грегори сделал надрез. Наступила тишина, пока Михаил брал от Грегори его ценную кровь. Жак сдавленно вздохнул.

— Вы обменялись кровью трижды?

Он заставил свой голос звучать спокойно, чтобы не выдать недовольство своим вожаком и братом.

Темные глаза Михаила предупреждающе вспыхнули.

— Да. И если она выживет, то, скорее всего, станет одной из нас.

Невысказанной осталась мысль, что если она и сможет выжить, то лишь затем, чтобы быть уничтоженной тем, кто ее обратил.

— Обратиться за медицинской помощью к людям, чтобы спасти ее, мы не можем. Если наш способ не сработает, Михаил, доктора тем более не смогут ничего сделать, — предупредил Жак.

— Черт, ты думаешь, я не понимаю, что сделал? Ты думаешь, я не знаю, что обманул ее надежды, не смог защитить ее? Что это я поставил ее жизнь под угрозу?

Михаил сорвал окровавленную рубашку, скатал ее одной рукой и забросил в дальний угол комнаты.

— Бессмысленно оглядываться назад, — невозмутимо заметил Грегори.

На пол упали ботинки Михаила, а сам он вытянулся на кровати рядом с Рейвен.

— Она не может принять кровь нашим способом, она слишком слаба. У нас нет иного выбора, кроме как воспользоваться их примитивным методом переливания крови.

— Михаил, — предостерег его Жак.

— У нас нет выбора. Она не взяла нужное количество, и мы не можем тратить время на споры. Я прошу тебя, брат, и тебя, Грегори, как моих друзей, сделать это для нас.

Михаил притянул голову Рейвен к себе на колени, сел, откинувшись на подушки, и устало закрыл глаза, в то время как они стали готовиться.

Проживи Михаил еще тысячу лет, он не сможет забыть то первое ощущение тревоги, скользнувшее в его сознании, когда он, словно мертвый, лежал под землей. Понимание происходящего взорвалось у него в голове, и ужас сжал сердце, а в груди зашевелилась ярость. Он чувствовал, как Рейвен дрожит от страха. Чувствовал руку Джейкоба на ее драгоценном теле, зверские удары, стремительное движение ножа, разрезающего кожу и проникающего вглубь тела. Так много боли и страха. Так много чувства вины, что она не смогла защитить Элеонор и ее нерожденного ребенка.

Слабое прикосновение Рейвен проскользнуло в его сознании — похожее на шепот, полное боли и сожаления.

Мне так жаль, Михаил. Я подвела тебя.

Ее последняя отчетливая мысль была о нем. Он испытывал отвращение к себе, к Элеонор, у которой не хватило силы воли научиться ментальному общению, сфокусированному и безупречному.

С первой минуты понимания, когда он лежал, беспомощный, под землей, все его представления о жизни пошатнулись. Вырвавшись на свободу, когда и Жак поднялся вместе с ним, он ментально дотянулся до Джейкоба и погрузил окровавленный нож по самую рукоятку в горло убийцы.

Буря позволила Владу и Элеонор вырваться на свободу, не боясь ослепнуть или потерять

ориентацию даже на минуту, которой ассасинам хватило бы, чтобы убить роженицу.

Михаил нашел сознание Рейвен, окружив его теплотой и любовью, и притянул ее в убежище своих рук. Игла вошла в его вену. Он не сомневался, что брат будет рядом, пока идет переливание крови. Жак держал в своих руках не только жизнь Рейвен, но и жизнь Михаила. Если она умрет, Михаил последует за ней. Он знал, что в его сердце все еще кипит ярость и существует угроза для жизни любого, кто находится сейчас рядом с ним, будь то человек или карпатец. Он только надеялся, что Грегори успеет свершить карпатское правосудие, если Рейвен суждено умереть.

Нет.

Даже в бессознательном состоянии она пыталась спасти его.

Он гладил ее по волосам.

Спи, малышка. Тебе нужен исцеляющий сон.

Он дышал за обоих, вдох и выдох, нагнетая воздух и в свои легкие, и в ее. Поддерживал ритм их сердец. Он взял на себя большую часть жизненно важных процессов в ее теле, чтобы облегчить исцеление.

Жак знал, что разум Михаила занят. Если эта женщина перестанет бороться за жизнь, они потеряют Михаила. Сейчас Михаил использовал свою силу, чтобы поддерживать ее кровообращение, биение сердца и работу легких. Это был изматывающий процесс.

Грегори встретился с глазами Жака поверх головы Михаила. Он не собирался позволить этой паре умереть. Это было в их силах — исцелить ее.

— Я сделаю это, Жак.

И это была не просьба.

Вдруг рядом с ними замерцал воздух, и появились Селесте и Эрик.

— Он предпочел последовать за ней, — тихо сказала она. — Он слишком сильно любит ее.

— Это уже точно известно? — спросил Жак.

— Он отдаляется, — ответил Эрик. — Все карпатцы могут чувствовать это. Есть хоть какой-нибудь шанс спасти их?

Жак поднял взгляд, его красивое измученное лицо, темные глаза, такие похожие на глаза Михаила, говорили, что он убит горем.

— Она борется за него. Она знает, что он предпочтет последовать за ней.

— Достаточно! — прошипел Грегори, привлекая всеобщее внимание. — У нас нет иного выбора, кроме как спасти их. Это все, что должно быть в наших сознаниях.

Селесте направилась к Рейвен.

— Позвольте это сделать мне, Жак. Я женщина, у меня будет ребенок. Я не совершу ошибки.

— Грегори — целитель, Селесте. Ты же беременна, а это очень сложная задача, — тихо отклонил ее предложение Жак.

— Вы оба уже поделились с ними своей кровью. Вы можете совершить ошибку.

Селесте отдернула простыню с живота Рейвен. Ее вздох был слышен каждому, она затрепетала от ужаса и невольно отступила назад.

— Боже мой, Жак. Нет ни единого шанса.

В ярости Жак локтем убрал ее с дороги. Но между ними встал Грегори, его прозрачные глаза скользнули по Селесте с ледяным спокойствием и жестоким упреком.

— Даже не думайте о том, удастся ли мне исцелить ее. Пока я занимаюсь этим, я хочу, чтобы в комнате остались только те, кто верит в успех. А теперь уходите, если не можете мне помочь. Мне нужна абсолютная уверенность — как в моем сознании, так и в сознаниях тех, кто меня окружает. Она будет жить, и по-другому быть не может.

Грегори наложил руки на рану, закрыл глаза и, покинув свое тело, вошел в ее, израненное, безжизненное.

Михаил чувствовал, как боль скользит в Рейвен. Она вздрогнула, постаралась отодвинуться, исчезнуть, чтобы это новое, болезненное ощущение его не коснулось. Но Михаил без труда окружил ее, удерживая, чтобы Грегори мог делать свою непростую работу, восстанавливая ее поврежденные органы.

Расслабься, малышка. Я здесь, с тобой.

Я не могу это сделать.

Это были по большей части чувства, а не слова.

Так много боли.

Тогда решай за нас обоих, Рейвен. Ты не уйдешь одна.

— Нет! — крикнул Жак. — Я знаю, что ты делаешь, Михаил. Сейчас же пей, или я прекращу переливание крови.

Ярость вытолкнула Михаила из его полуоцепенелого состояния. Жак спокойно выдержал его взгляд.

— Ты слишком ослаб от потери крови, чтобы противостоять мне.

— Тогда предоставь мне возможность питаться. Холодная, темная, как ночь, ярость прозвучала в этих словах. Смертельная угроза.

Жак без колебаний подставил свое горло, сумев сдержать стон, когда Михаил глубоко вонзил в него зубы, поглощая кровь жадно, жестоко — словно дикое животное. Жак не сопротивлялся и не издал ни единого звука, предлагая свою жизнь брату и Рейвен. Эрик двинулся было к Жаку, когда у того подогнулись колени и он тяжело опустился на пол, но Жак жестом велел ему отойти.

Михаил резко поднял голову, потемневшие черты его лица выражали такую обеспокоенность и

убитость горем, что у Жака перевернулось сердце.

— Прости меня, Жак. Нет мне прощения за то мучение, что я тебе причинил.

— Тебе не за что извиняться, я сделал это по собственной воле, — небрежно прошептал Жак.

И немедленно рядом с ним оказался Эрик, предлагая Жаку свою кровь.

— Кто мог сделать с ней такое? Она добрая, храбрая. Она рисковала жизнью, чтобы помочь незнакомке. Кто мог причинить ей боль? — спросил Михаил, поднимая глаза к небесам.

Ответом ему была тишина.

Пристальный взгляд Михаила нашел Грегори. Он наблюдал, как его друг работает, целиком сосредоточившись на исцеляющем ритуале. Низкое пение успокаивало, даря хоть какое-то облегчение измученной душе. Он чувствовал Грегори внутри ее тела. Он колдовал над его восстановлением, и это был медленный, скрупулезный процесс.

— Достаточно крови, — прошептал Жак севшим голосом, зажигая ароматические свечи и подхватывая низкое пение.

Грегори пошевелился и, хотя его глаза все еще были закрыты, кивнул.

— Ее тело пытается измениться. Наша кровь проникает в ее органы, они меняются, восстанавливаются ткани. Для этого ей нужно время.

И он двинулся назад, в глубину проникающего ранения, которым занимался. Ее матка была повреждена, и ранение было слишком значительное, чтобы идти на риск. Она должна быть превосходно восстановлена.

— Ее сердце еле бьется, — сказал Жак слабым голосом, соскальзывая на пол.

И сам испугался, увидев, что сидит на полу.

— Ее телу нужно больше времени, чтобы измениться и выздороветь, — добавила Селесте, наблюдая за работой Грегори.

Она знала, что стала свидетельницей чуда. Она еще никогда не была так близко от легендарного карпатца, о котором шептались все. Лишь некоторые из их людей видели Грегори вблизи. Он буквально излучал могущество.

— Она права, — со слабостью в голосе согласился Михаил. — Я продолжаю дышать за нее и поддерживаю сердцебиение. Эрик, позаботься о Жаке.

— Отдыхай, Михаил, присматривай за своей женщиной, — ответил Эрик. — С Жаком все будет в порядке. Если возникнут проблемы, здесь еще есть Тьенн. Грегори провел много часов, обучая его. А если потребуется, мы позовем на помощь и остальных.

Жак протянул руку брату. Михаил принял ее.

— Ты должен усмирить свой гнев, Михаил. Буря слишком сильная. Горы гневаются вместе с тобой.

Он закрыл глаза и положил голову на край кровати, а рука осталась в руке Михаила.

Рейвен почти отрешенно ощущала все, что происходило с ее телом. Через связь с Михаилом она была осведомлена обо всех, кто находился в комнате, и об их перемещениях. Он каким-то образом оказался в ее теле, дышал за нее. И был кто-то еще, кого она не узнавала, кто тоже был в ней и работал как искусный хирург, восстанавливая обширные повреждения ее внутренних органов, уделяя особое внимание тому, что делало ее женщиной. Ей хотелось замереть, позволить боли поглотить ее, унести туда, где нет никаких ощущений. Она могла просто уйти. Она устала, она так устала. Это было бы так легко. Это было то, чего она хотела, страстно желала.

Но она отвергла это обещание покоя, сражаясь и изо всех сил цепляясь за жизнь. За жизнь Михаила.

Ей хотелось пройтись пальцами по контуру его губ, которые — она знала это — будут крепко сжаты. Хотелось утишить его чувство вины и ярость, убедить, что она сама сделала выбор. Его любовь, всеобъемлющая и стойкая, безоговорочная и бесконечная, была намного больше всего, от чего она могла отказаться. Но так ей хотелось узнать, что происходит с ее телом.

Ничто не трогало ее, завернутую в кокон любви Михаила. Он дышал — она дышала. Билось его сердце — и билось ее.

Спи, малышка, я присмотрю за нами обоими.

После нескольких часов изнурительной работы Грегори выпрямился. Его волосы были мокрыми от пота, осунувшееся лицо — утомленным, а тело ныло от усталости.

— Я сделал все, что мог. Если она выживет, то сможет иметь детей. Кровь Михаила и земля должны завершить процесс исцеления. Изменения произойдут быстро, поскольку она ничего не понимает и не борется. — Он провел окровавленной рукой по волосам. — Она сражается только за жизнь Михаила, думает только о его жизни и о том, что с ним будет, если она умрет. Думаю, это хорошо, что она не понимает, что с ней происходит, не знает, как все серьезно. Какая же это адская боль. Она сильно страдает, но, к счастью, она не из тех, кто пасует перед трудностями.

Жак уже приготовил новые повязки, чтобы заменить окровавленные.

— Мы можем дать ей еще крови? Она по-прежнему теряет очень много, и мне это не нравится. И она так слаба, что может не пережить эту ночь.

— Да, — ответил Грегори задумчиво и устало, — но не больше пинты или двух. И мы должны сделать это не спеша, иначе встревожим ее. То, что она безоговорочно приняла в Михаиле, она не примет в себе. Дайте ей мою кровь. Она такая же сильная, как кровь Михаила, который, кстати, становится все слабее, так как старается дышать за нее и поддерживать ее сердцебиение.

— Ты устал, Грегори, — запротестовал Жак. — Есть и другие.

— Но не с моей кровью. Делай, как я сказал.

Грегори сел и стал спокойно наблюдать, как игла входит в его вену. Никто не спорил с Грегори — он был сам себе закон. Только Михаил мог назвать его другом.

Селесте сделала глубокий вдох, будто собираясь что-то сказать Грегори, выразить свое восхищение, но хватило одного его взгляда, чтобы слова застряли у нее в горле. Грегори был

по-прежнему спокоен и смертельно опасен для окружающих.

Жак позволил драгоценной жидкости Грегори перетекать прямо в вену Рейвен. Это был не самый быстрый и не самый лучший способ, но Грегори его успокоил. Им надо собраться и позаботиться обо всех мелочах. Михаил верил, что именно мелочь часто спасает жизнь.

— Мы должны оценить масштабы ущерба, нанесенного нашим людям. Все ассасины мертвы, никто не сбежал?

— Ганс, американская пара и человек, который напал на Рейвен, — пересчитал Эрик. — Там были только они. Ни один смертный не смог бы пережить эту бурю и справиться с озверелыми волками. Если бы там был еще кто-то, Михаил и волки знали бы об этом. Грегори устало пошевелился, от предпринятых невероятных усилий его сила постепенно таяла.

— Больше никого не было, — властно подвел он черту, чтобы никому и в голову не пришло задавать вопросы.

Все молчали.

Жак понял, что впервые за эту ночь вздохнул с облегчением.

— Ты уничтожил все следы, Эрик?

— Абсолютно. Тела сожжены и сложены под деревом, словно люди хотели спрятаться от грозы, но в дерево ударила молния. От ран не осталось никаких следов, — отчитался Эрик.

— Завтра будет организована поисковая группа по розыску пропавших туристов и Ганса. Байрон, твой дом ближе других к деревне, поэтому ассасины будут подозревать тебя. Не приближайся к своему дому. Влад должен забрать Элеонор и ребенка и увести как можно дальше отсюда.

— Они могут отправиться прямо сейчас? — спросил Грегори.

— Если только на машине.

— У нас вся ночь впереди. Кроме того, у меня есть дом, которым я пользуюсь только в зимние месяцы, да и то не всегда. Он прекрасно защищен, труднодоступен, — Грегори улыбнулся, но его прозрачные глаза оставались бесстрастными. — Мне нравится уединение. И сейчас дом свободен. Я готов его предоставить, чтобы защитить женщину и ребенка до тех пор, пока это будет необходимо. Дом в доброй сотне миль отсюда, я же пока поскитаюсь по миру, так что вас никто не побеспокоит.

И прежде чем Влад успел возразить, заговорил Жак.

— Отличная идея. Это решит одну из проблем. У Байрона есть убежище. Займись этим сейчас же, Влад. И охраняй Элеонор хорошенько. Она представляет для нас большую ценность, как и ее ребенок.

— Я должен поговорить с Михаилом. Элеонор очень расстроена тем, что подвергла жизнь Рейвен опасности.

— Михаил не в себе.

Жак вынул иглы из безвольного тела Рейвен и руки Грегори. Ее дыхание было слабым, почти

незаметным, и он не понимал, как Михаилу удастся его поддерживать.

— Вы обсудите это в другой раз. Он сосредоточил все свои силы на выживании Рейвен. Его женщина не может дышать сама.

Влад нахмурился, но уступил, когда Грегори взмахом руки отослал его прочь. Он мог бы остаться и поспорить с Жаком, чтобы успокоить свою Спутницу жизни, но все они повиновались Грегори. Он был правой рукой Михаила, самым безжалостным из охотников, настоящим целителем их народа, и он охранял принца, как самое драгоценное сокровище.

— Никто из наших людей сегодня еще не питался, — заметил Эрик, всматриваясь в бледное лицо жены. — На улице ни души.

— Риск слишком велик, когда приходится заходить в дома, — вздохнул Жак, сожалея, что не может спросить совета у Михаила.

— Не беспокой его, — сказал Грегори. — Она нуждается в нем больше, чем мы. Если она умрет, мы потеряем не только его, но и шанс на выживание нашей расы. Ноэль была последней выжившей женщиной, и то это было почти пятьсот лет назад. Мы нуждаемся в этой девушке, чтобы наш вид продолжил существование. Нам понадобятся все наши силы, так как это еще не конец.

Михаил беспокойно пошевелился и открыл глаза.

— Еще ничего не кончено. По крайней мере, есть еще двое, возможно даже четверо. Евгений Словенски, Курт ван Хелен. Я не знаю двух других, не знаю, участвуют ли они во всем этом. Их имена можно узнать в гостинице, миссис Галвенстейн сообщит их нам.

Его длинные ресницы опустились, а пальцы глубоко зарылись в волосы Рейвен, словно он мог оттащить ее от края смерти.

Жак наблюдал, как его длинные пальцы с любовью ласкают ее волосы.

— Грегори, мы можем поместить ее на несколько часов в землю?

— Это должно ускорить процесс выздоровления.

Эрик и Жак спустились вниз, чтобы подготовить подвал, открывая недра земли всего одним словом так, чтобы хватило места сразу для двух тел. Они осторожно перенесли Рейвен, Михаил все время оставался рядом с ней, ничего не говоря и сосредоточившись на ее сердце, легких, на защите тусклого огонька, в котором заключалось ее желание жить.

Он опустился в глубокие недра земли, почувствовав, как целебные свойства плодородной почвы окружают его, подобно гостеприимной постели, и принял легкое тело Рейвен, пристраивая его рядом.

Михаил пошевелил руками, создавая небольшой туннель над их головами, и приказал земле закрыть их. Земля была везде — вокруг и поверх его ног, ее ног, она накрыла их тела, вдавливая их еще глубже.

Сердце Рейвен подпрыгнуло, почти пропустив удар, и начало неистово биться, несмотря на устойчивое биение его собственного сердца.

Я живая! Они закапывают нас живьем!

Не разговаривай, малышка. Мы часть земли, она нас исцеляет. И ты не одна, я здесь, с тобой.

Я не могу дышать.

Я дышу за нас обоих.

Я не могу это вынести. Заставь их остановиться.

Земля обладает восстанавливающими свойствами. Позволь им подействовать. Я же карпатец — часть земли. Тут нечего бояться. Ни ветра, ни земли, ни воды. Здесь только мы.

Но я не карпатка.

В ее сознании слышался непередаваемый ужас.

Теперь мы оба карпатцы, и ничто не сможет причинить тебе боль.

Она закрыла от него свое сознание, начав отчаянную борьбу, которая могла только приблизить ее конец. Михаил понял, что спорить бесполезно. Она не могла принять землю у себя над головой. Он немедленно выпустил их из-под земли, заставляя ее сердцебиение успокоиться, стать почти нормальным, и выплыл наверх, держа ее на руках.

— Этого я и боялся, — сказал он Жаку, который все еще оставался в подвале. — В ее венах течет сильная карпатская кровь, но ее сознание ограничено человеческими пределами. Погребение у нее ассоциируется со смертью. И она не переносит глубоко раскопанную землю.

— Тогда мы должны принести землю к ней, — сказал Жак.

— Она слишком слаба, Жак. — Михаил прижимал Рейвен к себе, а на его лице читалась глубокая печаль. — То, что мы сделали, было бессмысленно.

— Нет, это не так, Михаил, — сказал Жак.

— Я был таким себялюбивым с ней, да и все еще таким остаюсь. Я должен был позволить ей обрести покой, но не смог. Я бы последовал за ней, Жак, но сомневаюсь, что смог бы спокойно покинуть этот мир.

— А как же мы все? Она наш шанс, наша надежда. У нас должна быть надежда, Михаил. Без нее никто из нас не продержится долго. Мы верим в тебя, верим, что ты найдешь ответ для всех нас. — Жак остановился возле двери, ведущей из подвала. — Я подготовлю матрас. С Байроном и Эриком мы наполним его самой плодородной землей, какую только сможем найти.

— Они питались?

— Ночь только началась, у нас еще много часов впереди.

В подвале они соорудили целебную кровать с помощью трав и благовоний, покрыв матрас трехдюймовым слоем земли. И снова Рейвен и Михаил устроились рядом, ее голова лежала на его груди, его руки крепко обнимали ее. Жак обложил Рейвен землей так, чтобы она облегла все изгибы ее тела. Сверху их тоже укрыли тонким слоем земли, как одеялом, добавив

простыню, чтобы Рейвен ощущала привычное прикосновение хлопковой ткани.

— Не позволяй ей двигаться, Михаил, — напомнил Жак. — Хотя раны закрываются, она все еще теряет кровь. Не так много, как раньше, и через пару часов мы сможем дать ей еще.

Михаил прикоснулся щекой к ее шелковистой голове, утомленно закрывая глаза.

— Иди и найди питание, Жак, ты валишься с ног, — пробормотал он еле слышно.

— Я пойду, когда вернутся остальные. Мы не оставим тебя и твою женщину без защиты.

Михаил пошевелился, словно в знак протеста, но затем нашел в себе силы усмехнуться.

— Напомни мне отвести тебя в сторонку и преподать пару уроков, когда мне станет лучше.

И он заснул под тихий смех Жака, звучащий в ушах, сжимая Рейвен в объятиях.

Ливень перешел в мелкий дождик, ветер утих, разогнав грозовые тучи. Еще несколько раз содрогнувшись, замерла земля. Кошки, собаки и домашний скот успокоились. Дикая животные укрылись от бури.

Пробуждение Рейвен было медленным, болезненным. Прежде чем открыть глаза, она попыталась сообразить, где она и что с ней. Она была ранена, она должна была умереть. Она в объятиях Михаила, их ментальная связь сильна, как никогда. Он отодвинул ее от края смерти, а потом разрешил уйти — только если он пойдет вместе с ней. Она слышала звуки дома, скрипы над головой, успокаивающий шелест дождя, барабанившего по крыше, стучавшего в оконные стекла. Кто-то ходил по дому. Если бы она приложила больше усилий, то смогла бы определить, кто это и в какой части дома он находится, но это казалось слишком обременительным.

Медленно она прокрутила в уме весь ужас произошедшего. Запертая в ловушку роженица и жаждущие крови фанатики. Лицо Джейкоба, когда он с силой швырнул ее на землю и разорвал на ней одежду.

Тихий встревоженный крик Рейвен заставил Михаила обнять ее еще крепче, уткнуться подбородком в ее макушку.

— Не думай об этом. Позволь мне погрузить тебя в сон.

Она прикоснулась к его шее, нащупывая пульс.

— Нет. Я хочу вспомнить, покончить с этим раз и навсегда.

Она была взволнована, как никогда.

— Ты слишком слаба, Рейвен. Тебе потребуется еще много крови, много сна. Раны были слишком серьезны.

Она хотела подвинуться к нему, лишь слегка шевельнулась, и боль сразу вцепилась в нее клещами.

— Я не могла дотянуться до тебя. Я пыталась, Михаил, ради той женщины.

Он поднес ее пальцы к губам и поцеловал их.

— Никогда больше, Рейвен, я не подведу тебя. В его сознании и сердце было куда больше боли, чем в ее теле.

— Я сама решила пойти за ними, Михаил. Сама впуталась во все это, чтобы помочь той женщине. Я знала, на что способны эти люди. И сознательно пошла на это. И я не обвиняю тебя, пожалуйста, не думай, что подвел меня.

Говорить было трудно. Хотелось спать, впасть в благословенное забытие, чтобы перестать чувствовать онемевшее тело и сознание.

— Позволь мне помочь тебе уснуть, — прошептал он тихо.

Его голос ласкал, губы нежно перебирали ее пальцы.

Рейвен медлила: ей не хотелось показывать свой страх. Как это возможно, что она все еще живет? Как? Она вспомнила ту ужасную минуту, когда Джейкоб вцепился ей в грудь. Своими погаными руками. От этих воспоминаний по коже побежали мурашки. Ей захотелось вымыться, тереть кожу до тех пор, пока она не сотрется. Его лицо — злобное, как у дьявола, сумасшедшее. Она вспомнила каждый удар ножом, наносивший смертельную рану.

Буря, землетрясение, молнии, гром. Волки, выскочившие перед Саммерсами и Гансом. Откуда она все это знает, так отчетливо видит в своем сознании? Перекошенное от страха лицо Джейкоба, его расширенные от ужаса глаза, нож, торчащий из его горла. Почему она не умерла? Откуда она все это знает?

Ярость Михаила. Она была невообразимой, нечеловеческой. Ничто не могло сдержать его бешенство и гнев. Он исходил из него, подпитывая бурю, земля начала вздыматься, а вспышки молний — ударять в землю, пока не пролился дождь.

Это было на самом деле или это часть какого-то вселяющего ужас ночного кошмара? Но она знала, что все это было на самом деле и что она была близка к какой-то страшной правде. Но боль была такой невыносимой, что у нее просто не осталось сил, и Михаил оказался ее единственным утешением. Ей хотелось вернуться назад, в убежище, которое он ей предлагал, и просто позволить ему защитить ее, обезопасить, пока она вновь не станет сильной. Но Михаил ждал, позволяя ей самой сделать выбор. Он дарил ей тепло, любовь, близость, но все равно что-то удерживал внутри, подальше от нее.

Рейвен закрыла глаза, сосредотачиваясь и вспоминая.

Михаил, внезапно оказавшийся рядом. Боль и страх в его темных гипнотизирующих глазах. Его руки, притягивающие ее. Его сознание отыскивает ее, приказывает ей остаться, якорем удерживает ее на земле, в то время как тело ее умирает. Там же был его брат и много его людей. Что-то вошло к ней в живот, что-то, казалось, прокладывало путь в ее теле, теплое и живое. Низкое, успокаивающее пение, заполнившее воздух вокруг.

Тревога исходила от людей Михаила, чья кровь, теплая, сладкая, придающая сил, вливалась в ее тело, в ее органы, восстанавливая мышцы и ткани. Но вливалась не в вену, а...

Рейвен замерла, ее сознание было настолько поражено, что тоже оцепенело. Дыхание покидало ее.

Не в первый раз.

Всплыли и другие воспоминания: доводящая до безумия манера Михаила питаться, его рот, жадно прижатый там, где билось ее сердце.

— О боже! — вырвалось у нее как подавленный протест.

Это была самая настоящая правда, а никакие не галлюцинации. Но ее человеческое сознание отвергало эту правду. Это невозможно, этого не могло быть. Она была внутри какого-то ужасного ночного кошмара и в любой момент могла проснуться. Этим и объясняется то, что произошло. Все смешалось — фанатизм ассасинов и сила Михаила. Но ее обостренные чувства говорили совсем другое, они говорили: это было на самом деле. Она лежит под землей, земля под ней и земля над ней. Они хотели закопать ее. Усыпить. Исцелить.

Михаил ждал, ничего не утаивая, позволяя ее сознанию переварить информацию. Даже когда она потянулась к его воспоминаниям. Он, наконец дождался ее реакции, и она его удивила. Он ждал криков, слез, истерики.

Рейвен вцепилась в матрас, издав животный крик боли. Она откатилась от него, не обращая внимания на свои жестокие раны.

Он заговорил резко, намного резче, чем хотел, потому что страх за нее перевешивал сострадание. Его приказ парализовал ее, сделал беспомощной, поймал в ловушку. Только глаза оставались живыми, полными ужаса, когда он присел рядом и осторожно ощупал ее раны.

— Расслабься, малышка. Я понимаю, знание потрясло тебя, — пробормотал он и нахмурился, увидев, как драгоценная кровь сочится из всех ран, кроме одной. Он поднял Рейвен и стал покачивать на руках у своего сердца.

Позволь мне уйти.

Ее мольба прозвучала в его сознании, эхом отозвавшись в груди.

— Никогда.

Суровые черты лица Михаила стали маской. Он взглянул на двери над их головами. Двери откликнулись, распахнувшись от одного его желания.

Рейвен закрыла глаза.

Михаил, пожалуйста, я умоляю тебя. Я не могу быть такой, как ты.

— Ты не представляешь, что я такое, — сказал он нежно, проплывая на следующий этаж так, чтобы ни что не могло ее потревожить. — Люди перемешали правду о моей расе с историями о нежити, которая ворует детей, убивает и мучает своих жертв. Я бы не смог спасти тебя, если бы ты умерла. Мы — человеческая раса, которая является частью земли, неба, ветра и воды. Подобно остальным людям, у нас есть свои особенности и свои недостатки.

Он не стал вдаваться в детали, откуда берутся вампиры. Ей, конечно, нужна правда, но не вся сразу.

Михаил доставил ее в гостевую комнату и осторожно положил на кровать.

— Мы не вампиры из тех ужасных историй, не ходячие мертвецы, во имя всего святого. Мы

любим, мы молимся, мы служим стране. Нам отвратительно то, что человеческий мужчина может бить свою жену или ребенка, что мать может не обращать внимания на свое дитя. Нас отталкивает то, что люди едят мясо. Для нас кровь животворяща, священна. Мы бы никогда не стали мучить и убивать человека. Нам запрещено заниматься любовью с людьми, а потом пить его или ее кровь. Я знаю, что никогда не должен был брать твою кровь, это было ошибкой. Это было неправильно, потому что я не сказал тебе, что может произойти. Я знал, что ты моя истинная Спутница жизни и что мое существование не сможет продолжаться без тебя. Мне следовало лучше владеть собой. За это я буду расплачиваться целую вечность, но что сделано, то сделано. Мы не можем изменить то, что уже произошло.

Михаил приготовил несколько новых компрессов и положил на раны, плотно закрыв их. Ее страх, ее отвращение, ее ощущение предательства бились внутри его, заставляя испытывать желание оплакать и ее, и их обоих.

— То, чем я занимался с тобой, — не то же самое, что использовать человеческую женщину для удовлетворения. Мы не просто доставляли друг другу удовольствие — мое тело опознало тебя как Спутницу жизни. Я был не в состоянии не откликнуться на зов. Мне надо было выбрать смерть. Ритуал требовал обмена кровью. Но это не физический голод, это любовный обмен, подтверждение любви и доверия. Когда я в первый раз взял твою кровь, я невольно взял слишком много, сбитый с толку невероятным наслаждением. Я потерял самообладание. Я поступил неправильно, связав тебя с собой и не объяснив тебе, что это означает. Но я позволил тебе сделать выбор. Это ты не можешь отрицать.

Рейвен взглянула на него, читая печаль в его темных глазах, в которых притаился страх за нее. Ей хотелось прикоснуться к нему, чтобы его лицо разгладилось, убедить, что она справится со всем этим, но ее сознание не могло принять то, что он говорил.

— Я бы выбрал смерть, если б ты позволила мне пойти с тобой. — Он нежно убрал волосы с ее лица. — Ты это знаешь, Рейвен. Я мог спасти тебя только одним способом — сделать одной из нас. Ты выбрала жизнь.

Я не знала, что делала.

— А если бы знала, выбрала бы смерть для меня?

Ее синие глаза, растерянные и смущенные, всматривались в его черты.

Освободи меня, Михаил. Я не хочу лежать, совершенно беспомощная.

Михаил прикрыл ее тело тонкой простыней.

— Твои раны очень серьезны, тебе нужны кровь, исцеление и сон. Тебе нельзя прыгать с места на место.

Она посмотрела на него сурово.

Михаил дотронулся до ее подбородка. И отпустил ее, а сам продолжал пристально смотреть ей в глаза.

— Ответь мне, малышка. Зная, кто мы такие, можешь ли ты отправить меня в вечную тьму?

Она предприняла последнюю попытку освободиться из-под его власти. Часть ее все еще не могла поверить в то, что происходит. Часть старалась понять и быть справедливой.

— Я говорила, я могу принять тебя — даже любить — таким, какой ты есть, Михаил. Это было верно тогда, верно и сейчас.

Она была так слаба, что едва могла говорить.

— Я знаю, ты хороший человек, в тебе нет ничего дьявольского. Отец Хаммер сказал, что я не могу судить тебя по нашим законам, и я не собираюсь это делать. Нет, я бы выбрала для тебя жизнь. Я люблю тебя.

Из-за него в ее глазах было слишком много горя, и он не испытал облегчения.

— Но? — продолжил он тихо.

— Я могу принять это в тебе, Михаил, но не в себе. Я никогда не смогу пить кровь. От одной мысли об этом мне делается плохо. — Она тронула свои губы языком. — Ты можешь обратить меня обратно? Переливанием крови, например?

Он с сожалением покачал головой.

— Тогда позволь мне умереть. Только мне. Если любишь меня,пусти.

Глаза Михаила потемнели, загораясь.

— Ты не понимаешь. Ты — моя жизнь. Мое сердце. Нет Михаила без Рейвен. Если ты пожелаешь погрузиться в вечную темноту, я должен буду последовать за тобой. Я никогда не знал такой боли, не знал любви, пока не нашел тебя. Ты воздух, которым я дышу, кровь в моих венах, моя радость, мои слезы, все, что я чувствую. Я бы никогда не пожелал бесплодного, бессмысленного существования. Мучения, которые ты испытала за несколько часов без ментальной связи между нами, ничто по сравнению с адом, на который ты хочешь меня обречь.

— Михаил, — прошептала она, — я не карпатка.

— Теперь да, малышка. Пожалуйста, дай себе время, чтобы исцелиться, понять все это и приспособиться.

Он умолял ее, голос у него был тихий и убедительный.

Она закрыла глаза, сдерживая наворачнувшиеся слезы.

— Я хочу поспать.

Рейвен нуждалась в большем количестве крови. Передача пройдет легче, если она не будет понимать, что с ней происходит. Исцеляющий сон земли дарует ей спокойствие и ускорит исцеление тела. Михаил выполнил просьбу и отправил ее в глубокий сон.

Глава 10

Рейвен проснулась в рыданиях, обхватив Михаила за шею и прижимая к себе, ее горячие слезы капали ему на грудь. Он, защищая, притянул ее ближе, удерживая так крепко, как только мог. Она казалась настолько хрупкой и легкой, словно могла улететь. Михаил позволил ей выплакаться, поглаживая по волосам.

Когда она стала успокаиваться, он на своем родном языке нежно и ласково прошептал ей слова

утешения и надежды.

В конце концов Рейвен, измученная и утомленная, устроилась в защитном кольце его рук.

— Хоть на это и потребуется время, малышка, но дай нашим способностям шанс. Существует множество удивительных вещей, которые мы можем делать. Сосредоточься на том, что может принести тебе радость. Возможность видоизменяться, летать рядом с птицами, бегать в стае волков.

Зажав рот кулаком, она постаралась подавить рвавшийся из горла звук — что-то среднее между криком от страха и истерическим смехом. Михаил потерся подбородком о ее макушку.

— Я бы никогда не оставил тебя один на один со всем этим. Ты можешь рассчитывать на меня.

Рейвен закрыла глаза, пытаясь остановить истерику.

— Ты даже не понимаешь, как чудовищно то, что ты сделал. Ты забрал мою сущность. Не надо, Михаил! Я чувствую, твой протест скользит в моем сознании. Что, если бы ты однажды проснулся не карпатцем, а человеком. Не способным больше летать. Не обладая ни особенной силой, ни исцеляющим даром земли, не имея способности слышать и понимать животных. Ушло бы все, что составляло твою сущность. А чтобы выжить, пришлось бы есть мясо.

Она почувствовала его мгновенное отвращение.

— Вот видишь, все эти вещи карпатцы считают отвратительными. Я боюсь. Я смотрю в будущее и так напугана, что не способна соображать. Я слышу, я чувствую. Я...

Она замолчала, прежде чем сделать признание.

— Разве ты не видишь, Михаил: я не могу сделать это даже ради тебя.

Он погладил ее по волосам, по щеке.

— Ты узнала все это за слишком короткое время. Твой сон был глубоким и безмятежным.

Он не стал говорить, что во время сна ей дважды давали кровь, что ее тело изменилось, освобождаясь от присущих человеческому телу токсинов. Он понимал, что она должна постепенно осознать все аспекты их образа жизни.

— Ты хочешь для нас вечного покоя?

Она сжала пальцы в кулак и ударила его в грудь.

— Не для нас, Михаил, для меня!

— Ни тебя, ни меня не существует. Есть только мы.

Она сделала глубокий вдох.

— Я даже не знаю, что или кто я теперь.

— Ты — Рейвен, самая красивая, самая храбрая женщина, какую я когда-либо знал, — сказал он с подкупающей искренностью, все еще глядя ее по волосам.

— А я смогу жить, не питаясь кровью? На соке и вегетарианской пище?

Он переплел ее пальцы со своими.

— Как бы мне хотелось, чтобы это было возможно для тебя, но — нет. Ты должна будешь пить кровь, чтобы жить.

Она издала нечленораздельный звук, отпрянув. Это было слишком. Слишком страшно, чтобы воспринимать это всерьез. Ей хотелось верить, что это всего лишь ночной кошмар.

Михаил сел, позволив ей отодвинуться, и убрал простыню с ее тела. Ее сознание отказывалось воспринимать объяснения, не желая ничего знать. Чтобы отвлечь ее, он наклонился, осматривая ее живот, пальцы нежно прикасались к побелевшим шрамам.

— Твои раны почти зажили.

Она приподнялась, пораженная.

— Это невозможно.

Он отвел руки, чтобы ей было видно. Длинные белые шрамы. Ее глаза расширились от изумления. Глаза Михаила потемнели и вспыхнули огнем, опалив ее обнаженную грудь. Рейвен прикусила нижнюю губу и покраснела всем телом. Она вцепилась в простыню и натянула ее на себя.

Его белоснежные зубы блеснули в хищной улыбке — в нем проснулся мужчина. Он склонился к ней, скользнув губами по ее уху, и заговорил, обдавая ее горячим дыханием.

— Я целовал каждый дюйм твоего тела. Я побывал в каждом укромном уголке твоего сознания.

Он прикусил мочку ее уха, и по спине у нее пробежали мурашки.

— Румянец тебе идет.

Рейвен осознала, что она сидит, затаив дыхание, а по ее телу разливается тепло. Она прижалась лбом к его мускулистой груди, чтобы он не увидел ответную вспышку в ее глазах.

— Михаил, — предупредила она, — у тебя не получится изменить то, что я чувствую, как бы ты меня ни соблазнял. Я знаю, что не смогу думать иначе.

— Я слышу твои мысли, малышка. Ты закрыла свое сознание.

Сказанные шепотом слова соблазняли.

— Я дам тебе все, чего ты ни пожелаешь. Мне больше не вынести твоего несчастного вида.

Его рука тронула ее грудь и замерла там, где билось сердце.

У нее внутри все сжалось, когда она догадалась о его намерениях. Сладкий запах горячей крови смешался с его диким мужским ароматом. И прежде чем Рейвен смогла его остановить, его кровь потекла по его груди. Инстинктивно она прижала ладони к ране.

— Остановись, Михаил! Не делай этого! — с дикими от страха глазами крикнула Рейвен, и слезы хлынули из ее глаз. — Пожалуйста, скажи, что сделать, чтобы спасти тебя.

Отчаяние звучало в ее голосе.

— Ты можешь остановить это.

— Я не могу, Михаил. Прекрати, ты пугаешь меня! Она давила на рану изо всех сил, но кровь продолжала течь между пальцев.

— Твой язык обладает исцеляющей силой, как и твоя слюна.

Он сказал это мрачно, будто гипнотизируя, и откинулся назад, словно силы его убывали.

— Но не препятствуй моему решению. Может быть, ты и не хочешь жить, но я отказываюсь возвращаться в мир тьмы.

В отчаянии она склонила голову ему на грудь и провела языком по краям раны — она закрылась, словно ее и не было. Отвращение было в ее сознании, но не в теле. Что-то дикое в ней подняло голову, ее глаза стали сонными и чувственными. Тепло, свернувшееся в кольцо, распространилось по всему телу, и она почувствовала сильный голод, страстное желание. Она хотела большего, хотела наслаждения, дать которое мог только он.

Руки Михаила запутались в ее волосах, обхватывая голову и откидывая назад, открывая горло. Губами он прошелся по ее нежной коже, нашел неистово бьющуюся жилку.

— Ты уверена, Рейвен? — Он так чувственно прошептал это, что ее тело едва не растаяло в ответ. — Я хочу, чтобы ты была полностью уверена. Ты должна знать, что это твой выбор.

Она обвила шею Михаила руками, прижимая к себе его голову.

— Да.

Воспоминания о его губах, скользящих по ее лицу, о невыразимом наслаждении, проникавшем в душу, были так свежи, что любовный жар, слабость и восторг слились воедино. Она хотела этого, ей это было нужно.

— Ты отдаешься мне добровольно?

Он попробовал ее кожу на вкус, прижавшись языком к пульсирующей жилке, и спустился вниз к ложбинке между грудями.

— Михаил.

Его имя прозвучало как мольба. Она боялась, что он еще не в состоянии жить полной жизнью и слиться с ней.

Он легко поднял ее на руки. Его язык коснулся ее соска — раз, другой. Рейвен задыхнулась, изогнувшись, чтобы быть ближе, ее тело чувствовало дикую страсть, которая поднимается в его теле. Она хотела быть, как он, такой же дикой, и даже подчинить его себе. Казалось, она плыла по воздуху, и каждое ее нервное окончание было оголено. Сладкий запах крови возбуждал ее.

Она вдохнула свежий воздух и распахнула глаза, всматриваясь в ночь. Та что-то нашептывала ей с той самой силой, с какой текла кровь Михаила. Над ее головой покачивались деревья, ветерок охлаждал ее тело и в то же время раздувал желание.

— Это наш мир, малышка. Почувствуй его красоту, услышь его зов.

Все это было похоже на фантастическую мечту: они плыли с легким туманом, становясь частью ночи. Над головой, среди листвы, играли в прятки звезды. Неясная луна блуждала за облаками, скользящими по небу. Рейвен всюду слышала звуки жизни. И ток древесных соков, и шорох грызунов, и хлопанье крыльев, и крик хищника, упустившего добычу.

Михаил поднял голову и закричал. Его крик был полон дикой радости. Раздался ответный крик. Рейвен слышала восторг в волчьем вое, он проник в ее сердце, и дикость, которая уже была в ней, стала еще необузданнее.

Михаил пронес ее по лабиринту тропинок глубоко в горы, пока они не оказались у входа в пещеру, уходящую глубоко вниз.

— Услышь это, — приказал он, шагнув в темноту. — Услышь, как земля поет для тебя.

Это было невероятно, но она видела залежи драгоценных камней по обеим сторонам узкого прохода, словно в туннель просачивался солнечный свет. Она слышала звук текущей воды, эхом отдающийся через анфиладу пещер. Летучих мышей, разговаривающих друг с другом, и землю, приветствующую всякую жизнь.

Михаил решительно шел к цели, уверенно двигаясь по лабиринту туннелей и с каждым шагом унося ее все дальше под землю, пока они не оказались в большом гроте, где клубился пар. Вода, пенясь, стекала вниз, наполняя целую систему озер. А вокруг мерцали кристаллы.

Он приблизился к самому дальнему озеру, вода в нем вспучивалась пузырями. Он погрузился в нее, продолжая держать Рейвен на руках. Их окутал пар, вода оказалась теплой и пенилась.

Пузырьки пощипывали кожу, дразня ее, словно сотни крошечных пальчиков, и лаская, как прикосновения язычка. Ленивыми, томными движениями Михаил стал омыwać ее изящное тело, небольшие ступни, икры и бедра. Рейвен шевельнулась в его руках, закрыв глаза и отдаваясь ощущениям. Горячая карпатская кровь текла в ее венах. Карпатские желания боролись с человеческими запретами, на которых настаивало ее сознание.

Его руки скользили по ее плоскому животу, пальцы с трепетом прошли по каждому шраму, стирая последние следы припарок и крови. Он ласкал ее спину, лицо и волосы. Михаил был так нежен, что ей хотелось плакать. Он ни разу не дотронулся до ее интимных мест и, тем не менее, разжег медленный огонь в ее крови, растекающийся по телу. Она страстно желала его.

Рейвен открыла глаза — синие, сонные, потемневшие от желания. Откинув голову, взглянула на него и привстала, чтобы омыть его тело. Каждым прикосновением она дразнила Михаила, воспламеняя его страсть. Пальцами она зарылась в его спутанные волосы, разметавшиеся по груди, скользила по его твердым мускулам, смывая кровь с его кожи. Крови было так много. Это встревожило ее, и она захотела, чтобы он взял питание от нее, восполнил то, что потерял.

Какой-то частью своего сознания Рейвен понимала, что эта мысль должна быть ей отвратительна, но ее тело так отчаянно нуждалось в нем, она так страстно желала почувствовать на себе его губы, ощутить его голод. Ее руки скользнули ниже, прошли по его плоскому животу и бедрам.

Рейвен услышала его быстрый вдох, почувствовала напряжение каждой мышцы. Низкое рычание возникло глубоко в его горле. Ее пальцы нашли очевидное свидетельство его возбуждения, дразня и соблазняя, скользя кончиками пальцев, ее ладонь прошла по всей

длине его члена, обхватывая его и пробуя на вес.

Он застонал от усилия, которое ему потребовалось, чтобы сохранять самообладание. На этот раз она собиралась принять участие в ритуале. Не было нужды спрашивать, знает ли она, что делает. Он поставил ноги шире, чтобы удерживать свое задрожавшее тело, так как она тронула языком его плечо и проследовала за каплей воды, стекавшей по его шее.

Тело Рейвен сжималось, словно становясь тяжелее и пылая от желания. Ее язык скользнул по его груди — там, где было сердце. Ее кровь неслась по жилам и пела, как и у него. И все это время ее руки ласкали, поддразнивали, обещали. Шелковистая масса ее длинных волос легко касалась его тела, когда она последовала за каплями дальше, опускаясь все ниже и ниже. Она чувствовала его дрожь, когда пробовала его на вкус; чувствовала, как его тело подавалось навстречу ее шелковистому рту. Ощущение власти было невероятным. Его руки запутались в ее волосах, низкое рычание вырвалось из глубин его горла. Найдя его бедра, она слегка прошла по ним ногтями, доводя его до иступления, заставляя сходить с ума от любви к ней и животной страсти.

Михаил поднял ее и прижал к себе. Его руки обхватили ее крепкие ягодицы и стали ласкать их.

— Я объявляю тебя своей Спутницей жизни.

Шепотом сказал он слова — заклинание древней черной магии. Его рука двинулась вверх по ее спине, перешла на полную грудь и спустилась вниз по атласной коже, к завиткам полуночно-черного цвета на ее лобке.

Рейвен вскрикнула, когда его пальцы дотронулись до нее под бурлящей водой и начали медленное мучительное исследование. Ее рот у его груди приоткрылся, дыхание стало прерывистым. Страстное желание становилось все сильнее, огонь разгорался — что-то дикое и неконтролируемое рвалось на свободу. Она слышала, как в унисон бились их сердца, текла его кровь, ее кровь. Чувствовала, как ее тело запульсировало жизнью, потребностью, голодом, и он был таким сильным, что ей был нужен он весь, чтобы заполнить ее, сделать целостной. Она нуждалась в нем не только в своем сознании, она испытывала ненасытный физический голод, ей нужна была страсть, которую он к ней испытывал. Она нуждалась в его теле, в том, чтобы он овладел ею, взял ее дико и необузданно. И она нуждалась в его... крови.

Его рука легла на ее затылок, подталкивая к краю воды.

— Я принадлежу тебе, я предлагаю тебе свою жизнь. Возьми то, в чем ты нуждаешься, то, что ты хочешь.

Он прошептал слова, открывая перед ней неведомую дверь. Его пальцы двигались все настойчивее, он прижимал ее к земле своим телом, оставаясь наполовину в воде.

Под собой Рейвен чувствовала мягкую почву, а сверху — его тяжелое тело. Какая-то беспощадность сквозила в его темных чертах. Когда она коснулась его сознания, то нашла там дикость, примитивное возбуждение, животное стремление мужчины-карпатца овладеть своей Спутницей жизни. Но там была и любовь непостижимой силы. И нежность. И мужское благоговение перед единственной в мире женщиной.

Михаил раздвинул ее бедра, глядя прямо в глубину ее глаз. Она была горячей, пульсирующей от желания, приглашающей в свое тело. Он вошел в нее одним мощным ударом, глубоко погрузившись. Ее женский запах смешался с его мужским. Его язык и зубы скользили по ее горлу и, спустившись вниз, стали ласкать ее ноющую грудь. Руки не пропустили ни единого

дьюма ее тела, возбуждая, исследуя, заявляя свои права. Он был груб, его зубы покусывали ее нежную кожу, но язык облегчал боль. Ему казалось мало просто быть рядом. Ее тугие ножны обхватили его, подпитывая его дикость.

Его тело двигалось в ней. Медленно, глубоко, заполняя каждую ее частичку, увеличивая трение и замедляя ритм. Она всхлипнула, ее тело требовало облегчения, бархатные мышцы горячо сжали его.

Рейвен лихорадочно двигалась ему навстречу, заставляя его прижиматься к ней все сильнее, глубже, быстрее. Ее кровь превратилась в расплавленную лаву. Ей был нужен он. Весь. Она жаждала еще более глубокого соединения, жаждала ощутить его рот, питающийся от нее, обжигающий ее, ставящий на ней свою метку, соединяя их навеки.

— Михаил, — взмолилась она.

Он поднял голову, голод горел в его темных глазах.

— Я принадлежу тебе, Рейвен. Возьми от меня то, в чем ты нуждаешься, точно так же, как я возьму это от тебя.

Он прижал ее голову к груди, и все внутри его сжалось, когда ее язык прошелся по его мышцам. И именно в этот момент, когда его сердце едва не остановилось, он почувствовал осторожное давление ее острых зубов. Это была раскаленная добела боль, синяя молния эротического удовольствия. Возбуждение стало невыносимым, когда ее зубы глубоко вошли в его тело.

В экстазе Михаил запрокинул голову и издал стон наслаждения. Его тело пригвоздило ее к земле, мощно погружаясь в нее, пока она не изогнулась ему навстречу, обхватывая и крепко сжимая, вновь и вновь достигая оргазма. Михаил все еще сдерживался. Ритуал должен быть закончен, а обмен сделан добровольно. Сжав в руке ее волосы, он повторил слова, которые должны были связать их воедино.

— Я даю тебе свою защиту, свою верность, свое сердце, свою душу и тело. Я обещаю беречь то, что тебе принадлежит. Твоя жизнь, твое счастье и благополучие будут превыше моих. Ты моя Спутница жизни, связанная со мной навечно и всегда под моей защитой.

Он потянул ее за волосы, заставляя поднять голову и наблюдая из-под полуприкрытых век голодными и настороженными глазами, как она закрывает ранки от укусов своим языком, посылая огонь танцевать по его разгоряченной коже. И он поцеловал ее. Его губы двинулись по ее горлу, остановились на бешено бьющемся пульсе. Его руки сжали ее бедра. Он все еще был в ее разгоряченных глубинах. Он ждал.

Она повернула голову, предлагая свое горло.

— Возьми свое, Михаил. Возьми то, в чем ты нуждаешься.

Она пробормотала слова, затаив дыхание в ожидании. Она дрожала от присущего карпатцам эротического голода.

И как только его бедра мощно подались вперед, его зубы глубоко погрузились в нее. Она вскрикнула, обвив его руками, выгибаясь ему навстречу, когда он утолял свою жажду, когда его тело дико входило в нее, ставя свое клеймо, заявляя на нее свои права и унося за пределы земли. Ее тело сжало его крепко, настойчиво. Михаил перестал владеть собой и взял ее так,

как хотел, двигаясь до тех пор, пока она не стала дикой и требовательной, пока ее всхлипы и сладкий пряный вкус ее крови не довели его до последней черты. Он излился в нее, впервые в жизни ощутив пресыщение, полное удовлетворение. Они лежали соединенные, их сердца бились в унисон, а легкие работали так, словно принадлежали одному человеку; отголоски экстаза сотрясали их тела. Михаил перевернулся так, чтобы она оказалась сверху. Ее груди, мягкие и теплые, были покрыты спутанными волосами. Ее голова покоилась на его груди.

Михаил ласкал ее волосы, окружая любовью. Он чувствовал, как недолговечен этот миг, и не доверял словам. Его сознание было раем любви, и он охотно разделял его с ней.

Испытанное наслаждение заставило их надолго забыть о реальности. Рейвен упивалась реакцией своего тела. Каждая ее клеточка была полна жизни и кричала от удовольствия. Казалось невозможным, что она могла испытать такой экстаз.

Она медленно пошевелила рукой, отодвигая волосы в сторону. И тут же ее мышцы сжались вокруг него. Вокруг Михаила. Кем же был этот человек, ворвавшийся в ее жизнь и овладевший ее телом? Рейвен подняла голову и посмотрела в его лицо, такое мужественное, такое мрачное и загадочное. Его глаза хранили столько тайн, а рот был таким чувственным, что у нее перехватывало дыхание.

— Скажи, что я сделала, Михаил.

Его глаза стали бездонными, настороженными.

— Ты отдала свою жизнь под мою защиту. И смею тебя заверить, малышка, что в моих руках ты в безопасности.

Кончиком языка она облизала губы. Сердце тревожно заколотилось от осознания того, что решение принято. Она все еще ощущала его вкус во рту, его запах на своем теле, его семя, стекающее по ее ногам, и они все еще были соединены воедино, ее тело сжалось вокруг него, опалая его огнем.

— И каков я на вкус?

Его голос был низким, притягательным. Его шепот у ее кожи был подобен прикосновению пальцев.

Она зажмурилась, как ребенок, не желающий признаваться.

— Михаил.

Ее тело задрожало от звука его голоса и от заданного вопроса.

Он осторожно поднялся, вставая, покачивая ее в объятиях и скользя назад в пенящееся озеро.

— Скажи мне, Рейвен.

Он целовал ее горло, и каждый поцелуй был как вино.

Ее руки обвили его шею, а пальцы зарылись в копну его волос.

— У тебя вкус, как у леса, дикий и естественный, и он сводит меня с ума.

Признание вырвалось у нее из самой глубины сердца.

Пузырьки пенились и лопались на ее коже, на их самых интимных местах. Михаил откинулся, принимая на себя их вес и усаживая ее на коленях. Он чувствовал ее ягодицы, и сладостный огонь пронесся в его крови.

— А ты на вкус такая сладкая и горячая.

Его зубы прошлись по ее шее сзади, послав дрожь восторга вниз по спине.

Рейвен лежала в его руках, ее сознание отступило под воздействием того, что она сделала. Она никогда не пресытится Михаилом. Их страсть никогда не будет удовлетворена. Рейвен отказывалась признать то, кем она стала. Она не представляла, что он имел в виду под словом «питаться». Все, что она знала, она знала от Михаила. А как же секс, он тоже необходим? Он сказал «нет», но она не могла представить, как можно взять у кого-то кровь. Рейвен крепко зажмурилась. Она не сможет сделать это с кем-нибудь еще. Она не сможет взять кровь у человека.

Михаил прижал к себе ее голову, его пальцы успокаивающе погладили ее по волосам. Он что-то тихо пробормотал, его голос стал низким и притягательным. Ей нужно было время, чтобы приспособиться к своей карпатской крови, к силе своих эмоций и самым насущным потребностям. Она охотно приняла участие в связывающем ритуале. Она произвела обмен кровью без его молчаливого давления. Они были безвозвратно связаны, и у нее не было причин испытывать никчемные человеческие угрызения совести и бояться будущего. Требовалось время, чтобы сознание могло постепенно принять эту новую реальность.

Михаил был предельно откровенен с собой. После ожидания этой женщины длиной в несколько человеческих жизней он не хотел делить ее с кем-то еще. Он никогда не думал о питании как об интимном процессе — это была простая необходимость. Но сама мысль о Рейвен, прикипающей к шее другого мужчины, принимающей его жизненную силу в свое тело, была для него отвратительна. Всякий раз, давая ей кровь, он чувствовал и животный восторг, и всепоглощающую потребность защищать ее, заботиться о ней. Он не представлял, что другие карпатцы чувствуют к своим Спутницам жизни, но знал, что любой мужчина рядом с Рейвен будет в опасности. Хотя человеческое сознание не позволяло ей принять их способ охоты на людей.

Рейвен пошевелилась в его руках, томно потянувшись.

— Я думала о чем-то грустном, но ты забрал эти мысли.

В ее голосе слышался намек на улыбку.

Он позволил ей высвободиться, наблюдая, как она погружается в пенящуюся воду и выныривает в нескольких футах от него. Ее огромные глаза смеялись.

— Знаешь, Михаил, я начинаю думать, что мое первое впечатление о тебе было самое верное. Ты высокомерный и властный.

Он поплыл к ней не торопясь.

— Но я тебе нравлюсь.

Она отодвинулась подальше и ударила по воде ладонью, осыпая его брызгами.

— Держись от меня подальше. Всякий раз, когда ты приближаешься, я начинаю вести себя как

сумасшедшая.

— Сейчас самое подходящее время, чтобы преподать тебе урок за то, что ты поставила свою жизнь под угрозу. Ты ни в коем случае не должна была следовать за ассасинами из гостиницы. Ты знала, что я не смог бы услышать тебя, если бы ты позвала на помощь.

Он продолжал плыть к ней, словно акула, преследующая жертву.

Рейвен предпочла отступить и, выбравшись из озера, нырнула в следующее, побольше. Вода в нем оказалась холодной для ее разгоряченной кожи. Она погрозила ему пальцем, улыбаясь.

— Я говорила тебе, что попытаюсь помочь. Но если ты будешь читать мне нотации, у меня не останется выбора, кроме как напомнить тебе: ты связал нас без моего согласия. Скажи, если бы я не последовала за ассасинами и Джейкоб не набросился на меня с ножом, я бы осталась человеком?

Михаил выбрался из озера, вода стекала по его телу, отчего у Рейвен перехватило дыхание. Он выглядел таким мужественным и сильным. Одним прыжком он поднялся в воздух и нырнул в глубокое озеро. Ее сердце бешено забилося, а кровь запела для него. Он вынырнул сзади, и его руки обхватили ее за талию, притягивая ближе, его сильные ноги поддерживали их на плаву.

— Ты бы все еще оставалась человеком, — подтвердил он, его голос околдовывал, как черная магия, и внутри ее тела возник жар, несмотря на холодную воду.

— Если бы я была человеком, как бы ты стал моим Спутником жизни?

Она прижалась к нему ягодицами, наслаждаясь его внезапным возбуждением, и откинула голову ему на плечо.

— Я бы предпочел состариться вместе с тобой и умереть в один день.

Его ответ прозвучал хрипло, одной рукой он обхватил ее упругую грудь. Ее волосы обрушились на него, словно шелк.

Рейвен неожиданно подняла голову и развернулась, чтобы взглянуть ему в лицо.

— Что ты имеешь в виду, Михаил? Ты бы предпочел остаться со мной, а я бы старела?

Он кивнул, глядя ее по щеке.

— Я бы состарился рядом с тобой. Когда бы твое дыхание остановилось, то же самое произошло бы со мной.

Она покачала головой.

— Как я могу сопротивляться, Михаил, когда ты похитил мое сердце?

От его усмешки у нее что-то перевернулось внутри.

— Ты даже не думала сопротивляться мне, малышка. Я твоя вторая половинка.

Он обнял ее за шею, вынуждая наклониться ближе, пока его рот не нашел ее губы и они одновременно не погрузились в прохладную воду природной ванны.

Прошла уже половина ночи, когда Михаил принес ее обратно в дом, где Рейвен поспешно завернулась в одну из его рубашек.

— Ты понимаешь, что здесь у меня нет ни единой вещи?

Она не могла спокойно смотреть ему в глаза, краснея каждый раз, когда его темный пристальный взгляд скользил по ее телу. Она все еще чувствовала, как его тело прижимается к ней.

— Мне надо вернуться в гостиницу. Там все мои вещи.

Он поднял бровь. Сейчас не время говорить, что вещи ей больше не нужны. Может быть, ей так будет легче. Он лениво протянул руку к собственной одежде.

— Я уверен, миссис Галвенстейн доставит нам твои вещи. Я позвоню и договорюсь, чтобы это было сделано немедленно. Я должен уйти ненадолго, Рейвен. Осталось еще несколько дел. Здесь ты будешь в безопасности.

Она с вызовом вздернула подбородок.

— Я быстро оденусь и пойду с тобой. Мне совсем не хочется провести еще один день вроде того, когда я не могла до тебя дотянуться. Это был ад. Настоящий ад, Михаил.

Он смотрел на нее с нежностью.

— Я не хотел этого. Грегори отправил меня в исцеляющий сон, малышка, и я не мог ответить на твой зов. Этого не должно было произойти. Я послал к тебе отца Хаммера, чтобы он побыл с тобой, пока я сплю, а если понадобится, надеялся проснуться, чтобы ободрить тебя.

— Но все произошло не так.

Он покачал головой.

— Увы, Рейвен. Это ведь Грегори отправил меня в исцеляющий сон. Никто не может проснуться, пока Грегори не решит, что пора. Он не знал о тебе, о том, что я тебе нужен. Это была моя ошибка, а не его, и мне очень жаль.

— Я знаю, — призналась она. — Но теперь-то ты понимаешь, почему я не могу находиться вдали от тебя. Я боюсь, Михаил, боюсь всего — себя, тебя, того, что я делала здесь.

— Не в этот раз, малышка, — нежно проговорил он, жалея, что нельзя поступить иначе. — Надо разыскать остальных ассасинов. Я не могу подвергать тебя опасности. Ты останешься здесь. Я не сплю и смогу прикоснуться своим сознанием к твоему, и то же самое легко сможешь сделать ты, если понадобится. Нет причин бояться.

— Нет, — возразила она.

Он развернулся к ней с каменным лицом. Рейвен невольно отступила назад, ее синие глаза потемнели, превращаясь в сапфиры. Михаил поднес ее руку к губам.

— Не смотри на меня так. У меня едва не отняли тебя. Ты хотя бы представляешь, каково мне было проснуться от твоего крика? Ощущать твой страх, знать, что тебе наносят удары? Ощущать, как лезвие снова и снова входит в твое тело? Ты почти умерла на моих руках! Я дышал за тебя, поддерживал твое сердцебиение. Принимая решение, я знал, что ты, может

быть, никогда не простишь мне этого. Я не мог рисковать твоей жизнью. Ты можешь понять это?

Она почувствовала, как тело его задрожало. Он прижал ее к себе.

— Пожалуйста, Рейвен, позволь мне защитить тебя.

Его пальцы зарылись в густую массу ее иссиня-черных волос. Михаил притянул ее хрупкое тело к своему, прижимая так, словно хотел укрыть от всех бед. Рейвен обвила его руками.

— Все в порядке, Михаил. Со мной ничего не случится.

Она уткнулась носом в его шею, стараясь убедить, отодвинуть страх — и его, и свой собственный.

— Мне кажется, нам обоим надо немного измениться, — добавила она.

Он нежно поцеловал ее.

— Тебе надо успокоиться. Шести дней сна и исцеления недостаточно.

— Шесть дней? Не может быть. Ты когда-нибудь сдавал свою кровь на анализ?

Михаил неохотно отпустил ее.

— Никто из нас не может приближаться к человеческим медицинским учреждениям. Мы сами заботимся о себе.

Рейвен взяла расческу и стала медленно расчесывать влажную гриву своих волос.

— Кем была та женщина, что оказалась в ловушке под землей?

Его лицо стало бесстрастным, нежность исчезла без следа, словно ее и не было.

— Ее имя Элеонор. Она родила мальчика, — сказал он без эмоций.

Она села на кровать, скрестив ноги и склонив голову набок, и продолжала расчесывать волосы.

— Она тебе не нравится?

— Она подставила тебя. Она позволила той дьявольской женщине услышать себя, и из-за этого я чуть тебя не потерял.

Он застегивал рубашку, и его длинные тонкие пальцы притягивали ее взгляд.

— Ты была под моей защитой. Что означает, Рейвен, что все карпатцы обязаны ставить твою безопасность превыше своей.

Она прикусила нижнюю губу. Она чувствовала, что под бесстрастным выражением лица он скрывает непреходящую ярость, направленную на эту женщину.

Она тщательно подбирала слова.

— Ты когда-нибудь видел, как женщина рождает, Михаил? Это больно и страшно. Роженице нужно знать, что она в безопасности. А эта женщина боялась за жизнь своего нерожденного

ребенка. Пожалуйста, не суди ее строго. В подобных обстоятельствах я бы билась в истерике.

Он погладил ее по щеке.

— Сколько в тебе сострадания. Из-за Элеонор ты едва не погибла.

— Нет, Михаил. Это Джейкоб чуть не убил меня. Элеонор сделала все, что могла. Не стоит никого обвинять.

Он отвернулся.

— Я знаю, лучше, если ты будешь рядом. Я не должен был искать убежища в исцеляющей земле. Это слишком отдалило меня от тебя. А Грегори думает только о моей защите.

В зеркале Рейвен увидела, какая боль проступила на его лице.

— В ту минуту, малышка, когда я проснулся от твоего крика, я был все еще в земле и бессилен тебе помочь. Только моя ярость усиливала бурю. По мере того как я прокладывал путь на поверхность, я чувствовал каждый удар ножа и понимал, что подвел тебя. В тот момент, Рейвен, я столкнулся лицом к лицу с чем-то таким безжалостным, свирепым и уродливым внутри себя. Если бы он тебя убил, никто бы не избежал моей мести. Никто.

Он сделал это признание напряженным голосом, вытянувшись как струна.

— Ни карпатцы, ни люди. Я только молюсь, что если когда-нибудь со мной случится нечто подобное, Грегори успеет убить меня.

Рейвен встала перед ним и взяла его лицо в ладони.

— Иногда в горе проявляются качества, которые лучше никому не показывать. Никто не безупречен. Ни я, ни Элеонор, ни даже ты.

Слабая ироничная улыбка тронула его губы.

— Я прожил века, пережил нападения вампиров, войны и предательства. И пока ты не вошла в мою жизнь, я никогда не терял самообладания. Я никогда не имел ничего, чего бы желал так сильно, ничего, что боялся потерять.

Она притянула его голову, целуя в горло, в уголки рта.

— Ты хороший человек, Михаил, — улыбнулась она проказливо, — у тебя просто слишком много власти. Но не волнуйся, я знаю одну американскую девчонку, которая собьет с тебя спесь.

Он засмеялся и расслабился. Подхватил ее на руки и закружил. И, как всегда, сердце у него подпрыгнуло.

Прижимаясь ртом к ее губам, он пересек комнату и опустил Рейвен на кровать.

Она, смеясь, дразнила его.

— Мы не можем заняться этим снова.

Но его тело опустилось на нее, коленом он легко раздвинул ее бедра и прижался к ней.

— Думаю, тебе лучше остаться обнаженной и подождать меня, — прорычал он между ласками.

Она заманчиво приподняла бедра.

— Не уверена, что мы знаем, как это делать в постели.

Эти слова растворились во вздохе наслаждения, поскольку он соединил их тела.

И вновь его рот нашел ее губы, смех смешался со сладким вкусом страсти. Его руки ласкали ее грудь. Столько радости было в ее сердце и сознании. Вся его оставшаяся жизнь будет заполнена ее смехом. Он захохотал от счастья.

Глава 11

Михаил отсутствовал в течение долгих двух часов. За это время Рейвен прошла по дому, осмотрела комнаты. Она любила одиночество и была рада побыть одна и во всем разобраться. Но как бы она ни старалась, так и не смогла понять, кем все-таки стала. Только Михаил помогал ей не терять рассудок. Он постоянно присутствовал в ее сознании, занимал ее мысли, избавлял от всего лишнего, и теперь только он там и был. Его кровь текла в ее венах, его запах она ощущала на своей коже, его метки остались на горле и на груди. Ощущение того, что он обладал ею, присутствовало в каждом ее шаге, в каждом движении ее тела. Рейвен плотнее завернулась в его рубашку. Она знала, что он жив и здоров, поскольку он часто дотрагивался до ее сознания. Она обнаружила, как радостно ей его легкое прикосновение, как страстно она желает его, как разделяет его потребность слиться с ней.

Вздыхнув, Рейвен завернулась в длинный теплый плащ с капюшоном. Стены дома вдруг стали давить на нее, словно тюрьма. Ей захотелось выйти на длинную крытую веранду, а ночь, казалось, звала ее по имени. Рейвен взялась за дверную ручку и повернула ее. И сразу ночной воздух обдал ее прохладой и ароматами. Она вышла на веранду, прислонилась к колонне, сделала глубокий вдох. И сразу почувствовала притяжение, зов. Не раздумывая, спустилась по ступенькам и пошла по тропинке.

Ночь шептала и пела, маня ее все дальше в лес. В небе прошелестела сова, из укрытия робко вышли три лани и опустили свои бархатные морды в холодную реку. Рейвен ощутила их радость жизни, их принятие ежедневной борьбы не на жизнь, а на смерть. Она слышала, как в деревьях, словно отливы и приливы, гудит сок. Ее обнаженные ступни, казалось, сами находили мягкую землю, избегая колких веточек и острых камней. Стремительное движение воды, звук ветра — само биение земли взывало к ней.

Завороженная, Рейвен брела без цели, кутаясь в длинный черный плащ Михаила, ее волосы спадали по спине до самых бедер каскадом иссиня-черного шелка. Она казалась неземным существом, в лунном свете ее бледная кожа была почти прозрачной, а большие синие глаза — фиолетовыми. Изредка из-под полы плаща виднелись стройные ноги.

Что-то прокатилось по ее сознанию, встревожив безмятежную красоту ночи. Печаль. Слезы. Рейвен замерла, стараясь понять, где находится, так как до этого шла наугад, словно в прекрасном сне. Она повернулась туда, откуда доносились сильные эмоции, и ноги сами понесли ее. Разум автоматически обрабатывал информацию.

Мужчина. Около двадцати. Неподдельное горе. Гнев на отца, смущение и чувство вины за то, что он приехал слишком поздно. Что-то глубоко в Рейвен откликнулось на все это. Юноша сидел, съежившись, у старого дерева, на самом краю леса. Он подтянул колени и закрыл лицо.

Приблизившись, Рейвен тихо дала знать о своем присутствии. Парень поднял залитое слезами лицо, и его глаза расширились, когда он ее увидел. Он попытался было вскочить на ноги, но Рейвен остановила его.

— Пожалуйста, не вставайте, — тихо сказала она, и ее голос был тихим, как сама ночь. — Я не хотела вас беспокоить. Просто не могла уснуть, вот и вышла пройтись. Хотите, я уйду?

Руди Романов с благоговением смотрел на видение, которое вышло из тумана. Она была не похожа ни на кого, покрытая тайной, как и темный лес вокруг. Слова застряли у него в горле. Неужели причиной ее появления стало его горе? Он едва не поверил в суеверные истории, которые рассказывал ему отец. Истории о вампирах и женщинах из темноты, заманивающих мужчин в смертельную ловушку.

Парень смотрел на нее, словно она была привидением.

— Мне так жаль, — пробормотала она и повернулась, чтобы удалиться.

— Нет! Не уходите. — Он говорил по-английски с сильным акцентом. — Выйдите из тумана на минуту, а то я не могу поверить, что вы есть на самом деле.

Рейвен помнила, что под плащом на ней почти ничего нет, поэтому запахлась поплотнее.

— С вами все в порядке? Может быть, нужно позвать кого-нибудь? Священника? Или вашу семью?

— Никого нет, больше никого нет. Меня зовут Руди Романов. И вы, должно быть, уже слышали о моих родителях.

Ужасное видение встало перед ней. Она увидела волков, выскочивших из леса, их красные глаза зловеще мерцали; огромного черного волка, возглавившего стаю и набросившегося на Ганса Романова. А в сознании молодого человека она увидела его мать, Хейди, лежавшую на кровати, а пальцы ее мужа сжимались у нее на горле. Какое-то время она не могла дышать. Что пришлось пережить этому парню! Всего за час потерять обоих родителей. Отец-фанатик убил его мать.

— Я была больна и сейчас первый раз вышла на улицу.

Она подошла ближе, под раскидистые ветки деревьев, не чувствуя себя вправе сказать ему правду: что она участница этой вселяющей ужас истории.

Руди она казалась прекрасным ангелом, посланным ему в утешение. Он потянулся, чтобы дотронуться до нее и убедиться, что это не призрак стоит перед ним в лунном свете. Голос у нее был такой нежный и ласковый, проникающий прямо в душу, чтобы утешить.

— Пару ночей назад мой отец убил мою мать. Если бы я только вернулся домой пораньше... Она звонила мне, несла какой-то вздор про то, что он участвовал в убийстве женщины. У него была мания насчет вампиров, которые охотятся на людей в деревне. Отец всегда был суеверным, по я не думал, что он сойдет с ума. Мама рассказывала, что он и другие фанатики охотятся на вампиров и помечают известных людей как своих будущих жертв. Я думал, это только слова. — Он посмотрел на свои руки, — я должен был выслушать ее, но она сказала, что, кажется, никто не знает об убийстве. И я подумал, что он солгал, но все оказалось правдой. Черт, как бы мне хотелось, чтобы это было не так, но он точно был сумасшедшим. Он задушил мать, и она умерла, сжимая четки.

Руди вытер глаза дрожащими пальцами. Каким-то образом — он не знал как — таинственная леди оказалась в его сознании, даря ему тепло и понимание. Эта иллюзия была настолько реальной, что у него появилось желание жить, он остро осознал, что они здесь совсем одни. Он вдруг подумал, что никто не знает о том, что она здесь. Эта мысль отвлекла его от горя.

— Я остался в университете еще на один день, чтобы сдать тест, мне казалось это важным. Я и правда не поверил, что мой отец может кого-то убить, тем более женщину. Моя мать была повитухой. Она приняла так много детей, помогла стольким женщинам. Я говорил ей, что вот вот вернусь домой и обо всем позабочусь. Она хотела пойти к священнику, но я отговорил ее.

— Жаль, что я не знала ее, — искренне сказала Рейвен.

— Она бы вам понравилась, все любили ее. Она, должно быть, пыталась остановить отца. В ту ночь, когда была буря, он вышел из дома с несколькими приезжими. Это было как раз тогда, когда он убил мать, он это сделал перед уходом. Наверное, он хотел быть уверенным, что она никому ничего не скажет и не попытается его остановить. Его нашли под деревом, в которое ударила молния. Он и все остальные так обгорели, что их нельзя было опознать.

— Как это ужасно.

Рейвен отбросила волосы с лица. Невинным и в то же время чувственным жестом.

Туман стелился через лес к дому у скалы. Он просочился через железные ворота и заполнил внутренний двор. Через мгновение он собрался в высокий плотный столб, замерцал — и Михаил возник перед дверью. Подняв руку и тихо отдав приказ, он снял защиту и вошел. И сразу понял, что она ушла.

Глаза его потемнели, белые зубы обнажились в оскале. Раздалось низкое подавленное рычание. Первой мыслью его было, что кто-то похитил ее, что она в опасности. Он послал молчаливый призыв страже, волкам, приказывая им отыскать ее. Сделав глубокий вдох, он успокоил дыхание и велел своему сознанию найти ее. Выследить Рейвен оказалось не так уж трудно. Но она была не одна. С человеком. Мужчиной.

У него перехватило дыхание. Сердце почти перестало биться. Руки сжались в кулаки, и лампа, стоявшая неподалеку, взорвалась, разлетевшись на куски. Снаружи поднялся ветер и закружился среди деревьев, словно торнадо. Михаил вышел из дома, поднялся в воздух, расправляя гигантские крылья, и с шумом помчался по небу. Далеко внизу взвыли волки, перекликаясь, и побежали тесной стаей.

Михаил молча скользнул на толстые ветви над головой Рейвен. Она как раз отодвигала с лица волосы в своей притягивающей женственной манере. Он почувствовал ее сочувствие, ее желание успокоить. И ощутил, как она замерзла и устала. Человек — в этом не было сомнений — был убит горем. Но Михаил чувствовал его восторг, биение его сердца, движение его крови. Он легко читал его мысли, и они были отнюдь не невинны.

Взбешенный, больше от страха за нее, Михаил поднялся в воздух, а затем опустился на землю на расстоянии ярда, невидимый для них. И направился в их сторону — высокая властная фигура появилась в ночи из-за деревьев. Он навис над ними, грозный и внушительный, его лицо было сурово и беспощадно. Черные глаза светились смертельной угрозой. Отраженный лунный свет придавал его пристальному немигающему взгляду красное мерцание, он выглядел диким зверем.

Руди испуганно вскочил на ноги с мыслью о том, как ему защитить загадочную леди. Но хотя

Михаил был на несколько футов дальше от Рейвен, чем Руди, он дотянулся до нее первым. Схватив Рейвен за хрупкое запястье, Михаил прижал ее спиной к своей груди.

— Добрый вечер, мистер Романов, — вежливо сказал Михаил, его голос был низким и шелковистым, но и Руди, и Рейвен задрожали, — Может быть, вы будете так любезны и скажете, что вы здесь делаете посреди ночи наедине с моей женщиной.

Как только он произнес последнее слово, где-то поблизости зловеще завыл волк, и его протяжный вой предупреждением отозвался в ночном воздухе.

Рейвен пошевелилась, но хватка Михаила грозила сломать ей кости.

Помолчи, малышка. Если хочешь, чтобы этот человек увидел рассвет, тебе лучше повиноваться. Он сын Ганса Романова. У него на уме то, что давным-давно вложил в него отец.

Она заметно побледнела.

Михаил, его родители...

Я на волосок от потери самообладания. Не испытывай мое терпение!

— Мистер Дубрински!

Теперь-то Руди узнал его, влиятельную персону в его родной деревне, безжалостного врага и ценного друга. Голос Михаила казался спокойным, даже безмятежным, и, тем не менее, он выглядел способным на убийство.

— Это получилось случайно. Я пришел сюда, потому что...

Он умолк. Он мог поклясться, что за деревьями мелькнули волки и их глаза горели тем же огнем, что и у того, кто стоял перед ним. Один взгляд на его безжалостное лицо, и Руди растерял всю свою храбрость.

— Я оплакивал свою потерю, когда она шла мимо и услышала меня.

Волки молчаливой тенью подобрались поближе. Михаил ощущал их рвение, их жажду крови. Это подействовало на него заразительно и смешалось с черной ревностью. Стая шептала и взывала к нему как к брату. Чудовище в нем подняло голову, требуя освобождения. Человек говорил о своей невинности, но как легко можно было прочесть желание в его теле, почувствовать запах возбуждения. Михаилу ничего не стоило увидеть в сыне следы той же мании, которой был предан его отец.

Михаил смерил фигурку Рейвен пристальным взглядом, и у него дрогнуло сердце и прервалось дыхание. Он никогда не смотрел вглубь человека, не приучал себя делать это. Глубоко внутри ее Михаил прочитал сострадание, печаль, утомление и что-то еще. Он ранил ее. Это было в глубинах ее огромных глаз. Был там и неподдельный страх. Она знала, что волки неподалеку, она слышала их голоса, требующие, чтобы он защитил ее. Для нее это был настоящий удар — понимание, насколько он восприимчивее к их примитивной логике, насколько больше в нем животного начала. Он притянул ее к своему плечу и послал молчаливую команду волкам, чувствуя их сопротивление, их нежелание повиноваться. Они чувствовали его антипатию к человеку, его собственную жажду крови, его потребность стереть с лица земли врага, который может представлять угрозу для его пары.

— Я слышал о вашей потере, — выдавил Михаил, и его рука обвила талию Рейвен. — Ваша мать была замечательная женщина. Ее смерть — ужасная потеря для всех нас. С вашим отцом мы расходились во взглядах, но я никому не пожелал бы такой смерти.

Рейвен дрожала от холода и от осознания того, что Михаил мог испытывать такую злобу по отношению к кому-то. Хотя она и была светом в его темноте, но оказалась неспособна понять, что он прежде всего хищник. Он гладил ее вверх и вниз по руке, стараясь успокоить. И еще раз повторил свой приказ волкам.

— Вам лучше вернуться домой, мистер Романов. Вам нужно как следует выспаться, тем более в этих лесах небезопасно. Звери все еще беснуются после бури.

— Спасибо вам за вашу доброту, — сказал Руди, обращаясь к Рейвен и неохотно оставляя ее с человеком, который, казалось, был способен на жестокость.

Михаил наблюдал, как парень удаляется в направлении деревни, куда вела тропинка через просеку.

— Ты замерзла, малышка, — нежно сказал он.

Рейвен сморгнула слезы, заставляя дрожащие ноги делать шаг за шагом. Она не могла поднять на него глаза, не осмеливалась. Она просто наслаждалась красотой ночи. А потом услышала Романова. Самой природой в ней было заложено стремление помочь, если это было в ее силах. Но на этот раз она вызвала что-то темное и смертельное в Михаиле, что-то, что сильно ее встревожило.

Михаил шагал рядом, изучая ее повернутое в сторону лицо.

— Ты идешь не в том направлении, Рейвен.

Он положил руку ей на спину и направил в нужную сторону.

Рейвен напряглась и увернулась от его прикосновения.

— Может быть, я не хочу возвращаться назад, Михаил. Может быть, я и правда не знаю, кто ты.

В ее голосе было больше боли, чем гнева. Михаил тяжело вздохнул и потянулся к ней, его хватка была железной.

— Мы поговорим об этом дома, в тепле, а не здесь, не то ты превратишься в ледышку.

И, не дожидаясь согласия, он с легкостью поднял ее на руки и понесся через лес. Рейвен вцепилась в него, уткнувшись лицом в плечо, она дрожала больше от холода, чем от страха перед ним, перед своим будущим, перед тем, кем она стала.

Михаил принес Рейвен в спальню, одним взмахом руки зажег огонь и положил ее на кровать.

— Ты бы могла, по крайней мере, надеть хотя бы старые ботинки.

Рейвен запахнула плащ, глядя на него из-под длинных ресниц.

— Зачем? И я не спрашиваю о туфлях.

Он зажег свечи и смешал травы, чтобы заполнить воздух спальни успокаивающими,

исцеляющими ароматами.

— Я мужчина-карпатец. В моих венах течет кровь земли, и я целые века ждал свою Спутницу жизни. Мужчинам-карпатцам не нравится видеть рядом со своими женщинами посторонних мужчин, поэтому я не мог справиться со своими эмоциями, Рейвен. А ими не так-то легко управлять. Твое же поведение совсем не похоже на то, как должна себя вести карпатская женщина. — Он улыбнулся и прислонился к стене. — Я не ожидал, что вернусь домой и обнаружу, что тебя нет. Ты подвергла себя опасности, Рейвен, а мужчины нашей расы не могут это допустить. И я нашел тебя рядом с человеком. С мужчиной.

— Он страдал, — тихо сказала она.

Михаил что-то раздраженно проворчал и добавил:

— Он хотел тебя.

Ее ресницы затрепетали, взгляд был испуганный и неуверенный.

— Но... нет, Михаил, ты ошибаешься, точно ошибаешься. Я только старалась утешить его. Он потерял обоих родителей.

Она чуть не плакала.

Он поднял руку, призывая ее замолчать.

— И ты хотела остаться с ним. Я имею в виду вождение, я говорю о человеческих отношениях, и не вздумай отрицать это. Я чувствовал это.

Она нервно облизала губы. Она и не думала это отрицать. Она поступила так не раздумывая, подсознательно, но теперь, когда он сказал об этом, Рейвен поняла, что он прав. Она испытывала потребность в человеческом общении, поскольку его мира она не знала. Рейвен было неприятно, что она его ранила, она ненавидела себя за то, что из-за нее он едва не перестал владеть собой.

— Мне очень жаль. Я только хотела выйти на воздух. А когда услышала его, решила убедиться, что он справится со своим горем. Я не знала, Михаил, что мне просто хочется поговорить с человеком.

— Я не обвиняю тебя, малышка...

Его голос был таким нежным, что у нее сжалось сердце.

— Я легко смог прочитать твои воспоминания. Я знаю о твоих намерениях. И я бы никогда не стал обвинять тебя за то, что тебе свойственно сострадание.

— Мне кажется, мы оба испытываем трудности, — тихо сказала она, — я не могу стать такой, какой ты хочешь, Михаил. Ты говоришь «человек», словно произносишь проклятие, как будто имеешь в виду нечто гораздо менее значимое, чем ты сам. Тебе когда-нибудь приходило в голову, что ты с предубеждением относишься к людям? Может быть, в моих венах и течет карпатская кровь, но в сердце и в душе я человек. Я не собиралась предавать тебя. Я просто хотела прогуляться. Вот и все. Мне жаль, Михаил, но я всегда была свободной. Изменить кровь — не значит изменить меня.

Он стал стремительно перемещаться по комнате.

— У меня нет предубеждения, — начал он отрицать то, в чем она его обвиняла.

— Конечно есть. Ты смотришь на мою расу с некоторой долей презрения. Был бы ты доволен, если бы я питалась кровью Романова? Это нормально? Использовать его в пищу, вместо того чтобы обменяться несколькими дружескими фразами?

— Мне не нравится, как ты меня изобразила, Рейвен.

Михаил пересек комнату, протянув руку за плащом. В спальне было тепло, пахло деревом и травами.

Рейвен неохотно сбросила плащ. Михаил нахмурился, когда увидел, что на ней только его рубашка. И хотя она была ей до колен и прикрывала ягодицы, ноги оставались открытыми. Картина была эффектная, особенно вкупе с копной распущенных волос, которые волнами обрамляли ее фигуру. Михаил негромко выругался на родном языке, благодаря Бога, что не понял раньше, что под плащом на ней ничего нет, кроме его рубашки. Наверное, он бы вырвал Романову горло. Мысль о Рейвен, которая приближается к молодому парню, улыбается ему, гипнотизирует своим завораживающим взглядом, склоняется к его горлу, дотрагивается до него ртом, языком, зубами... У него внутри все сжалось от отвращения.

Он провел рукой по волосам, убрал плащ в шкаф и наполнил антикварный кувшин и миску теплой водой. Только взяв себя в руки, он смог ответить с обычной нежностью.

— Нет, малышка, я подумал и не могу сказать, что был бы доволен, если бы ты питалась от него.

— Разве не это ты мне предлагаешь делать? Разве карпатские женщины не охотятся на ничего не подозревающих мужчин?

В ее голосе чувствовались непролитые слезы.

Михаил поставил воду рядом с кроватью и встал на колени.

— Я пытаюсь разобраться в своих чувствах, Рейвен, но они в смятении.

Он начал нежно обмывать ее ступни.

— Больше всего я хочу, чтобы ты была счастлива. Но я должен защищать тебя.

Его руки были ласковые, прикосновения мягкие, когда смывал грязь с ее ног.

Рейвен наклонила голову и потерла виски.

— Я знаю, чего ты хочешь, Михаил, я даже понимаю, почему ты хочешь так поступать, но пойми, я просто хочу быть самой собой. Я всегда поступаю так, как решила. Если я решу, что хочу запустить воздушного змея, то сделаю это.

— Почему ты не осталась дома? Я прошу, дай мне совсем немного времени, чтобы я мог справиться со своим страхом за твою жизнь.

Он говорил так мягко, что на глаза ей навернулись слезы.

Кончиками пальцев она дотронулась до его волос кофейного цвета, чувствуя спазм в горле.

— Я хотела выйти на веранду подышать свежим воздухом. Я ничего не собиралась делать, это ночь зывала ко мне.

Михаил поднял на нее взгляд, темные глаза потеплели от нежности.

— Это была моя ошибка, мне надо было организовать охрану, чтобы защитить тебя.

— Михаил, я могу позаботиться о себе сама.

Ее синие глаза смотрели на него очень серьезно, убеждая в правдивости ее слов. Ему на самом деле не стоило беспокоиться.

Михаил постарался не улыбнуться. Она была слишком доброй, всегда верила в лучшее в каждом человеке. Он обхватил пальцами ее икры.

— Ты самая красивая в мире женщина, Рейвен. Неужели ты этого не знаешь?

Рейвен выглядела возмущенной.

— Естественно, знаю. И не улыбайся так, Михаил, я серьезно. Я могу быть невзрачной, если это необходимо. Но какое это имеет отношение к тому, о чем мы разговариваем?

Его рука двинулась вверх по ее грудной клетке, скользя под тонким шелком его рубашки.

— Мы разговариваем обо мне, о том, что я хочу оберегать одну персону, которая очень важна для меня и которая может видеть в любом человеке только хорошее.

— Не в любом, — стала отнекиваться она, пораженная, что он так о ней думает. — Я знала, что Маргарет Саммерс была с фанатиками.

Его рука снизу ласкала ее грудь, обхватив ее ладонью. Его глаза потемнели и стали глубокими.

— Ты защищала и ее, насколько мне помнится.

От его рассеянного исследования ее тела у нее участилось дыхание. Чувство было не только физическим. Она ощущала, как он восхищается ею, даже когда хочет заставить ее согласиться с ним. Она чувствовала его в себе — ласкающим ее сознание, ее сердце. Она ощущала его чувства к ней, которые все нарастали и нарастали, пока не поглотили его.

Михаил вздохнул.

— Я никогда ничего с тобой не добьюсь. Ты всегда найдешь способ успокоить меня. Но я вожак для своих людей, Рейвен. Я не могу поступать иначе. У меня нет выбора, кроме как приказывать. Она подняла брови.

— Приказывать? Ты думаешь, что сможешь отдавать приказы мне?

— Именно так. И только открытое обращение ко мне за помощью не позволяет мне стать посмешищем в глазах моих людей. Если, конечно, у тебя нет идеи получше.

В глубине его глаз плескался смех.

— Как я могу развестись с тобой?

— Увы, малышка, — ласково ответил он. — Я не понимаю этого слова. Пожалуйста, повтори его на моем языке.

— Ты же знаешь, что говоришь по-английски гораздо лучше, чем я на твоём языке, — напомнила она. — Как один Спутник жизни может расстаться с другим? Отделиться? Разъехаться? Больше не жить вместе?

Он откровенно веселился.

— У нас нет такого понятия, да если бы и было, Рейвен... — Он близко наклонился к ней, его дыхание касалось ее щеки. — Я никогда не позволил бы тебе уйти.

Рейвен невинно смотрела на него широко раскрытыми глазами. Его рука лежала на ее груди, большой палец ласкал сосок, отчего ей становилось трудно дышать.

— Я просто хотела тебе помочь. В наши дни у члена королевской семьи так мало прав. Тебе следует думать, что скажут остальные. И ты можешь положиться на меня, Михаил, когда до этого дойдет.

Он расхохотался.

— Кажется, я должен быть благодарен за такую невозможно умную Спутницу жизни.

Он расстегнул пуговицу на рубашке. Всего лишь одну. И расширил проем.

Рейвен задышала прерывисто. Он не делал ничего особенного, просто дотрагивался до нее, но его прикосновение было таким нежным и любящим, что она таяла.

— Я и правда хочу понять, как ты живешь, Михаил, но мне кажется, мое сердце еще не может принять это. — Она старалась говорить искренне. — Я ничего не знаю о ваших законах и традициях. Я даже не знаю хорошенько, кто ты и кто я. Я думаю о себе как о человеке. И мы даже не женаты в глазах Господа или людей.

На этот раз Михаил запрокинул голову и расхохотался громко, от души.

— Ты думаешь, бледная церемония, принятая у людей, может связать нас сильнее, чем карпатский ритуал? Тебе действительно еще многое нужно узнать о нас.

Она прикусила губу.

— А тебе не приходило в голову, что я, может быть, не чувствую себя связанной с тобой по карпатским законам? Ты так мало обращаешь внимания на то, что мне кажется важным.

— Рейвен! — Он был поражен и не стал это скрывать. — Неужели ты так думаешь? Что я не обращаю внимания на то, во что ты веришь? Но это не так.

Она склонила голову, и шелковистые волосы упали на лицо, скрывая его выражение.

— Мы так мало знаем друг о друге. Я ничего не знаю о том, кем стала. Как мы можем быть вместе, если я даже не знаю, что или кто я такая?

Он замолчал, его глаза изучали ее лицо, сожаление, сквозившее в ее глазах.

— Возможно, в твоих словах есть доля истины, малышка.

Он скользнул по ее телу и взял ее лицо в ладони.

— Я смотрю на тебя и понимаю, какое ты чудо. Твоя кожа, то, как ты двигаешься, расчесываешь волосы. Ощущение твоего тела, которое дает мне силы, чтобы продолжать дело, на первый взгляд такое безнадежное, но необходимое. Я смотрю, как ты сложена, и восхищаюсь твоей красотой: твое тело само совершенство, и оно создано для меня.

Рейвен тревожно пошевелилась, но он держал ее крепко, взяв за подбородок, и она не могла отвести глаз.

— Но не твое тело удерживает меня, Рейвен, не твоя безукоризненная кожа или то, как мы занимаемся любовью. Все дело в том, что, когда я сливаюсь с тобой, я вижу, кто ты на самом деле, и понимаю, какое ты чудо. Я могу сказать тебе, кто ты. Ты — само сочувствие. Ты — сама нежность. Ты — женщина, которая настолько храбра, что готова рисковать жизнью ради совершенно незнакомых людей. Ты — женщина, желающая использовать свой дар, который причиняет сильную боль, ради пользы других. Ты отдаешься без колебаний. В тебе столько света — он сияет в твоих глазах, так что каждый, кто тебя видит, видит и твою доброту.

Рейвен беспомощно смотрела на него, утопая в его гипнотических глазах. Михаил взял ее руку, поцеловал в ладонь и просунул ее под свою рубашку, положив туда, где билось сердце.

— Загляни внутрь меня, Рейвен. Загляни в мое сердце и душу. Слейся своим сознанием с моим, и ты увидишь меня таким, какой я есть. Узнай меня.

Михаил молча ждал. Один удар сердца. Второй. Он увидел ее внезапную решимость узнать, с чем она теперь связана, с кем заключила союз. Ее сознание робко слилось с его сознанием, ее прикосновение было легким и деликатным, точно касание крыльев бабочки. Она осторожно двигалась по его воспоминаниям, словно опасалась открыть что-то, что может причинить ему боль. Он почувствовал, как она выдохнула, увидев собирающуюся тьму, монстра, жившего в нем. Пятно на его душе. Смерти и сражения, за которые он был в ответе. Все уродство его существования до того, как она вошла в его жизнь. Одиночество, которое разъедало его и всех мужчин его расы, бесплодную пустоту, которую они терпели столетие за столетием. Она увидела его решимость никогда не терять ее. Его собственническое чувство, его животные инстинкты. Все, чем он был, — все было выложено ей на обозрение. Он ничего не спрятал от нее — ни убийства, которые совершал сам или заказывал, ни свою абсолютную уверенность, что тот, кто заберет ее у него, не жилец.

Рейвен вынырнула из его сознания, ее синие глаза смотрели на него не отрываясь. Михаил почувствовал, как внезапно заколотилось ее сердце. Но в ней не было осуждения, только спокойствие.

— Вот ты и увидела чудовище, с которым оказалась связанной навечно. Мы в первую очередь хищники, малышка, и темнота в нас уравнивается только светом наших женщин.

Ее руки обвили вокруг его шеи — нежно, с любовью.

— Какую ужасную борьбу всем вам приходится вести, а тебе в особенности. Принимать так много решений о жизни и смерти, выносить приговор друзьям или семье, которая должна быть уничтожена, — все это, должно быть, невыносимая ноша. Ты сильный, Михаил, и твои люди поступают правильно, что верят в тебя. А монстр, с которым ты ежедневно сражаешься, — часть тебя, возможно, та часть, которая делает тебя еще сильнее и решительнее. Ты смотришь

на эту часть себя как на дьявольскую, а на самом деле она дает тебе власть, способность и силу делать то, что ты должен делать для своего народа.

Михаил склонил голову, не желая, чтобы по выражению его глаз она поняла, что ее слова значат для него. В горле застрял комок. Он не заслужил ее и никогда не будет заслуживать. Она была бескорыстной, в то время как он почти взял ее в плен и заставил остаться.

— Михаил.

Голос ее был тихий, нежными губами она касалась его подбородка.

— Я была одна, пока ты не вошел в мою жизнь.

Ее губы нашли уголок его рта.

— Никто не знал, кто я, люди боялись меня, потому что я знала о них такие вещи, какие они никогда не смогли бы узнать обо мне.

Она обняла его, успокаивая, словно он был ребенком.

— Действительно ли это так ужасно — хотеть меня для себя, зная, что я положу конец твоему ужасному существованию? Ты действительно веришь, что должен осуждать себя? Я люблю тебя. Я знаю, что люблю тебя всего, без всяких условий. Я принимаю тебя таким, каков ты есть.

Он провел рукой по волосам.

— Сейчас я не могу сдерживать свои эмоции, Рейвен. Я не могу потерять тебя. Ты не представляешь, на что это было похоже — ни дневного света, ни смеха, столетия абсолютного одиночества. Я знаю, во мне живет монстр. Чем дольше я живу, тем сильнее он становится. Я боюсь за Грегори. Он на четверть века младше меня, но уже несколько веков как взял на себя бремя охоты на нежить. Он сознательно отделился от представителей собственного вида. Иногда мы не видим его и не слышим о нем по полвека. Сила его колоссальна, но и темнота в нем растет. Это холодное безрадостное существование, когда чудовище внутри тебя постоянно стремится вырваться на свободу. Ты — мое спасение. Хотя все это для меня в новинку, и страх потерять тебя еще слишком велик. Я не знаю, что сделаю с любимым, кто попытается забрать тебя у меня. Он переплел ее пальцы со своими.

— Ноэль родила сына. Элеонор тоже. Среди нас больше нет женщин, чтобы уменьшить страшную черную пустоту в наших мужчинах. Грегори страдает больше других. Он кочует по земле, исследует ее тайны и проводит эксперименты, в суть которых никто из нас не хочет вникать. Я никогда никому не рассказывал об этом, но он обладает большей силой и большими знаниями, чем я. Впрочем, у нас никогда не было причин для разногласий — он всегда появляется, когда возникает чрезвычайная ситуация, и, тем не менее, я чувствую его разочарование. — Михаил устало потер глаза. — Что мне делать? Рано или поздно он сделает выбор. Но в любом случае мы его потеряем.

— Я не понимаю.

— Сила приходит к нам, пока мы питаемся, а это так легко, что жертвы сами плывут к нам в руки. Но никто не может выдержать мрака и отчаяния на протяжении тысячи лет. Грегори живет со времен Крестовых походов, постоянно сражаясь с монстром внутри себя. Спутницы жизни — наша единственная надежда на спасение. И если Грегори не найдет свою в

ближайшее время, он либо будет искать рассвет, либо обернется. Я боюсь худшего.

— Что значит обернется?

— Убивая ради удовольствия, ради власти, мы становимся вампирами, так нас и окрестили люди. Мы начинаем использовать женщин не только для питания — заставляем их становиться нашими рабами, — мрачно ответил Михаил.

Он и Грегори часто охотились на представителей своего рода и открыли, насколько развращенным может быть карпатец, превратившийся в вампира.

— Ты будешь вынужден остановить Грегори?

Страх пронзил все ее существо. Она начала понимать, как трудна жизнь Михаила.

— Но ты же говоришь, что он сильнее? — спохватилась она.

— Вне всяких сомнений. Он свободен в передвижениях, у него больше опыта в охоте и выслеживании нежити. Он многому научился, путешествуя по земле. А его власть только усиливается от одиночества. Грегори мне почти брат, а не просто друг. Мы вместе с самого начала. Я не хочу потерять его или охотиться на него, не хочу мериться с ним силами. Мы вместе провели столько сражений. Мы делились кровью, исцеляли друг друга, защищали друг друга, когда в этом была необходимость.

— А Жак?

Она уже чувствовала привязанность к человеку, так похожему на Михаила. Михаил устало поднялся, чтобы вылить воду.

— Мой брат на две сотни лет младше меня. Он сильный и мудрый и очень опасен при определенных обстоятельствах. В его венах течет сильная кровь древних. Он путешествует, учится, готовится принять ответственность за наш народ, если понадобится.

— Боже, ты несешь ответственность за всех своих людей.

Она сказала это еле слышно, лаская его кофейного цвета волосы.

Михаил присел, глядя на нее вдруг постаревшими глазами.

— Мы вымирающая раса, малышка. Я боюсь, что просто пытаюсь отодвинуть неизбежное. Двое известных нам ассасинов исчезли. Двое подозреваемых, Антон Фабрецо и Дитер Ходкинс, тоже пропали. Я послал сообщение по горам, но они словно растворились. Также до меня дошли слухи об организованной группе охотников, появившейся примерно в это же время. Если эти люди когда-нибудь объединятся с учеными, они станут еще опаснее.

— Я поняла, что карпатцы — часть земли, она их исцеляет, дает им сверхъестественные силы. Но, Михаил, может быть, твоя предвзятость и презрение к людям мешают тебе увидеть их преимущества.

— Ты по-прежнему упорствуешь, считая, что я отношусь к людям предвзято. Мне нравятся многие из них.

Михаил обнаружил, что не может противиться искушению расстегнуть пуговицы на белой шелковой рубашке, которая скрывала ее обнаженное тело. Что-то глубоко внутри его, какая-то

примитивная потребность заставляла его неотрывно смотреть на нее, зная, что он может сделать это.

Она улыбнулась, откидывая волосы хорошо знакомым ему жестом. От этого рубашка на ее груди разошлась, открывая обнаженную кожу, полную грудь, которая тут же скрылась под шелком. От этого зрелища у него захватило дух.

— Послушай меня, любовь моя, — сказала она. — Наличие нескольких друзей и чувство привязанности к некоторым представителям расы не отменяет предвзятости. Ты так долго живешь со своими способностями, что принимаешь их как должное. Потому что можешь контролировать человеческое сознание и использовать людей как скот...

Эти ее слова шокировали его. Как она могла так подумать? Он взял ее за лодыжку.

— Я никогда не обращался с людьми, как со скотом. Многих из них я считаю друзьями, хотя Грегори и еще кое-кто думают, что я спятил. Я наблюдал, как растут люди, и жалел, что не могу испытывать то же, что они. Нет, малышка, я не использую их как скот.

Она вздернула подбородок.

— Возможно, и не как скот, но я чувствую то же, что и ты, Михаил. Ты можешь спрятать это от самого себя, но я-то легко это вижу. — Она улыбнулась, чтобы смягчить свои слова. — Я знаю, ты не хочешь чувствовать себя в чем-то лучшим, но ведь людей нетрудно подчинить себе...

Он фыркнул.

— Тебя-то я не смог себе подчинить. Ты не представляешь, как часто мне хотелось силой добиться от тебя повиновения, особенно когда ты оказывалась в опасности. Как бы мне хотелось пойти на поводу у инстинктов... но нет, я позволил тебе вернуться в гостиницу.

— Твоя любовь заставила тебя отступить. — Она потянулась, чтобы дотронуться до его волос — Разве не так все должно быть между людьми? Если ты действительно любишь меня и желаешь мне счастья, ты должен понимать, что я могу делать то, что для меня естественно, что считаю правильным.

Его пальцы прошли вниз по ее горлу, по глубокой ложбинке между грудями, заставляя ее задрожать от внезапно нахлынувшего тепла.

— Все так, малышка, но это также верно и для меня. Ты занимаешься чем-то еще кроме как делать меня счастливым. А мое счастье полностью зависит от того, в безопасности ты или нет.

Рейвен не смогла сдержать улыбку.

— Так или иначе, но у меня создается ощущение, что в этом проявляется твоя хитрая природа. Возможно, тебе следует изучить человеческую изобретательность. Михаил, ты полностью полагаешься на свои способности, но человечество может найти иные пути. Мы объединяем два мира. И если мы решим завести ребенка...

Он беспокойно пошевелился, его глаза засверкали. Она уловила властное карпатское решение прежде, чем он смог скрыть свои мысли.

Ты обязана.

— Если однажды мы решим завести ребенка, — упорствовала она, не обращая на это внимания, — и если это будет мальчик, он будет воспитан в традициях обоих миров. А если это будет девочка, она вырастет свободной и сможет сама принимать решения. Я говорю серьезно, Михаил. Я никогда не соглашусь дать жизнь маленькой девочке, чтобы потом она стала племенной кобылой для какого-нибудь мужчины. Она будет сознавать собственную силу и сама выберет свою судьбу.

— Наши женщины делают свой выбор, — негромко заметил он ей.

— Я не сомневаюсь, что даже есть некий ритуал, который гарантирует, что она выберет правильного мужчину, — предположила Рейвен. — Ты дашь мне слово, что согласишься со мной, или я не буду рожать.

Он погладил ее по щеке.

— Больше всего на свете я желаю тебе счастья. Я бы также хотел, чтобы и мои дети были счастливы. У нас впереди много лет, чтобы решить все вопросы, целая жизнь. Но когда мы научимся балансировать между двумя мирами и поймем, что настало время, я соглашусь на все твои условия.

— Смотри, я прослежу, чтобы ты его сдержал, — предупредила она.

Он рассмеялся и потрепал ее по щеке.

— С годами твоя сила и власть будут увеличиваться. Но ты уже сейчас пугаешь меня, Рейвен. Не знаю, выдержит ли мое сердце все последующие годы.

Она рассмеялась в ответ, и ее смех звучал для него как музыка. Его руки легли ей на грудь, обхватив мягкую выпуклость ладонями, и он склонил к ней свою голову. Его рот был жарким, влажным и требовательным, его зубы, покусывая, прошлись по ее чувствительной коже. Прикосновение его волос было похоже на касание пламени. Тотчас же ее руки обвили вокруг него, и она расслабленно откинулась на изголовье. Михаил растянулся на кровати, его голова покоилась на ее коленях.

— Ты собираешься перевернуть мой прекрасно организованный мир с ног на голову?

Она зарылась пальцами в его волосах, наслаждаясь их прикосновением к своим обнаженным бедрам.

— Я, несомненно, сделаю все возможное для этого. Твои люди застряли в прошлом. Пора жить в нашем веке.

Он почувствовал умиротворение и напряжение одновременно. Ее внутренняя красота очаровывала его. Как он мог осуждать ее за потребность помогать тем, кто чувствует боль, когда именно ее сострадание вырвало его из темноты и вернуло в мир радости и света? Он, может быть, и чувствует боль и гнев, но, по крайней мере, он способен чувствовать. Радость. Желание. Сексуальный голод. Любовь.

— Ты — моя жизнь, малышка. Мы попросим отца Хаммера поженить нас, как принято у твоего народа.

Его белые зубы блеснули в улыбке, а глаза потемнели от удовольствия.

— Я приму брак как связь, и ты сотрешь слово «развод» и все его значения из своей памяти. Это порадует меня.

И он довольно усмехнулся. Она ласкала его скулы.

— Как тебе удастся все повернуть в свою пользу?

— У меня нет ответа, малышка. Возможно, это просто талант?

Он повернул голову и носом отвел в сторону полу рубашки, чтобы уткнуться в нее.

Низкий звук вырвался из горла Рейвен, когда его язык дотронулся до нее. Она с готовностью раздвинула ноги, чтобы принять его, предоставляя доступ к собственному телу, запутавшись пальцами в его густых каштановых волосах.

Михаил глубоко вошел в нее, и ее охватила дрожь восторга. Он чувствовал, как по его крови распространяется пламя; дикий восторг и радость пели в его венах. Его руки обхватили ее бедра, притягивая ближе, чтобы войти еще глубже. Он собирался подарить ей наслаждение. Она его женщина, его Спутница жизни, и никто не сможет довести ее до экстаза — только он.

Глава 12

В спальне, расположенной ниже уровня земли, стояла тишина, как в могиле. Михаил и Рейвен лежали рядом на огромной кровати, их тела были переплетены. Нога Михаила лежала поверх ее бедер, его большое тело изогнулось вокруг нее, оберегая, его руки прижимали ее к сердцу. Не слышно было даже дыхания. Казалось, жизнь оставила их тела.

Дом тоже словно погрузился в сон, в молчание, затаил дыхание и ждал прихода ночи. Проникая в окна, солнечный свет освещал картины и кожаные переплеты. У входа мерцала мозаика, темный деревянный пол казался светлее на солнце.

Внезапно Михаил издал свист, похожий на шипение, точно змея, свернувшаяся в кольцо и готовая напасть. Его темные глаза распахнулись — в них горела злоба, животный голод, ярость пойманного в ловушку волка. Вялый, расслабленный, он нуждался в исцеляющем сне. Настроенный на смену дня и ночи, он знал, что сейчас был полдень и безжалостное солнце было на пике своей смертельной активности.

Что-то было не так. Что-то проникло сквозь глубокие слои сна и выдернуло его из желанного забытья. Его пальцы сжались, ногти распарывали матрас. Слишком много часов до заката. Он тщательно сканировал окрестности. Дом завибрировал от напряжения, воздух стал тяжелым. Сам фундамент, казалось, вздрогнул от невидимой угрозы.

За оградой из кованого железа был Руди Романов, он вышагивал взад и вперед. Черная ярость была в его сердце, в его душе. Каждый раз, приближаясь к ограде, он в бешенстве ударял по ней бейсбольной битой.

— Дьявол! Нежить!

Слова летели в направлении дома.

Михаил низко зарычал, и, хотя его тело все еще оставалось под воздействием сна, инстинкты полностью пробудились. Губы раздвинулись, и показались клыки. Снова послышался свист.

Гневные обвинения, которые бросал ему Руди, отзывались у него в голове.

— Я нашел доказательства правоты своего отца. Он собирал их в течение многих лет. Все! Там все! Список ваших слуг. Вы — дьявол, глава монстров. Убийца! Нечисть! Вы превратили эту прекрасную женщину в свою рабыню! Она бы использовала меня, чтобы пополнить ваши ряды.

Скорбь и ярость смешались в нем с желанием отомстить. Руди Романов поверил записям своего отца и пришел убить главу вампиров. Михаил понимал создающуюся опасность: воздух был пропитан ею. Он позвал Рейвен, прикоснувшись к ее сознанию с любовью и лаской.

Проснись, любовь моя. Мы в опасности.

Рейвен задышала тихо и ровно. Его предупреждение, наполнившее ее сознание, заставило ее просканировать спальню. Ее тело было вялым и безжизненным, потребность во сне была еще слишком сильна. Сознание казалось притупившимся, непонимающим.

На улице за стенами дома Романов.

Она старалась пробиться сквозь туман.

Ганс Романов мертв.

Но его сын жив. Он снаружи, и я чувствую его ненависть. Он представляет для нас опасность. Мы проснулись, несмотря на солнце, которое еще высоко. Он не может войти, но и мы не можем выйти.

Ей потребовалось невероятное усилие, чтобы приподнять голову и потереться лицом о волосы на его груди. Она кашлянула.

— Я могу ответить из-за двери и спросить, чего он хочет. Я скажу, что ты на работе. Он почувствует себя глупо и уйдет.

Он прижал к себе ее голову. Она все еще продолжала думать как человек, не сознавая страшной цены бессмертия.

Ты все еще очень слаба и не слышишь его. Состояние его рассудка представляет для нас угрозу.

Она не знала о цене, которую придется платить за любовь к нему. Солнце уничтожит ее, даже если она найдет силы подняться.

Рейвен изогнулась в его руках, словно кошка, потребность во сне не отпускала ее.

Послушай меня, малышка. Ты не должна спать!

Команда была властной. Руки Михаила обвили вокруг нее со всей силой его любви и желания защитить ее.

Рейвен пробудилась достаточно, для того чтобы просканировать окружающее ее пространство. Черная ненависть Руди Романова была как живое существо и требовала расправы. Она ударила ей в голову.

Он сумасшедший, Михаил.

Рейвен медленно подняла отяжелевшую руку, убирая волосы с лица. Воздух ли был такой плотный или она была настолько слаба, но простое движение отняло слишком много сил.

Прошлой ночью он был таким милым, скорбел о своей матери. Теперь же уверен, что мы враги. Он не безграмотный человек, Михаил. Неужели это я подвергла нас опасности? Может быть, я сделала или сказала что-то, что заставило его стать таким подозрительным.

Сознание Рейвен омрачило чувство вины.

Он потерялся подбородком о ее макушку.

Нет, он что-то нашел среди бумаг своего отца. Прошлой ночью он не был подозрительным, он горевал. И это что-то убедило его, что отец был прав. Он поверил, что мы вампиры.

Я не думаю, что кто-нибудь поверит ему, даже если он покажет им эти бумаги. Все подумают, что его потрясла смерть родителей.

Она беспокоилась и за Руди.

Михаил погладил ее по щеке. Это было так похоже на нее — испытывать сострадание к человеку, который пришел их убить. Вдруг он навалился на нее всей тяжестью. Дом вздрогнул, заскрипел, прежде чем взрыв отозвался у них в ушах. Над ними, на первом этаже, вышибло стекла, антикварная мебель разлетелась на куски. Один удар сердца. Второй. И еще один взрыв сотряс дом, разрушив стену с северной стороны.

В темноте блеснули клыки Михаила, раздавшийся свист обещал безжалостное возмездие. Запах гари, едкий и вонючий, проникал через потолок в их спальню, где сворачивался и собирался в ядовитое, обжигающее глаза облако. Над их головами пламя начало потрескивать и с жадностью лизать книги и картины — прошлое Михаила, его настоящее. Оранжево-красные язычки алчно поглощали имущество, которое Михаил собирал на протяжении долгих веков своего существования. Руди хотел уничтожить все, явно не понимая, что у Михаила много домов, много сокровищ.

Михаил!

Она почувствовала, как он страдает, наблюдая гибель своего любимого дома, который горел прямо над ними. Запахи ненависти, страха и дыма смешались воедино.

Мы должны спуститься ниже. Дом рано или поздно рухнет.

Жестокость, которую он чувствовал, эхом отдалась в ее сознании.

Рейвен попыталась сесть, но движения были болезненно медленными.

Нам надо выбраться из дома. Спустившись ниже, мы только попадем в ловушку между землей и пламенем.

Солнце в самом зените. Мы должны уйти под землю.

Он сжал ее руками, словно хотел придать ей храбрости.

У нас нет выбора.

— Ты иди, Михаил, — проговорила она.

Страх сковал ее. Она чувствовала себя абсолютно беспомощной. Даже если ей удастся заставить себя спуститься в подвал, она не сможет зарыться в землю, похоронить себя живьем. Она сойдет с ума, прежде чем сможет вернуться на поверхность. Она не могла заставить себя это сделать, но это было необходимо, чтобы вселить в Михаила мужество. Он был важнее, каждый из его людей нуждался в нем.

Мы пойдем вместе, любимая.

В его голосе чувствовалась сила, которой не было в ослабевшем теле. Его конечности словно налились свинцом. Потребовались невероятные усилия, чтобы стащить самого себя с кровати. Он тяжело упал на пол.

Давай, мы сможем сделать это.

Дым стал плотнее, воздух в комнате нагрелся, как в духовке. Потолок над головой начал зловеще темнеть. Дым причинял глазам такую боль, что она боялась обжечься.

Рейвен!

На этот раз это была властная команда.

Она скатилась с кровати, тяжело приземлившись, и из нее вышибло дух.

Дыма слишком много.

В голове у нее стоял звон. Так много дыма, а над ними горит дом.

Рейвен перетаскивала себя по полу за ползущим Михаилом. Они были так слабы, что не могли встать на колени. Они скользили, вытянувшись во всю длину и пользуясь руками, чтобы отталкиваться от пола, пока не оказались перед тайным входом в подвал. Рейвен сделала бы что угодно, лишь бы Михаил оказался в безопасности.

Воздуха не хватало, и они покрылись потом; легкие горели. Даже совместными усилиями, казалось, невозможно поднять крышку люка.

Сосредоточься, объяснял Михаил. Делай это с желанием.

Она отбросила все — страх, дым, огонь, агонию и ярость Михаила, оттого что горит его дом, хищного зверя, который в нем поднимался. Она сосредоточилась на тяжелой двери, нацелилась на нее. И та бесконечно медленно начала подаваться, скрежеща металлом. Михаил делился с ней своей силой. Когда дверь, наконец, распахнулась, открыв зияющую пропасть внизу, они устало прислонились друг к другу на минуту, их сердца бешено колотились, легкие горели огнем в клубах дыма.

На потолок над их головами посыпались обломки с крыши. Огонь ревел над пожарищем. Рука Рейвен проскользнула в руку Михаила. Он сжал ее пальцы.

Крыша упала, потолок над нами тоже рухнет.

Ты иди, Михаил. Я буду ждать здесь, сколько смогу.

Отверстие в полу пугало ее не меньше, чем пожар.

Мы пойдем вместе.

Это был приказ. Рейвен почувствовала, как он изменился. Он не был больше человеком, а стал карпатцем в полном смысле этого слова — зверь внутри его собирался с силами, выжидая. Враг разрушил его дом, угрожал жизни его женщины. Из груди Михаила снова вырвался свист. От этого звука ее сердце заколотилось. С Рейвен он всегда был нежным и добрым, ласковым и любящим. Но сейчас хищник рвался на свободу.

Рейвен проглотила свой страх, закрыв глаза и очистив сознание. Ради Михаила она была готова попробовать спуститься вниз, в темную землю под подвалом. Михаил кружился в ее сознании, делаясь своей силой.

Ты сможешь, любимая. Ты легкая, как перышко.

Он создал для нее это ощущение. Ее тело стало казаться нереальным, легким, как воздух. Рейвен держала глаза закрытыми, даже когда почувствовала, как вокруг нее кружится воздух, обдувая кожу. Она чувствовала в своем сознании Михаила, хотя ее тело стало соединившейся с ним дымкой.

Темнота окружала их, убаюкивая, несла их вниз к исцеляющей земле. Рейвен распахнула глаза, пораженная и обрадованная, обнаружив себя в подвале. Она спланировала по воздуху, как перышко. Это возбуждало. На краткий миг удовольствие вытеснило ужас. Она смогла передвинуть тяжелый предмет, используя всего лишь силу своего сознания, а теперь летела, словно ветерок. Рейвен устало прислонилась к Михаилу.

Я не могу поверить, что мы это сделали. Мы действительно просто проплыли.

В мгновение ока она отодвинула в сторону все разрушения и радовалась тому, кем она стала.

В ответ Михаил притянул ее ближе и обнял, защищая всем своим телом. Возбуждение спало. Она была внутри его, как и он внутри ее, и чувствовала ледяной холод его горечи, его безжалостную решимость. И это ничуть не было похоже на белый жар его ярости, это было намного хуже. Этот Михаил был карпатцем до мозга костей, таким же смертельно опасным, как вампир из легенд. Абсолютное отсутствие эмоций, железная воля и решимость пугали. Он будет мстить — быстро и беспощадно. Никакой середины. Романов стал его врагом, которого следует уничтожить.

Михаил.

Сочувствие и нежность заполнили его сознание.

Потерять дома, где ты жил так долго, должно быть, то же самое, что потерять часть самого себя.

Она потерлась лицом о его грудь.

Я люблю тебя, Михаил. Мы построим другой дом. Вдвоем. Это, конечно, ужасно, но наш новый дом будет еще лучше прежнего.

Его подбородок опустился на ее макушку, его сознание послало ей волны тепла и любви. Но внутри его так и остался холод, который не растопили ее слова. Только к Рейвен он испытывал нежность, с остальным миром отношения были простые: убить или быть убитым.

Рейвен сделала еще одну попытку.

Горе творит с людьми странные вещи. А Руди Романов потерял обоих родителей. Его мать жестоко убита его же отцом. Неважно, что он нашел, это заставило его обвинить тебя. Вполне понятно, что его мучает чувство вины из-за того, что он посчитал своего отца сумасшедшим. То, что он творит, ужасно, но не хуже того, что ты сделал с теми, кто убил твою сестру.

Я не думал о сестре, когда напал на ассасинов.

Михаил мрачно размышлял.

Эти два случая нельзя сравнивать. Ассасины напали на нас первыми. Я бы оставил их в покое, если бы они не стали преследовать моих людей. Однажды я уже подвел тебя, малышка. На этот раз я защищу тебя.

Мы здесь в безопасности. Люди из деревни придут и потушат огонь. Может быть, Руди отправят в больницу. Они подумают, что он сумасшедший. Люди не подумают, что мы погибли в огне. Они ведь не найдут наших тел. А потом мы можем сказать, что навещали Селесте и Эрика, планируя нашу свадьбу.

Она не понимала, что происходит, и он не решился ей сказать. Они не были в безопасности. Огонь ревел над их головами, поглощая основание дома так же быстро, как и верхний этаж. В скором времени им придется уйти в безопасное убежище земли. Он не был уверен, что им хватит сил раскрыть землю. Даже если и получится, он знал, что не сможет погрузить ее в глубокий сон. У него почти не осталось сил.

Они либо выживут, либо умрут вместе. Им придется лечь в землю, и Рейвен будет похоронена заживо до конца этого дня, а это еще много часов. Руди Романов обрек Рейвен на невыносимую пытку. Михаил знал ее главный кошмар: она боится удушья. Губы у него задергались. Гибель дома он еще мог простить, но беспомощно лежать рядом, в то время как Рейвен будет биться в агонии, — этого простить нельзя.

Все мысли Рейвен были о Михаиле, она боялась потерять его. Ей было жаль Романова, она беспокоилась, что найденные им свидетельства могут поставить под удар людей Михаила. Если бы Михаил мог собраться с силами, то поцеловал бы ее. Вместо этого он сделал это своим сознанием. Всю свою любовь, все понимание ее сочувствия и безоговорочной любви, ее самоотверженности он вложил в этот мысленный поцелуй.

Ее глаза расширились, стали темно-фиолетовыми, сонными, словно он опьянял ее поцелуями. Его руки запутались в ее волосах. Таких шелковистых, таких любимых. На краткий миг он закрыл глаза, запоминая, как она заставляет его чувствовать себя любимым. Он никогда не испытывал ничего подобного на протяжении столетий и был благодарен за то, что смог продержаться достаточно долго, чтобы испытать радость от единения с истинной Спутницей жизни.

Рев огня над головой стал громче. Рухнула балка, и через открытую дверь в подвал посыпались искры, принося с собой дым и зловоние смерти. Смерти их дома.

У нас нет выбора, любовь моя.

Михаил был нежен, насколько это было возможно.

Мы должны уйти под землю.

Рейвен закрыла глаза, охваченная паникой.

Михаил, я люблю тебя.

В ее словах были грусть и согласие. Она соглашалась не найти убежище в земле, а умереть. Она хотела сделать что-нибудь для него, но это было за пределами ее возможностей.

Михаил не мог тратить время на споры.

Подпитай мой приказ своей оставшейся силой. Позволь ей перетечь из себя в меня, иначе я не смогу открыть землю.

Рейвен была готова сделать что угодно, лишь бы спасти его. Если это означало отдать ему остатки своей силы, что ж, так тому и быть. И Рейвен щедро поделилась с ним своей силой.

Земля раскрылась прямо рядом с ними, разойдясь так, словно из нее был аккуратно извлечен огромный куб. Исцеляющая сила земли из этой раскрытой ямы, свежая и прохладная, манила Михаила, но эта же влажная темнота вселяла ужас в Рейвен.

Она доблестно старалась успокоить свой разум.

Иди первым.

Рейвен знала, что не сможет последовать за ним. Она также знала, что он обязан поверить, что она так и сделает, в противном случае нет никакой надежды спасти Михаила.

За считанные секунды Михаил перекатился, обхватывая Рейвен руками и перенося их обоих через край спасительной ямы. Он услышал ее молчаливый крик, эхом отозвавшийся в его сознании, но заставил свое сердце забыть про жестокий страх внутри ее и, воспользовавшись последней горсткой силы, сосредоточился на закрытии земли над ними. Тень в ее сознании, он легко читал ее намерения: она бы ни за что не пошла с ним.

Она кричала и кричала, звук в его голове был диким и не подвластным ей. Первобытный ужас. Она просила его, умоляла. Но Михаил удерживал ее тело, впитывая ее страх волна за волной. Ее сознание превратилось в лабиринт паники и хаоса. Сам же он был изнурен, потратив все силы до последней капли, чтобы обеспечить их безопасность.

За всю свою жизнь — за столетия — он так и не узнал, что такое ненависть. Но, лежа здесь без сил, чтобы отправить ее в забвение, под своим погибающим домом, наблюдая, как Рейвен барахтается на грани безумия, он научился ненавидеть. Он снова выбрал для них жизнь, но при этом подверг ее ужасным испытаниям. Он мог помочь ей, только собравшись с силами. А восстановить утраченное ему удастся, только отгородившись от нее в бессмертном сне и позволив земле снова наполнить его силой. От этого новая волна ненависти поглотила его.

Рейвен.

Даже их ментальная связь ослабела.

Малышка, замедли ритм своего сердца, как я. В воздухе нет никакой необходимости, поэтому не пытайся дышать.

Она не смогла услышать его, отчаянно стараясь глотнуть воздуха, которого не было. Вместе с

паникой она ощутила предательство: он настоял на своем.

Михаил не решался погрузить себя в сон. Он не оставит ее одну перед лицом того, что она принимает за похороны. Пока она страдает, он останется с ней и разделит ее ужасную ношу. Хаос в ее сознании, казалось, продолжался вечно. Как только ее тело обессилело, а бессмысленные крики стихли, она начала задыхаться, и в горле у нее страшно забулькало.

Рейвен! — позвал он резко и властно.

Ее ужас был огромен, а его сила иллюзорна. Михаил почувствовал, как ее горло закрылось, и услышал страшный предсмертный крик.

На мгновение он отгородил свое сознание, позволяя земле укачать его в своей колыбели, успокоить и исцелить своим благоуханием. Она пела ему мягким шепотом, мурлыкала колыбельную. Она проникала в его тело, оздоравливая, сообщая энергию. Земля давала столь необходимое спокойствие, чтобы встретиться лицом к лицу с ее мучениями.

Почувствуй меня, малышка, почувствуй меня.

Ее сознание по-прежнему оставалось хаотичным, она задыхалась.

Почувствуй меня, Рейвен, дотянись до меня.

Он был само терпение, тишина, спокойствие в эпицентре бури.

Рейвен, ты не одна. Почувствуй меня в своем сознании. Успокойся и дотронься до меня, всего лишь на мгновение. Отбрось все, кроме меня.

Он почувствовал первое движение, ее первую попытку. Земля пела в нем, заполняя все клетки, пока они не наполнились, как паруса на ветру.

Почувствуй меня, Рейвен. В себе, вокруг себя, рядом с собой. Почувствуй меня.

Михаил.

Она была измучена, измочалена, разбита.

Я не могу вынести это, помоги мне. Я не могу это сделать, даже ради тебя.

Отдайся мне без остатка.

Он, конечно, имел в виду исцеляющую силу земли, но не хотел говорить ей об этом. Он позволил ей ощутить свою силу, обещание отдыха и помощи. В своем сознании он держал только тепло, любовь и власть. Ей надо поверить в него, слиться с ним, чтобы она смогла ощутить могущество земли так, как ощущал его он.

Рейвен понимала, что сходит с ума. Она всегда боялась закрытых пространств. И не имело значения, что Михаил говорил: она не нуждается в воздухе. Она знала, что нуждается. Потребовалось несколько попыток и вся ее сила воли, чтобы заблокировать страх, ужас, правду о том, что она лежит глубоко под землей. С последним слабым усилием она вползла в сознание Михаила и отступила от осознания того, кем стала и что приходится делать, чтобы выжить.

Хватка Михаила, которой он ее удерживал, была ненадежной. Рейвен воспринималась его сознанием легкой и нереальной. И тихой, почти неподвижной. Она не принимала исцеляющую

силу земли и не боролась. Не отвечала на его вопросы. Он знал, что она еще здесь, только по съезжившемуся мерцанию в уголке своего сознания.

Прошло некоторое время, прежде чем он начал осознавать слабое изменение силы, рябь узнавания, словно рядом раскрылся глаз. Они больше не одни. Присутствующий дотронулся до него, вошел в его сознание. Мужчина. Могущественный. Грегори.

Все хорошо, друг мой.

Холодная угроза сквозила в его сознании. Они знали друг друга очень хорошо, поскольку веками вместе противостояли злу.

Грегори не спрашивал, и Михаил был поражен, что он мог поддерживать с ними связь. Рейвен и он были глубоко в недрах земли. Солнце все еще стояло высоко в небе, и все карпатцы были слабы. Как Грегори смог совершить этот подвиг? Это было неслыханно, даже в легендах о таком не упоминалось.

Твоя женщина нуждается в сне, Михаил. Позволь мне помочь тебе.

Грегори был очень далеко, это Михаил мог определить, тем не менее, связь между ними была очень сильна. Послав Рейвен в сон, Грегори получит некое подобие власти над ней. Михаил замер в нерешительности. Доверяет ли он Грегори? Сила, которой тот обладал, была феноменальной.

Раздался низкий невеселый смех.

Она не переживет этот день, Михаил. Даже будучи с тобой, она не сможет перебороть человеческие ограничения, и они возьмут верх над ее желанием помочь тебе.

А ты сможешь сделать это? Даже на таком расстоянии? Ты сможешь благополучно погрузить ее в сон? Прекратить ее мучения? Ты не допустишь ошибки?

Михаил понял, что ему хочется поверить. Грегори был их целитель. Если он сказал, что Рейвен не переживет погружение в землю, это только подтверждало его собственные мысли.

Да, через тебя. Ты единственное существо на земле, которому я присягнул на верность. Ты можешь рассчитывать на мою преданность. Я верю тебе, ты моя семья и мой друг. Пока твоя женщина или какая-то другая не подарят мне Спутницу жизни, ты единственный, кто стоит между мной и темнотой.

Грегори никогда не признался бы в этом, если бы не крайняя опасность. Он объяснил Михаилу, по какой единственной причине ему можно доверять.

Привязанность и сожаление смешались в душе Михаила.

Спасибо, Грегори, я у тебя в долгу.

Мне хочется, чтобы ты стал отцом моей Спутницы жизни.

В его голосе прозвучали какие-то странные нотки, которые Михаил не смог определить. Словно Грегори загадывал желание.

У меня ощущение, что дочь Рейвен будет сущим наказанием.

Михаил проверил свою интуицию.

Не сомневаюсь, что смогу ответить на вызов.

Грегори ответил преднамеренно туманно.

Я погружаю твою Спутницу жизни в сон, присущий нашему народу, чтобы она не испытывала мук из-за человеческих ограничений.

Команда Грегори была четкая, властная, ее нельзя было игнорировать. Дыхание покинуло Рейвен с тихим вздохом. Биение ее сердца замедлилось и остановилось. Ее сознание закрылось, не пропуская ужас, тело раскрылось навстречу исцеляющей силе земли.

А теперь спи, Михаил. Я узнаю, если вас беспокоят.

Тебе не стоит охранять меня, Грегори. Ты и так сделал очень много для наших людей, кое о чем они даже не знают. Я никогда не смогу отдать тебе долг.

Я не могу иначе, да и не хочу, отрезал Грегори.

Наконец-то Михаил позволил себе такую роскошь, как сон, разрешая земле до краев наполнить его колоссальной силой. Он нуждался в ней, чтобы осуществить возмездие. Плотнее прижав к себе Рейвен, Михаил сделал последний вдох, не сомневаясь, что опасность миновала.

Солнце, казалось, светило еще очень долго, прежде чем скрылось за горизонтом. Небо стало кроваво-красным, с оранжевыми и розовыми тенями. Вышедшую луну, подобно тонкой вуали, закрыли облака. А кольцо вокруг нее говорило о каком-то ужасном предзнаменовании. Темный лес казался пугающе молчаливым. Туман низко стелился по земле между кустов и деревьев. Легкий ветерок лениво гнал облака, ласкал тяжелые ветки и безуспешно пытался рассеять запах гари, который стойко держался в лесу. Ветер коснулся сгоревших балок, почерневших камней — это было все, что осталось от дома Михаила Дубрински.

Два волка обнюхали пожарище, подняли морды к небу и тоскливо завывали. Из леса им печально ответила стая. Через несколько минут эхо затихло вдали. Два волка обежали обуглившиеся руины и, учуяв две неясные тени, резко остановились возле кованых ворот.

Звери развернулись и побежали прочь, почуяв нечто зловещее в двух безжизненных фигурах. Они унеслись назад в темноту. Тишина опустилась на горы, как покрывало. Лесные создания предпочли спрятаться в логовах и норах, чем вдыхать запах гари там, где еще недавно стоял дом того, кто так долго жил среди них.

Внизу под землей лежали два тела — без движения, без жизни. В тишине одно сердце начало биться. Сильно, ритмично. Кровь стремительно побежала по венам. Долгий свистящий звук возвестил о том, что легкие ожили. Темные глаза раскрылись, и Михаил обследовал землю над их головами. Было далеко за полночь. Огонь был потушен, пожарные, следователи и любопытные давно разошлись по домам.

Наверху он почувствовал присутствие Жака и Грегори. Больше никого, ни людей, ни карпатцев, поблизости не наблюдалось. Михаил перенес все внимание на Рейвен. Каким бы великим ни было искушение скомандовать Грегори разбудить ее, он понимал, что это было бы эгоистично с его стороны и не в ее интересах. Пока ее не поднимут из-под земли, ей лучше оставаться спящей. Ей ни к чему напоминание об этом испытании. Он обнял ее неподвижное

прохладное тело и прижал к своему сердцу.

Прорвавшись через земную кору и оказавшись в ночном воздухе, Михаил испытал легкую дезориентацию. Придя в себя, он поднялся выше, чтобы лучше защитить Рейвен, если возникнет такая необходимость. Воздух ворвался в его легкие, обдувал его тело. В свете луны серебром замерцали перья, раскрылись огромные крылья, достигающие в длину шести футов, и, с силой взмахнув, подняли в небо невероятных размеров сову. Он сделал круг над темным лесом, отыскивая врага, который оказался настолько глуп, чтобы угрожать ему.

Михаилу нужна была свобода, которую могло дать только небо, чтобы избавиться от отзвуков перенесенного Рейвен ужаса, который все еще эхом отдавался в его голове. Он резко направился к земле, приблизившись к ней настолько, насколько мог, прежде чем растворился в тумане. Поток капель пролился сквозь кроны деревьев и собрался воедино, превращаясь в огромного волка. Он бежал легко, поддерживая невероятную скорость, уклоняясь от кустарников и деревьев, и, перепрыгнув через поляну, вновь поднялся в воздух, подобно стреле, выпущенной из лука.

Когда его сознание стало, наконец, более или менее ясным и спокойным, Михаил рысью понесся по направлению к черным руинам, вновь принимая человеческий вид, и, полностью одетый, шагнул навстречу брату. Он прекрасно осознавал, что вся природа, все, частью чего он был, — чувствовала его ледяную ярость. Она кипела глубоко внутри его, сотрясая окружающий воздух и лес. Его врагам не удастся уйти.

Жак медленно выпрямился, словно провел в ожидании много часов, и потер затылок. Они смотрели друг на друга с тоской в глазах. Жак сделал шаг вперед и потянулся к Михаилу с несвойственным ему жестом. Их рукопожатие было кратким и сильным. Михаил знал, что Рейвен посмеялась бы над ними.

Грегори пребывал в прежнем положении: сидя на корточках и низко пригнувшись к земле. Он был неподвижен, его потемневшее лицо не выражало никаких эмоций. Глаза светились, как серебряные слитки или сгустки ртути. Наконец он медленно поднялся на ноги.

— Спасибо, что пришел, — просто сказал Михаил.

Грегори. Старый друг. Его правая рука. Их великий целитель, безжалостный охотник за нечистью.

— Романова отправили в больницу и дали успокоительное, — тихо сообщил Жак. — Я сказал местным, что ты и Рейвен уехали на несколько дней. Ты популярен среди деревенских жителей, и все они возмущены тем, что произошло.

— Сможем ли мы возместить ущерб, нанесенный нашему народу? — спросил Михаил.

— Мы можем уменьшить его, — правдиво ответил Грегори. — Но Романов уже отослал обнаруженные им доказательства нескольким людям. Мы должны подготовиться к обороне. Весь наш образ жизни изменится навсегда.

Грегори небрежно пожал широкими плечами.

— Какие доказательства?

— Отпечатки пальцев, фотографии. Он был в очень возбужденном состоянии. Врачи говорят, что он не в себе и опасен для окружающих. Картины, которые я извлек из его сознания,

путаные. Его родители, но в основном мать. Очевидно, именно он обнаружил ее тело. Твой дом. Чувство вины. Огонь.

Грегори всмотрелся в небо над головой, медленно и осторожно скользя по нему серебристыми глазами. Его грубые черты оставались неподвижными.

От Грегори исходила угроза. Все его тело и манера держаться говорили о власти. И в то же время выражение лица казалось пустым. Михаил чувствовал монстра внутри его, затаившегося на поверхности и стремящегося вырваться на свободу. Их глаза встретились в каком-то безнадежном понимании. Еще одна война. Снова убийства. Чем больше мужчина убивает, тем опаснее становится шепот силы, призывающий его стать вампиром. Жестокость была единственной вещью, которая позволяла многовековому мужчине ощущать скоротечность времени. Что само по себе становилось ужасным стимулом для каждого в темном безнадежном мире.

Грегори отвел взгляд, не желая видеть сочувствие на лице Михаила.

— У нас нет выбора, кроме как вызвать к нему недоверие.

— Рейвен должна быть в безопасности и под защитой, пока мы будем решать проблему, — резко сказал Михаил.

— Твоя женщина очень хрупкая, — тихо предупредил его Грегори. — Доставь ее на поверхность и одень, прежде чем я разбужу ее.

Михаил кивнул. Грегори легко прочитал его намерения. Он бы ни за что не захотел, чтобы она проснулась в месте, которое хотя бы отдаленно напоминало холодную могилу. Жак и Грегори отошли к лесу, оставив Михаила одного. Лишь после того как Рейвен оказалась в его объятиях, он подумал о том, чтобы одеть ее по-американски. Из натуральных волокон, которые легко поддавались воздействию карпатцев, он создал джинсы и рубашку с длинными рукавами.

Грегори.

Рейвен проснулась, задыхаясь, судорожно держась за горло, отчаянно стараясь втянуть воздух в горящие легкие. Она была в панике и все еще боролась.

— Почувствуй воздух на своей коже, — тихо приказал Михаил, его рот прижался к ее уху. — Почувствуй ночь, ветер. Ты в безопасности в моих руках. Ночь прекрасна, цвета и запахи разговаривают с нами.

Сине-фиолетовые глаза Рейвен расширились и ничего не видели. Она сделала глубокий вдох и вся сжалась. Прохладный ночной воздух делал свое дело, снимая спазмы в ее горле. Слезы замерцали в ее глазах, повисли на ресницах.

Михаил обнял ее крепче, чтобы она ощутила его силу. Медленно, дюйм за дюймом, ее тело становилось не таким напряженным, и она смогла, наконец, расслабиться. Он дотронулся до ее сознания и понял, что она пытается сохранить самообладание.

— Я здесь, Рейвен, с тобой, — сознательно сказал он вслух, чтобы как можно больше походить на человека. — Ночь взывает к нам, приглашает нас, разве ты не слышишь? Послушай, сколько красоты в песне насекомых и прочих ночных созданий. Позволь себе услышать ее.

Он говорил ритмично, почти гипнотически.

Рейвен подтянула колени и уткнулась в них лбом. Она раскачивалась взад и вперед, только тонкая нить соединяла ее с реальностью. Она просто чередовала вдох и выдох, сосредоточившись на самом процессе дыхания.

— Я хочу доставить тебя в безопасное место, подальше отсюда.

Он широким жестом указал на обуглившиеся руины его некогда красивого дома.

Рейвен не поднимала головы. Она просто вдыхала и выдыхала. Михаил снова дотронулся до ее сознания. В нем не было мыслей ни об осуждении, ни о предательстве. Сознание Рейвен было разбито, помято и неустойчиво, оно отчаянно старалось выжить. Ее привычная одежда и его присутствие давали ей ощущение покоя. Его ледяная ярость, его желание неистового возмездия вновь подняли голову.

— Маленькая сестра.

Жак появился на границе леса, рядом с Грегори. Рейвен не подняла глаз, и Жак сел рядом, погладил ее по плечу.

— Волки сегодня ночью безмолвствуют. До этого ты их слышала? Они оплакивали потерю дома Михаила. А теперь молчат.

Ее потерянный взгляд сосредоточился на лице Жака. Она ничего не сказала, но было ощущение, что она его не узнала. Она дрожала, озноб сотрясал ее маленькое тело, окруженное тремя могущественными мужчинами.

Ты можешь стереть ее воспоминания, предложил Грегори, явно не понимая, почему Михаил еще не сделал этого.

Ей бы это не понравилось.

Она не будет знать об этом.

Грегори сказал это резко. Когда Михаил не ответил, он просто вздохнул.

Тогда позволь мне исцелить ее. Она важна для всех нас, Михаил. Она напрасно страдает.

Она хотела бы сделать это самостоятельно.

Михаил прекрасно понимал, что Грегори думает, что он потерял рассудок, но он знал Рейвен. Она была храброй и хорошо понимала, что правильно, а что неправильно. Она не поблагодарит его, когда узнает, что он стер ее воспоминания. А между Спутниками жизни не может быть лжи, и Михаил был решительно настроен дать ей время, чтобы она сама могла справиться с тем, через что они прошли.

Михаил дотронулся до бархатной, как лепесток розы, кожи, нежно погладив Рейвен по щеке.

— Ты была права, малышка. Мы построим наш дом вместе, и он будет еще лучше и крепче. Мы выберем место глубоко в лесу и наполним его такой любовью, что она прольется и на наших волков.

Ее сине-фиолетовый взгляд полыхнул внезапным узнаванием, она подняла голову. Облизала губы и выдавила робкую улыбку.

— Я не думаю, что из меня выйдет карпатка.

Ее голос был похож на писк.

— Вы именно такая, какой и должна быть карпатская женщина, — галантно заметил Грегори, и тон его голоса был низким и мелодичным, с успокаивающими и исцеляющими нотками.

Оба, Михаил и Жак, обнаружили, что внимательно вслушиваются в него.

— Вы подходите нашему принцу, чтобы стать его Спутницей жизни, и я дарю вам свою верность и защиту, как подарил их Михаилу.

Голос Грегори просачивался в ее измученное сознание как целебный бальзам.

Рейвен перевела растерянный взгляд на Грегори. Ее длинные ресницы взметнулись, глаза потемнели.

— Вы помогли нам.

Ее пальцы поискали и нашли пальцы Михаила, переплестясь с ними, но взгляд не отрывался от лица Грегори.

— Вы были так далеко. Солнце стояло высоко, но тем не менее, вы обо всем узнали и оказались в состоянии помочь нам. Для вас это было трудно, я почувствовала это, когда вы потянулись ко мне, чтобы забрать то, что я не могла вынести.

Серебристые глаза, резко выделяющиеся на темном лице, сузились до узких полосок жидкого серебра. Завораживающие. Гипнотические. Голос понизился еще на одну октаву.

— Михаил и я связаны: мы вместе делили долгие темные годы пустоты без единой надежды. Возможно, ты и есть надежда для нас обоих.

Рейвен неотрывно смотрела на него.

— Я была бы рада.

Михаил почувствовал, как волна любви, волна гордости накатывает на него. Сколько в ней понимания. И хотя ментально она была избита и расплющена, хотя сознание Грегори было плотно закрыто от них, а по его резким чертам было невозможно ничего прочесть, она поняла, что Грегори борется за выживание, что он нуждается в свете и надежде. Михаил мог бы сказать ей, что Грегори похож на воду, утекающую через пальцы: ее невозможно ни удержать, ни заставить течь по-своему. Он был сам себе закон — темный опасный мужчина на краю зияющей перед ним бездны безумия.

Михаил скользнул руками вдоль ее плеч.

— Мы собираемся доставить тебя в какое-нибудь безопасное место, — тихо сказал он, словно разговаривал с ребенком.

Пристальный взгляд Рейвен замер на лице Михаила. На этот раз ее улыбка была естественной, она засветилась в ее глазах.

— Если бы вы трое могли видеть себя со стороны. Это очень мило, что вы хотите меня защищать, словно я фарфоровая кукла, — а сейчас я примерно так себя и чувствую, — но

Михаил всегда во мне, а я — в нем. Я чувствую то же, что и он, знаю его мысли. Хотя он старается спрятать их от меня.

Она наклонилась, чтобы поцеловать его щетинистую щеку.

— Я благодарна вам за попытку защитить меня, но я не слабая. Мне просто нужно преодолеть человеческие ограничения в моем сознании, которые мне мешают. Никто из вас не сможет сделать это за меня. Я должна справиться сама.

Жак протянул Рейвен руку со старомодной галантностью. Она приняла ее и позволила поднять себя на ноги. Михаил встал рядом, его руки обнимали ее. Она нуждалась в этой близости, в ощущении его твердого тела. Грегори исполнял роль охранника, всматриваясь в воздух и землю, двигаясь так, что его тело закрывало принца и его Спутницу жизни.

Три внушительные фигуры окружили небольшую фигурку, двигаясь как одно целое, как почетный караул, их шаги были медленны, сознания безмятежны, без единого намека на нетерпение или на желание взяться за ночную работу. Голод разъедал Михаила, но он тоже держался в уголке сознания. Когда ее сознание дотрагивалось до его, она чувствовала только любовь и обеспокоенность, желание ее порадовать.

Рейвен наслаждалась ощущением мягких листьев под босыми ногами, когда они шли через лес. Она подняла лицо навстречу ветру, глубоко вдыхая все тайны, которые смог донести легкий ветерок. Каждое насекомое, каждый шорох в кустах, каждое покачивание веток уменьшало невыносимый страх в ее сердце, унося пугающие воспоминания как можно дальше.

— Я могу полностью избавить тебя от них, — тихо предложил Михаил.

Рейвен одарила его слабой улыбкой, предназначенной для того, чтобы его приободрить. Она прижалась к нему, прекрасно понимая, какой это для него соблазн, понимая, что двое других мужчин посчитали бы его сумасшедшим, не воспользуйся он шансом.

— Ты же знаешь, я предпочитаю сохранять свои воспоминания. Все.

Они шли примерно час, Михаил неуловимо направлял ее вверх по извилистой узкой тропинке вглубь леса и выше в горы. Небольшой дом скрывался за скалой. Почти у самых стен густо росли деревья. Снаружи он выглядел совсем маленьким, темным и заброшенным.

Жак и Грегори мгновенно изменили мрачный интерьер. По мановению руки исчез слой пыли. Поленья в камине оказались охвачены пламенем. Зажглись свечи, и аромат леса наполнил помещение.

Рейвен покорно вошла внутрь. Грегори и Жак прошлись по небольшому строению, обустроив его, как могли, за короткий промежуток времени. А затем удалились под защиту леса, предоставляя Михаилу и Рейвен время побыть вдвоем.

Рейвен прошла по деревянному полу, устанавливая между собой и Михаилом дистанцию. Она все еще была очень слаба, но хотела обходиться без поддержки Михаила, насколько это было возможно. Она дотронулась до спинки стула, погладила ее пальцами. Привычное ощущение помогло уменьшить охватившую ее дрожь.

— Спасибо, Михаил, за джинсы.

Через плечо она ему загадочно улыбнулась. В глубине ее синих глаз он не нашел ни гнева, ни обвинения — только любовь к нему сияла там.

— Я счастлив, что они тебе понравились, хотя все еще считаю, что это одежда для мужчин, а не для красивой женщины. Я надеялся, хоть это заставит тебя улыбнуться.

— Только потому, что у тебя на лице появится все то же страдальческое выражение.

Она встала у окна, ее глаза с легкостью пронзали темноту.

— Я больше не хочу пережить это снова, — сказала она резко, со значением.

Желая, чтобы он понял, что она говорит серьезно.

Михаил резко втянул воздух, ответ был готов сорваться с его языка. Вместо этого он тщательно подобрал слова.

— Наша кровь и прежде всего наши тела приветствуют землю. Раны у меня на ноге зажили за одну ночь. Твои раны, такие глубокие, смертельные, — за шесть ночей.

Рейвен наблюдала, как ветер гонит по земле листья.

— Я довольно-таки умна, Михаил. Я смогла лично убедиться, что ты говоришь мне правду. Разумом я, возможно, принимаю это, восхищаюсь этим. Но я ни за что не хочу испытать это вновь. Я не могу. Я не желаю и прошу тебя принять этот мой недостаток.

Он преодолел разделяющее их расстояние. Рукой обхватил ее сзади и притянул к себе. Он обнимал ее в этом старом доме, далеко в горах. Он горевал о потере своего дома, своих книг, горевал о своем прошлом, но больше всего он горевал о том, что не может отдалиться от Рейвен. Он мог приказывать земле, животным, небу, но тем не менее не мог заставить себя стереть ее воспоминания, потому что она просила его не делать этого. Такая простая просьба.

Рейвен подняла голову, изучая темные черты его лица. Очень нежно она разгладила морщинки, которые залегли у него на лбу.

— Не печалься обо мне, Михаил, и перестань брать на себя так много. Воспоминания — полезная вещь. Когда я стану сильнее, я смогу вернуться к ним и изучить их, взглянуть на них с другой стороны и, возможно, стану чувствовать себя намного уютнее, когда надо будет защитить себя.

Легкая юмористическая нотка слышалась во всей этой фразе и некоторая доля скептицизма. Рейвен взяла его за руку.

— Знаешь, любовь моя, ты не несешь ответственность за мое счастье и здоровье. Всякий раз у меня был выбор, с самой первой нашей встречи. Я выбрала тебя. Совершенно ясно, в своем сердце и в мыслях я выбрала тебя. Если бы мне снова пришлось пережить все это, даже зная, через что придется пройти, я все равно без колебаний выбрала бы тебя.

Его улыбка могла растопить ее сердце. Взяв ее лицо в ладони, Михаил наклонился и прижался к ее рту губами. Между ними проскочил электрический разряд. Во влажном прикосновении его рта Рейвен почувствовала всю его любовь. Поднявшийся в них голод едва не сбил их с ног. Звук жарко kloкочущей крови, биение сердец, неожиданное бурное влечение буквально поглотили их обоих. Его руки обвились вокруг нее, притягивая ближе. Пальцы Михаила

запутались в ее шелковистых волосах, словно он хотел навечно удержать ее рядом с собой.

Рейвен растворилась в нем, на краткий миг она почувствовала свою податливость и мягкотелость, ощутила себя сладостным теплом, согревающим его. Она отодвинулась. Она видела терзающий его голод, поскольку точно такой же поднимался и в ней. После того, что ей пришлось пережить, ее тело требовало питания. Дрогнув ресницами, она окинула взглядом его горячо мужественные черты, чувственный рот, откликнулась на приглашение, что теплилось в его пристальном взгляде.

Рейвен целовала его горло, в то время как ее руки взметнулись к пуговицам на его рубашке. Ее тело сжалось, пульсируя. Ее губы скользнули по его коже. Она вдохнула его запах. Страстное желание внутри ее росло и распространялось, словно пожар. Ее язык попробовал на вкус его кожу, прошелся по его мускулам и вернулся к пульсу, бившемуся на шее.

— Я люблю тебя, Михаил.

Она прошептала эти слова, почти касаясь губами его горла.

Каждый мускул на его теле напрягся. Невыносимое желание заставило его тело содрогнуться от предвкушения. Она была чудом, в ней было все: и человеческая хрупкость, и храбрость, и сострадание. Пальцы Михаила в ее волосах сжались в кулак, притягивая голову Рейвен. Ее язык лизал его кожу, словно пламя скользил по его груди, становясь все горячее и горячее, пока все сознание Михаила не оказалось охвачено красной дымкой.

— Это опасно, малышка.

Черный бархат соблазна ощутила она в его хриплом голосе.

— Я нуждаюсь в тебе, — шепотом высказала она затаенное, и ее теплое дыхание опалило его плоские соски.

Она действительно нуждалась в нем. Его разгоряченное твердое тело изгоняло воспоминание о холодной земле, сомкнувшейся над ее головой. Ее тело двигалось нетерпеливо и многообещающе. Руки скользнули вниз, раздвинув края его рубашки, и спустились ниже, чтобы найти молнию, где его напряженная плоть рвалась на свободу. Он с трудом ловил ртом воздух, резкий стон еле сдерживаемого желания стал ответом на ее ласки.

— Я хочу ощутить в себе твоё тело, Михаил, живое, настоящее. Ничего больше мне не нужно. Я хочу ощутить тебя глубоко в себе.

Михаил через голову стянул рубашку и отбросил прочь. Его руки обхватили ее, выгибая назад, и он потерял своими скулами, заросшими щетиной, о ее нежную грудь. От этого жесткого прикосновения язычки пламени пробежали по ее нервным окончаниям. Его рот скользнул вверх и жадно захватил ее губы. Языком он погладил линию ее шеи там, где бешено бился пульс, и мучительно медленно спустился к соску. Она почувствовала прилив влажного тепла, раскаленную боль, когда его губы сомкнулись вокруг ее соска. Рейвен издала крик и откинула голову, выгибаясь ему навстречу, предлагая себя.

Без всякого предупреждения монстр внутри его вырвался на свободу и, взревев, сорвал с нее джинсы. Покусывая ее плоский живот, он опустился на колени. Через тонкую ткань трусиков она почувствовала его горячее дыхание, влажное прикосновение его языка, от которого перехватывало дыхание. Он отодвинул невесомую ткань, поглаживая и лаская.

Рейвен снова издала крик, приветствуя неприрученного зверя, приподнимаясь ему навстречу. И когда он сорвал с нее трусики, она прижалась своим естеством к его жаждущему рту. Низкое рычание вырвалось из уст Михаила. Он упивался ею. Тем, как она вцепилась в его волосы, притягивая его еще ближе, ее хриплым бессвязным криком. Ее тело сотрясали судороги, пламя, раскаленное добела, требовало высвобождения.

Рыча от наслаждения, он удерживал ее на самом краю. Их запахи, смешиваясь, кружили ему голову. Он хотел, чтобы она ощутила его власть над нею, чтобы она горела и нуждалась в нем, как он нуждается в ней.

Его собственное имя эхом отозвалось в голове Михаила ее невнятной мольбой, от которой его напряженное тело начало испытывать боль. Жажда обладания стала невыносимой. Его тело требовало шелковистых прикосновений ее губ, нежных покусываний ее зубов.

С рычанием он вознес ее на облака, отчего ее тело охватила сильная дрожь, и оно изогнулось, требуя большего — проникновения. Упав на колени, она стала стаскивать с него брюки, пока его плоть не вырвалась на свободу, напряженно направленная в ее сторону. Ногтями Рейвен царапала его ягодицы.

Ее низкий смех эхом отозвался в его сознании. Скольжение шелковистых волос по его бедрам было почти невыносимым. Настал его черед, и он сообщил ей об этом безмолвной мольбой. Когда она подчинилась, горячий и влажный атлас ее рта свел его с ума. Если до этого он еще владел ситуацией, то теперь власть перешла к Рейвен, и она была в полном восторге: она могла делать с ним, что хотела.

Рычание пророкотало в его горле, становясь почти животным, пугающим. Его бедра двигались в безумном ритме. Михаил вдруг понял, что больше не может это выносить, и, оттолкнув ее, опустился на пол с ней вместе и раздвинул ее колени, готовясь овладеть ею.

Прижав Рейвен к полу, он вошел в нее одним мощным толчком, заполнив собой ее узкий бархатный канал так глубоко, как только было возможно.

Рейвен вскрикнула, когда он с силой вошел в нее; каждый его толчок был исступленнее, чем предыдущий. Она языком ласкала его горло.

— Накорми меня, Михаил. Накорми сейчас, когда овладеваешь мною, а потом я дам тебе все, чего ты пожелаешь.

Она шептала это, как колдунья. Никогда до этого она не просила его крови, дающей жизнь, и сама мысль об этом возбуждала. Его тело затвердело, как камень, но стало двигаться медленнее, и он смог ощутить ее предвкушение, когда она облизывала точку, где бился его пульс. И когда он погрузился в ее горячие ножны, ее зубы в ответ глубоко проникли в него. Раскаленное добела тепло и голубые молнии пронеслись по его телу. От утонченного наслаждения, соединенного с болью, он запрокинул голову.

Сладкий запах его древней крови смешался с их мускусным запахом; сильные движения ее губ и языка перекликались с крепкой хваткой ее рук. Он хотел, чтобы она приняла его кровь и семя в свое тело. Оно вздымалось ему навстречу в сладостной попытке, сжимая его в бархатных тисках.

Они лежали, соединенные, и по их телам прокатывались волны удовольствия. Он был сверху, каменно тяжелый. Пальцы Рейвен гладили его волосы, его лицо. Она приподняла бедра, а внутри ее все сжалось, обхватывая его еще плотнее. Притянув к себе его голову, она впилась в

его рот, делясь сладостным вкусом его крови, поддразнивая, соблазняя, продлевая его жажду, подводя его к последней черте.

Он взял себя в руки и жадно впился в ее губы. Его язык ласково скользнул по ее горлу, задержался на трепещущей жилке. Его зубы царапали, мучая, пока он овладевал ею, погружаясь глубоко и мощно.

Рейвен пробормотала его имя, притягивая его голову к своей груди, приподнимаясь в умоляющем приглашении. Он потерся щекой и уткнулся в ложбинку между ее грудями, больно царапая щетиной ее нежную кожу. Он взял губами ее сосок, она прижала его к себе, и тут ее тело взорвалось от удовольствия, подчиняясь его ритму.

Михаил поднял голову, его глаза были затуманены, они затягивали в глубины сознания. Он потерся о ее грудь, проложил по ней дорожку из поцелуев. Его бедра подались вперед. Его глаза снова встретились с ее глазами.

— Да, пожалуйста, да, — требовательно прошептала она, притягивая его голову. — Я хочу этого, Михаил.

Его зубы царапнули и пронзили ее тонкую кожу, огненно-белая боль охватила ее, но, несмотря на это, тело содрогнулось в экстазе. Клыки проникли глубоко, и голод его был ненасытным. Он погрузился в нее, он выпивал ее, наполняя жизнью свое тело, его сознание слилось с ее сознанием.

Опасность. Сладостная опасность. Если бы это длилось вечность — этот миг, когда они делят тело, кожу, сознание. Каждый удар, быстрый и сильный или медленный и глубокий, был изысканным мучением. Ее кровь наполняла каждую его клетку. Он входил в нее как можно глубже, унося обоих ввысь, за облака, где они взорвались в огненном вихре и, растворившись в нем, упали на землю.

Рейвен лежала под ним, вслушиваясь в их смешанное сердцебиение; ее пальцы скользили в его темных волосах цвета эспрессо. Ее тело принадлежало ему — она вся ему принадлежала. Его язык ласково прошелся по ее коже, слизнув капельку крови, стекающую по груди. Обрушив дождь поцелуев на ее груди, Михаил скользнул губами по горлу Рейвен и нашел ее рот нежным и мягким поцелуем. Он погладил ее горло, упиваясь мягкостью ее бархатистой кожи.

Он был поражен, что она выбрала именно это мгновение, чтобы принять то, что она теперь карпатка. Он не сомневался, что она любит его и связана с ним, но он знал, что она отвергает саму мысль о том, что ей придется делать, чтобы жить. Его восхищало, что после ужаса, который она пережила, она нашла в себе силы безоговорочно принять новую жизнь. За все время, что они провели вместе, Михаил понял, что она всегда будет его удивлять.

— Ты хотя бы понимаешь, как сильно я тебя люблю? — тихо спросил он.

Ее длинные ресницы взметнулись, и фиолетовые глаза остановились на его лице. Она медленно и восторженно улыбнулась.

— Ну, немножко, наверное, понимаю. Со мной все будет в порядке. Делай то, что должен делать, и не беспокойся обо мне.

— Я хочу, чтоб ты немного поспала.

Он передвинулся, избавляя ее от тяжести своего тела, и обнаружил, что так до конца и не

разделся.

— Ты этого хочешь только потому, что слишком зол на Романова, и не хочешь, чтобы я узнала о том, что ты собираешься сделать.

Она приподнялась на локте, и густая копна волос рассыпалась по ее телу, прикрыв грудь.

От этого зрелища он вздрогнул, а его глаза стали черными от внезапно нахлынувшего желания. Она залиvisto рассмеялась. Михаил склонил голову, и ее соски напряглись от прикосновения его языка.

Пальцы Рейвен с любовью прошлись по его густым волосам.

— Ты не хочешь подвергать опасности Жака и собираешься оставить его со мной в качестве телохранителя. — Ее глаза потеплели, — ты хочешь сделать что-то, что я не смогу принять, но я верю тебе, Михаил. Я считаю тебя могущественным и честным. Ты имеешь полное право презирать Руди, но я знаю, ты сможешь забыть об этом и поступить так, как считаешь правильным. Он молод, он потрясен смертью обоих родителей. Что бы он ни нашел, он стал подозревать тебя, поэтому все так получилось.

Михаил закрыл глаза и медленно выдохнул. Она связывала ему руки. Как он мог убить человека, заставившего Рейвен страдать, когда она простила его?

— Иди найди пропитание, прежде чем увидишься с ним. Ты сделал меня слабой, и если ты простишь мне мой неуклюжий карпатский юмор, я надеюсь, что ты принесешь мне обед на дом.

Потрясенный, он смотрел на нее. Повисла пауза, а потом оба прыснули.

— Иди оденься, — притворно строго приказал Михаил. — Не хочу, чтобы ты мучила бедного Жака.

— Но я твердо намерена помучить его. Зачем он все время такой серьезный?

— Жак — самый несерьезный из всех карпатских мужчин. Он сохранял эмоции намного дольше остальных. Прошло всего несколько веков с тех пор, как он их утратил.

— Он серьезен, когда надо отдавать приказы женщине. Он точно знает, как мы должны себя вести. И я хочу с этим разобраться.

Он поднял бровь.

— Не сомневаюсь, ты найдешь, чем его занять, пока мы будем отсутствовать. Но сделай одолжение, малышка, не будь с ним слишком строга.

Одеваясь, они не переставали смеяться.

Глава 13

Руди Романова напичкали лекарствами, их резкие запахи ударили Михаилу в ноздри. Сама мысль о том, чтобы выпить эту отравленную кровь, была отвратительна, но тем не менее это было необходимо. При желании он смог бы прочитать мысли Романова, но Рейвен поверила ему. И хотя все в нем требовало смерти Романова, Михаил не мог ее предать.

— Позволь мне, — тихо сказал Грегори, легко читая намерение Михаила.

— Это большой риск для твоей души, — заметил Михаил.

— Выживание нашей расы стоит этого риска. Романов представляет собой опасность, которой мы не можем пренебречь. Мы должны сосредоточить все силы на поисках женщин, которые смогут обеспечить наше дальнейшее существование, а не на борьбе с охотниками на вампиров. Лишь немногие человеческие женщины — женщины с необыкновенными психическими способностями — могут стать парой для наших мужчин.

— И на чем основывается твоя теория? — осторожно, но не без угрозы спросил Михаил.

Опыты с женщинами относились к преступлениям, которым нет прощения.

Серебристые глаза Грегори сузились и блеснули. Темная пустота в нем росла, черное пятно расплзлось по его душе. Он даже не пытался скрыть это от Михаила. Наоборот, он словно хотел показать, насколько отчаянным становится его положение.

— Я совершил множество уродливых поступков, которым нет прощения, но я никогда не воспользовался женщиной для эксперимента. Именно я должен взять кровь Романова, если ты хочешь, чтобы он продолжал жить.

Грегори не спрашивал, он сообщал о своем решении.

Два карпатца свободно миновали узкий коридор психиатрического отделения больницы. Люди испытали лишь легкое ощущение прохлады и ничего более, когда они, невидимые, прошли мимо. Густым туманом они просочились сквозь замочную скважину и закружились по комнате, саваном окутывая тело Романова. Он закричал, страх сковал его душу, а туман змеей извивался вокруг, скользя по его ребрам и запястьям, обвивая шею. Ветер усиливался. Он чувствовал его на собственной коже — как тиски, скручивающие его тело в спираль. Но как только он пытался схватить этот дым, руки проходили его насквозь. Чьи-то голоса шипели, шептали, угрожали — так тихо, словно звучали у него в голове. В безуспешной попытке остановить это бормотание он закрыл уши. Из его приоткрытого рта капала слюна, а горло судорожно сжималось.

Туман разделился, одна его часть проследовала в дальний угол и зависла над полом. Другая медленно уплотнилась, замерцала, обретая форму, пока на ее месте не появился мускулистый широкоплечий мужчина с прозрачными глазами, из которых смотрела смерть. Руди затрясся, забившись в угол. Видение не могло быть реальным, настолько ужасающим оно было.

— Романов.

Белые клыки Грегори блеснули в темноте.

— Кто вы? — Слова хриплым карканьем вырвались из его горла.

Прозрачные глаза сверкнули, сузившись до немигающих щелок.

— Ты и сам знаешь.

Эти серебристые глаза глядели прямо в душу. Голос Грегори стал низким, гипнотизируя Руди.

— Подойди ко мне, накорми меня. Стань моим слугой, пока я не передам тебе проклятие

темноты.

В глазах Романова появились проблески понимания, страх превратился в леденящий ужас. И все-таки он придвинулся ближе, отодвигая ворот рубашки и открывая яремную вену на своей шее. Грегори снова прошептал что-то — его голос мог убедить кого угодно.

— С этого момента ты будешь служить мне, являться на мой призыв, отчитываться передо мной, когда я прикажу.

Романов понял, что душа его потеряна. Он чувствовал могущество незнакомца, его колоссальную силу и понимал: он в состоянии делать нечто, неподвластное воображению смертного. Бессмертие. Это был соблазн. Он с готовностью наклонился, поворачивая голову и открывая горло. Ощутил горячее дыхание и острую боль, когда клыки вонзились в его шею. Романов чувствовал, как его кровь рекой утекает из тела. Боль не утихала, да он и не желал этого. Странная истома охватила его, веки отяжелели, и он закрыл глаза.

Туман в комнате стал плотнее, обернувшись вокруг Грегори, он просочился между карпатцем и его жертвой. Неохотно, с протестующим рычанием Грегори оторвался от питания и с презрением позволил обмякшему телу упасть на пол.

Ты чуть не убил его, со злостью сказал Михаил.

Он заслуживает смерти, У него внутри гниль и пустота. Он мечтает о бесконечных ночах, беспомощных женщинах, о праве распоряжаться жизнью и смертью. И в этом он похож на своих отца и деда. Он как полая раковина, из которой черви выели все, что было в ней хорошего. Его сознание — клубок противоречивых желаний.

Он не может умереть так, Грегори.

Раздался свист — Михаил выражал недовольство.

К нашим людям приковано всеобщее внимание. Если Романов умрет от потери крови...

Я не столь беспечен.

Грегори ногой отбросил тело в сторону.

Он будет жить. Но именно его дед начал все это...

Его звали Рауль, помнишь? Он был сумасшедший, и в старости оставался таким же развратником, как и в молодости. Бил жену и домогался молоденьких девушек. Один раз мне даже пришлось остановить его.

Михаил задумался, вспоминая.

И ты вызвал у него не только ненависть, но и подозрения. После этого он стал за тобой следить. Шпионить при каждой возможности, надеясь обнаружить что-нибудь, что поможет тебя изобличить. Что-нибудь, что тебя выдаст, — жест, манеру говорить, кто знает? И свои подозрения он передал Гансу.

Грегори пнул безжизненное тело.

Романов переслал по факсу копии доказательств нескольким людям. Но оригиналы остались у него дома, под половицей в спальне родителей.

Грегори наблюдал, как очнувшийся Руди пытается отползти подальше.

Рано или поздно они появятся здесь.

Тело Грегори замерцало, растворяясь, и только туман за клубился по комнате. Эта дымка, змеясь, приблизилась к Романову, жавшемуся к полу, покружилась у его горла и покинула комнату. Романов беспомощно зарыдал.

Михаил и Грегори плавно скользнули по коридору, быстро и молча, торопясь вырваться на свежий ночной воздух. После проникновения в порочное сознание Руди они нуждались в единении с землей. Оказавшись снаружи, Грегори стал выводить через поры попавшие в его тело лекарства, очищая свой организм от яда. Михаил наблюдал за ним, восхищаясь, с какой легкостью он это делал. По пути к дому Романова Грегори хранил молчание. Михаил тоже ничего не говорил, не мешая ему ощущать ароматы ночи, чувствовать землю под ногами, слушать вой волков.

В безопасности дома Романовых Грегори быстро нашел документы, спрятанные под половицей. Михаил взял старую фотографию и кипу бумаг, не взглянув на них.

— Расскажи мне обо всем, что творится в его сознании.

Серебристые глаза Грегори блеснули.

— Человек по имени Словенски, Евгений Словенски, — член тайного общества, цель которого — истребление вампиров. Ван Хелен, Антон Фабрецо и Дитер Ходкинс — так называемые эксперты, они проводят расследование и выявляют будущих жертв. Словенски вербует новобранцев, утверждает убийства и ведет записи.

Михаил тихо выругался.

— Еще одна охота на вампиров уничтожит наш народ.

Грегори пожал плечами.

— Я найду и уничтожу этих людей. Ты же забери Рейвен и уезжай из этих мест. Я чувствую, что ты не согласен, но это единственный выход, и мы оба это понимаем.

— Я не могу отдать за свое счастье твою душу.

Серебристые глаза взглянули на Михаила и устали в ночь.

— Для нас нет иного выбора. Спутница жизни — моя единственная надежда на спасение. Я больше не испытываю чувств, Михаил, — я достиг всего, чего желал. Мое тело больше не испытывает желаний — только разум. Я не помню, что значит чувствовать. В моей жизни нет радости. Я просто существую и выполняю свой долг. Мне надо как можно скорее найти Спутницу жизни, продержаться я смогу лишь несколько лет, а потом начну искать вечный покой.

— Не вздумай выходить на солнце, Грегори, не повидав меня. — Михаил поднял руку, когда Грегори попытался запротестовать, — я был на твоём месте — одинокий, с монстром внутри, который жаждет взять над тобой власть, с темным пятном в своей душе. Наши люди нуждаются в тебе. Ты должен оставаться сильным и бороться.

Серебристые глаза Грегори опасно сверкнули угрожающе.

— Не переоценивай мою привязанность и верность. Я должен найти пару. Если я почувствую что-нибудь — желание, страсть, хоть что-нибудь, — я возьму то, что мне принадлежит, и никому не позволю отобрать ее у меня.

Вдруг тело Грегори замерцало, превращаясь в кристаллы и вытекая из дома в ночь.

Покинем этот дом, в нем безумство и смерть. Может быть, во мне говорит зараженная кровь, которую я взял.

Вздохнув, Михаил последовал за Грегори. Два тумана, похожие друг на друга, как близнецы, замерцали в свете луны, соединившись с еще одним, стелющимся над землей. Возвращаясь к Рейвен, Михаил понесся сквозь кроны деревьев, направляясь к просеке, за которой в лесной чаще стояли дома. Миновав дом священника, уже на лугу он почувствовал беспокойство. Этого оказалось достаточно, чтобы он вернулся к дому отца Хаммера, где под прикрытием деревьев принял человеческий вид. Его сознание дотронулось до сознания Рейвен. Ей ничто не угрожало.

— В чем дело? — Грегори материализовался рядом с Михаилом.

Они просканировали территорию. Земля рассказала им о насилии: затоптанные следы, капли крови.

Глаза Михаила встретились с прозрачными глазами Грегори, и они одновременно повернулись к дому его старого друга.

— Я пойду первым, — сказал Грегори со всем сочувствием, на какое был способен.

Он плавно обогнул Михаила и двинулся к крыльцу.

Внутри все было вверх дном. Нехитрая мебель сломана, занавески сорваны, тарелки вдребезги разбиты. Драгоценные книги священника изорваны, а картины изрезаны в клочья. Травы отца Хаммера, бережно хранившиеся в банках, были свалены в кучу на полу в кухне. Матрас был исполосован ударами ножа, а одеяло разорвано на кусочки.

— Что они искали? — задумчиво спросил Михаил, оглядываясь.

Он поднял с пола шахматную ладью. Капли крови были везде: на полу, на резном кресле-качалке.

— Тела нет, — заметил Грегори.

Потянувшись, он поднял старинную Библию в кожаном переплете. Она была сильно потрепана, а места, которых часто касались пальцы священника, лоснились.

— Но где вонь, туда ведет и след.

Грегори передал Библию Михаилу, наблюдая, как принц молча засовывает книгу под рубашку, ближе к коже.

Мускулистое тело Грегори согнулось. Руки покрылись блестящей шерстью, ногти стали когтями, блеснули клыки. Огромный черный волк выпрыгнул в окно, переходя на бег. Михаил последовал за ним, перемахивая через деревья, кружась и нюхая землю. Запах вел прочь от

городка — вглубь леса. След поднимался все выше и выше в горы. Прочь от Рейвен и Жака. Кто бы ни забрал отца Хаммера, он хотел остаться с ним наедине, чтобы сделать свою грязную работу.

Михаил и Грегори бежали быстро, плечом к плечу, покрывая милю за милей, мрачный огонь горел в их сердцах. Они бежали, держа нос по ветру, время от времени пригибая морды к земле, чтобы убедиться, что все еще идут по запаху священника. Со спины было видно, как вздымались их сильные мышцы, их сердца и легкие работали как хорошо смазанные машины. Лесные звери убирались с их пути, прижимаясь от ужаса к земле, когда два огромных волка пробегали мимо.

Деревья на всем протяжении их пути источали неизвестный запах. Михаил резко остановился. Они пересекли границу владений волчьей стаи Михаила и вторглись на чужую территорию. Волки часто нападали на незнакомцев. Михаил послал зов, чтобы ветер отнес его сообщение доминирующей паре.

Чуя запах крови священника, было легко идти по следу. Но странное беспокойство стало расти в Михаиле. Что-то ускользало от него. Они пробежали уже несколько миль, а след совсем не изменился. Запах не усилился и не уменьшился — он оставался прежним. Легкий шум над их головами возник как предупреждение — он напоминал трение камня о камень. Они были в узком ущелье, с обеих сторон окруженные высокими скалами. Оба волка немедленно растворились, становясь туманом. Дождь из камней, обрушившийся на их головы, прошил туман, не задев их.

Синхронно Михаил и Грегори взмыли в воздух. Их вновь проявившиеся тела с кошачьей грацией опустились на скалу, расположенную выше. Не было ни священника, ни напавших на них. Михаил с тревогой посмотрел на Грегори.

— Человек не смог бы это сделать.

— Священник не проходил по этому пути, и ни один смертный не проносил его, — задумчиво сказал Грегори. — Его кровь использовали, чтобы заманить нас в ловушку.

Оба начали сканировать территорию.

— Это работа вампира.

— Он достаточно умен: не оставил нам своего запаха, — заметил Михаил.

Из-за деревьев появилась стая волков, красные глаза смотрели прямо на него. Рыча и щелкая зубами, звери набросились на Грегори, стоявшего на самом краю скалы. Грегори превратился в демона, закружился вихрем и стал сбрасывать волков в ущелье, ломая им кости, словно спички. Он не издал ни звука, а скорость его была сверхъестественной — он действовал так стремительно, что казался расплывчатым пятном.

Михаил так и не сдвинулся с места. Печаль заполнила его душу. Бессмысленные убийства. Грегори с легкостью лишал жизни — без чувств, без сожалений. Это сказало Михаилу больше, чем любые слова, о том, насколько отчаянным становилось положение его народа.

— Ты вел себя слишком рискованно, — упрекнул его Грегори, появляясь рядом. — Они были запрограммированы, чтобы тебя уничтожить. Тебе надо убираться отсюда от греха подальше.

Михаил посмотрел вокруг. Тела валялись на расстоянии не меньше десяти футов.

— Я знал, что ты этого не допустишь. Теперь он не остановится, пока не уничтожит тебя, Грегори.

Слабая, похожая на волчий оскал усмешка тронула губы Грегори.

— А это идея, Михаил. Пусть это будет моим приглашением. Он, конечно, может открыто бросить тебе вызов, если пожелает, но он выдает себя за смертного. А такое вероломство прощать нельзя.

— Мы должны найти отца Хаммера, — тихо сказал Михаил. — Он слишком стар, чтобы пережить такое нападение. Вампир не оставит его в живых, когда взойдет солнце.

— Но зачем такие сложности? — Грегори рассуждал вслух. — Он наверняка знал, что ты не дашь застать себя врасплох, даже в ущелье и окруженный волками.

— Он отвлекал мое внимание.

В темных глазах Михаила мелькнул страх. Он еще раз дотронулся до сознания Рейвен. Она поддразнивала Жака.

Михаил резко вдохнул.

— Байрон. Всем жителям деревни прекрасно известно, что он брат Элеонор. Если мишенями для нападавших стали Элеонор, ее ребенок и Влад, то, само собой разумеется, такой же мишенью является и Байрон.

Еще до того как его тело стало покрываться перьями, переливчато мерцающими в лунном свете, и молнией понеслось по небу, он уже послал резкое предупреждение молодому карпатцу. Мощные крылья вспарывали воздух — так он спешил на помощь лучшему другу брата.

Грегори осматривал горы: они возвышались над лесом, словно тень. Он шагнул с обрыва, и, пока падал камнем вниз, его тело стало изменяться. Расправились крылья, поднимая его к небу, к горным вершинам, встающим над верхушками деревьев. Вход в пещеру был просто щелью в каменной стене. Снять защиту оказалось довольно легко. Чтобы протиснуться в узкий проход, Грегори превратился в туман и просочился в трещину.

Проход стал расширяться, петляя и уходя вглубь горы. С одной стороны по стене стекала вода. Наконец он достиг большой пещеры — логова вампира. Теперь он смог почувствовать его запах. Удовлетворение вспыхнуло в серебристых глазах Грегори. Вампир больше не найдет здесь пристанища. Нежить узнает: того, кто смеет угрожать их принцу, настигнет беспощадная месть Грегори.

Рейвен расхаживала взад и вперед, время от времени посылая Жаку ироничную улыбку.

— Я прекрасно умею ждать.

— Вижу, — сухо согласился Жак.

— Да ладно, Жак.

Рейвен снова прошла по комнате, прежде чем повернуться к нему лицом.

— Разве ты не находишь, что это немного щекочет нервы?

Он лениво потянулся в кресле, блеснув самоуверенной улыбкой.

— Ты имеешь в виду — быть запертым в одной комнате с прекрасной сумасшедшей?

— Ха-ха-ха. Неужели все мужчины-карпатцы считают, что у них прекрасное чувство юмора?

— Только те из нас, у кого есть свояченицы, которым все как об стенку горох. Такое ощущение, что я играю в пинг-понг. Успокойся.

— Ну и как долго длятся подобные мероприятия? Михаил был очень расстроен.

С притворной небрежностью откинувшись назад, Жак наклонил стул под опасным углом и поднял бровь.

— У женщин почему-то слишком буйное воображение.

— Интеллект, Жак, а не воображение, — поправила она с кошачьими интонациями.

Он усмехнулся.

— Карпатские мужчины понимают, что у женщин тонкая душевная организация. Вы просто не можете справляться с трудностями, как мы, мужчины.

Рейвен зацепила ногой стул, и Жак рухнул на пол. Она смотрела на него сверху вниз с довольным видом.

— Мужчины-карпатцы страшно самовлюбленные, мой дорогой деверь, — заявила она, — и не слишком понятливые.

Жак взглянул на нее с притворной яростью.

— В вас есть какая-то изюминка.

Вдруг он встревоженно вскочил на ноги, его темные глаза сразу стали холодными.

— Надень это.

И он прямо из воздуха создал теплую вязаную кофту.

— Как вы это делаете?

Все это было похоже на магию.

— Карпатцы могут сделать все, что угодно, из того, что принадлежит природе, — объяснил он, отвлекая ее. — Надень это, Рейвен. Я начинаю чувствовать себя в этой хижине, точно в ловушке. Мы должны выйти в ночь, где я смогу почувствовать приближающуюся беду.

Рейвен поплотнее запахнула кофту и последовала за Жаком на террасу.

— Ночь почти закончилась, — заметила она.

Жак резко вдохнул.

— Я чувствую запах крови. Два человека, одного из них я знаю.

— Отец Хаммер! — в тревоге воскликнула Рейвен. — Это его кровь.

Она стала спускаться по ступеням, но Жак, более осторожный, схватил ее за руку.

— Мне это не нравится, Рейвен.

— Он ранен, Жак. Я чувствую его боль. Он уже немолод.

— Возможно. Но как он тут оказался? Место здесь довольно уединенное, и мало кто знает об этой хижине. Почему священник пришел сюда, когда приближается час нашей слабости?

— Может быть, он умирает. Михаил доверяет ему, — твердо заявила Рейвен, ее сердце уже устремилось навстречу священнику. — Мы должны помочь ему.

— Ты будешь идти позади меня и делать, как я скажу, — приказал Жак. — Я дал Михаилу слово, что буду защищать тебя ценой своей жизни, и собираюсь его сдержать.

— Но...

Рейвен вынуждена была смириться.

— Почувствуй ветер, Рейвен. Ты же карпатка. Не всегда доверяй очевидному. Смотри глубже, чем видят глаза и сердце. Я позвал Михаила. Хотя он далеко от нас, но мигом вернется. Да и рассвет приближается. — Жак спустился с террасы и подошел к деревьям, оглядываясь по сторонам. — Здесь есть кто-то еще. Рейвен старательно вдыхала ночной воздух, сканируя территорию во всех направлениях, но смогла почувствовать только приближение священника и его спутника-человека.

— Что я пропустила, Жак?

И тоже почувствовала это — ощущение беспокойства в естественной гармонии природы, силу, нарушающую баланс земли.

Она увидела, как Жак резко перевел дыхание, его темные глаза, так похожие на глаза Михаила, заблестели внезапной жестокостью.

— Уноси ноги, Рейвен. Беги. Быстро. Не оглядывайся. Найди укрытие от солнца и дожись Михаила.

— Я могу помочь тебе.

Ужас разрастался у нее в груди. Что-то страшное угрожало им, и даже Жак боялся этого. Но Рейвен не могла найти в себе силы убежать и оставить деверя одного перед лицом опасности.

— Я не могу уйти, Жак.

— Ты не понимаешь. Твоя жизнь более ценна, чем моя, чем священника — чем любого из нас. Ты наша единственная надежда на будущее. Уйди. Не заставляй меня обманывать ожидания брата.

Нерешительность боролась в ней с совестью. Отец Хаммер медленно появился в поле ее зрения. Он выглядел еще более хрупким, чем она запомнила. Все его лицо было опухшим от

побоев, его с трудом можно было узнать. Впервые он выглядел на свои восемьдесят три года.

— Уходи, Рейвен! — прошипел Жак, медленно оборачиваясь кругом и не бросая ни единого взгляда на приближающегося священника.

Жак беспокойно бегал глазами.

— Ты должна сейчас же уйти.

В поле их зрения появился еще один мужчина. Он был поразительно похож на Евгения Словенски, но моложе, и волосы у него были светлые. Он шел позади священника, подталкивая его в спину.

Священник споткнулся и осел на одно колено, попытался подняться и упал ничком, испачкав лицо в грязи. Человек сзади пнул его ногой.

— Поднимайся, старик, черт тебя подери. Вставай, или я убью тебя там, где лежишь.

— Прекратите! — закричала Рейвен, слезы выступили у нее на глазах. — Отец Хаммер!

И она, не думая, сбежала по ступенькам.

Жак прыгнул вперед и отрезал ей путь с такой скоростью, что превратился в расплывчатое пятно, и грубо толкнул обратно к крыльцу.

— Это ловушка, Рейвен. Уходи отсюда.

— Но отец Хаммер! — протестующе крикнула Рейвен.

— Идите сюда, леди, — рявкнул человек, как две капли воды похожий на Словенски.

Он наклонился, схватил священника за воротник и поставил на колени. У горла отца Хаммера блеснуло лезвие ножа.

— Я убью его прямо сейчас, если вы не сделаете, что я скажу.

Жак развернулся, красные огоньки зажглись в глубине его глаз. От его низкого предупреждающего рычания по спине Рейвен прошла дрожь, а у напавшего на священника человека краска схлынула с лица.

Вокруг них поднялся ветер, закруживший листья и ветки у ног Жака. Неизвестное создание материализовалось из ниоткуда, с силой ударив его в грудь и отбросив прямо в ствол дерева.

Рейвен закричала.

Михаил! Где ты?

Иду. Убирайся оттуда.

Жак и немертвый били друг друга о древесные стволы. Резали когтями, рвали и раздирали клыками. Ветки ломались под весом их тел. Эти двое, сцепившиеся в смертельной схватке, непрерывно видоизменялись. Вампир, набравший полную силу после только что совершенного убийства, бросался на Жака, нанося ему кровавые раны.

Беги, Рейвен. Ему нужна ты, предупредил Жак. Уходи, пока можешь.

Она слышала тяжелое дыхание Жака, видела, как он слабеет. За всю свою жизнь Рейвен ни разу ни на кого не нападала, но сейчас Жак попал в беду.

Поторопись, Михаил.

Отчаяние сквозило в ее послании. Рассвет окрасил небо, когда она бросилась на спину вампира, стараясь оторвать его от Жака.

Нет, назад!

Крик Жака был резким и властным, но в нем был ужас.

Не надо, Рейвен! — издали повторил приказ Михаил.

Нет, женщина, не делай этого! — свирепо прошептал в ее голове голос Грегори.

Не понимая почему, но будучи уверенной, что находится в смертельной опасности, Рейвен попыталась прыгнуть. Но вампир протянул руку и крепко схватил ее за запястье, его глаза загорелись триумфом. Острые зубы впились в ее руку, и он с жадностью начал пить темную горячую кровь. Рука загорелась, ее пронзила боль, как будто к этому месту приложили докрасна раскаленное клеймо. Кожа была разорвана, и зияющую рану продолжали терзать клыки.

Михаил и Грегори одновременно нанесли ментальный удар по горлу вампира. Хотя нападение было не слишком успешным, ведь они были далеко, эта совместная попытка вышибла дух из немертвого. А Жак с удвоенной яростью врезал вампиру, оттесняя его назад, отталкивая от Рейвен, и она снова ощутила себя свободной. Хлынувшая кровь окрасила траву в алый цвет, и на мгновение сражающиеся замерли, повернувшись в ее сторону.

— Закрой рану! — ощерился вампир.

Рейвен, ты умрешь от потери крови, постарался спокойно сказать Жак, чтобы она поняла всю серьезность ситуации.

Вампир нанес удар, вспарывая живот Жака, вынуждая его опустить руки, чтобы защитить себя. Голова вампира вытянулась в длинную морду наподобие волчьей, и он впился Жаку в горло, разрывая его.

Рейвен закричала и всем телом набросилась на вампира, нанося яростные удары по его спине и плечам. С презрением он отбросил тело Жака, которое осталось лежать неподвижно. Он притянул запястье Рейвен к своей пасти, его глаза улыбались ей, когда он осознанно медленно провел языком по ране, закрывая ее. Ее тело и разум восстали, в животе все перевернулось от нечистого прикосновения.

— Запомни, смертный, она моя, — скомандовал он человеку, похожему на Словенски. — Этой ночью я приду за ней. Укрой ее от солнца.

Вампир отпустил ее и взмыл в небо. Рейвен шатко направилась к обездвиженному Жаку, смачивая руки слюной.

— Вампир убил его, — истерически закричала она.

Одновременно она запустила руки в землю и набрала полные пригоршни грязи.

— О господи, он умер. Ты позволил убить его!

Закрывая Жака своим телом, как щитом, чтобы никто не видел, что она делает, Рейвен закрыла рану на горле Жака землей, смочив ее в своей исцеляющей слюне.

Пей, Жак, сейчас же, потому что только так ты сможешь продержаться до прибытия Грегори и Михаила.

Прижимая запястье к его рту, Рейвен продолжала рыдать.

Михаил! Жак смертельно ранен и лежит на солнце.

Она почувствовала приближение человека и осторожно отняла свое запястье. Жак был очень слаб, пытался вслепую и едва не пропустил намек. Он потерял слишком много крови.

Рейвен прикрыла его голову своей кофтой и наклонилась — словно для того, чтобы сказать последнее прощай.

Не подведи меня, Жак. Ты должен выжить. Ради меня, ради Михаила, ради всех нас. Не позволяй им одержать верх.

Даже передавая ему эти слова, она не смогла почувствовать ни биения пульса, ни малейшего удара сердца.

Сообщник вампира схватил ее за плечо и рывком поставил на ноги. Она была смертельно бледна, голова кружилась, а тело ослабело.

— Довольно рыдать. Доставишь мне проблемы — я убью священника. Причинишь мне вред — священника убьет вампир.

И толкнул ее вниз по тропе. Рейвен подняла голову и равнодушно посмотрела на него покрасневшими глазами.

— Тогда ради себя самого сделай так, чтобы отец Хаммер оставался в добром здравии.

Рейвен знала, лишь прикоснувшись к этому человеку, что он сам ни на миг не поверил, что священник — адвокат дьявола или слуга Михаила. Он видел силу вампира и рассчитывал, что вскоре будет вознагражден.

Джеймс Словенски заметил презрение в ее взгляде и понял, что она читает его мысли. Это ему не понравилось, и он снова толкнул ее вниз по тропе.

Она собрала всю свою волю в кулак, чтобы заставить себя идти по неровной земле. Она никогда еще не испытывала такой слабости. Она даже не могла помочь отцу Хаммеру. Все силы уходили на то, чтобы переставлять ноги. Неожиданно она тяжело опустилась на землю, с ужасом поняв, что не может передвигаться. Не глядя на своего конвоира, Рейвен заставила себя подняться. Ей не хотелось, чтобы он дотрагивался до нее. Она чувствовала такой холод внутри и снаружи, что, наверное, никогда уже не сможет согреться.

Возьми питание от священника, приказал вампир, ярость тлела в его голосе.

Рейвен оглянулась вокруг и поняла, что голос раздался в ее голове. Вампир создал между ними

кровную связь и теперь мог управлять ею.

Пошел к черту.

Он издевался над ней.

Ты дала свою кровь Жаку. Мне следовало этого ожидать. Но он не выживет, я нанес ему смертельную рану.

Рейвен собрала все презрение, на которое только была способна, и заполнила им свое сознание. Четко соображать становилось все труднее, она то и дело падала. Похититель втолкнул ее на заднее сиденье автомобиля, рядом со священником, и на скорости погнал машину вниз по горе. Рейвен свернулась калачиком, радуясь, что окна тонированные и в салоне темно. Летаргия уже начала овладевать ее телом, налитым свинцом.

Питайся! — приказал вампир.

Рейвен была счастлива, что способна противостоять его приказу. Но она не могла уснуть, пока не убедится, что Жак в безопасности. Она знала, что Михаил и Грегори, обгоняя солнце и неистово работая могучими крыльями, торопятся что есть сил к хижине, чтобы, забрав Жака, как можно быстрее уйти под землю.

Рейвен!

Оклик прозвучал ближе, наполняя ее сознание любовью.

Ты очень слаба.

Спаси Жака. За мной приходи ночью... Михаил, вампир знает мои мысли... Он думает, что находится в безопасности и что я могу послужить приманкой для тебя.

Она постаралась отчетливо передать ему эти слова, но мысли ее были заторможены.

— Рейвен?

Эдгар Хаммер дотронулся до ее лба, обнаружив, что она холодна как лед. Ее кожа стала такой бледной, что казалась почти прозрачной, глаза ввалились.

— Вы можете говорить? Михаил жив?

Она кивнула, с тревогой всматриваясь в его опухшее лицо.

— Что они с вами сделали? Почему они вас так избили?

— Они говорят, я знаю, где Михаил хранит запасные гробы. По мнению Андре...

— Кто такой Андре?

— Вампир, вступивший в сговор с этими убийцами. Он настоящий немертвый, питается детьми, уничтожает все святое. Его душа потеряна навечно. Насколько я могу судить, Андре сознательно старается подтвердить мифы о вампирах. Он заявляет, что Михаил глава вампиров, и если они убьют его, то все, кто находится под его защитой, вернутся к смертному существованию. Он, должно быть, установил с ними кровную связь без их ведома и использует ее, отдавая приказы.

Рейвен устало закрыла глаза. Ее сердце, почти обескровленное, билось с трудом, ее легкие изнемогали от нехватки воздуха.

— Сколько их?

— Я видел только троих. Один из них Джеймс Словенски. Его брат Евгений, их предполагаемый вожак. И еще громила Антон Фабрецо.

— Двое из них останавливались в гостинице тогда же, когда и та американская пара. Мы думали, они покинули страну. Андре, должно быть, могущественнее, чем мы можем предположить.

Ее голос становился все тише, а речь бессвязнее. Отец Хаммер наблюдал за ее попытками поднять руку и отодвинуть с лица волосы. Рука казалась ей слишком тяжелой, а лицо — слишком далеким. Он сделал это за нее ласковым жестом.

Рейвен!

Боль звучала в голосе Михаила.

Она не могла ответить: не было сил. Священник пододвинулся так, что ее голова упала ему на плечо. Рейвен дрожала от холода.

— Мне нужно одеяло, чтобы укрыть ее.

— Заткнись, старик, — фыркнул Словенски.

Через ветровое стекло он всматривался в небо.

Солнце взошло, но тяжелые тучи закрывали небо.

— Если она умрет, Андре заставит тебя пожалеть, что ты не умер вместе с ней, — напомнил ему отец Хаммер.

— Мне нужно поспать, — не открывая глаз, прошептала Рейвен.

Она даже не вздрогнула, когда пиджак Словенски упал на ее лицо.

Михаил был вынужден найти укрытие от солнца. Без темных очков глаза горели. Он приземлился на нижнюю ветку дерева и принял человеческий вид, прежде чем одним прыжком преодолеть оставшиеся до земли шесть футов. Жак лежал прямо на солнце, его лицо и шею прикрывала теплая кофта. Даже не взглянув на раны брата, Михаил взял его на руки и плавно двинулся в сторону пещеры, которая была в миле от этого места.

Огромный черный волк появился из-за кустов и присоединился к нему, затрусив рядом, его серебристые глаза гневно блестели. Вместе они миновали узкий проход и оказались в большой пещере, заполненной паром. Черный волк изогнулся, шерсть, покрывавшая мускулистые руки, исчезла, и Грегори предстал в своем истинном виде.

Михаил осторожно положил Жака на мягкую землю и поднял прикрывающую его вещь Рейвен. Тихо выругался. Непролитые слезы обожгли глаза и комом застряли в горле.

— Можешь спасти его?

Руки Грегори нащупали ужасные раны.

— Он остановил свое сердце и легкие, поскольку только так мог остановить дальнейшую потерю крови. Рейвен испытывает слабость, потому что поделилась с ним кровью. Она смешала свою слюну и землю и закрыла этой смесью его раны. Процесс исцеления уже начался. Мне потребуются твои травы, Михаил.

— Спаси его, Грегори.

Тело Михаила покрылось густой и блестящей шерстью, изогнулось, удлиняясь, и он побежал по лабиринту коридоров, покидая недра земли. Он старался не думать о Рейвен, о том, насколько она слаба. Слабость уже начала овладевать его телом, требуя, чтобы он ушел под землю, лег спать.

Собрав всю свою силу воли, а за сотни лет она стала железной, Михаил вырвался на открытое пространство и побежал. Тело волка было нужно ему для скорости, и он мчался так быстро, как только мог, сузив глаза до узких щелей. Он перепрыгивал через гниющий валежник, и его задние лапы взрывали землю.

Он не замедлял бега, перемахивая через овраги и валуны.

Закрытое тучами небо уменьшало воздействие солнечных лучей, но глаза все равно заслезились, когда он достиг хижины. Ветер изменился, принося отвратительный запах пота и страха. Мужчина. Зверь тихо зарычал, вся так долго сдерживаемая ярость переросла в бешенство. Волк замер, припав к земле.

Зверь подбирался с подветренной стороны, скользя через густые заросли, подкрадываясь к двум мужчинам, поджидающим его в засаде. Ловушка. Конечно, они знали, что Михаил бросится на помощь брату. Вампир был хитер и готов воспользоваться любым шансом. Скорее всего, именно немертвый и приказал Гансу убить жену. Волк крадучись пополз вперед, пока до того из мужчин, что покрупнее, осталось не больше фута.

— Мы пришли слишком поздно, — прошептал Антон Фабрецо, приподнимаясь и глядя на тропинку перед хижиной. — Здесь точно что-то произошло.

— Чертов грузовик, нашел время перегреться, — пожаловался Дитер Ходкинс. — Повсюду кровь и сломанные ветки. Все верно, здесь была драка.

— Ты думаешь, Андре убил Дубрински? — спросил Антон.

— Это наша работа. Но солнце встало. Если Дубрински и жив, то сейчас спит где-нибудь в своем гробу. Можем проверить хижину, но не думаю, что мы там что-нибудь найдем, — раздраженно ответил Дитер.

— Андре будет недоволен, — выразил вслух свою тревогу Антон. — Он мечтает увидеть Дубрински мертвым.

— Ну, ему надо было найти для нас приличный грузовик. Я говорил ему, что мой сломан, — нетерпеливо отрезал Дитер.

Он верил в вампиров и в то, что его святой долг истреблять их.

Дитер осторожно встал, внимательно вглядываясь в окружающий ландшафт.

— Пошли, Фабрецо. Может, нам повезет и Дубрински в хижине, лежит в гробу.

Антон нервно рассмеялся.

— Я вбиваю в него кол, а ты отрубаеть голову. Убийство вампиров — грязное дело.

— Прикрой меня, я схожу на разведку, — велел Дитер.

Он шагнул сквозь густую листву, сжимая в руке винтовку. Раздвинув кусты, он оказался лицом к лицу с огромным волком. Его сердце едва не остановилось, и он замер, на минуту потеряв способность передвигаться.

Мерцающие черные глаза покраснели и слезились. Заблестели острые белые клыки, сверкая слюной. Волк не спускал с него глаз секунд тридцать, и сердце Дитера похолодело от страха. Без всякого предупреждения волк нанес удар — раскрыв пасть и наклонив морду, он схватил человека за щиколотку и сжат ее с невероятной силой, с треском ломая кости. Дитер закричал и рухнул на землю. Волк тотчас же отпустил его и отпрыгнул назад, окинув свою жертву безразличным взглядом.

Со своего места в кустах Фабрецо видел, как с ужасным криком упал Дитер Ходкинс, но не понял отчего. Фабрецо задрожал и не сразу смог заговорить.

— Что случилось? Я ничего не вижу.

Но он и не пытался смотреть, отползая в кусты, вытаскивая пистолет и кладя палец на курок. Он готов был стрелять во все, что движется, хотелось рывкнуть на Дитера, чтобы тот заткнулся, но Антон молчал, и сердце его тревожно билось.

Дитер между тем попытался перевести ружье в боевое положение, но не успел. Он видел только черные глаза — злобные и умные. Это были глаза смерти, и они гипнотизировали. Он не мог отвести взгляда, даже когда волк вцепился ему в горло. Но этого он уже не почувствовал, радостно приветствуя конец. В последний миг глаза волка стали печальными, словно он сожалел о совершенном убийстве.

Волк покачал лохматой головой и направился в заросли за Антоном Фабрецо. Он слышал, как с гулким стуком, замирая от ужаса, билось его сердце, в котором еще пульсировала жизнь. Слышал, как горячая кровь струится по телу, вдыхал запах пота и страха. Радость охватила волка, жажда крови и убийства. Михаил двигался вперед, думая о Рейвен, ее сочувствии и храбрости, и его стремление убивать словно испарилось. Сквозь разрыв в гуще облаков проник луч солнца, и тысячи игл впились в его глаза.

Мне нужны те травы, Михаил. Солнце поднимается все выше, и время, отпущенное Жаку, истекает. Заканчивай с этим.

Волк подождал, пока облака снова сойдутся, и нагло вышел на открытое место, преднамеренно повернувшись к Фабрецо спиной. Глаза Антона сузились, и дьявольская улыбка искривила его губы. Он поднял пистолет, нащупывая курок. Но прежде чем он успел нажать на него, волк перевернулся в воздухе и врезался ему в грудь, ломая кости, прорываясь к сердцу.

Волк небрежно перемахнул через тело и побежал к хижине. Глаза у него непрерывно слезились, как бы он ни шурился. На вялость, которая распространялась по телу, все труднее было не обращать внимания. Сознавая, что время уходит, волк взбежал по лестнице. Когти согнулись, превращаясь в пальцы, чтобы обхватить дверную ручку и толкнуть тяжелую дверь.

Потребность в сне валила с ног, но Жаку нужны были травы.

Рукой он повесил сумку с драгоценными травами себе на шею и в волчьем облике побежал назад, стараясь обогнать восходящее солнце, которое пробивалось сквозь облака.

Неожиданно раздался грохот грома. Тяжелые тучи поплыли по небу, защитив Михаила от солнца. Гроза над лесом быстро набирала силу, сильный ветер кружил листья, качал ветви деревьев. Вспышка молнии прорезала небо огненным всполохом. Небо зловеще потемнело. Михаил был уже в пещере, он неся по лабиринту узких проходов, видоизменяясь на бегу.

Прохладные серебристые глаза Грегори скользнули по Михаилу, когда он, наконец, передал ему травы.

— Удивляюсь, как ты столько веков завязывал шнурки без моей помощи.

Опустившись на пол рядом с братом, Михаил закрыл рукой свои горящие глаза.

— Еще более удивительно, — ответил он, — что никто до сих пор не укоротил тебе язык.

Они разговаривали, оглашая пещеру звуками древней речи, древней, как само время. Ни у кого не было такого завораживающего голоса, как у Грегори. Ритуальное песнопение дарило надежду в том зыбком мире, где пребывал сейчас Жак. Земля, смешанная со слюной Грегори, плотно облегла израненную шею карпатца. Кровь Грегори, древняя и могущественная, вливалась в его истощенные вены. Грегори измельчил и смешал травы, чтобы добавить их в целебный компресс.

— Я восстановил внутренние повреждения. Но он ослаб, Михаил, хотя его воля к жизни очень сильна. Если мы положим его глубоко в землю и дадим время, он исцелится. — Грегори вложил лекарство в руку Михаила. — Положи это на глаза. Это поможет, пока мы не опустим тебя в землю.

Грегори был прав. Холодный компресс успокаивал, гасил огонь. Но где-то глубоко внутри Михаила начинался еще один ночной кошмар. Черная зияющая пустота стала растягиваться, подбираться ближе, нашептывая греховные мысли. И не имело значения, как часто его сознание дотрагивалось до Рейвен, — он чувствовал пустоту. Разумом он понимал, что она крепко спит, но его карпатская кровь требовала ее прикосновений.

— Тебе надо сейчас же уйти под землю, — заметил Грегори. — Я установлю защиту и удостоверюсь, что нас никто не побеспокоит.

— Повесь табличку: «Здесь лежит Грегори, не беспокоить», — тихо посоветовал Михаил.

Грегори положил тело Жака глубоко в целительную землю, нисколько не задетый сарказмом Михаила.

— Я хочу, чтобы вампир понял, с кем он имеет дело, — пожал плечами Грегори.

Жажда разъедала Михаила, словно тысячи муравьев, причиняя острую боль, вгрызаясь в сухожилия. Он поднял опухшие красные глаза на Грегори.

— Думаешь, что если теперь у меня есть Рейвен, я больше не нуждаюсь в тебе. Ты сознательно притягиваешь к себе опасность, уходишь далеко от меня, потому, что на самом деле думаешь, что долго не протянешь. Ты с радостью выходишь на охоту, ищешь способ свести счеты с

жизнью. Теперь наш народ нуждается в тебе как никогда, Грегори. У нас появилась надежда. Если мы сможем пережить следующие годы — у нас есть будущее.

Грегори тяжело вздохнул, отводя взгляд от осуждающих глаз Михаила.

— Сейчас я должен сохранить тебе жизнь, и только. Тяжело вздохнув, Михаил провел рукой по волосам.

— Нашим людям не обойтись без тебя, Грегори, да и мне в том числе.

— Ты так уверен, что я не обернусь? — Грегори невесело и насмешливо улыбнулся. — Твоя вера в меня больше моей собственной. Этот вампир не знает жалости, он опьянен властью. Он жаждет убийств и разрушений. Я с каждым часом приближаюсь к той грани, где начинается сумасшествие. Его сила — ничто, лепесток на ветру, по сравнению с моей. У меня нет сердца, а душа почернела. Я не хочу ждать, когда уже не смогу сам сделать выбор. Я не хочу, чтобы ты нашел меня и уничтожил. Я жив верой в тебя и твою защиту. Я не хочу ждать, когда на меня начнется охота.

Михаил устало махнул рукой, открывая землю под своим братом.

— Ты великий целитель, ты главная ценность нашего народа.

— И именно поэтому они с ужасом шепчут мое имя?

Земля под ними вздрогнула, вздыбилась и опустилась, заходила ходуном. Центр землетрясения, очевидно, находился далеко от них, но не было сомнений, что оно вызвано яростным воплем вампира, который обнаружил, что его логово уничтожено.

Немертвый уверенно направлялся в логово, пока не обнаружил тело первого волка. Каждый поворот был отмечен трупом, пока он не понял, что вся стая лежит здесь. Страх перешел в ужас. Это дело рук не Михаила — кого-то Темного. Грегори.

Вампиру не приходило в голову, что в игру может вмешаться Темный. Андре со скоростью молнии покинул любимое логово, прежде чем горы содрогнулись и пещера обрушилась. Трещины в узком проходе становились все шире, а каменные стены постепенно сходились. От тяжелого удара гранита о гранит у Андре едва не лопнули барабанные перепонки. Вампир, совершивший бесчисленные убийства, очень чувствителен к солнцу и той летаргии, которая охватывает карпатцев в дневное время суток. У Андре было совсем мало времени, чтобы найти убежище. Когда он вылетел наружу, солнце ударило ему в спину, и вампир издал ужасающий крик. От его логова остались только камни да пыль, и над развалинами эхом разнесся издевательский смех Грегори.

— Ты не перестаешь меня удивлять, Грегори, — изумленно прошептал Михаил, опускаясь в недра земли. — Вот поэтому твое имя и произносят с ужасом. Впрочем, никто не понимает твой черный юмор, как я.

— Михаил...

Рука, закрывающая землю над его головой, замерла.

— Я не буду подвергать опасности твою жизнь и жизнь Жака, бросая ему вызов. Вампир не сможет преодолеть мою защиту.

— Я никогда не боялся Андре. И я знаю, как сильны твои заклинания. Кажется, что у нашего друга сейчас другая проблема — найти место, где можно укрыться от солнца. Сегодня он нас не побеспокоит.

Глава 14

Отец Хаммер мерил шагами окружавшие их стены. Окон не было, а темница была очень крепкая. Стены толстые и звуконепроницаемые, в этом не было никаких сомнений. Ни один лучик света не проникал сквозь них, крошечная тьма действовала угнетающе. Всеми одеялами, какие у него были, священник накрыл холодное, как лед, тело Рейвен, не сомневаясь, что она умерла от потери крови. У нее не было ни пульса, ни дыхания с тех пор, как его втокнули сюда. Перекрестив ее и совершив последний обряд, отец Хаммер начал тщательно исследовать комнату в надежде найти лазейку для побега.

Вампир, несомненно, использует Рейвен, чтобы заманить Михаила в ловушку. И Эдгар, прекрасно зная Михаила, не сомневался, что это ему удастся. Михаил придет, и тогда — царство небесное Словенски.

Тихий звук, хриплое содрогание заработавших легких, привлек его внимание.

Отец Хаммер на ощупь подобрался к Рейвен. Под кучей наброшенных на нее одеял она сильно дрожала. Кожа была ледяной, как и прежде. Священник обнял Рейвен, утешая их обоих.

— Чем я могу помочь?

Рейвен открыла глаза. Несмотря на темноту, она прекрасно видела и, обежав взглядом темницу, перевела глаза на встревоженное лицо отца Хаммера.

— Мне нужна кровь.

— Я буду счастлив стать для вас донором, дитя мое, — незамедлительно ответил он.

Но Рейвен чувствовала его слабость. Да и в любом случае она не смогла бы взять кровь, как это принято у карпатцев. Ее сознание само собой потянулось к сознанию Михаила. И в голове вспыхнула боль. Она тихо застонала, сжимая виски.

Не пытайся, малышка.

Михаил ответил властно, успокаивающе.

Побереги свои силы. Я скоро буду рядом.

Жак жив?

От отправки сообщения боль, словно осколки стекла, пронзила череп.

Благодаря тебе. Отдыхай.

Это был приказ.

Уголки нежного рта Рейвен дрогнули в улыбке.

— Поговорите со мной, отец, отвлеките меня.

Она была очень слаба, но не хотела, чтобы священник это понял.

— На всякий случай я буду говорить тихо, — сказал Эдгар возле самого ее уха. — Михаил придет, вы и сами это знаете. Он ни за что не оставит нас здесь.

Он растер ее руки, стараясь согреть.

Рейвен с трудом кивнула: все тело налилось свинцом.

— Да, он такой. Он в одно мгновение согласится отдать за нас жизнь.

— Вы его Спутница жизни. Без вас он станет тем самым вампиром из легенд, монстром, с которым не сравнится никто из людей.

Каждый вдох давался Рейвен нелегко.

— Не верьте в это, отец. И среди нас есть дьяволы во плоти. Я видела их, выслеживала их. Они ничем не лучше. — Рейвен плотнее закуталась в одеяло. — Вы когда-нибудь встречали друга Михаила — Грегори?

— Он тот, кого они называют Темным. Я, разумеется, видел его, но только однажды. Говоря о нем, Михаил часто высказывал беспокойство.

Дыхание Рейвен с хрипом вырывалось из легких и казалось слишком громким в тишине камеры.

— Он великий целитель, отец. — Она сделала еще один судорожный вдох. — И он предан Михаилу. Вы верите, что у их расы есть надежда на выживание?

Священник осенил крестом ее лоб и внутреннюю сторону запястий.

— Вы их надежда, Рейвен. Разве вы об этом не знали?

Михаил дотронулся до нее своим сознанием. Он был близко, и связь между ними стала сильной. Он окутал ее своей любовью, притянул в защищающие объятия.

Держись, любовь моя.

Его бархатный голос звучал с необыкновенной нежностью.

Не приближайся к этому дьявольскому месту, Михаил. Дождись Грегори, взмолилась она.

Не могу, малышка.

На потолке вспыхнул свет, погас и загорелся вновь, словно включился генератор. Рейвен взяла отца Хаммера за руку.

— Я попыталась остановить его, предупредить, но он все равно придет.

— Естественно, придет.

Эдгар часто моргал из-за вспыхнувшего света. Он тревожился за Рейвен. Ее дыхание стало тише и еще труднее.

Тяжелая дверь с лязгом и скрипом распахнулась. На них смотрел Джеймс Словенски. Его глаза остановились на лице Рейвен, словно оно притягивало его, и встретились с ее синими глазами.

— Вам плохо? — грубо спросил он.

Она язвительно улыбнулась, хоть и далось ей это с трудом.

— Я умираю. По-моему, вам это прекрасно видно.

Она говорила тихо, но ее голос завораживал.

Словенски прошел вглубь темницы. Рейвен чувствовала Михаила в своем сознании, набравшего силу и притаившегося, чтобы напасть. И еще она вдруг почувствовала тревогу.

Подожди. Вампир приближается.

Она сделала дрожащий вдох, громко и мучительно втягивая воздух в измученные легкие.

Сильным ударом Андре отбросил Словенски к стене. Вампир встал в дверях, покрасневшийся после недавнего убийства. Его глаза стали тусклыми, и все-таки в них читались презрение и беспощадная жестокость.

— Доброе утро, моя дорогая. Я Андре. Пришел забрать тебя в твой новый дом.

Он пересек комнату, наслаждаясь властью над ними. Когда он приблизился, глаза его потемнели от ярости.

— Тебе же было сказано получить питание от священника.

— А тебе — убираться в ад, — ответила она глухо.

Если б она могла его ударить!

— Ты поймешь, что мне лучше повиноваться, — раздул ноздри вампир.

От злости на нее он схватил священника за рубашку и швырнул о каменную стену. Это было сделано абсолютно бесстрастно.

— Если не хочешь использовать его для питания, значит, он больше не нужен.

Вампир мерзко улыбался.

Тело отца Хаммера тяжело упало на пол, отчетливо было слышно, как раскололся череп. Раздался судорожный вдох, словно легкие еще пытались дышать, а потом тихий выдох. Все было кончено.

Рейвен подавила крик, постаравшись поглубже вздохнуть. Горе было таким острым, что в первый миг ей изменило сознание.

Михаил, я сожалею. Я разозлила его. Это моя вина.

Она почувствовала, как он окружает ее любовью, а его пальцы с нежностью прикоснулись к ее лицу.

Ни в коей мере, любовь моя.

Она ощущала его печаль.

Рейвен подняла глаза на вампира.

— И как теперь вы собираетесь мной манипулировать?

Вампир склонился ниже, улыбаясь дьявольской улыбкой, и она ощутила вонь его дыхания.

— Ты научишься. Теперь ты будешь питаться.

Он щелкнул пальцами, и Словенски, едва не споткнувшись, бросился вон из камеры и вернулся со стаканом темной мутной жидкости. Его рука дрожала, когда он передавал его вампиру, старательно избегая его смертельно острых длинных когтей.

— Это тебе, моя дорогая, завтрак.

Вампир держал стакан достаточно близко, чтобы она смогла почувствовать запах его содержимого. Свежая кровь, сдобренная чем-то еще, какими-то травами, которые она не распознала.

— Наркотики, Андре? Тебе не кажется, что это несколько унижительно даже для тебя?

Она боролась за каждый вдох, стараясь выдержать, не упасть на пол и не разрыдаться от горя из-за смерти священника. Если бы она не разозлила вампира...

Лицо Андре потемнело, когда она с презрением произнесла его имя, но он ничего не ответил, а просто смотрел ей прямо в глаза, принуждая, заставляя повиноваться.

Испытывая ненависть, страх за Михаила, страдая из-за Жака и смерти священника, Рейвен собрала все силы, которыми обладала, и вступила с вампиром в ментальную битву. Ее голова взорвалась от боли, на лбу выступили кровавые капли пота, и это заставило его отступить.

Вампир на время забыл о ее неповиновении. Если она умрет, все его планы рухнут.

— Ты умрешь, если не будешь питаться. Я знаю, Михаил понимает это. Ты слышишь меня, принц? Она умирает. Заставь ее принять то, что я предлагаю.

Ты должна сделать это, малышка, нежно уговаривал голос Михаила. Иначе ты умрешь раньше, чем я до тебя доберусь. Ты должна выжить.

В кровь добавлены наркотики.

Наркотики не действуют на карпатцев.

Рейвен вздохнула, бросив на вампира еще один взгляд.

— Что здесь еще?

— Только травы, моя дорогая, травы, которые слегка затуманят твоё сознание, и у моих друзей будет время, чтобы изучить, на что способен Михаил. Они сохранят ему жизнь, заперев в этих стенах. Разве вы этого не хотите? Уцелеть? Альтернатива — его немедленная смерть.

Он приблизил стакан.

Ее желудок протестующе сжался. Как легко закрыть глаза и перестать бороться за каждый вдох. Она едва могла выносить головную боль. Она виновата в том, что Жак истерзан, а отец Хаммер погиб. И хуже всего то, что из-за нее ее любимый Михаил направляется прямо в руки врага. Если она просто перестанет...

Нет!

Михаил стал резок и непреклонен.

Не смей!

Грегори поддержал протест Михаила.

От ярости, что она может выбрать смерть и подвести его, вампир схватил ее за горло. От этого прикосновения она покрылась мурашками и почувствовала тошноту. Неожиданно вампир издал крик и отпрыгнул от нее, его лицо исказилось от ярости и боли. Рейвен видела, что его ладонь обуглилась и дымилась, даже когда он судорожно прижал ее к груди. Михаил послал предупреждение и вызов.

— Думаешь, он победит? — прорычал вампир. — Не надейся на это. А теперь пей!

Он схватил ее за руку.

Сознание Рейвен раскалывалось и гудело от его близости. Рядом лежало тело Эдгара Хаммера. Прикоснувшись к Андре, она с легкостью смогла прочитать его мысли. Он был самым развращенным созданием, которое она когда-либо встречала.

Наркотики затуманят ее сознание настолько, что она поверит, что принадлежит Андре. Михаил останется в живых и будет проводить дни и ночи в мучениях, слишком ослабленный, чтобы напасть. Словенски будет получать удовольствие, причиняя боль, а его брат с радостью растерзает «вампира» на куски, чтобы исследовать его тело. Вампир не сомневался, что братья Словенски умрут от рук мстительного карпатца. Она прочитала все гнусные планы немертвого в его сознании.

Михаил! Не приходи сюда!

Она сопротивлялась требованию выпить отравленную кровь.

Я не позволю тебе попасть к ним в лапы. Я выберу смерть.

— Пей!

Вампир стал тревожиться. Ее сердце еле билось. Ярко-алая полоса на лбу свидетельствовала об агонии.

— Никогда, — выдавила она сквозь стиснутые зубы.

— Она умирает, Михаил. Это то, чего ты для нее хочешь? Она умирает в моих руках, рядом со мной, и я в любом случае выигрываю.

Андре яростно встряхнул ее.

— Он покончит с собой в тот же миг, когда ты откажешься жить. Неужели ты так тупа, что не понимаешь этого? Он умрет.

Рейвен всмотрелась в его костлявое лицо.

— Но вначале он уничтожит тебя, — ответила она с абсолютной уверенностью.

Любовь моя.

Голос Михаила был как бархат, он успокаивал ее парализованное болью сознание.

Позволь мне. Ты не оставляешь мне иного выбора, кроме как заставить тебя. Это должно быть нашим общим решением, но ты не видишь ничего, кроме того, что мне угрожает опасность. Он не сможет уничтожить меня. Поверь в это и держись. Он не сможет разлучить нас. Мы связаны навеки. Он не понимает нашей связи. Вместе мы намного сильнее его. Я позволю ему захватить меня. Просто позволю.

Вампир понял, что воля Михаила сильнее. Рейвен не сопротивлялась, когда он поднес стакан к ее губам. Но даже под давлением тело пыталось отвергнуть пищу. Вампир чувствовал, как бунтует ее желудок. Связь с Михаилом ее успокоила, и она согласилась принять то, что предлагал вампир.

Ее сердце и легкие незамедлительно отреагировали на вливание жидкости. Дышать стало легче, тело согрелось. Когда Михаил освободил ее из-под своей воли, Рейвен попыталась отскочить от вампира. Но он схватил ее обеими руками, потерся о ее щеку и злорадно рассмеялся.

— Ты думаешь, он сильный? Посмотри, он принимает мои условия.

— Почему вы это делаете? Почему предаете его?

— Это он предает наших людей.

Михаил появился в дверях, такой высокий и сильный, что, казалось, победить его невозможно.

Словенски постарался слиться со стеной. Андре прижал острый коготь к яремной вене на шее Рейвен.

— Будь очень, очень осторожен, Михаил. Ты можешь убить меня, я не сомневаюсь, но она умрет первой.

Андре притянул ее еще ближе, поставил перед собой и оторвал от земли. Одежда слетела с Рейвен, когда она беспомощно болталась в воздухе; она впилась глазами в Михаила.

Он улыбался ей нежно и любяще.

Я люблю тебя, малышка. Будь храброй.

— Что ты хочешь, Андре? — спросил он тихим низким голосом.

— Твоей крови.

— Я дам ее Рейвен, взамен потраченной.

Сердце Рейвен заколотилось. Она сделала движение навстречу когтю Андре. По шее потекла капелька крови. Вампир сжал ее ребра так, что они едва не затрещали.

— Не вздумай сделать это еще раз, — пробормотал он и переключил внимание на Михаила. — Ты не подойдешь так близко, чтобы поделиться с ней кровью. Собери ее в контейнер.

Михаил медленно покачал головой.

Он хочет моей крови для себя, любимая, чтобы стать еще могущественнее, чтобы усилить воздействие наркотиков на твой мозг.

Он чувствовал, что наркотики уже начали влиять на нее. Она боролась, чтобы остаться с ним.

Я не могу позволить ему взять мою кровь, повторил он со скорбью.

Рейвен потянулась к Грегори.

Ты должен прийти сюда.

Наркотик, который он тебе дал, известен с древности, стал объяснять ей Грегори.

Слова неслышно проскальзывали в ее сознание.

Его изготавливают из лепестков цветов, которые растут на севере наших земель. Он дезориентирует тебя, только и всего. Вампир попытается вложить в тебя воспоминания, в которых ты с ним, а затем попытается контролировать твои мысли с помощью боли. Он установил между вами кровную связь, поэтому сможет проследить за тобой. Когда ты будешь думать о Михаиле, он будет причинять тебе боль. Но это не наркотик, это вампир. Как можно внимательнее следи за своими мыслями, когда будешь собираться с силами. Когда ты потянешься к Михаилу, Андре не должен об этом узнать. Хотя ты можешь концентрироваться гораздо лучше любого карпатца... Он не знает о нашей связи, поэтому я смогу найти тебя в любом месте. Только закончу лечить Жака и сразу присоединюсь к Михаилу. Даю слово, что Михаил останется жив, и мы найдем тебя. Выживи ради нашего народа.

Вампир и Михаил смотрели друг на друга через темницу. Михаил спокойно взирал на вампира, который оказался перед дилеммой.

Злобное волнение исказило воздух, ударив по вискам Рейвен.

Михаил!

Она мысленно выкрикнула предостережение как раз в то мгновение, когда Словенски трижды выстрелил. Звук выстрела громким гулом отразился от каменных стен. Пулями Михаила откинуло назад, и он упал рядом с телом отца Хаммера, его драгоценная кровь ярким пятном проступила на белой шелковой рубашке.

— Нет!

Рейвен начала неистово сопротивляться вампиру, страх удесятерил ее силы, которых осталось так мало после потери крови. На какой-то миг она почти вырвалась, но рука вампира сдавила ей шею. Рейвен не могла позволить себе поддаться панике.

Грегори, Михаил упал. Они выстрелили в него.

Я почувствовал это. Да и не только я — все карпатцы почувствовали это. Не волнуйся. Он не умрет.

Грегори приближался.

Они очень осторожны, и поэтому нанесли ему раны, которые сильно кровоточат, но не смертельны, в отличие от тех, что у Жака. Михаил уже сообщил мне о степени повреждений.

Вампир потянул Рейвен за собой к двери.

— Когда придут остальные, будет слишком поздно. Не думай, что он выберется отсюда, — прошипел он ей на ухо. — Словенски и остальные жизнью заплатят за все, что совершили, а вместе с ними погибнут и все записи о том, что здесь произошло. Ты будешь моей, и так далеко, что они не смогут тебя найти.

Рейвен полностью сосредоточилась на Михаиле, передавая Грегори все, что видела. Словенски надевает на запястья и лодыжки Михаила кандалы и приковывает его к стене, радостно смеется, издевается, наносит удары ногами. Михаил хранит молчание, а его ледяные глаза становятся чернее ночи.

Вампир поднял ее хрупкое тело и с невероятной скоростью покинул темницу и устремился в небо, крепко сжимая Рейвен в когтях.

Грегори слился своим сознанием с сознанием Михаила. Это было легко, поскольку на протяжении столетий охотясь на вампиров, они много раз обменивались кровью, спасая друг друга жизнь. Михаил испытывал боль, он потерял много крови. Стрельба была отчаянной попыткой ослабить его колоссальную силу. Словенски увлеченно издевался над Михаилом, во всех деталях описывая ему предстоящие пытки.

В черных глазах Михаила тлел злоевищий огонь, когда он посмотрел на приблизившегося Словенски. От его ледяного взгляда тот опешил.

— Ты научишься ненавидеть меня, вампир, — фыркнул Джеймс Словенски. — И научишься бояться. Ты поймешь, у кого на самом деле власть.

Легкая насмешливая улыбка тронула рот Михаила.

— Я не испытываю к тебе ненависти, смертный. И никогда не буду тебя бояться. Ты пешка в борьбе за власть. И тебя принесут в жертву.

Голос звучал завораживающе, и Словенски с удивлением понял, что хочет услышать его снова.

Он присел рядом со своей жертвой, радостно улыбаясь от созерцания чужой боли.

— Андре выдаст нам остальных твоих кровососов.

— И зачем ему это делать?

Михаил закрыл глаза, его напряженное лицо покрылось морщинами, но намек на улыбку по-прежнему остался на губах.

— Ты обратил его, заставил принять эту богомерзкую жизнь, так же как женщину. Он

попытается спасти ее.

Словенски наклонился ближе, вынимая нож.

— Думаю, нужно извлечь из тебя пулю. Мы же боимся инфекции?

От предвкушения он даже взвизгнул.

Михаил и не пытался увернуться от лезвия. Его черные глаза распахнулись, полыхнув огнем. Словенски упал навзничь и, перебирая всеми четырьмя конечностями, отполз к дальней стене. Нашарив в кармане пальто пистолет, он навел его на Михаила.

Земля содрогнулась, бетонный пол вспучился и треснул. Словенски схватился за стену, чтобы удержаться на ногах, и выронил пистолет. Со стены над его головой упал камень и покатился по полу, потом еще один и еще. Словенски прикрыл голову руками, а камни все падали.

Словенски закричал — визгливо, что было сил. Он сжался в комок, глядя на карпатца сквозь пальцы. Михаил даже не пошевелился. Он лежал все в той же позе, уставившись на Словенски немигающим взором. Выругавшись, Словенски попытался дотянуться до пистолета.

Пол под ним вздыбился, и пистолет покатился прочь. Опасно зашаталась и вторая стена, с нее посыпались камни, обрушиваясь на голову и плечи Словенски, заставляя его распластаться на полу. Ни один камень не коснулся тела священника. Ни один не пролетел близко к Михаилу. Карпатец с легкой насмешливой улыбкой наблюдал, как под камнями скрылись ноги Словенски и начала исчезать спина. Раздался зловеющий треск и душераздирающий крик, когда сверху свалился тяжелый кусок стены.

— Убирайся в ад, — зарычал Словенски. — Мой брат все равно выследит тебя.

Михаил ничего не сказал, продолжая наблюдать за тем, что творил Грегори. На его месте он просто убил бы это ничтожество, не устраивая представления, но он слишком устал, а тело его ослабело. Михаил не хотел тратить силы напрасно: все то время, что Грегори потратит на его лечение, Рейвен будет оставаться в руках вампира. Он не позволял себе думать о том, что Андре может с ней сделать. Михаил пошевелился, и все тело пронзила острая боль. Еще несколько камней упало на Словенски, закрыв его, словно одеялом, и на том месте, где он стоял, осталось лишь что-то вроде могильного холма.

Грегори появился со свойственной ему грацией, шагнув через пролом в стене.

— Это становится дурной привычкой.

— Ох, заткнись, — добродушно ответил Михаил.

Прикосновения Грегори были даже нежны, когда он обследовал раны.

— Они знали, что делали. Выстрелы не затронули жизненно важные органы, но ты потерял много крови.

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы Грегори освободил Михаила от цепей. Он закрыл раны землей, останавливая дальнейшую кровопотерю.

— Проверь отца Хаммера, — слабым голосом попросил Михаил.

— Он мертв. — Грегори едва взглянул на искалеченное тело.

— Убедись.

Это был приказ. До этого Михаил никогда ничего не приказывал Грегори. Этого не требовалось.

Они смотрели друг на друга, и серебристые глаза Грегори сверкнули.

— Пожалуйста, Грегори, если есть хоть один шанс...

Михаил закрыл глаза.

Покачав головой — это была пустая трата времени, — Грегори покорно направился к скрюченному телу священника и проверил пульс. Он знал, что это бессмысленно и что Михаил тоже знает об этом.

— Сожалею, Михаил. Его больше нет.

— Я не хочу оставлять его здесь.

— Перестань разговаривать и позволь мне сделать мою работу, — зарычал Грегори, укладывая Михаила на пол. — Возьми мою кровь, пока я подлатаю твои дыры.

— Найди Рейвен.

— Возьми мою кровь, Михаил. Вампир не причинит ей вреда и будет очень терпелив этой ночью. Ты должен набрать силу для предстоящей охоты. Пей то, что я тебе добровольно предлагаю. Мне не хотелось бы силой заставлять тебя сделать это.

— Ты становишься занудой, Грегори, — заметил Михаил, но послушно взял предложенное запястье.

Кровь Грегори была такой же древней, как и его. Ничто другое не могло помочь так быстро. В полном молчании Михаил питался, возмещая потери. Грегори слегка шевельнул запястьем, отнимая его у Михаила, так как понимал: ему потребуются все силы, чтобы излечить и перенести принца в безопасное место.

— Тело священника надо забрать с собой, — повторил Михаил.

По его заледеневшему телу прошла теплая волна, но он все еще был голоден. Его сознание потянулось к Спутнице жизни, страстно желая слиться с ней.

Боль взорвалась в ее голове — в его — такая сильная, что он задохнулся и отпрянул; его черные глаза в агонии встретились с бледными глазами Грегори.

А теперь спи, Михаил. Вскоре мы отправимся на охоту. Но вначале надо позаботиться о твоих ранах.

Грегори отдавал команды своим гипнотическим голосом. На певучем, струящемся древнем языке.

Услышь мои слова и позволь матери-земле обнять тебя. Она исцелит твои раны и успокоит сознание. Спи, Михаил. Моя кровь смешивается с твоей. Почувствуй, как она исцеляет твоё тело.

Грегори закрыл глаза, сливаясь с Михаилом, перетекая в него, чтобы излечить каждую рваную рану, вытолкнуть инородные предметы и восстановить повреждения изнутри с точностью опытного хирурга.

Огромный сыч облетел руины и опустился на обломки стены. Крылья медленно сложились, и круглые глаза стали рассматривать сцену, которая разворачивалась внизу. Когти разжались. Грегори поднял голову, возвращаясь в свое тело. Он произнес имя карпатца тихо, с признательностью.

— Эйдан.

Тело совы удлинилось, замерцало, превращаясь в высокого рыжеватого мужчину. Его глаза поблескивали золотистым блеском. Светлые волосы редко встречались у карпатцев. Эйдан приближался почти строевым шагом.

— Кто осмелился на такое? — требовательно спросил он. — Что с Жаком и женщиной Михаила?

Грегори тихо зарычал, резким ударом серебристых глаз останавливая карпатца.

— Принеси свежей земли и подготовь тело священника.

Грегори делал свою работу, когда прибыл Байрон. Неторопливое древнее песнопение заполнило ночь, обещая надежду. Никто бы не поверил, что он собирается закончить работу побыстрее, чтобы Михаил уже этой ночью встал на ноги.

Эйдан принес самой плодородной земли, которую только смог найти, и, отступив назад, стал восхищенно наблюдать за Грегори. Все ингредиенты были тщательно перемешаны и помещены поверх ран. Ветер принес с гор запах пыли, это было предупреждением для карпатцев. Приближался грузовик с двумя людьми.

Байрон опустился на колени рядом с Эдгаром Хаммером, благоговейно проведя рукой по лицу священника и поднимая его безжизненное тело.

— Я похороню его на святой земле, Грегори, а затем уничтожу тела возле хижины.

— Кто это сделал? — повторил свой вопрос Эйдан.

Грегори наполнил сознание Эйдана знанием, не потрудившись вступить в разговор.

— Я был знаком с Андре много веков, — сказал Эйдан. — Он на полвека младше меня. Мы не раз вместе сражались. В последнее время отчаявшихся становится все больше.

Эйдан скользнул взглядом по рухнувшим стенам, его золотистые глаза ярко горели в темноте. Каждый листик на деревьях сверкал серебром в свете луны, но Эйдан давным-давно утратил способность различать цвета. Его мир был темным и серым, и он будет таким до тех пор, пока он не найдет свою Спутницу жизни или не станет искать успокоения на рассвете. Он сделал вдох, улавливая запахи дичи, смерти, человека. Выхлопные газы загрязняли чистый воздух.

Он двинулся сквозь стройные ряды дубов, ведомый холодным, как лед, инстинктом хищника, чтобы отомстить за сделанное с одним из них. Их раса балансировала на краю гибели и могла не пережить очередной охоты на вампиров. Каждый из оставшихся мужчин сосредоточил все свои надежды на выживании женщины Михаила. Если она сможет принять их образ жизни как

истинная Спутница жизни и произвести на свет девочек, достаточно сильных, чтобы пережить первый год жизни, у всех мужчин-карпатцев появится шанс. Появится цель, чтобы держаться, обыскивая мир в поисках таких женщин, как Рейвен. Но предательство Андре стало самой страшной изменой.

Собирался туман, густой, почти непроницаемый, он скользил между деревьями, закрывая дорогу. Раздался скрежет тормозов: водитель резко остановил машину, ничего не различая в плотном тумане. Эйдан подошел ближе, невидимый, опасный хищник, выискивающий жертву.

— Как долго нам еще добираться, дядя Джин? Ветер донес голос мальчика, нетерпеливый и восторженный.

— Нам придется подождать, пока не рассеется туман, Донни. — Второй голос казался обеспокоенным. — Такой туман бывает в этих местах, наверху, довольно часто, и застрять в нем — не лучший вариант.

— А что за сюрприз? Можешь рассказать? Ты сказал маме, что на день рождения я получу сюрприз, который никогда не забуду. Я слышал, как вы об этом говорили.

Теперь Эйдан мог их видеть. Водителем оказался мужчина лет тридцати, мальчику же было не больше пятнадцати. Эйдан наблюдал за ними, потребность убивать бежала по его венам, кипела в крови. Он чувствовал власть в каждом нервном окончании, и это напоминало, что он еще жив.

Мужчина сильно нервничал, вглядываясь в туман, со всех сторон окруживший грузовик, но ничего не видел за этой густой завесой. На мгновение ему показалось, что увидел глаза — голодные и сверкающие, почти золотые. Это были глаза животного — глаза волка, наблюдающего за ними из темноты. Сердце его заколотилось, во рту пересохло. Он притянул мальчика поближе к себе, защищая.

— Он у твоего дяди Джеймса.

Ему пришлось дважды прочистить горло, прежде чем удалось произнести эти слова. Он знал, что они в большой опасности, знал, что хищник выжидает момент, чтобы вцепиться им в горло.

— Давай прогуляемся до охотничьего домика, дядя Джин. Я не могу дождаться, когда смогу испытать свое новое ружье. Пойдем, это недалеко, — упрашивал мальчик.

— Не в тумане, Донни. В здешних лесах водятся волки... И другие хищники... Лучше подождать, пока станет видно дорогу, — твердо возразил мужчина.

— У нас есть ружья, — угрюмо заметил мальчик. — Разве не для этого мы их взяли с собой?

— Я сказал, нет. Ружья не всегда обеспечивают безопасность, мальчик.

Эйдан подавил дикое желание. Мальчик, казалось, еще не достиг зрелости. Кем бы ни были эти смертные, он не мог убить их, пока его жизни или жизни его родичей ничто не угрожает. Он не собирался становиться вампиром — предателем своего народа, хотя убивать становилось все легче. Это был один из соблазнов власти. Вокруг него поднялся ветер, закружив в вихре листья и ветки. Рядом остановился Грегори. На руках у него лежал Михаил, бледный и безжизненный.

— Давай уйдем отсюда, Эйдан.

— Я не смог убить их, — тихо ответил Эйдан, но сожаления в его словах не было.

— Если старший — Евгений Словенски, то он будет очень занят сегодня ночью. Его брат лежит мертвым под грудой камней — это месть за священника.

— Я не смог убить их, — повторил Эйдан.

— Если это Словенски, он заслуживает смерти, но я очень рад, что ты удержался, зная, что тебе грозит. В охоте на немертвых ты иногда заходил слишком далеко. Об этом говорит темнота в твоей душе.

— Я подошел очень близко к краю, — без сожаления констатировал Эйдан. — Когда женщина Михаила была тяжело ранена, его ярость почувствовали все карпатцы. Это возмущение так меня удивило, что я решил проверить, в чем дело. И вернулся убедиться, что его мудрость служит на благо нашему народу. Теперь я верю, что его женщина — это наша надежда на будущее.

— Я тоже верю в это. Возможно, в другой стране тебе станет легче. Нам нужно послать опытного охотника в Соединенные Штаты.

Оставаясь в густом тумане, Эйдан обратил внимание на тюрьму. От одного взмаха его руки земля задрожала и покачнулась. Крепкое здание сровнялось с землей, и на его месте осталась лишь груда камней, а под ними — свежая могила.

В тумане Грегори начал подниматься вверх со своей ношей. Эйдан был рядом. Они пересекли темное небо, направляясь к пещерам, куда карпатцы прибывали один за другим, чтобы помочь исцелению принца.

Глава 15

Ночной ветерок обдувал тело Рейвен, когда ее несли по небу в неизвестном направлении. Она испытывала головокружение и слабость, ее сознанию было трудно сконцентрироваться на чем-то одном. Сначала она попыталась сосредоточиться на каком-либо ориентире, о котором можно сообщить Грегори, но некоторое время спустя не могла даже вспомнить, зачем она это делает. Подсознательно Рейвен понимала, что это из-за наркотиков ей нелегко сообразить, что происходит, и чувствует она себя больной и разбитой. Но думать о том, куда вампир несет ее и как собирается с ней поступить, когда они придут на место, становилось все труднее.

Лунный свет лился на верхушки деревьев, превращая все вокруг в сюрреалистический сон. Мысли не задерживались в ее сознании. Шепот перешел в непрерывное бормотание, которое она не могла разобрать. Оно казалось ей очень важным, но Рейвен слишком устала, чтобы разбираться во всем этом. Неужели ее сознание распалось после выслеживания последнего серийного убийцы? Она не могла вспомнить, что с ней произошло. Прохладный ветер обдувал ее тело. Она замерзла, но это не имело значения. В небе плясали огни, все небо сверкало, словно в брильянтах. Под ними хрусталем сияло огромное озеро. Это было бы прекрасным зрелищем, если бы у Рейвен не раскалывалась голова.

— Я устала, — наконец сказала она, удивляясь, что еще может говорить.

Наверное. Если она и спала, то сейчас проснулась. Руки, на которых она лежала, напряглись.

— Я знаю. Скоро ты будешь дома.

Девушка не узнала голос, и что-то в ней противилось этой близости. Телу было неприятно чувствовать его рядом. Кто это? Ей казалось, она его не знает, хоть он и держал ее так, словно имел на нее все права. Что-то ускользало от ее сознания, что-то она пыталась, но не могла уловить. Каждый раз, когда ей казалось, что мозаика начинает складываться в общую картину, голову пронзала острая боль и она переставала что-либо соображать.

Неожиданно она обнаружила, что они идут под звездами, а над ними тихо колышутся деревья; его рука обнимала ее за талию. Это смутило Рейвен. Разве они все это время шли? Никто не может летать, это абсурд. Ей вдруг стало страшно. Неужели она сошла с ума? Она бросила взгляд на человека, шагающего рядом. Он был щедро одарен физической красотой, его бледное лицо было чувственно прекрасным. Но когда он улыбался ей, глаза оставались пустыми и холодными, а зубы угрожающе блестели, отчего страх пронзил ее сердце. Кто он? Почему она с ним?

Рейвен задрожала и попыталась отодвинуться от мужчины едва уловимым движением. Но она была очень слаба и без его поддержки наверняка бы упала.

— Ты замерзла, моя дорогая. Мы скоро будем дома. От его голоса волна ужаса прошла по ее телу, все внутри перевернулось. Злорадное торжество слышалось в его голосе. Хотя с виду он казался заботливым, у Рейвен было ощущение, словно гигантская змея обернулась вокруг нее, обдавая холодом, гипнотизируя. Ее сознание куда-то потянулось, изо всех сил стараясь выйти на связь.

Ты придешь, Михаил?

Ее охватила агония, она закричала и упала на колени, сжимая руками голову, боясь двинуться, боясь подумать.

Холодные руки подхватили ее и поставили на ноги.

— Что случилось, Рейвен? Давай, расскажи мне, может быть, я сумею тебе помочь.

Она ненавидела его голос. От его звука побежали мурашки. В нем были власть и порочность, затаенное веселье, словно он точно знал, что с ней происходит, и наслаждался ее страданиями, ее незнанием. Но как бы ей ни были противны его прикосновения, она не могла удержаться на ногах и была вынуждена прислониться к его сильному телу.

— Тебе необходимо питание, — небрежно заметил он, но она почувствовала тщательно скрываемое волнение в этих словах.

Рейвен прижала руку к животу.

— Мне плохо.

— Это потому, что ты голодна. У меня приготовлен для тебя сюрприз, моя дорогая. Банкет в твою честь. Гости ждут не дождутся нашего возвращения.

Рейвен остановилась и заглянула в его холодные глаза, в которых была издевка.

— С тобой я не хочу никуда идти.

Его глаза сузились, стали жестокими. Губы изобразили улыбку, блеснули клыки. Она увидела оголенные корни его зубов, удлинившиеся резцы. Он оказался не таким красивым, как ей показалось вначале, а довольно мерзкого вида.

— Рейвен, тебе больше некуда идти.

И вновь в его голосе она услышала издевку и притворную заботливость.

Рейвен вырвала руку, ее ноги подогнулись, и она резко села на землю.

— Ты не...

Имя ускользало, взрываясь головной болью. Кровавые капли выступили у нее на лбу и потекли по лицу.

Вампир неторопливо склонил голову и прошелся шероховатым языком по ее щеке — слизывая кровавый след.

— Ты больна, моя дорогая. Ты должна доверять мне, потому что я лучше знаю, что тебе нужно.

Рейвен заставила себя сохранять спокойствие и отодвинула тонкую паутину, сковывавшую ее сознание. Она обладала редким даром. И была умна. А с этим трудно поспорить. Она не сомневалась, что ей угрожает серьезная опасность, но не представляла, как оказалась здесь с ним. Ей надо было подумать. Рейвен подняла лицо к луне, и на ее длинных иссиня-черных волосах заиграли синие блики.

— Я в смятении, я не могу вспомнить даже твое имя.

Она заставила себя выглядеть виновато, чтобы усыпить его бдительность, если он в состоянии читать ее мысли. Она боялась, что это вполне возможно.

— Что со мной случилось? У меня ужасно болит голова.

Он предложил ей руку, его манеры вдруг стали гораздо благороднее, а сам он — намного снисходительнее, и она оперлась на него.

— Ты повредила голову.

Он поднял ее, обхватив за тонкую талию. На этот раз Рейвен заставила себя без содрогания принять его прикосновение.

— Мне очень жаль. Я в таком смятении, что чувствую себя глупо и боюсь чего-то, — призналась она.

Ее синие глаза стали огромными, а сознание — невинным и чистым.

— Я Андре, твой истинный Спутник жизни. Другой выкрал тебя у меня, и когда я спасал тебя, ты упала и ударилась головой.

Его голос звучал вполне музыкально и гипнотически.

Истинный Спутник жизни. Михаил.

На этот раз, когда ударила боль, она ее приняла, позволила ей омыть себя. От этого

перехватило дыхание, и боль, словно тысячи иголок, пронзила череп. Но Рейвен постаралась сделать так, чтобы ни один намек на агонию не отразился на ее лице или в ее сознании. Собрала всю свою силу воли, она сконцентрировала свое сознание.

Михаил? Где ты? Ты настоящий? Я боюсь.

Этот путь был таким родным, и она пользовалась им с такой легкостью, словно делала это всегда.

Малышка.

Ответ был слабым и далеким, но таким реальным, единственным, за что можно было уцепиться в этом мире безумия.

Кто со мной? Что произошло?

Она заставила себя облокотиться на поддерживавшего ее мужчину, сохраняя в сознании видимость замешательства. Ее поразило то, что ее сознание способно работать на нескольких уровнях одновременно.

Андре — вампир. Он забрал тебя у меня, но я приду за тобой.

Что-то было не так. Причина где-то рядом, стоит только дотянуться. Рейвен верила этому далекому голосу, чувствовала тепло и любовь в обнимающих ее руках. Она знала это ощущение, этот голос. Но он был немного не такой.

Ты ранен? Как?

В своем сознании Михаил воспроизвел все последние события. Рейвен резко вздохнула, ощущение было таким, словно кто-то ударил ее в живот.

Михаил...

Грегори становится настоящим занудой. Я бы не рискнул умереть.

Воспоминания были расплывчатые, и она испугалась. Рейвен постаралась разделить свои мысли. И поскольку вампир дотрагивался до ее сознания поверхностно, читая лишь те мысли, которые она позволяла ему читать, Рейвен предстала перед ним дрожащей и смущенной — какой, по его мнению, она и должна быть.

Раны Михаила, как она поняла, были ужасны. Он в пещере, окруженный карпатцами. Грегори занимался его повреждениями, и Рейвен не сомневалась, что он поместит Михаила в землю и она останется без последней опоры. Она подняла голову. Может, наркотики на мгновение и затуманили ее рассудок, но она сможет сделать то, что должна.

С Андре я справлюсь. Не беспокойся обо мне.

Она постаралась вложить в эти слова побольше уверенности.

И она подавила облегчение. Воспоминания, все еще немного осколочные, вернулись к ней после успокаивающего прикосновения Михаила. Михаил или Грегори, а может быть, и оба придут за ней независимо от того, что произойдет. Михаил закроет свои раны и поползет, если только так сможет до нее добраться.

— Что-то ты притихла? — испугал ее вопросом Андре.

— Пытаюсь что-нибудь вспомнить, но только сильнее болит голова.

Они были на плато.

Спустя несколько минут Рейвен смогла разглядеть небольшой каменный дом, пристроенный к скале. Он мерцал в свете луны, как мираж. Рейвен часто моргала, запоминая каждую деталь и передавая Михаилу. Главное, не дать вампиру догадаться, что она думает о Михаиле. Это Андре наказывал ее болью, когда узнавал о ее мыслях. Если вначале, сбита с толку наркотиками, она какое-то время находилась под его влиянием, то теперь ей было просто плохо, кружилась голова. И было очень, очень страшно.

— Это наш дом? — спросила она, тяжело опираясь на него.

— Мы пробудем здесь достаточно, чтобы пообедать, моя дорогая.

Она снова почувствовала в его голосе отвратительное злорадство.

— Задерживаться дольше небезопасно. Нас могут выследить. Тебе необходимо питание, чтобы стать достаточно сильной для дальнейшего пути.

Она нарочито доверчиво взяла вампира за руку.

— Я попытаюсь, Андре, мне и правда очень плохо.

Рейвен сделала шаг к порогу, когда ощутила инстинктивный протест Михаила. Она неуклюже споткнулась и упала рядом с дверью. Проклиная все на свете, Андре попытался поднять ее на ноги и втолкнуть в дом, но Рейвен, казалось, не в состоянии была передвигаться. Тогда вампир взял ее на руки и внес за порог.

В каменном доме была большая комната с нишей в дальнем углу, откуда лестница вела наверх, в спальню. Комната оказалась холодной и сырой. В трещинах росла плесень. Тут был стол и длинная церковная скамья. Взмахом руки Андре зажег несколько свечей. Сердце Рейвен почти остановилось, а потом забилось с удвоенной силой. К стене были прикованы мужчина и женщина, их глаза расширились от ужаса. Оба были грязные, в рваной одежде. На прорехах в платье женщины и рубашки мужчины виднелась кровь. Они были все в синяках, а у мужчины пониже правой щеки она разглядела следы от ожогов.

Вампир улыбнулся своим жертвам с издевкой.

— Обед, моя дорогая. Только для тебя.

И он осторожно усадил Рейвен на скамью, словно она была сделана из фарфора. Медленной, грациозной походкой Андре прошелся по каменному полу, его красные бездушные глаза остановились на женщине. Некоторое время он наслаждался ее ужасом, смеясь над бессильной яростью ее мужа. Когда он схватил женщину, освободив от цепи, мужчина стал биться и выкрикивать угрозы, проклиная Рейвен. Андре потащил женщину к ней, заставил опуститься на колени и крепко держал, одной рукой схватив за волосы и открыв горло.

Он дотронулся до ее пульса.

— Питайся, моя дорогая. Почувствуй, как теплая кровь вливается в твои вены, делает тебя

сильнее. Когда ты заберешь ее жизнь, почувствуешь такое могущество, какого еще никогда не знала. Это мой подарок тебе. Безграничная власть.

Женщина рыдала и стонала от ужаса. Ее муж умолял, ругался, пытаясь разорвать сковавшие его цепи. Рейвен медленно выпрямилась, дрожащей рукой отбрасывая назад копну волос. Андре мог соблазнить свои жертвы, привести в состояние транса, так что они с радостью встретили бы смерть, но он испытывал восторг, наблюдая, как люди испытывают ужас. Наполненная адреналином кровь его одурманивала. Рейвен поняла, что все замерли в ожидании ее реакции. Она чувствовала в своем сознании присутствие Михаила, неподвижного и безмолвного. Он пребывал в неистовстве, оттого что его нет рядом, чтобы защитить ее, избавить от принятия столь жуткого решения.

Она подняла на Андре свои сине-фиолетовые глаза, словно едва сдерживая слезы. Ее ладонь скользнула по руке женщины, будто она хотела ее успокоить.

— Ты сомневаешься во мне. Почему? Что я такого сделала? Я, честное слово, не помню. Я бы никогда не смогла это сделать — отнять жизнь таким способом, так же как и ты. Почему ты проверяешь меня именно так? Разве я совершила преступление, о котором не помню? Почему ты так жесток со мной?

Лицо Андре потемнело, красные глаза снова стали темно-карими.

— Не надо так расстраиваться.

— Скажи мне, Андре. Я не выдержу неизвестности. Кто-то заставил меня сделать что-то, чего ты не можешь мне простить?

Она опустила голову, словно ей было стыдно. Ее голос стал еще тише.

— Забери мою жизнь, Андре. Излей свой гнев на меня, а не на эту бедную женщину. Я уйду, если ты не захочешь больше связывать свою жизнь с моей, хотя я не знаю, куда мне податься.

Рейвен посмотрела ему прямо в глаза, чтобы он понял, что она говорит серьезно.

— Забери мою жизнь, Андре.

— Нет, Рейвен.

— Тогда ответь: зачем эта проверка? Потому что я не совсем такая, как ты, потому что я не могу уйти под землю или видоизмениться? Ты стыдишься меня и хочешь наказать.

— Конечно нет.

Рейвен обняла женщину.

— Я не уверена, но помнится, ты заявлял, что нанял надежных слуг. Эта женщина — одна из тех, о ком ты говорил?

Вдруг ее лицо омрачилось.

— Она твоя любовница?

Это прозвучало почти истерично, но ее ладонь по-прежнему нежно поглаживала руку женщины.

— Нет! Нет! — запротестовала та, но в ее глазах появились растерянность и огонек надежды.
— Я ему не любовница. Вот мой муж. Мы не сделали ничего плохого.

Андре явно попал в трудное положение. Он захватил Рейвен в отчаянной попытке спасти себя. Если он заставит ее убить, она станет такой же темной и потерянной, как он сам. Что-то внутри у него перевернулось, когда он взглянул в ее невинные глаза.

— Женщина говорит правду, Рейвен. Она для меня никто. Служанка, если тебе угодно.

Его голос звучал потерянно, если не смущенно. Рейвен потянулась к его руке. Его сознание было по-настоящему дьявольским, гнилым и испорченным. Тем не менее, Рейвен жалела его. Когда-то он был хорошим, ничем не отличался от Михаила или Жака, но темнота одинокого существования заставила его свернуть с дороги. Андре отчаянно хотел чувствовать, обрести способность противостоять утреннему солнцу, наблюдать закат. Хотел смотреть в зеркало и не видеть оголенных десен и того отпечатка, который наложило на него его развратное существование. Но это было невозможно. Ни один истинный вампир не мог смотреть на себя в зеркало и не испытывать при этом чудовищной боли. Рейвен была его единственной надеждой, и он вцепился в нее. Он хотел чуда. Но так как она была человеком, он понятия не имел, что она может делать, а что нет.

— Прости меня, Андре, если я сделала что-то, что заставило тебя сомневаться во мне, — прошептала она.

Ей было так жаль его, что хотелось плакать.

Она бы не смогла спасти его, даже если б не принадлежала Михаилу. Никто не смог бы. Он был слишком испорчен сознанием собственной власти, слишком зависим от адреналина, который привык чувствовать, совершая убийства, вселяющие ужас. Она ненавидела себя за то, что обманывала его, но ее жизнь и жизнь человеческой пары висели на волоске. Он погладил ее шелковистые волосы.

— Я не злюсь на тебя, моя дорогая, но ты слаба и нуждаешься в питании.

Женщина застыла, ее лицо превратилось в маску ужаса. Она стояла молча, ожидая ответа Рейвен. Та выглядела смущенной.

— Но я не могу питаться.

Преднамеренно она позволила имени Михаила замерцать в своем сознании, а из-за нахлынувшей адской боли обхватила голову руками.

— Не понимаю, почему я не могу думать. Мне кажется, что те — другие — что-то сделали, чтобы я испытывала эти муки.

Андре поднял женщину, схватив ее за волосы.

— Я вернусь через несколько минут. Позаботься о том, чтобы Рейвен не пострадала. — Его глаза были пустыми и холодными. — И не пытайтесь покинуть это место. Я все равно узнаю, где вы.

— Андре, постой, — шепнула Рейвен, цепляясь за него вопреки своей воле.

Он отшатнулся от нее и бросился вон — прочь от света, назад в мир смерти и безумия, который

был ему так знаком.

Женщина вцепилась в Рейвен.

— Пожалуйста, отпустите нас. Он дьявол, он убьет нас, сделает своими рабами и будет забавляться, пока наш страх ему не надоест.

Рейвен заставила себя подняться, отчаянно борясь с головокружением.

— Он все узнает. Увидит в темноте, учует, услышит каждый удар ваших сердец.

В комнате было холодно, пахло плесенью, и все это действовало угнетающе. Воздух был застоявшийся, в нем чувствовался запах смерти. Благодаря своей чувствительности Рейвен могла услышать крики его бесконечных жертв, которых приносили сюда и приковывали цепями к стенам. Она была напугана, как и человеческая женщина.

— Кто вы такие?

— Моник Чанселе. Это мой муж, Александр. Почему вы помогаете мне?

— Огради свои мысли, Моник. Он может слышать их.

— Он мерзкий носферату [11]. Вампир. — Это было утверждение, а не вопрос. — Нам надо убираться отсюда.

Рейвен едва стояла на ногах. Пошатываясь и держась то за спинку стула, то за край стола, она подошла к двери. Посмотрела на звезды, неторопливо окинула взглядом окружающий ландшафт, запоминая каждую скалу, возвышавшуюся за домом. Изучила и сам дом, окна, двери, материал стен, уделив особое внимание большому открытому пространству перед домом.

— Пожалуйста, пожалуйста, — вцепилась в нее женщина. — Помогите нам.

Рейвен пыталась сосредоточиться.

— Я и хочу помочь. Успокойтесь и постарайтесь не попадаться ему на глаза. По возможности привлекайте к себе как можно меньше внимания.

Она закрыла дверь. Теперь Михаил и Грегори будут иметь максимально точную информацию, какую она им передала.

— Кто вы? — подозрительно спросил Александр.

Он так сильно натягивал цепи, что все запястья у него были изранены.

Рейвен потеряла ноющие виски, ее затошнило.

— Плохая идея показывать ему открытые раны.

Она чувствовала запах крови, а ее тело так ослабело, что ей немедленно нужно было питание. Не обращая внимания на тихо рыдающую в углу женщину, Рейвен приблизилась к мужчине, чтобы посмотреть, удастся ли ей облегчить его страдания. Но когда она наклонилась, чтобы осмотреть запястье, другой рукой он схватил ее за волосы, дернув так сильно, что на глазах у

нее выступили слезы. Он притянул ее к себе и обеими руками сдавил ей горло.

— Александр, остановись, что ты делаешь? — закричала Моник.

— Моник, найди ключи от наручников, — приказал Александр и сильными пальцами так нажал на горло Рейвен, что комната закружилась у нее перед глазами.

Рейвен чувствовала его страх, отчаянную попытку спасти жену и себя. Он боялся, что она тоже вампир и жестоко играет с ними ради какого-нибудь извращенного удовольствия. Рейвен не могла винить его за это, но он вот-вот мог лишиться ее жизни.

Рейвен!

Крик раздался совсем рядом, ее обдала волна ярости.

Кто-то оторвал руки Александра от ее горла, затрещали сломанные кости. Отброшенный невидимой силой, человек врезался в стену, его ноги беспомощно болтались футах в четырех от пола. Моник закричала, когда ее муж сдавленно захрипел. Он задыхался, глаза вылезли из орбит.

Отпусти его, Михаил! О господи, пожалуйста. Я не хочу отвечать еще за одну смерть. Я просто не смогу.

Рейвен опустилась на пол, подтянула колени и уткнулась в них, покачиваясь.

— Пожалуйста, — прошептала она вслух. — Отпусти его.

Михаил боролся с собственной смертельной яростью, чтобы освободить человека от своего ментального нападения. Он с шумом несся по воздуху — идти по следу Рейвен было легко. Он едва осознавал, что слева, не отставая от него, мчался Грегори, что Эйдан и Байрон двигались чуть позади, а за ними, стараясь не отстать, — Эрик, Тьенн и еще несколько карпатцев. Но это не имело значения. Он столетиями охотился на вампиров и всегда чувствовал неотчетливый протест, может быть, даже жалость. Теперь этого не было.

Михаил наконец подавил в себе ярость, загнал ее глубоко внутрь, и она теперь бурлила в нем, подобно вулканической лаве, рвущейся наружу, чтобы взорваться огнедышащим вулканом. Если он позволит ей просочиться на свободу, об этом узнают земля, ветер и все звери в горах. Это станет предупреждением вампиру. Он не чувствовал боли и получил хорошее питание — Грегори проследил за этим лично. Комбинация их древней крови была могущественнее любой другой. Кровавое пятно просачивалось сквозь белые перья совы, в облике которой он перемещался. Инстинктивно Михаил развернулся и полетел по ветру, чтобы даже легчайший ветерок не донес до вампира его запах.

В ночи раздался крик, полный ужаса, и дьявольский, злорадный, торжествующий смех. Каждый карпатец почувствовал вибрацию жестокости, дисбаланс силы, круговорот жизни и смерти. Рейвен, наделенная психической чувствительностью, неожиданно для себя поняла, что ее сознание потянулось туда, где творилось насилие.

Отступи, Рейвен, приказал Михаил.

Она прижала ладони к вискам. Андре смеялся, слетая с ветки дерева на женщину, которая пыталась уползти. Тело поменьше лежало у подножия дерева, бледное и безжизненное, — там, где он его бросил. Женщина застонала, умоляя пощадить ее. Но вампир снова страшно

рассмеялся и отшвырнул ее, чтобы заставить ползти к нему и повиноваться.

— Андре! Нет, не надо! — крикнула Рейвен, появляясь в дверях.

Она выбежала в ночь, сделав круг в поисках направления. Но тут на нее накатила очередная волна слабости, и она упала как подкошенная и осталась неподвижно лежать на траве.

Моник последовала за ней, опускаясь рядом на колени.

— Что случилось? Я знаю, вы не та, за кого вас принял мой муж. Я знаю, что вы пытаетесь спасти нас.

По лицу Рейвен побежали слезы.

— Он убил ребенка, он издевается над матерью. Он убьет и ее тоже. Я не могу спасти ее.

Рейвен постаралась успокоиться, а женщина положила ее голову к себе на колени.

Моник прикоснулась к кровоподтекам на горле Рейвен.

— Прошу прощения за то, что Александр сделал с вами. Он обезумел от ярости и страха за нас. Вы очень рисковали. Этот монстр мог убить вас.

Рейвен устало закрыла глаза.

— Он все еще может это сделать. Нам вряд ли удастся сбежать от него.

Ночь вокруг дышала жестокостью. Где-то далеко в лесу закричал от ярости зверь, упустивший жертву. Ухнула сова, зарычал волк.

Рейвен вцепилась в руку Моник, с облегчением почувствовав, что может шевелить ногами.

— Пошли. Нам нужно вернуться внутрь. По возможности молчите и не показывайтесь ему на глаза. Вернувшись, он будет сильно возбужден и непредсказуем.

Моник помогла Рейвен встать на ноги и обхватила ее за тонкую талию.

— Что вы сделали с Александром, когда он причинил вам боль?

Рейвен неохотно зашагала назад к каменному дому.

— Я ему ничего не сделала.

Она дотронулась до синяков на шее. Александр сделал только хуже. Андре не сможет не заметить эти отметины на ней.

— Вы чувствуете вещи, о которых мы не имеем понятия, — смущенно предположила Моник.

— Это не слишком приятный дар. Вампир сегодня ночью совершил убийство. Лишил жизни женщину и ребенка. Я заставила его уйти и тем самым обменяла их на наши жизни.

— Нет! — не согласилась Моник. — Вы не имеете никакого отношения к тому, что он сделал, как и мой муж не виноват в том, что этот монстр сделал со мной. Александр считает, что должен был найти способ защитить меня. Он никогда себя не простит. Не уподобляйтесь ему,

Рейвен.

вернуться

11

Носферату — древний клан вампиров. Носферату становятся только совершенно безумные смертные. У носферату острые уши, чудовищное лицо, голый череп, они живут в катакомбах и в канализации. Никто, будь то смертный или вампир, оскорбивший носферату, не может уйти от возмездия.

Стоя на каменной ступеньке, Рейвен осмотрела купающуюся в лунном свете землю. Подул ветер, и мерцающий серебром свет зловеще потемнел. Моник сделала резкий вдох, вцепилась в Рейвен и попыталась затащить ее в относительную безопасность дома. Красное пятно на луне становилось все больше, закрывая ее. Ветер донес тихий стон, он усиливался, пока не перешел в вой. Это волк поднял морду к окрашенной в кровавый цвет луне и предупреждающе завыл. К нему присоединился второй. Даже горы зловеще загрохотали.

Моник развернулась и побежала к мужу.

— Помолись вместе со мной, помолись. Рейвен закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

— Не впадай в отчаяние, Моник. У нас есть шанс, если мы сможем задержать его.

Александр бросил на нее взгляд, защищающим жестом обняв жену. Его рука опухла и воспалилась.

— Не слушай ее, Моник. Она едва не задушила меня, а перед этим отбросила к стене с нечеловеческой силой. Она — нежить.

Рейвен раздраженно закатила глаза.

— Я начинаю жалеть, что не обладаю той властью, которой вы меня наделили. Я бы нашла способ заставить вас замолчать.

— Он боится за нас, — примирительно сказала Моник. — Разве мы не можем снять с него цепи?

— Он попытается напасть на Андре сразу, как только он вернется. — Рейвен поморщилась в сторону Александра, не скрывая, что зла на него. — А это только подтолкнет вампира к убийству.

Она задрожала, уставившись воспаленными глазами на Моник.

— Он приближается. Сохраняйте спокойствие, что бы ни произошло. Не привлекайте его внимания.

Снаружи завыл ветер и с жутким звуком затих вдалеке. Повисла неестественная тишина. Рейвен могла слышать биение собственного сердца. Но только она шагнула вперед, как дверь раскололась, разлетевшись в щепки. Свечи вспыхнули ярким пламенем, отбрасывая тени, причудливые и жуткие, и свет погас.

— Пойдем, Рейвен. Нам пора.

Андре щелкнул пальцами и протянул руку. Лицо вампира покраснело от только что выпитой крови. Глаза злобно светились, а рот изогнулся в жестокой усмешке.

Рейвен смотрела на Андре осуждающе.

— Почему ты пришел ко мне в таком виде? Скажи, что происходит.

Он начал двигаться с ужасающей скоростью, и лишь в последний момент Рейвен вспомнила, что тоже так может. Она ощутила на себе его горячее мерзкое дыхание, запах смерти, исходящий от него. Его острые как бритва когти вцепились ей в руку, когда она попробовала увернуться. Рейвен забилась в угол.

— Не пытайся добиться от меня уступчивости, когда и так все ясно. И ты пожалеешь о своем вызывающем поведении, — фыркнул он и отшвырнул церковную скамейку со своего пути так, что она ударилась о стену и разлетелась на куски в каких-то дюймах от человеческой пары.

Тихий стон ужаса вырвался из горла Моник, отчего вампир незамедлительно повернулся к ним, его глаза были красными и мерцали.

— Ты поползешь ко мне, как собака, какой ты и являешься.

Его тихий голос завораживал, глаза гипнотизировали.

Александр рванулся из цепей, чтобы остановить Моник, которая, повинувшись, опустилась на пол в чувственной и раблепной позе. Рейвен спокойно пересекла комнату и стала на колени рядом с Моник.

— Услышь меня, Моник. Не делай этого.

Сине-фиолетовые глаза смотрели в упор в глаза женщины. Красивый и чистый голос Рейвен околдовывал. На его фоне голос вампира казался мерзким и отвратительным. Смущение, замешательство и стыд проступили на лице Моник.

Вампир перешел к действиям. Преодолев расстояние до Рейвен одним прыжком, он схватил ее за волосы и рванул назад, лишая точки опоры.

Внезапно мир вокруг словно взорвался. Сама ночь, казалось, пребывала в ярости, ветер завывал и бил в стекла. Торнадо спустился с бурлящего неба и пробил крышу; крутящийся вихрь поднимал мебель и разбрасывал накопленные за долгие годы сокровища.

Моник завопила и прикинула к Александру, они сомкнули объятия. Голоса шипели, шептали, бормотали: сердясь, обвиняя, осуждая. Гора зловец загрохотала, отчего дальняя стена лопнула, осыпавшись камнями и известкой, словно от взрыва.

Михаил стоял в самом центре бури, его черные глаза были холодны, как сама смерть. При этом он выглядел вполне элегантно, несмотря на алое пятно, расплывающееся по шелковой рубашке. Его тело было расслабленным и неподвижным. Он поднял руку, и рев ветра стих. Михаил довольно долго рассматривал Андре.

— Отпусти ее, — произнес он наконец.

Голос был тихий, но вселяющий ужас в сердца тех, кто его слышал.

Пальцы Андре судорожно сжали шелковистые волосы Рейвен.

Ответная улыбка Михаила была жестокой.

— Ты желаешь, чтобы я добился твоей уступчивости? Чтобы ты мог приползти ко мне, умоляя о смерти, точно так же, как ты заставлял это делать своих жертв?

Пальцы Андре разжались, рука дернулась, как у марионетки. Он с ужасом уставился на Михаила, так как никогда еще не встречал такой силы, такого ментального мощного воздействия на карпатца.

Подойди ко мне, Рейвен.

Михаил не отрывал глаз от вампира, удерживая его в беспомощном состоянии одним сознанием. Его ярость была так велика, что он едва осознавал, что Грегори слился с ним своим сознанием, помогая.

Один за другим появлялись мужчины-карпатцы, их лица превратились в маску осуждения. Рейвен чувствовала, как страх овладевает человеческой парой, приближая их к грани безумия. Она, пошатываясь, подошла к ним и обняла Моник.

— Он спасет нас, — прошептала она.

— Он такой же, как остальные, — прохрипел Александр.

— Нет, он хороший. Он спасет нас.

Рейвен сказала это с абсолютной уверенностью. Неожиданно Михаил отпустил вампира. Андре огляделся, язвительно сжав губы.

— Неужели для охоты тебе нужна целая армия?

— Мы вынесем тебе приговор за все твои преступления, Андре. И если мне это не удастся, другой приведет его в исполнение.

Михаил ткнул пальцем в двух карпатцев и кивнул в сторону Рейвен. Его высокая фигура излучала власть.

— Ты не ребенок, Андре.

Бархатистый голос звучал ровно.

— Неужели ты надеешься победить того, кто сражался во многих битвах? Но я, так и быть, дам тебе шанс, которого ты так добивался.

Черные глаза Михаила сверкали ледяной яростью.

— Возмездие, Михаил? — с сарказмом спросил Андре. — Как это похоже на тебя.

Он бросился вперед, острые как бритва когти удлинились, с клыков закапала слюна.

Михаил растворился, и вампир обнаружил, что вылетел из дома и уже распрострет на земле, зловещая ночь сомкнулась над ним, а мужчины-карпатцы встали вокруг. Андре повернулся туда, куда смотрели все. Михаил стоял в нескольких футах от него, черная ярость светилась в

его немигающих глазах.

Эйдан подошел к Рейвен, блестящими, золотыми и пронзительными глазами оглядывая смертных, которые жалась у нее за спиной.

— Пойдем с нами, — резко приказал он, — Михаил хочет, чтобы мы обеспечили твою безопасность.

Рейвен не знала его, но уверенность и самообладание, как у него, были ей хорошо знакомы. И голос был такой же низкий и гипнотический.

— Вы видели, куда Андре положил ключ? — спросила она Моник, обходя карпатцев, сгрудившихся у нее на пути. — Нужно освободить Александра.

Вдруг глаза у Рейвен расширились, и она схватилась за бок, сдавленный крик застрял у нее в горле. Она тяжело опустилась на пол и изогнулась в агонии, темно-красное пятно появилось у нее на лбу, и кровь тонкими струйками потекла в глазницы. Моник бросилась на пол рядом с ней. Но Рейвен этого уже не увидела. Ее не было в стенах этого дома, она ничего не знала об Эйдане или Байроне и даже о Моник и Александре. Она была снаружи, где светила кроваво-красная луна, перед лицом демона, наделенного невероятной властью и силой. Перед демоном, чьи глаза горели красным огнем, чья улыбка была жестокой. Он безжалостен. Высокий, с грацией хищного зверя, уверенный в себе. И она знала, что он убьет ее. Какая-то животная красота была в том, как он двигался. Смерть и вечные муки горели в этих бездушных глазах. Он был непобедим. Он нанесет ей смертельную рану и ускользнет с немыслимой скоростью. В нем не было ни сострадания, ни сочувствия. Безжалостный, жестокий и беспощадный, глухой к угрызениям совести.

Увидь его таким, каков он есть, — убийцей, охотником и на людей и на карпатцев, шептал в ее сознании Андре. Узнай его монстром, каков он и есть. Перед тобой он предстает в образе человека, но при этом манипулирует твоим сознанием. А вот это — настоящий Михаил Дубрински. Он охотился на сотни из нас — его людей, возможно на тысячи, и убивал. Он убьет и нас и не почувствует ничего, кроме радости от осознания своей безграничной власти.

Сознание Андре полностью слилось с ее, так что она смотрела его глазами, чувствовала его ненависть и страх, его боль от ответного удара Михаила, когда Андре напал на него. Рейвен старалась вырваться из этой хватки, которой вампир держал ее сознание, но Андре понимал, что умрет, поэтому полный отчаянной решимости вцепился в нее. Она была его последней мезтью. С каждым полученным Андре ударом, с каждой обжигающей раной, которую Михаил нанесет ему, Рейвен будет ощущать ту же самую боль. По крайней мере, с помощью этой боли вампир все-таки сможет одержать победу.

Рейвен ясно видела его план, знала, что Михаил почувствовал первоначальную волну боли, охватившую ее. Она едва могла дышать, но хотела пощадить его и старалась отстраниться. Но Михаил был намного сильнее и не позволял ей ускользнуть от Андре. Она чувствовала его ледяную ярость, ни намека на милосердие, его желание вступить в бой и убить предателя. Она ощутила его нерешительность, когда он понял, что задумал вампир.

— Рейвен. Услышь меня. — Грегори. Спокойствие в эпицентре бури. Голос завораживал, успокаивал. — Уступи мне. А теперь ты будешь спать. Грегори не оставил ей выбора, но она добровольно, даже с признательностью поддалась этому гипнотическому голосу и немедленно заснула, устраняя последнюю угрозу для Михаила.

Долгий свистящий звук вырвался из легких Михаила. Он двигался с такой скоростью, что его почти не было видно. От его удара тело Андре отлетело назад. Треск, раздавшийся в сверхъестественной тишине, показался оглушительным. Андре с трудом поднялся, его мутные глаза дико вращались, отыскивая врага.

— Я победил.

Он сплюнул кровь и прижал дрожащую руку к груди.

— Она видела тебя таким, каков ты есть. То, что ты сделаешь сейчас, не сможет это изменить.

Он не отрывал пристального взгляда от Михаила, не мигая, не осмеливаясь даже на мгновение выпустить его из поля зрения. Просто поразительно, что карпатец оказался настолько быстрым. Что-то ужасное было в этих беспощадных глазах. Без Рейвен, по крайней мере бодрствующей, в этих глазах не было ни капли жалости или сочувствия.

Андре сделал осторожный шаг назад, сосредотачивая свое сознание и нацеливаясь. Огненный свет затрещал и зашипел, а затем ударил туда, где раньше стоял Михаил. Грохот был невероятный, удар сотряс землю. Электрический разряд зашипел и отступил, оставляя позади себя клок почерневшей и обезображенной земли. Андре закричал, когда что-то ударило его сзади по голове, — огромная открытая рана появилась на его горле, из нее фонтаном брызнула яркая отравленная кровь.

Следующий удар пробил Андре грудь, проломил кости и порвал мышцы, достигнув сердца. Черные безжалостные глаза смотрели в глаза Андре, когда Михаил вырывал сердце из его груди. Он с презрением бросил все еще пульсирующий комок плоти на землю рядом с безжизненным телом, убедившись, что вампир уже не сможет подняться. Он стоял над поверженным врагом, стараясь подчинить монстра внутри себя, справиться с диким всплеском радости, пьянящей волной власти, которая сотрясала его тело. Он не чувствовал прежних ран, только радовался ночи и своей победе.

Дикость в нем опасно росла, распространяясь подобно жидкому огню. Поднялся ветер и принес с собой запах.

Рейвен.

Кровь Михаила горячо бурлила, клыки ныли, а чувство голода все росло. Он ощутил людей, один из которых дотрагивался до его Спутницы жизни. Жажда крови потрясла его, и карпатцы сделали шаг назад, поскольку сила, с которой от него веяло властью, могла сравниться с нахлынувшей на него потребностью убивать. Ветер кружился вокруг Михаила в водовороте, но запах Рейвен оставался неуловимым и слабым. Рейвен. Его тело сжалось, пылая.

Рейвен.

Ветер шептал ее имя, и буря, клокотавшая в нем, стала стихать.

Сознание Михаила потянулось к свету, уходя из мира жестокости.

— Уничтожьте это, — коротко бросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Он собрал с неба энергию и очистил руки, удалил отравленную кровь со своего тела. И, набирая скорость, направился внутрь развалин, оставшихся от логова вампира, появляясь из воздуха и склоняясь над Моник, которая держала на руках безжизненное тело Рейвен,

покачивая его.

Глава 16

Рейвен приходила в себя медленно. Она лежала в постели, одежды на ней не было. Рядом был Михаил, его руки запутались в ее влажных волосах. Девушка узнала ощущение, которое ей дарил его пальцы, заплетающие ее волосы, его движения, спокойные и неторопливые, приносили успокоение, невзирая на ее затуманенную память. Она, по-видимому, была в старинном замке, продуваемом ветрами. Но в спальне было тепло, и Михаил наполнил ее умиротворяющим ароматом трав и мерцающими свечами. Он вымыл их обоих, поэтому их тела пахли только друг другом и травяным мылом.

Михаил ждал, заплетая ей косу, пока Рейвен пыталась сориентироваться в окружающей обстановке. Дотронувшись до ее сознания, он обнаружил, что она смущена и отчаянно цепляется за свое благоразумие. Она боялась его, но еще больше боялась довериться собственным суждениям.

Рейвен изучила каждый угол комнаты, каждый предмет, в то время как ее сердце бешено стучало в груди, гулом отдаваясь в ушах. Комната была прекрасно обставлена. В камине горел огонь, длинные конусовидные свечи испускали легкий аромат, который смешивался с запахом трав. На столике рядом с кроватью лежала выдавшая виды Библия. Рейвен ничего не узнавала, но в то же время все казалось ей таким знакомым.

Стеганое одеяло на кровати было толстое и теплое, мягкая ткань касалась ее кожи. Лишь сейчас Рейвен заметила, что полностью обнажена. И сразу почувствовала уязвимость и смущение. У нее было такое чувство, что она принадлежит этому месту. Руки Михаила выскользнули из ее волос и стали гладить шею, массировать ноющий затылок. Его прикосновение было таким родным, вызвало в ее теле волнующие ощущения.

— Как ты поступил с Моник и ее мужем?

Она сжала в горсти одеяло. Рейвен старалась не обращать внимания на его тепло, когда он придвинулся ближе, отчего их тела соприкоснулись, волоски на его груди зашевелили ее спину, а напряженный член плотно прижался к ее ягодицам. Ему было хорошо. Они с ней были частью одного целого.

Михаил поцеловал кровоподтек на ее горле, бархатистым языком прошелся там, где у нее бился пульс. Ее тело сжалось от предвкушения. Но сомнение в сознании осталось.

— Они дома, любят друг друга. Ничего не помнят об Андре и зверстве, которое он учинил над ними. Нас они считают своими близкими друзьями.

Он поцеловал еще один синяк. От легкого как перышко поцелуя в ее крови заплескало пламя. Его руки скользнули по ее тонкой талии, обхватили полную грудь. Он дотронулся до ее сознания, но Рейвен тут же ментально закрылась.

— Почему ты боишься меня, Рейвен? Ты видела меня в моем худшем виде — как убийцу, носителя справедливости для нашего народа.

Он потер большим пальцем ее сосок, отчего она ощутила внутри жидкое тепло.

— Ты веришь, что я дьявол? Прикоснись к моему сознанию, малышка. Я не могу ничего скрывать от тебя. Я никогда и не скрывал от тебя своей истинной природы. Когда-то ты

смотрела на меня с сочувствием и любовью. Принимая. Неужели все это забылось?

Рейвен закрыла глаза, от длинных ресниц на высокие скулы легли тени.

— Я не знаю, во что теперь верить.

— Поцелуй меня, Рейвен. Слейся со мной сознанием. Отдайся мне, чтобы мы стали единым целым. Ты верила мне прежде, поверь и теперь. Посмотри глазами любви, глазами прощения на то, что я вынужден делать, за чудовище во мне. Не смотри на меня глазами того, кто хотел уничтожить наш народ. Отдайся мне.

Его голос соблазнял, как черная магия. Его руки ласкали каждый дюйм ее бархатистой кожи. Он помнил каждый изгиб, каждую впадинку ее тела. Его тело пылало от желания, а голод все увеличивался. Очень нежно, чтобы не спугнуть, Михаил накрыл ее своим телом. Под его руками она была такой миниатюрной, такой хрупкой.

— Как получилось, что ты стал моей жизнью, Михаил? Я всегда была одна, уверенная в своей силе. Такое чувство, что ты захватил мою жизнь.

Он взял ее лицо в ладони.

— Рейвен, ты моя жизнь. Признаю, я лишил тебя всего, что ты знала, но тебе не предназначено прожить всю жизнь в одиночестве. Я знаю, что это такое, знаю, каким одиноким может быть существование. Они бы использовали тебя и погубили. Разве ты не чувствуешь, что ты — моя вторая половинка, а я — твоя?

Его губы коснулись ее глаз, скул, уголков рта.

— Поцелуй меня, Рейвен. Вспомни меня.

Длинные ресницы вспорхнули, и она всмотрелась в его голодные черные глаза своими синими, которые постепенно становились темно-фиолетовыми. По глазам она видела, как он ее желает.

— Если я начну целовать тебя, Михаил, то не смогу остановиться.

Его рот нашел ее горло, ложбинку между грудями, на мгновение задержался в районе сердца, покусывая чувствительную кожу, прежде чем вернуться к ее губам.

— Я — карпатец, мое существование проходит в мире тьмы. Это правда, что я почти ничего не чувствую, что моя сущность получает удовольствие от охоты, от убийства. Побороть нашу дикую натуру мы можем, лишь отыскав свою единственную пару, вторую половинку, свет в нашей тьме. Рейвен, ты — мой свет, моя жизнь. Но это не снимает с меня обязательств перед моими людьми. Я должен охотиться на тех, кто угрожает смертным, тех, кто угрожает нашим людям. В такие моменты я не имею права испытывать чувства, или моей судьбой станет безумие. Поцелуй меня, слейся со мной сознанием. Люби меня такого, какой я есть.

Тело Рейвен плавилось от желания. Голод. Его сердце билось сильно, кожа была горячей, а мускулы — такими твердыми. От каждого прикосновения его губ она вздрагивала, словно получала разряд электрического тока.

— Я не могу тебе лгать, — прошептал он. — Ты знаешь мои мысли, знаешь монстра, притаившегося внутри меня. Я постараюсь быть нежным с тобой, прислушиваться к тебе. Ты приручаешь меня каждый раз, когда чудовище вырывается на свободу. Рейвен, пожалуйста, я

нуждаюсь в тебе. А ты во мне. Твое тело ослабело — я чувствую твой голод. Твое сознание разбито на части — позволь мне исцелить тебя. Твое тело взывает к моему, как мое к твоему. Поцелуй меня, Рейвен. Не предавай нас.

Ее синие глаза, все еще всматриваясь в его лицо, замерли на его губах. Тихий вздох вырвался у нее. Его губы приблизились к ее губам в ожидании ответа.

И в глазах отразился первый миг узнавания. На нее нахлынула нежность, и она обхватила его голову.

— Я боюсь, что выдумала тебя, Михаил. Ты — как некая часть меня, настолько совершенная, что это не может быть правдой. Я не хочу, чтобы ты оказался сном, а кошмар — реальностью.

Она приблизила к себе его лицо и поцеловала. У обоих зашумело в ушах. Раскаленный жар охватил их тела, поглощая его, поглощая ее. Его сознание прикоснулось к ее сознанию, осторожно и робко. Не обнаружив сопротивления, он соединил их так, что его всепоглощающее желание стало ее желанием, его дикая необузданная страсть питала ее. Так, чтобы она поняла, что он — настоящий и никогда не оставит ее одну, не сможет оставить.

Он питался ее сладостью, исследуя каждый дюйм ее рта, разжигая огонь, который наконец вспыхнул и заревел. Он обхватил ее узкие бедра и переложил ее под собой так, чтобы коленом раздвинуть ее колени, чтобы ее рот, горячий и требовательный, скользил по твердым мускулам его груди. Языком он прошелся по ее пульсу, отчего его тело запульсировало.

Одной рукой Михаил взялся за ее толстую косу на затылке, прижимая к себе, а другой стал исследовать ее шелковистый треугольник. Она была горячей и влажной от желания. Он тихо пробормотал ее имя, упираясь в ее тепло. Язык Рейвен замирал в долгой томительной ласке. От ее легких покусываний сердце Михаила выпрыгивало из груди. Острая сладкая боль пронзила его, когда она нашла его пульс, и дикое удовольствие охватило его, когда он вошел в ее тугие бархатные ножны. Михаил едва не закричал от охватившего его экстаза, прижимая к себе ее голову и все глубже и глубже погружаясь в нее, а его могущественная кровь питала ее.

Михаил с трудом контролировал себя, обеими руками приподнимая ее бедра, чтобы трение становилось все жарче, приближая ее к самому краю. Ее внутренние мышцы сжались вокруг него, когда он нежно отстранил ее рот и погрузил зубы в мягкую возвышенность ее груди. Она задыхнулась и крепко прижала к себе его голову, в то время как он жадно питался, а его тело, твердое и требовательное, овладевало ею. Остатки его страха потерять ее из-за жестокости этой ночи пролились в ее тело. Жар нарастал, и страсть охватила их, пока тела не стали мокрыми от пота, пока Рейвен не вцепилась в него, а ее тело не превратилось в гибкий шелк, раскаленный добела, пока они не стали единым целым — телом, душой, сердцем и кровью. Его хриплый крик смешался с ее приглушенным горловым стоном, когда он вознес их в небеса.

— Я не могу потерять тебя, малышка. Ты — моя лучшая половина. Я люблю тебя так, что не могу выразить словами.

Михаил потерся о ее щеку и поцеловал влажные волосы.

В ответ она слизнула капельки пота, выступившие на его теле, и устало улыбнулась.

— Мне кажется, я всегда узнаю тебя, Михаил, и не имеет значения, насколько целостно мое сознание.

Он перекатился, чтобы не давить на нее всем телом.

— Так и должно быть, Рейвен. За последние несколько дней тебе здорово досталось, и это навсегда останется в моем сознании. Завтра ночью нам придется покинуть эти места. И хотя вампир мертв, но он оставил след, который может привести к гибели всех наших людей. Мы вынуждены уйти в отдаленные районы, где наш народ, может быть, сможет пережить преследования.

Он поднял ее руку, чтобы осмотреть длинные глубокие шрамы, оставленные Андре.

— Ты в этом так уверен?

Легкая горькая улыбка коснулась его рта, когда он взмахом руки затушил свечи.

— За свою жизнь я научился замечать признаки. Они придут, ассасины, и опасность угрожает и людям и карпатцам. Мы уйдем на четверть века, а возможно, на столетия, чтобы собраться с силами.

Он лизнул ужасные отметины, и прикосновение его языка исцеляло и успокаивало.

Она закрыла глаза. В комнате витал их смешанный запах, успокаивающий аромат.

— Я люблю тебя, Михаил, люблю тебя всего, и даже монстра внутри тебя. Не знаю, почему меня все это так смущало. Ты не дьявол, я это прекрасно знаю.

— Спи, малышка, твое место — в моих объятиях.

Михаил натянул на них одеяло, обнял Рейвен и погрузил их обоих в сон.

В темноте, на освященной земле старого кладбища, собралась небольшая группа людей. Жак выглядел бледным и усталым, его раны все еще нуждались в исцелении. Он стоял, покачиваясь, слегка опершись на плечо Рейвен. Она взглянула на него с подбадривающей улыбкой. Позади Жака, почти вплотную, стоял Байрон, чтобы подхватить друга, если он вдруг ослабеет. В стороне, склонив голову, в одиночестве стоял Эйдан, высокий и стройный.

Кладбище находилось на территории замка старинной и изысканной архитектуры. Часовня была маленькая, но очень красивая. Витражные окна и высокая колокольня отбрасывали тени на небольшой погост. Видневшиеся тут и там надгробные памятники с ангелами и крестами были единственными свидетелями того, как Михаил взмахом руки раскрыл землю.

Грегори, в знак уважения, создал деревянный гроб с затейливо вырезанными древними знаками, медленно опустил его в поджидающие руки земли и отступил назад.

Михаил перекрестился и отслужил панихиду, окропив гроб отца Хаммера святой водой.

— Он был моим другом, моей путеводной звездой, когда мне было трудно. Он верил в то, что наша раса должна существовать на земле. Я никогда не встречал мужчину — человека или карпатца, способного на такое сочувствие, с таким светом, какой был в нем. Господь сиял в его сердце и в его глазах.

Михаил взмахнул рукой, и земля закрылась, словно ее никогда и не беспокоили. Он склонил голову, ощутив неожиданную печаль, почувствовав, как кроваво-красные слезы потекли из глаз. Грегори установил надгробие, Грегори, не веривший в то, во что верил Михаил, прочел последнюю молитву. Остальные голоса, такие красивые и завораживающие, подхватили ее.

Михаил вдохнул ночной воздух и поделился своим горем с волками. В ответ раздалось жалобное завывание стаи, эхом пронесившееся через темный лес.

Тело Грегори изменилось первым — перья замерцали, переливаясь в лунном свете. Крылья, достигающие в длину шести футов, распахнулись, и он взлетел на верхнюю ветку ближайшего дерева, вонзив в нее острые как бритва когти. Сова замерла, сливаясь с ночью. Эйдан стал следующим, его новый облик был необычного золотистого оттенка. Байрон оказался чуть меньше, его перья отливали белизной. Михаил замерцал в тени последним, и, когда он взмыл в ночное небо, остальные трое последовали за ним.

В молчании они поднимались все выше, размахивая переливающимися крыльями и направляясь к облакам, высоко зависшим над лесом. Навстречу им порывисто дул ветер, свистя в их крыльях, ероша перья, изгоняя остатки безумия, выплеснутого в битве с вампиром.

Они кружили, четыре великолепные птицы, ритмично работая крыльями. Радость полета снимала страх и тяжесть с сердца Михаила, облегчала чувство вины. Мощные крылья с силой ударили по воздуху. Михаил не мог сдержать радость, щедро делаясь ею с Рейвен. Эта радость была приглашением разделить с ним еще одно удовольствие от карпатской жизни.

Подумай, любовь моя, и отчетливо представь себе тот образ, что я вложил в твою голову. Поверь мне, как никогда прежде. Позволь мне преподнести тебе этот дар.

Она не колебалась ни минуты. С абсолютной верой Рейвен отдала себя в руки Михаила, нетерпеливо потянувшись к нему. Странное ощущение, когда ее тело растворилось в воздухе, не испугало ее. Заблестели, вырастая, перья.

Стоявший рядом Жак отступил, позволяя маленькой сове взлететь на каменного ангела, прежде чем его тело, в свою очередь, сжалось, изменяясь. Они поднялись в ночь, взлетая высоко, чтобы присоединиться к четырем могущественным птицам, что кружились над ними.

Один из мужчин разорвал строй, спускаясь к женщине, подлетая ближе, чтобы прикрыть ее широким крылом. Но та игриво снижалась, выскальзывая из его объятий. Тогда остальные окружили ее со всех сторон, не давая шалить, и она стала наслаждаться свободным полетом. Мужчины сохраняли строй, и в центре его была женщина. Они кружили над лесом, поднимаясь все выше и теряясь в облаках. Какое-то время они то взлетали выше, то камнем падали вниз, замирая среди деревьев над плотным туманом.

И вот наконец они направились вдаль, и мужчины окружили женщину, оберегая. Михаил чувствовал, как ночь забирает остатки напряжения и развеивает на все четыре стороны. Он уводил Рейвен прочь от деревни, тем самым предоставляя ей возможность узнать жизнь карпатцев изнутри. Она была будущим их расы, его будущим. Она была его жизнью, его радостью, смыслом его существования, лучшим, что есть в этом мире. А уж он проследит, чтобы ее жизнь была наполнена счастьем.

Михаил опустился ниже, прикрывая ее крылатое тело своим и, дотронувшись до ее сознания, почувствовал трепещущую в нем радость. В ответ Рейвен наполнила его сознание любовью и теплом, чудесным детским смехом, который вызывали у нее новые звуки, новые запахи и открывавшиеся пространства. Она летела по небу, и ее смех эхом отзывался в сознаниях мужчин. Она была их надеждой на будущее.